

«Издательский дом «Юр-ВАК»,
Национальный исследовательский МГУ им. Н. П. Огарева»

ISSN 2223-0092 (print)
ISSN 2310-7065 (online)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том / Vol. 12. № 2. 2022

SOCIOPOLITICAL SCIENCES

Publishing house «Yur-VAK»,
Ogarev Mordovia State University

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научно-практический журнал

Том 12. № 2. 2022 г.

Концепция журнала

Научный рецензируемый журнал «Социально-политические науки» публикует материалы по актуальным вопросам социально-политической стабильности в обществе; политической социализации в современной России и в мире; формированию национально-государственной идентичности в России; истории социально-политических учений; правовой социализации; правам и свободам человека и гражданина и гарантиям их обеспечения.

Миссия журнала – содействие развитию гражданского демократического общества в России, системы социально-политических ценностей, свободы, прав человека, законности и сильного государства.

В соответствии с решением **Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 28.12.2018 г. журнал «Социально-политические науки» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. (<http://vak.ed.gov.ru/>). Журнал входит в Перечень ВАК с 01.12.2015 г.

Журнал публикует научные рецензируемые статьи по следующим научным специальностям:

- 5.5.0 – Политические науки
- 5.7.0 – Философские науки
- 5.4.0 – Социологические науки
- 12.00.00 – Юридические науки

Научное цитирование журнала: Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных в Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Рецензирование

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят двойное рецензирование, а также проверяются программой Антиплагиат по базам РИНЦ, РГБ. Подробные правила рецензирования представлены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» www.urvak.ru.

Главный редактор – *Ястребова Елена Владимировна*, канд. физ.-мат. наук, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Заместитель главного редактора – *Чистяков Владимир Всеволодович*, профессор, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Ответственный редактор – *Сушкова Юлия Николаевна*, докт. истор. наук, доцент; декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Компьютерная верстка номера – *Попова Н.А.*

Дизайн обложки – *Бородин П.А.*

Переводчик – *Кожалиева А.Е.*

Журнал выпускается при участии: Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Мордовского Государственного университета им. Н.П. Огарева, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Московского Государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Российского университета дружбы народов (РУДН), Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития российской Федерации.

Журнал рекомендован Финансовым университетом при правительстве РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-46782 от 30.09.2011

ISSN 2223-0092 (print)
2310-7065 (online)

Периодичность 6 раз в год

Учредитель и издатель «Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Типография ТИРАЖИ.RU г. Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 5, тел. (495) 585-08-95

Сайт <http://www.urvak.ru>

Адрес учредителя и издателя 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 23А/21

E-Mail urvak@urvak.ru

Телефон редакции 8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Подписка и распространение Журнал распространяется только по подписке. Индекс по каталогу агентства «Почта России»: **ПП613** «Социально-политические науки». Свободная цена

Тираж Агентство «Урал-Пресс», <http://www.ural-press.ru>
500 экз. (1 завод 140 экз.) Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 12

Подписано к печати 30.04.2022

SOCIOPOLITICAL SCIENCES

Peer-reviewed journal of research and practice

Vol. 12. No. 2. 2022

Journal concept

The peer-reviewed scientific journal "Sociopolitical Sciences" publishes materials on relevant issues of socio-political stability in society; political socialization in modern Russia and in the world; the formation of national-state identity in Russia; history of socio-political teachings; legal socialization; rights and freedoms of man and citizen and guarantees for their provision.

The mission of the journal is to promote the development of a civil democratic society in Russia, a system of socio-political values, freedom, human rights, the rule of law and a strong state.

In accordance with the decision of **the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia dated 12.28.2018, the journal "Sociopolitical Sciences" is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications** in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences should be published (<http://vak.ed.gov.ru/>).

The journal publishes peer-reviewed scientific articles on the following scientific specialties

- 5.5.0 – Political sciences
- 5.7.0 – Philosophic sciences
- 5.4.0 – Sociological sciences
- 12.00.00 – Juridical sciences

Scientific citation of the journal: Russian Science Citation Index (RSCI), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

The editorial policy of the "Yur-VAK" Publishing House is based on the principles formulated by the Association of Science Editors and Publishers (ASEP) Declaration "Ethical Principles of Scientific Publications".

Peer review

All articles published in the journal undergo double peer review, and are also checked by the Anti-Plagiarism program at the RSCI and RSL bases. Detailed review rules are presented on the website of the "Yur-VAK" Publishing House www.urvak.ru

Editor-in-chief – *Elena V. Yastrebova*, Cand. of Sci. (Phys.-Math.), "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Deputy Editor-in-Chief – *Vladimir Vs. Chistyakov*, professor, "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Executive Editor – *Julia N. Sushkova*, Dr. of Sci. (Hist.), associate professor; Dean of the Faculty of Law in Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Computer layout of the number – *Popova N.A.*

Translator – *Kozhalieva A.E.*

Cover Design – *Borodin P.A.*

The journal is published with the participation of: Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Ogarev Mordovia State University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), RUDN University, Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation.

Name of the authority that registered the publication The publication is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor). Media Registration Certificate: PI No. FS77-46782 dated 09.30.2011

ISSN 2223-0092 (print)
2310-7065 (online)

Publication Frequency 6 times a year

Founder "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

Printing House ТИРАЖИ.RU Moscow, Pravda str., 24, bld.5, phone: (495) 585-08-95

Web-site <http://www.urvak.ru>

Postal address 23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

E-Mail urvak@urvak.ru

Tel. 8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Subscription The magazine is distributed by subscription only.

Index according to the catalog of the "Russian Post" agency: **PP613**
"Sociopolitical sciences". Free price

Circulation 500 copies (1 plant 140 copies.) Format 60x84 1/8. Offset printing.
Offset paper No. 1 Pr. sh. 12

Signed for printing 30.04.2022

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДСОВЕТА ЖУРНАЛА «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Председатель редакционного совета журнала «Социально-политические науки»

Грязнова Алла Георгиевна – д-р экон. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; Президент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Сопредседатели редакционной коллегии журнала «Социально-политические науки»

Сушкова Юлия Николаевна – д-р ист. наук, доцент; заведующая кафедрой междоуниверситетского и европейского права, декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Чистяков Владимир Всеволодович – профессор; главный редактор Издательского дома «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Главный редактор раздела «Политические науки»

Шабров Олег Федорович – д-р полит. наук, профессор; Президент Академии политической науки; зав. каф. политологии и политического управления ФГУ РАНХиГС; профессор кафедры МГУ им. Ломоносова, г. Москва

Главный редактор раздела «Юридические науки»

Серебrenникова Анна Валерьевна – д-р юрид. наук, профессор, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор раздела «Философские науки»

Петрий Петр Владимирович – д-р филос. наук, профессор; зав. кафедрой философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционной коллегии журнала «Социально-политические науки»

РОССИЯ

Андреев Валерий Витальевич – д-р ист. наук, профессор; ректор Чебоксарского кооперативного института (филиал Российского университета кооперации), г. Чебоксары

Аринин Евгений Игоревич – д-р филос. наук, профессор; заведующий кафедрой философии и религиоведения, Владимирский государственный университет, г. Владимир

Бахлов Игорь Владимирович – д-р полит. наук, доцент; ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения; профессор кафедры государственного и административного права, руководитель Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем», г. Саранск

Буянова Марина Олеговна – д-р юрид. наук, профессор; профессор кафедры Трудового права и права социального обеспечения НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

Бельский Виталий Юрьевич – д-р филос. наук, профессор; начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Володина Нина Витальевна – д-р филос. наук, д-р юрид. наук; профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и информационно-правовых дисциплин Университет прокуратуры РФ, г. Москва

Гиззатулин Равиль Хасанович – д-р юрид. наук; профессор кафедры финансового и экологического права Башкирского государственного университета, г. Уфа

Гладилин Алексей Петрович – д-р филос. наук, профессор; профессор Академии управления МВД РФ, г. Москва

THE EDITORIAL BOARD AND THE EDITORIAL COUNCIL OF “SOCIOLOGICAL SCIENCES” JOURNAL

Chairman of the journal Editorial Council “Sociological Sciences”

Alla G. Gryaznova – Dr. Sci. (Econ.), Professor; Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Co-chairs of the Editorial Board of “Sociological Sciences” journal

Julia N. Sushkova – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor; Head of the Faculty of International and European Law, Dean of the Law Faculty of Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Vladimir V. Chistyakov – Professor; Editor-in-Chief of the “Yur-VAK” Publishing House, Moscow, Russian Federation

Editor-in-Chief of Political Science section

Oleg F. Shabrov – Dr. Sci. (Polit.), Professor; President of the Academy of Political Science; Head of the Department of Political Science and Political Administration of the FSI RANEP, Moscow

Editor-in-Chief of Jurisprudence section

Anna V. Serebrennikova – Dr. Sci. (Law); Professor of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Editor-in-Chief of Philosophical science section

Petr V. Petriy – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Members of the Editorial Board of “Sociological Sciences” journal:

RUSSIA

Valery V. Andreev – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Rector of the Cheboksary Cooperative Institute (branch of the Russian University of Cooperation), Cheboksary

Evgeny I. Arinin – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University, Vladimir

Igor V. Bakhlov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor; FSBEI HE “Ogarev National Research Mordovia State University”, Head of the Department of World History, Political Science and Regional Studies; Professor of the Department of State and Administrative Law, Head of the Scientific and Educational Center “Political Analysis of Territorial Systems”, Saransk

Marina O. Buyanova – Dr. Sci. (Law), Professor; Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Vitaliy Yu. Belsky – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Sociology and Political Science of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow

Nina V. Volodina – Dr. Sci. (Philos.), Dr. Sci. (Law); Professor of the Department of Humanitarian, Social, Economic and Information-Legal Disciplines, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow

Ravil Kh. Gizzatulin – Dr. Sci. (Law); Professor of the Department of Financial and Environmental Law, Bashkir State University, Ufa

Alexey P. Gladilin – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Головнев Андрей Владимирович (ORCID) – член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор; главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнологии исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Грачёв Михаил Николаевич – д-р полит. наук, профессор, действительный член Академии политических наук; профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Доленко Дмитрий Владимирович – д-р полит. наук, профессор; зав. кафедрой регионоведения и политологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Ермаков Дмитрий Николаевич, д-р полит. наук, д-р экон. наук, канд. истор. наук, профессор; профессор кафедры «Финансовые рынки» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Жаворонкова Наталья Григорьевна – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА им. О.Е. Куцакина, г. Москва

Женетль Светлана Закушова – д-р юрид. наук, профессор; Российский государственный университет правосудия, кафедра гражданского и административного судопроизводства, г. Москва

Залысин Игорь Юрьевич – д-р полит. наук, профессор; зав. каф. политологии РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва

Забяко Андрей Павлович – д-р филос. наук, профессор; заведующий кафедрой религиоведения и истории факультета международных отношений, Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Ильичева Людмила Ефимовна (гл. редактор раздела «Государственное управление; Политические институты и технологии») – д-р полит. наук, канд. филос. наук, профессор; профессор кафедры управления проектами и программами; директор Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Исмуков Николай Аверкиевич – д-р филос. наук, профессор; профессор кафедры философии, истории и педагогики Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, Чебоксары

Калинина Галина Викторовна – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки Чуваш. Респ.; декан торгово-технологического факультета Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Чебоксары

Калинкина Любовь Даниловна – канд. юрид. наук, доцент; зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Каменева Татьяна Николаевна – д-р социол. наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета социологии и философии Курского государственного университета; руководитель Центра общественного здоровья и медицинской профилактики, г. Курск

Кафтан Виталий Викторович – д-р филос. наук, профессор; заместитель руководителя по научной работе департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Кибакин Михаил Викторович – д-р социол. наук, профессор; профессор департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна – д-р соц. наук, канд. экон. наук; зав. сектором эволюции социально-экономических систем ФГБУН Института экономики РАН, г. Москва

Ковлер Анатолий Иванович – д-р юрид. наук, профессор; зав. центром зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва

Andrey V. Golovnev (ORCID) – Corr. Member, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Hist.); Chief Researcher of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Archeology and Ethnology of the Faculty of History, Ural Federal University, Yekaterinburg

Mikhail N. Grachev – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Full Member of the Academy of Political Sciences; Professor at the Department of Political Science of the Russian State University for the Humanities, Moscow

Dmitry V. Dolenko – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Head of the Department of Regional Studies and Political Science, Ogarev Mordovia State University, Saransk

Dmitry N. Ermakov, Dr. Sci. (Polit.), Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Hist.), Professor; Professor at the Department Financial Markets of the Plekhanov Russian University of Economics

Natalya G. Zhavoronkova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Svetlana Z. Zhenetl – Dr. Sci. (Law), Professor; Russian State University of Justice, Department of Civil and Administrative Procedure, Moscow

Igor Yu. Zalyzin – Dr. Sci. (Polit.), Professor; Head of the Department of Political Science of RSAU-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Andrey P. Zabiako – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of Religious Studies and History of the Faculty of International Relations, Amur State University, Blagoveshchensk

Lyudmila E. Ilyicheva (Editor-in-Chief of Section “Public administration; Political Institutions and Technology”) – Dr. Sci. (Polit), Cand. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Department of Project and Program Management; Director of the Center for Public-Private Partnership of the Institute of Public Service and Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation

Nikolay A. Ismukov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the Department of Philosophy, History and Pedagogy, Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary

Galina V. Kalinina – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Honored Science Worker of the Chuvash Republic; Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Dean of the Faculty of Trade and Technology, Cheboksary

Lyubov D. Kalinkina – Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Head of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision of Ogarev Mordovia State University, Saransk

Tatyana N. Kameneva – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor; Professor at the Department of Sociology of the Faculty of Sociology and Philosophy, Kursk State University; Head of the Center for Public Health and medical prevention, Kursk

Vitaly V. Kaftan – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Deputy Head for the Scientific Work at the Department of Mass Communications and Media Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Mikhail V. Kibakin – Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Professor at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Svetlana G. Kirdina-Chandler – Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.); Head of the Sector of Evolution of Social and Economic Systems, Federal State Budgetary Institution, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

Anatoly I. Kovler – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Center for Foreign Legislation and Comparative Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

Ксенофонтов Владимир Николаевич – д-р филос. наук, профессор; профессор МГЮА им. О.Е. Кутафина, г. Москва

Курюкин Андрей Николаевич (научный редактор раздела «Политическая социология») – канд. полит. наук, профессор РАЕ; ст. науч. сотр. отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН, г. Москва

Латов Юрий Валерьевич – д-р социол. наук, профессор, канд. экон. наук; главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Лабин Дмитрий Константинович – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой публичного права, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, г. Москва

Лебедева Маргарита Леонидовна – канд. полит. наук, доцент; доцент кафедры политологии Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва

Летова Наталья Валерьевна – д-р юрид. наук, профессор; ведущий научный сотрудник секции гражданского права, арбитражного и гражданского процесса ИГП РАН, г. Москва

Лопашенко Наталия Александровна – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, директор Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции руководитель научной социальной сети Crimpravo.ru, г. Саратов

Мокшин Николай Федорович – д-р ист. наук, профессор; зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

Нефедов Борис Иванович – д-р юрид. наук, доцент; зам. зав. кафедрой международного права МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва

Носкова Антонина Вячеславовна – д-р социол. наук, профессор; профессор кафедры социологии Университета МГИМО Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Опенков Михаил Юрьевич – д-р филос. наук, профессор; профессор кафедры философии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Плаксий Сергей Иванович – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; ректор Национального института бизнеса, г. Москва

Попова Ирина Петровна – канд. социол. наук; ведущий научный сотрудник сектора социальной мобильности Института социологии РАН, г. Москва

Пихоя Рудольф Германович – д-р ист. наук, профессор; заведующий Историческим отделением ФГУ РАНХиГС, профессор, главный государственный архивист России, г. Москва

Разов Павел Викторович (главный редактор раздела «Экономическая социология») – д-р социол. наук, профессор, член-корр. Академии военных наук; профессор департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

Сильвестрова Тамара Яковлевна – д-р филос. наук, профессор; зав. кафедрой мировой экономики и налоговых систем Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Чебоксары

Скачкова Галина Семеновна – д-р юрид. наук, профессор; зав. сектором ИГП РАН, г. Москва

Талынёв Валерий Егорович – д-р социол. наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж

Тен Юлия Павловна – д-р филос. наук; профессор департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Vladimir N. Ksenofontov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of Kutafin Moscow State Law University, Moscow

Andrey N. Kuryukin (Scientific Editor of Section “Political Sociology”) – Cand. Sci. (Polit.) Professor of RANH; Senior Researcher of the Department of Analysis of Socio-Political Processes, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow

Yuri V. Latov – Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Cand. Sci. (Econ.); chief researcher at the Center for Integrated Social Research Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Dmitry K. Labin – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Public Law, Professor of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Margarita L. Lebedeva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Political Science of RSAU-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Natalya V. Letova – Dr. Sci. (Law), Professor; Leading Researcher of Civil Law, Arbitration and Civil Procedure Section in ISL RAS, Moscow

Natalia A. Lopashenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy, Director of the Saratov Center for the Study of the Problems of Organized Crime and Corruption, Head of the scientific social network Crimpravo.ru, Saratov

Nikolay F. Mokshin – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Head of the Department of Pre-revolutionary Russian History, Archeology and Ethnography of Ogareva Mordovia State University, Saransk

Boris I. Nefedov – Dr. Sci. (Law.), Associate Professor; Deputy Head of the Department of International Law, MSIR (U), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Antonina V. Noskova – Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Professor at the Department of Sociology of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

Mikhail Y. Openkov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor at the Department of Philosophy of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

Sergey I. Plaksey – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation; rector of the National Institute of Business, Moscow

Irina P. Popova – Cand. Sci. (Sociol.); leading researcher at the Social Mobility Sector of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Rudolf G. Pihoya – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Head of the Historical Department of the FSI RANEPА, Professor, Chief State Archivist of Russia, Moscow

Pavel V. Razov (Editor-in-Chief of section “Economic Sociology”) – Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Cor. Member of the Academy of Military Sciences; Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Tamara Ya. Silvestrova – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Head of the Department of the World Economy and Tax Systems of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Cheboksary

Galina S. Skachkova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Sector of ISL RAS, Moscow

Valery E. Talynev – Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Professor at the Department of Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh

Julia P. Ten – Dr. Sci. (Philos.); Professor at the Department of Management and Innovation of the Faculty of Higher School of Management, Financial University under the Government of the Russian Federation

Тулчинский Григорий Львович – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; профессор НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург

Умнова-Конюхова Ирина Антолевна – д-р юрид. наук, профессор; зав. отделом конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, г. Москва

Шульженко Юрий Леонидович – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ; зав. кафедрой Конституционного права ИГП РАН, г. Москва

Яблоков Игорь Николаевич – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; кафедра философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, академик Российской Академии Естественных Наук, г. Москва

Якушева Ирина Петровна – канд. полит. наук, доцент; кафедра правоведения Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А.Тимирязева, г. Москва

Зарубежные члены редколлегии журнала

ГЕРМАНИЯ

Зигмунт Ольга – PhD по праву, доцент; Университет Фехта, г. Фехта

ВЬЕТНАМ

Сао Нгос Анх – PhD, преподаватель, вице-декан факультета консультирования по вопросам безопасности и лидерства Академии народной безопасности, г. Ханой

ИРАК

Hunar Ameen Hasan – PhD, канд. юрид. наук; декан факультета государственного управления и рационального использования природных ресурсов, Университет Чармо, Sulaimani Kurdistan region

ИТАЛИЯ

Марино Иван – канд. юрид. наук; доцент Департамента Восточной Европы Государственного Университета Università degli studi di Napoli l'Orientale, член Союза журналистов России, корреспондент журнала «Представительная власть XXI век», руководитель Фонда Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa, координатор проекта «Школа российского конституционализма на Капри», эксперт Фонда конституционных реформ, г. Милан

КИТАЙ

Wang Zan – Ph.D., доцент; Юридический факультет Далянского морского университета, провинция Ляонин, г. Далянь, Китай

Yue Qiang – PhD; Шанхайский политико-юридический университет; Комиссия по юридическим услугам для ШОС (Китай); Восточно-китайский политико-юридический университет, старший преподаватель; заместитель начальника Центра обмена и сотрудничества; научный сотрудник пост-докторской станции, г. Шанхай

ЛИТВА

Edita Gruodyte – PhD, профессор; Заместитель декана по научным исследованиям Университета Витаутаса Магнуса, юридический факультет, г. Каунас

ПОЛЬША

Rafal Adamus – д-р юрид. наук, профессор; Опольский университет, руководитель факультета экономики и коммерческого права, г. Ополье

Jarosław Turfukowski – PhD; доцент Института гражданского права, юридический и административный факультет Варшавского университета, юридический и административный факультет Варшавского университета, г. Варшава

Jacek Zieliński – PhD (Полит), профессор, Университет Седльце естественных наук и гуманитарных наук, Седльце

Grigory L. Tulchinsky – Honored Science Worker the Russian Federation, Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor of the NRU Higher School of Economics (St. Petersburg), St. Petersburg

Irina A. Umnova-Konyukhova – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Constitutional Legal Studies of the Russian State University of Justice, Moscow

Yuri L. Shulzhenko – Dr. Sci. (Law); Head of the Department of Constitutional Law, ISL RAS, Lawyer of the Russian Federation, Moscow

Igor N. Yablokov – Dr. Sci. (Philos.), Professor; Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow

Irina P. Yakusheva – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor; the Department of jurisprudence of the Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow

Foreign members of the Editorial Board of the journal

GERMANY

Olga Zigmunt – PhD (Law), Associate Professor; University of Vechta, Vechta

VIETNAM

Cao Ngoc Anh – PhD (Law); Lecturer, Vice Dean of the Security and Leadership Advisory Department, People's Security Academy, Hanoi

IRAQ

Hunar Ameen Hasan – PhD (Law); Dean of the Faculty of Public Administration and Rational Use of Natural Resources, Charmo University, Sulaimani Kurdistan region

ITALY

Ivan Marino – PhD (Law), Associate Professor; Department of Eastern Europe, State University Università degli studi di Napoli l'Orientale, member of the Union of Journalists of Russia, Correspondent of the journal "Representative Power of the 21st Century", Head of the Foundation "Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa", coordinator project "School of Russian Constitutionalism on Capri", expert of the Fund for Constitutional Reforms, Milan

CHINA

Wang Zan – PhD (Law), Associate Professor; Faculty of Law, Dalian Maritime University, Liaoning Province, Dalian, China

Yue Qiang – PhD, Shanghai Political and Law University; SCO Legal Services Commission (China); East China Political and Law University, Senior Lecturer; Deputy Head of the Center for Exchange and Cooperation; Postdoctoral Research Fellow, Shanghai

LITHUANIA

Edita Gruodyte – PhD (Econ.), Professor; Deputy Dean for Research, Vytautas Magnus University, Faculty of Law, Kaunas

POLAND

Rafal Adamus – Dr.Sci (Law), Professor; University of Opole, Head of the Faculty of Economics and Commercial Law, Opole

Jarosław Turfukowski – PhD (Law), Associate Professor; Institute of Civil Law, Faculty of Law and Administration of the University of Warsaw, Law and Administrative Department of the University of Warsaw, Warsaw

Jacek Zieliński – PhD (Polit), Professor, University of Siedlce of Natural Sciences and Humanities, Siedlce

СЛОВЕНИЯ

Kraljić Suzana – PhD (Law), доцент; Мариборский университет, юридический факультет, г. Марибор

США

Louise Shelley – PhD, профессор; Университет Джорджа Мейсона, г. Арлингтон, Вирджиния

ФИНЛЯНДИЯ

Тойдыбекова-Мустонен Лидия Семеновна – доктор филологии; Университет г. Хельсинки

ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пророк Владимир – PhD, доцент; Университет Яна Амоса Коменского Прага (УЯК), Чешская республика, г. Прага

РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН

Алиев Айдын Джамиль оглы – д-р философии по праву (Ph.D), доцент; старший научный сотрудник отдела «Уголовное право и уголовный процесс» Института Права и Прав человека НАН Азербайджана, г. Баку

Гурбанов Рамин Афад оглы – д-р юрид. наук, профессор; Вице-президент, Европейская Комиссия по эффективности правосудия Совета Европы (СЕПЕJ), г. Баку

Касумов Алыш Мамиш оглы – д-р юрид. наук, профессор; зав. кафедрой Гражданского процесса, трудового и экологического права Бакинского Государственного Университета, г. Баку

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Макарова Тамара Ивановна – д-р юрид. наук; профессор юридического факультета Белорусского государственного Университета, г. Минск

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Жалыбин Сергей Михайлович – д-р юрид. наук, профессор; академик Международной академии информатизации, директор НИИ института экономики и права Костанайского социально-технического университета им. акад. З. Алдамжара, г. Костанай

РЕСПУБЛИКА КИРГИЗИЯ

Осмоналиев Кайрат Медербекович – д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Кыргызской Республики; внештатный профессор Шанхайского университета политических наук и права, адъюнкт-профессор Чженжанского университета (КНР), член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор факультета переподготовки и повышения квалификации кадров Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Член ЦИК КР, г. Бишкек

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН

Насурдинов Эмом Сайфидинович – канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета Таджикского национального университета, член Российской Академии Естествознания, г. Душанбе

Редакционный совет журнала:

Агафонов В.Б., Андриановская И.И., Бахлова О.В., Беликова К.М., Ботнев В.К., Бринчук М.М., Букалерова Л.А., Воронов А.Ф., Воронин Е.Р., Воскобитова Л.А., Выпханова Г.В., Горбунова О.Н., Джафаров А.М.о, Доленко Д.В., Ершова И.В., Журавлев Д.А., Зиядова Д.З., Кудрявцева Е.В., Лепешко Б.М., Мещерякова О.Н., Мокшина Е.Н., Морозова Е.Г., Павельева Т.Ю., Рассолов И.М., Северин В.А., Уздимаева Н.И, Хатунцев О.А., Шмалий О.В., Шашкова А.В.

SLOVENIA

Suzana Kraljić – PhD (Law), Associate Professor; University of Maribor, Faculty of Law, Maribor

USA

Louise Shelley – PhD (Law), Professor; George Mason University, Arlington, Virginia

FINLAND

Lidia S. Toydybekova-Mustonen – Doc. (Phil.); University of Helsinki, Helsinki

CZECH REPUBLIC

Vladimir Prorok – PhD (Phil), Associate Professor; Jan Amos Komenský University of Prague (UYAK), Prague

REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Aydin Jamil oglu Aliyev – Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Senior Researcher of the Criminal Law and Criminal Procedure Department of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku

Ramin Afad ogly Gurbanov – Dr. Sci. (Law), Professor; Vice-President, European Commission for the Efficiency of Justice of the Council of Europe (CEPEJ), Baku

Alysh Mamish ogly Kasumov – Dr. Sci. (Law), Professor; Head of the Department of Civil Process, Labor and Environmental Law, Baku State University, Baku

EPUBLIC OF BELARUS

Tamara I. Makarova – Dr. Sci. (Law); Professor of the Law Faculty, Belarusian State University, Minsk

RREPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Sergey M. Zhalybin – Dr. Sci. (Law), Professor; Academician of the International Academy of Informatization, Director of the Research Institute of the Institute of Economics and Law of Kostanai Social-Technical University named after academician Z. Aldamzhar, Kostanay

REPUBLIC OF KYRGYZSTAN

Kairat M. Osmonaliev – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic; non-tenured professor at Shanghai University of Political Science and Law, Adjunct professor at the University of Zhenzhen (PRC), corresponding member of the Russian Academy of Natural History, professor at the faculty of retraining and advanced training of personnel of Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the CEC of the Kyrgyz Republic, Bishkek

REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Emom S. Nasurdinov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Dean of the Law Faculty of the Tajik National University, Member of the Russian Academy of Natural History, Dushanbe

Journal Editorial Council:

Agafonov V.B., Andrianovskaya I.I., Bakhlova O.V., Belikova K.M., Botnev V.K., Brinchuk M.M., Bukaleroва L.A., Voronov A.F., Voronin E.R., Voskobitova L.A., Vyphkhanova G.V., Gorbunova O.N., Dzhafarov A.M., Dolenko D.V., Ershova I.V., Zhuravlev D.A., Ziyadova D.Z., Kudryavtseva E.V., Lepeshko B.M., Mescheryakova O.N., Mokshina E.N., Morozova E.G., Pavelieva T.Yu., Rassolov I.M., Severin V.A., Uzdimaeва N.I., Khatuntsev O.A., Shmaly O.V., Shashkova A.V.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- ИНФОРМАЦИЯ –
НОВОЕ ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ 15
Селин И.А., Фентисов Д.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- МЕХАНИЗМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 21
Ильичева Л.Е., д-р полит. наук, проф., Пирожков Н.С.
- ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В КАЗАХСТАНЕ 27
Окумбеков Р.С.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ЭПОХУ ПЕТРА I (ВЗГЛЯДЫ П.С. РОМАШКИНА) 33
Сушкова Ю.Н., д-р истор. наук, доцент

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРУШЕНИЮ ПРАВА ЗАЩИТЫ
НА УЧАСТИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ 40
Ильин Д.В., канд. юрид. наук, полковник полиции
- ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННЫХ МЕТОДОВ РЕПРОДУКЦИИ
В РОССИИ И КАЗАХСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 48
Довнар А.Н.
- ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
НАИМЕНОВАНИЙ БИОМЕДИЦИНСКИХ КЛЕТОЧНЫХ ПРОДУКТОВ 52
Давиденко А.О.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- ESG: ПРОГРЕСС В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ 60
Разов П.В., д-р социол. наук
- СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ АСПЕКТОВ
СИСТЕМЫ ESG-ПРИНЦИПОВ 67
Котов Д.А.

СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ И ЗАКОН КРИЗИСА ДОВЕРИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 72

Зеленков М.Ю., д-р полит. наук, доцент,
Тюриков А.Г., д-р социол. наук, проф., *Чжан Вэнь*

РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И КНР
В РАМКАХ ШОС В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ
«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» 79

Абулаити А. (Кыргызская Республика)

К СТРАТЕГИИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КИТАЙСКИЕ ВУЗЫ
В ТЕЧЕНИЕ 14-ГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА
(НА ПРИМЕРЕ ШАНХАЙСКОГО
ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА) 88

Оуян Мэйхэ, Чжо И, Сюн Инцзе (Китай)

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЭТИКИ В КИТАЕ 96

Чу Дефен (Китай)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1941 г.:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 106

Ермаков Д.Н., д-р экон. наук, д-р полит. наук, канд. истор. наук, проф.,
Попов Г.Г., канд. экон. наук, *Казенков О.Ю.*

КОНФЛИКТ В СИРИИ
В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКИХ ЦИФРОВЫХ ИЗДАНИЙ 119

Гурушкин П.Ю., канд. полит. наук, *Титовнина Е.И.*

МЯГКАЯ СИЛА КИТАЯ: КУЛЬТУРА И СПОРТ 127

Лю Сяо, Лю Чжаоу (Китай)

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» 134

Цюй Чан (Китай)

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПОСТРОЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В КОНТЕКСТЕ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ/ИНТЕГРАЦИИ
И РАЗЪЕДИНЕНИЯ/СВЯЗИ С СОВЕТСКИМИ СИМВОЛАМИ 149

Тен Ю.П., д-р филос. наук

УДИВЛЕНИЕ (ADMIRATIO) КАК КРИТЕРИЙ АУТОПОИЕЗИСА ИСКУССТВА
(НА ПРИМЕРЕ РАЗЛИЧИЙ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ) 157

Лютаева М.С., канд. филос. наук

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
СТРАТЕГИИ «ОПРАВДАНИЯ» 164

Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г., д-р филос. наук, проф.,
Мальцева А.В., канд. полит. наук

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЯ
ЦЕННОСТНОГО ЕДИНСТВА
ПРИ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ178

Горбачев С.С.

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ «СВОЕ-ЧУЖОЕ»
В ВОПРОСЕ «ОПРАВΟΣЛАВЛИВАНИЯ»
ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ184

Маркова Н.М., канд. филос. наук, доцент

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ», ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ,
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ АВТОРОВ190

CONTENTS

POLITICAL IDENTITY OF RUSSIA IN THE MODERN WORLD

- INFORMATION – A NEW WEAPON OF MASS DESTRUCTION 15
I.A. Selin, D.A. Fetisov

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- MECHANISMS OF ELECTRONIC DEMOCRACY
IN MODERN RUSSIA: CONDITIONS OF FORMATION
AND DEVELOPMENT TRENDS 21
L.E. Ilyicheva, Dr. Sci. (Polit.), Prof., N.S. Pirozhkov
- TRANSFORMATION OF THE POLITICAL REGIME IN KAZAKHSTAN 27
R.S. Okumbekov

RUSSIAN GOVERNMENT: PAGES OF HISTORY AND MODERNITY

- THE DEVELOPMENT
OF CRIMINAL LEGISLATION IN THE ERA OF PETER I
(VIEWS OF P.S. ROMASHKIN) 33
Yu.N. Sushkova, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.

HUMAN RIGHTS

- COUNTERING THE VIOLATION OF THE RIGHT
OF PROTECTION TO PARTICIPATE IN THE PROOF 40
D.V. Ilin, Cand. Sci. (Law), Police Colonel
- APPLICATION OF ARTIFICIAL METHODS OF REPRODUCTION
IN RUSSIA AND KAZAKHSTAN:
COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS
OF LEGISLATIVE REGULATION 48
A.N. Dovnar
- FEATURES OF LEGAL REGULATION
OF THE NAMES OF BIOMEDICAL CELL PRODUCTS 55
A.O. Davidenko

SOCIO-ECONOMIC RELATIONS

- ESG: RESEARCH PROGRESS AND FUTURE PROSPECTS 60
P.V. Razov, Dr. Sci. (Sociol.)

SOCIAL TENSION AS ONE OF THE KEY ASPECTS
OF THE ESG PRINCIPLES SYSTEM 67

D.A. Kotov

THE SYSTEM MODEL AND THE LAW OF THE CRISIS
OF TRUST IN CONDITIONS
OF TRANSFORMING ECONOMIC RELATIONS 72

M.Yu. Zelenkov, Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.,
A.G. Tyurikov, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., *Zhang Wen*

DEVELOPMENT OF RELATIONS
BETWEEN THE KYRGYZ REPUBLIC
AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA
WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION
OF THE CONTEXT OF "ONE BELT, ONE ROAD" INITIATIVE..... 79

A. Abulaiti (Kyrgyz Republic)

HOW TO IMPROVE THE ATTRACTIVENESS
OF CHINESE UNIVERSITIES TO INTERNATIONAL STUDENTS
DURING THE "14TH FIVE-YEAR PLAN" PERIOD
(TAKE SHANGHAI UNIVERSITY OF POLITICAL SCIENCE AND LAW
AS AN EXAMPLE) 88

Ouyang Meihe, Zhou Yi, Xiong Yingjie (China)

A DIACHRONIC STUDY OF THE CONSTRUCTION
OF CIVIC ETHICS IN CHINA. 96

Chu Defeng (China)

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

THE INFLUENCE OF THE UNITED STATES OF AMERICA
ON THE MILITARY-POLITICAL SITUATION
IN EAST ASIA IN THE SECOND HALF OF 1941:
HISTORICAL AND POLITICAL ANALYSIS 106

D.N. Ermakov, Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Polit.); Cand. Sci. (Hist.), Prof.,
G.G. Popov, Cand. Sci. (Econ.), *O.Yu. Kazenkov*

THE CONFLICT IN SYRIA IN THE CONTEXT
OF GERMAN DIGITAL PUBLICATIONS 119

P.Yu. Gurushkin, Cand. Sci. (Polit.), *E.I. Titovnina*

CHINA'S SOFT POWER: CULTURE AND SPORTS..... 127

Liu Xiao, Liu Zhaoyi

CONFUCIUS INSTITUTE IN ST PETERSBURG
AS A SOFT POWER TOOL IN THE CONTEXT
OF THE "ONE BELT, ONE ROAD" INITIATIVE 134

Qu Chang

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

CONSTRUCTION OF THE EURASIAN SYMBOLIC SYSTEM
IN THE CONTEXT OF DISINTEGRATION/INTEGRATION
AND DISCONNECTION/CONNECTION
WITH THE SOVIET SYMBOLS 149

Yu.P. Ten, Dr. Sci. (Philos.)

ADMIRATION (ADMIRATIO) AS A CRITERION FOR THE AUTOPOIESIS OF ART (ON THE EXAMPLE OF THE DISTINCTIONS OF ANCIENT THINKERS)	157
<i>M.S. Liutaeva</i> , Cand. Sci. (Philos.)	
HUMANITARIAN KNOWLEDGE AT THE ENTREPRENEURIAL UNIVERSITY: STRATEGIES OF «JUSTIFICATION»	164
<i>L.N. Binkovskaya</i> , <i>K.G. Maltsev</i> , Dr. Sci. (Philos.), Prof., <i>A.V. Maltseva</i> , Cand. Sci. (Polit.)	
PERSPECTIVES AND CONTRADICTIONS OF VALUE COHESION WITHIN THE INFORMATION SUPPORT SYSTEM OF THE RUSSIAN ARMED FORCES.	178
<i>S.S. Gorbachev</i>	
CREATING OF DISTINCTIONS “OUR-FOREIGN” IN THE ISSUE OF “ORTHODOXIFICATION” OF THE WESTERN OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY	184
<i>N.M. Markova</i> , Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.	

5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики
Public Administration and Regional Policies

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-15-20

Информация – новое оружие массового поражения

И.А. Селин^{1, а} ©, Д.А. Фентисов^{2, б} ©

¹ АНО «Редакция Газеты «Труд»,
г. Москва, Российская Федерация

² ООО «Корпорация «Южный Альянс»,
Республика Адыгея, Российская Федерация

^а E-mail: 9647627420@bk.ru

^б E-mail: op3@kubsok.ru

Аннотация. В данной статье исследовано значение информации и процессов информатизации в современном мире, рассмотрена возможность оказания влияния на население с ее помощью, а также представлены достоинства и недостатки такого влияния. Одним из главных выявленных недостатков использования информации в отношении больших масс людей – применение информации в качестве нового оружия массового поражения, каким ее можно признать на основании законодательства Российской Федерации. В связи с этим в статье представлены признаки информационного оружия, его отличительные особенности, на основании чего можно судить его отличие от других видов оружия. А также рассмотрены факторы и условия использования информации в качестве оружия. Помимо этого представлена классификация использования информации в качестве нового оружия, в пользу этого приведены аргументы на основании российского законодательства. Актуальность исследования согласно представленной теме обусловлена появлением в современном мире нового вида оружия массового поражения в виде информации и информационных технологий, которые могут быть использованы любым человеком или органом власти, имеющим доступ к большому количеству людей, для достижения каких-либо определенных целей. Поэтому цель данного исследования заключается в изучении фактов и условий отнесения информации к новому оружию массового поражения, рассмотрения конкретных примеров использования информации в негативном ключе. В ходе проведения исследования, изучения соответствующих материалов, документации, а также представления наглядных примеров был получен следующий результат: на основании конкретных фактов и примеров было доказано, что информацию и информационные технологии можно отнести к новому оружию массового поражения.

Ключевые слова: информация, информационное оружие, новое оружие, массовое поражение

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Селин И.А., Фентисов Д.А. Информация – новое оружие массового поражения // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 15–20. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-15-20

Information – a New Weapon of Mass Destruction

I.A. Selin^{1, a} ©, D.A. Fetisov^{2, b} ©

¹ The Newspaper “Trud”,
Moscow, Russian Federation

² “Southern Alliance Corporation”,
Republic of Adygea, Russian Federation

^a E-mail: 9647627420@bk.ru

^b E-mail: op3@kubsok.ru

Abstract. This article examines the importance of information and informatization processes in the modern world, considers the possibility of influencing the population with its help, and also presents the advantages and disadvantages of such influence. One of the main identified disadvantages of using information in relation to large masses of people is the use of information as a new weapon of mass destruction, as it can be recognized on the basis of the legislation of the Russian Federation. In this regard, the article presents the signs of information weapons, its distinctive features, on the basis of which it is possible to judge its difference from other types of weapons. The factors and conditions of using information as a weapon are also considered. In addition, the classification of the use of information as a new weapon is presented, arguments are given in favor of this on the basis of Russian legislation. The relevance of the research according to the presented topic is due to the emergence in the modern world of a new type of weapons of mass destruction in the form of information and information technologies that can be used by any person or authority with access to a large number of people to achieve certain goals. Therefore, the purpose of this study is to study the facts and conditions of attribution of information to a new weapon of mass destruction, to consider specific examples of the use of information in a negative way. During the research, the study of relevant materials, documentation, as well as the presentation of illustrative examples, the following result was obtained: based on specific facts and examples, it was proved that information and information technology can be attributed to a new weapon of mass destruction.

Key words: information, information weapons, new weapons, mass destruction

FOR CITATION: Selin I.A., Fetisov D.A. Information – a New Weapon of Mass Destruction. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 15–20. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-15-20

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент современный мир невозможно представить без информационных ресурсов, которые имеют место быть во всех сферах жизнедеятельности каждого человека. Сейчас информации принадлежит особое место во всем мировом пространстве, что говорит об информатизации всего мира, а не отдельно взятой страны или региона. Такие масштабы использования информации находят свое отражение и в управлении государством, а именно в его внутренней и внешней политике. Это объясняется глобальным распространением различных информационных технологий, которые позволяют мгновенно передавать информацию из одной точки мира в другую, при этом охватывая огромное количество людей по всему миру. С одной стороны, возможность распространения информационных ресурсов по всему миру может нести в себе благие цели. При этом информационные технологии в настоящий момент позволяют осуществлять отдельным субъектам экономическую деятельность, среди таких субъектов можно выделить блогеров, которые официально ими являются и уплачивают нало-

говые платежи и иные обязательные сборы в бюджет страны, тем самым увеличивая его доходную часть. Однако, с другой стороны, создание глобального единого информационного пространства несет в себе возможность применения информации в качестве оружия. В современном мире именно информационное оружие несет в себе огромную угрозу национальной безопасности страны. Этим и обусловлена актуальность темы данного исследования.

ИНФОРМАЦИЯ В РОЛИ ОРУЖИЯ

Одной из составляющих национальной безопасности выступает информационная безопасность, на обеспечение которой в настоящий момент должны быть направлены большие объемы материальных и финансовых ресурсов. Это обусловлено тем, что от владения информационным оружием, умения его использования и защиты от него напрямую зависит уровень национальной безопасности страны.

Настоящее время можно назвать временем стремительного развития информационных технологий, с помощью которых осуществляется информирование

Селин И.А., Фентисов Д.А.

населения. Информация – это опасное оружие, если уметь им пользоваться и знать, как с его помощью добиться поставленной цели путем информирования общества. Поэтому на данный момент могущество того или иного государства определяется не только политическим и экономическим потенциалом, но и способностью осуществлять контроль информационных процессов.

Несмотря на то, что обычное население не так давно стало воспринимать информацию в качестве оружия, на самом деле термины «информационное оружие» или «информационная война» уже достаточно времени используется не только руководством государств, представителями средств массовой информации (СМИ), но и злоумышленниками, преследующими корыстные цели.

На данный момент сложилось достаточно много формулировок понятия «информационное оружие» в связи с актуальностью поставленного вопроса, однако официальное определение этого термина отсутствует, поэтому исходя из многих представленных в литерату-

ре формулировок, представим следующее определение. Информационное оружие представляет собой уничтожение, искажение или хищение информационных данных или их части после обхода системы защиты, ограничивающей доступ к информации несанкционированных лиц, а также распространение или иное использование полученной информации в целях нанесения материального ущерба, причинения вреда здоровью или смерти неопределенному количеству лиц.

Теперь перейдем к определению оружия массового поражения, к которому в соответствии с российским законодательством относится любой вид оружия неизбирательного действия, применение которого способно причинить смерть неопределенному кругу лиц [1].

На основании вышеизложенного информационное оружие можно отнести к иному виду оружия массового поражения, так как его использование способно причинить вред неопределенному кругу лиц [Там же].

Информация в качестве оружия массового поражения обладает признаками, представленными на рис. 1.

Рис. 1. Признаки информационного оружия [8]

Fig. 1. Signs of information weapons [8]

Отметим, что существует несколько видов информационного оружия в зависимости от воздействия:

- 1) использование информации в целях оказания влияния на психическое состояние человека для его подрыва;
- 2) дезинформирование населения или определенной категории людей. Информационное воздействие в целях влияния на выбор или принятие решения, которое выгодно для дезинформатора;
- 3) воздействие на программно-техническое оснащение телекоммуникационных систем, то есть несанкционированный доступ к информации;
- 4) радиоэлектронная борьба, включающая в себя перехват и анализ информации, а также использование результатов такого анализа в своих целях.

Следовательно, из вышесказанного следует, что информация, а также информационные технологии имеют много преимуществ в современном мире, однако есть и обратная сторона, которые используют мошенники и злоумышленники.

АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Одним из ярких примеров информационного оружия в действии служит суицидальная игра «Синий кит», которая также известна под иными названиями, например «Тихий дом».

Информация о правилах игры была распространена ее создателями посредством использования социальных сетей, прежде всего, использовалась сеть «ВКонтакте». Целевая аудитория, на которую было направлено это информационное оружие, включала в себя детей и подростков с несформировавшейся, слабой психикой.

Игра «Синий кит» была представлена в социальной сети в период 2015–2018 гг. как квест в реальной жизни. Основой для создания такого оружия служит природный фактор синих китов, среди которых иногда наблюдаются случаи выброса на берег, приводящие к смерти животных. Этот фактор не до конца изучен учеными

и специалистами, что вызывает много споров вокруг этого вопроса. Данная загадка природы легла в основу создания информационного оружия в виде игры-квеста с суицидальным исходом, направленное на подростков.

Суть игры заключалась в том, что подростки, вступая в специально созданные информационные группы и сообщества, выполняли задания, которые выдавались им на протяжении 50 дней их кураторами, которые действовали анонимно. Пятидесятый день был заключительным этапом игры, который заканчивался суицидом [2].

Группа злоумышленников манипулировала подростками на протяжении нескольких месяцев, а если в конце человек отказывался от заключительного задания, то они угрожали причинением вреда жизни или смерти близким людям отказавшегося участника. Таким же исходом для близких людей злоумышленники угрожали и тем участникам, кто хотел преждевременно выбыть из игры.

Действие игры распространилось за пределы России, что еще раз доказывает отсутствие каких-либо границ при ведении информационной борьбы. В результате манипуляций посредством использования четко разработанного алгоритма действий, представленных через социальные сети, подростки заканчивали жизнь суицидом на территории России, Киргизии, Казахстана, Украины, Алжира и ряда других арабских стран.

Суицидальная игра «Синий кит» представляет собой первый вид информационного оружия согласно представленной выше классификации. Создатели игры на протяжении всего времени медленно настраивают подростка на суицид, воздействуя при этом на психику и разрушая ее. Такого рода манипуляции через социальные сети за период 2015–2018 гг. привели к гибели 90 человек подросткового возраста только на территории России. Однако на самом деле результатом действия такого информационного оружия является большее количество смертей, так как его действие было распространено и за пределами нашей страны.

Информацию в современном мире в качестве оружия массового поражения активно используют во время различных военных операций или войн. Это объясняется применением новых методов борьбы, которые остаются негласными и с помощью которых ведется скрытый бой посредством СМИ.

Как правило, в таких случаях используют все виды информационного оружия в зависимости от поставленных целей, которых необходимо достичь. Здесь стоит заметить, что цель использования или распространения информации может быть и не связана с уничтожением неопределенного круга лиц, а лишь убедить население в том, что выгодно и необходимо дезинформатору.

В настоящий момент, во время проведения специальной операции на Украине, большое количество людей, которые обладают возможностью распространения информации большой аудитории, могут прибегнуть к дезинформированию. Этим пользуются в целях создания ложного восприятия населением различных стран мира о реальном положении дел на территории Украины.

В первую очередь, к тем, кто обладает возможностью вещать на большую аудиторию, относятся крупные блогеры, телеведущие, звезды шоу-бизнеса и иные известные личности, имеющие большое количество подписчиков в социальных сетях. В большинстве случаев, распространение информации в качестве оружия используется именно телевидением в виде новостных сюжетов или сводок.

Можно не видеть и не замечать в данной ситуации взаимосвязи между известными личностями и специальной операцией на Украине, однако рассмотрим это более подробно.

С момента начала проведения специальной операции на Украине был зафиксирован не один случай дезинформации населения стран мира, в том числе и российского населения. Размещение в социальных сетях информации, не отражающей действительности, можно воспринимать, как информационное оружие, направленное на разжигание межнациональной ненависти, а также как попытку настроить население России против Президента Российской Федерации.

Примерами такого дезинформирования может послужить видеозапись, которая транслировалась на телевидении мирового пространства. Цель распространения этой видеозаписи заключалась в том, чтобы показать всему миру, как Россия наносит военные удары по мирному населению, тем самым уничтожая народ Украины. Как позже было выяснено, данная видеозапись была специально снята на территории Великобритании в целях дезинформирования мирового населения и разжигания ненависти к русскому народу.

Также от начала специальной операции и до настоящего момента на просторах социальных сетей множество различных публичных личностей (в первую очередь, имеющих отношение к Украине) размещало для своей аудитории обращение с похожими текстами, которые также были направлены на дезинформацию населения. Есть большая вероятность того, что эти обращения были оплачены, как заказ в виде распространения необходимой информации.

Использование информационного оружия в этом случае привело к тому, что американской компанией Meta Platforms, которой принадлежат крупнейшие мировые социальные сети, было дано разрешение на публичный призыв к насилию русского населения и нации в целом, а также различных грубых высказываний. По этой причине такого рода информация стала появляться на просторах социальных сетей, которые не подвергались блокировке. Следовательно, здесь представлен яркий пример использования информационного оружия против народа России.

Соответственно, такое общемировое заявление несет в себе существенную угрозу не только информационной безопасности России, но и национальной безопасности в целом. Поэтому было принято решение о блокировке социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms, на территории Российской Федерации.

Ярким примером дезинформации как оружия массового поражения служит также случай взлома в 2013 г. группой сирийских хакеров страницы в социальной сети международного информационно-новостного агентства Associated Press, где была размещена информация о двух взрывах в Белом доме США и ранении

президента Барака Обамы. Публикация ложной информации может привести не только к поражению людей, но и отдельных экономических процессов или экономики страны в целом. Дезинформирование краткосрочно обрушило индекс Доу-Джонса более чем на 100 пунктов, а капитализация американского рынка ценных бумаг снизилась на 136 млрд долларов США [5]. Данный случай служит примером использования двух видов информационного оружия: дезинформирование и воздействие на программно-техническое оснащение.

Иные виды информационного оружия, такие как радиоэлектронная борьба и воздействие на программно-техническое оснащение телекоммуникационных систем применяется уже специализированными подразделениями военных структур, так как здесь необходимы соответствующие навыки для применения информационного оружия.

Все рассмотренные примеры применения информации в качестве оружия массового поражения свидетельствуют о наличии изначально поставленной цели, которую необходимо было достичь посредством использования такого типа оружия. Однако на практике существуют и такие случаи, где непреднамеренно опубликованная или распространенная информация выступала в качестве оружия, наносящего материальный ущерб.

Так, в 2016 г. Дональд Трамп, будучи известной личностью с большой аудиторией в социальных сетях, опубликовал информацию о планируемом сокращении расходов на военную сферу, что в результате привело к обвалу капитализации компании Lockheed Martin на 3,5 млрд долларов США. Следовательно, стоимость

акций компании снизилась, также как и акции иных предприятий оборонного сектора США.

Еще одним публичным обращением Дональд Трамп в 2017 г. негативно отозвался о планах строительства завода компании Toyota в Мексике, при этом угрожая повысить таможенные пошлины на ввоз автомобилей. Такая информация привела к падению цен на акции компании на 3,11%.

В 2016 г. американский политик Берни Сандерс в своих социальных сетях публично высказался о том, что считает несправедливым и плохим поступком повышение цен на 15% фармацевтической компанией ARIAD Pharmaceuticals на препараты для больных лейкемией. В результате чего компания потеряла 387 млн долларов США [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сказать, что информация в современном мире обладает огромным влиянием и силой, которая может привести к различным негативным последствиям в зависимости от изначально поставленной цели. Именно по этой причине информацию можно считать новым видом оружия массового поражения. Это объясняется многими факторами, одним из которых является возможность причинения вреда или нанесения ущерба неопределенному кругу лиц. Причем использование информационного оружия может привести не только к гибели людей, но и к их психическому расстройству, а также его применение может нанести ущерб национальной экономики любой страны или группы стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Фед. закон от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 09.03.2022). URL: <https://www.ugolkod.ru/statya-355>
2. Ведмеш Н.А. Синий кит – задания, которые убивают // Психология и психиатрия. Детская психология. 2016. URL: <https://psihomed.com/siniy-kit-zadaniya-kotoryie-ubivayut/>
3. Грабельников А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. М.: РУДН, 2015. 330 с.
4. Кованов П.И. Слово – оружие. Изд. 2-е, доп. М.: Советская Россия, 2016. 208 с.
5. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014. 352 с.
6. Ларионова Д.П. Информация как социальное оружие // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-kak-sotsialnoe-oruzhie>
7. Макаренко С.И. Информационное оружие в технической сфере: терминология, классификация, примеры // Системы управления, связи и безопасности. 2016. С. 292–376. URL: <https://sccs.intelgr.com/archive/2016-03/11-Makarenko.pdf>
8. Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. 2-е изд., испр. М.: Горячая линия – Телеком, 2018. 262 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=253581>
9. Почепцов Г.Г. Информационные войны в киберпространстве // Psy-фактор. 2018. URL: <https://psyfactor.org/psyops/infowar19.htm>
10. Сазонова К.Л. Современный международно-правовой статус оружия массового поражения и вопросы международной ответственности государств за его применение // Национальная безопасность / Nota Bene. 2018.

REFERENCES

1. The Criminal Code of the Russian Federation. Fed. Law No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 09.03.2022). URL: <https://www.ugolkod.ru/statya-355>
2. Vedmesh N.A. Blue whale – tasks that kill. *Psychology and Psychiatry. Child psychology*. 2016. (In Rus.) URL: <https://psihomed.com/siniy-kit-zadaniya-kotoryie-ubivayut/>
3. Grabelnikov A.A. Mass information in Russia: from the first newspaper to the information society. Moscow: RUDN, 2015. 330 p.
4. Kovanov P.I. Word – weapon. 2nd ed., suppl. Moscow: Soviet Russia, 2016. 208 p.
5. Larina E.S., Ovchinsky V.S. Cyber wars of the XXI century. What Edward Snowden kept silent about. Moscow: Book World, 2014. 352 p.
6. Lariova D.P. Information as a social weapon. *Electronic Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*. 2015. (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-kak-sotsialnoe-oruzhie>
7. Makarenko S.I. Information weapons in the technical sphere: Terminology, classification, examples. *Control, Communication and Security Systems*. 2016. Pp. 292–376. (In Rus.) URL: <https://sccs.intelgr.com/archive/2016-03/11-Makarenko.pdf>
8. Novikov V.K. Information weapons – weapons of modern and future wars. 2nd ed., suppl. Moscow: Hotline – Telecom, 2018. 262 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=253581>
9. Pocheptsov G.G. Information wars in cyberspace. *Psy-factor*. 2018. (In Rus.) URL: <https://psyfactor.org/psyops/infowar19.htm>
10. Sazonova K.L. The modern international legal status of weapons of mass destruction and issues of international responsibility of States for their use. *National Security / Nota*

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-mezhdu-narodno-pravovoy-status-oruzhiya-massovogo-unich-tozheniya-omu-i-voprosy-mezhdunarodnoy-otvetstvennosti-gosudarstv>

11. *Салпагаров А.А.* Проблемы распространения оружия массового уничтожения // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 965–966. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18894/>
 12. *Таунсенд С.* Адриан Моул и оружие массового поражения. М.: Фантом Пресс, 2018. 512 с.
 13. *Усольцев В.И., Журавлев О.Г.* Новые виды оружия массового поражения // Молодой ученый. 2022. № 10 (405). С. 213–228. URL: <https://moluch.ru/archive/392/86050/>
 14. Информация в современном обществе как оружие массового поражения. 2019. URL: <https://www.единыйурок.рф/index.php/press/item/664--57>
 15. *Thaler R.H., Sunstein C.R.* Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness. New Haven, CT: Yale University Press, 2008. 293 p.
11. *Salpagarov A.A.* Problems of proliferation of weapons of mass destruction. *Young Scientist*. 2015. No. 10 (90). Pp. 965–966. (In Rus.) URL: <https://moluch.ru/archive/90/18894/>
 12. *Townsend S.* Adrian Mole and weapons of mass destruction. Moscow: Phantom Press, 2018. 512 p.
 13. *Usoltsev V.I., Zhuravlev O.G.* New types of weapons of mass destruction. *Young Scientist*. 2022. № 10 (405). Pp. 213–228. (In Rus.) URL: <https://moluch.ru/archive/392/86050/>
 14. Information in modern society as a weapon of mass destruction. 2019. URL: <https://www.единыйурок.рф/index.php/press/item/664--57>
 15. *Thaler R.H., Sunstein C.R.* Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness. New Haven, CT: Yale University Press, 2008. 293 p.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 83,45%

Рецензент: *Кравцов В.В.*, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры печати и новых медиа ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии»

Статья поступила в редакцию 25.03.2022, принята к публикации 21.04.2022

The article was received on 25.03.2022, accepted for publication 21.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Селин Иван Андреевич, шеф-редактор сайта Газеты «Труд». Москва, Российская Федерация. E-mail: 9647627420@bk.ru

Фентисов Дмитрий Александрович, заместитель коммерческого директора ООО «Корпорация «Южный Альянс». Республика Адыгея, Российская Федерация. E-mail: da@kubsok.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ivan A. Selin, chief editor of the website of “The Newspaper Trud”. Moscow, Russian Federation. E-mail: 9647627420@bk.ru

Dmitriy A. Fetisov, commercial director of “Southern Alliance Corporation”. Republic of Adygea, Russian Federation. E-mail: op3@kubsok.ru

5.5.2 Политические институты, процессы и технологии
Political Institutions, Processes and Technologies

5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики
Public Administration and Regional Policies

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-21-26

Механизмы электронной демократии в современной России: условия формирования и тенденции развития

Л.Е. Ильичева^{1, a} ©, Н.С. Пирожков^{2, b} ©

¹ Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

^a E-mail: ilicheva-le@lilitcheva@mail.ru

^b E-mail: nikitapirozhkov@gmail.com

Аннотация. В статье автором рассматриваются особенности цифровизации политического процесса в современной России. Акцентируется внимание на развитие концепта «электронной демократии», трансформации этого явления в контексте развития современных информационно-коммуникационных технологий на примере современной российской практики. Говоря о позитивных тенденциях развития интернет-коммуникации между государством и обществом, отмечается нерешенность проблемы доверительного отношения к информации, исходящей от государственных институтов. Основными методами научного исследования в настоящей работе являются онтологический метод, позволяющий исследовать природу цифровизации политических процессов, а также институциональный, позволяющий проанализировать взаимодействие институтов государственной власти и гражданского общества в рамках развития «цифрового взаимодействия».

Ключевые слова: цифровизация, электронная демократия, политические процессы, информационно-коммуникационные технологии, цифровая трансформация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ильичева Л.Е., Пирожков Н.С. Механизмы электронной демократии в современной России: условия формирования и тенденции развития // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 21–26. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-21-26

Mechanisms of Electronic Democracy in Modern Russia: Conditions of Formation and Development Trends

L.E. Ilicheva^{1, a} ©, N.S. Pirozhkov^{2, b} ©

¹ Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (IPACS RANEPА), Moscow, Russian Federation

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^a E-mail: ilicheva-le@lilitcheva@mail.ru

^b E-mail: nikitapirozhkov@gmail.com

Abstract. In the article, the author examines the features of the digitalization of the political process in modern Russia. Attention is focused on the development of the concept of "electronic democracy", the transformation of this phenomenon in the context of the development of modern information and communication technologies on the example of modern Russian practice. Speaking about the positive trends in the development of Internet communication between the state and society, the unresolved problem of trusting the information coming from state institutions is noted. The main methods of scientific research in this work are the ontological method, which allows to investigate the nature of the digitalization of political processes, as well as the institutional method, which allows to analyze the interaction of institutions of state power and civil society in the framework of the development of "digital interaction".

Key words: digitalization, electronic democracy, political processes, information and communication technologies, digital transformation

FOR CITATION: Ilicheva L.E., Pirozhkov N.S. Mechanisms of Electronic Democracy in Modern Russia: Conditions of Formation and Development Trends. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 21–26. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-21-26

ВВЕДЕНИЕ

Новые информационные технологии так или иначе влияют на развитие общества. Благодаря техническому прогрессу, в современном обществе начали появляться новые феномены, связанные с «цифрой», что незамедлительно рефлексирует и на политическую сферу. Поскольку политическая сфера жизни общества, это его неотъемлемая часть, она подвергается изменениям так же и по средствам технического прогресса. Открывшиеся возможности цифровой реальности трансформировали механизмы участия граждан и институтов гражданского общества в государственном управлении, повысили уровень их контроля над ним, сделали деятельность государства более открытой [14]. Различные аспекты цифровизации политического процесса рассмотрены в работах Г.И. Авциновой [1], Ю.М. Большаковой [2], С.В. Володенкова [3], Е.А. Поповой [4] и др.

Указанные исследователи рассматривают различные аспекты цифровизации политического процесса, его трансформации в условиях цифровизации, в том числе особенностей формирования государственной политики в данной сфере, использования цифровых технологий в публичном управлении, а также развитии онлайн-сервисов. Последнее направление представля-

ется достаточно актуальным, так как внедрение различных онлайн-сервисов становится позитивной тенденцией формирования новых каналов коммуникации между институтами государственной власти и обществом не только в контексте получения соответствующих услуг, информации, но и в рамках эффективного инструментария механизмов общественного контроля, а также представительства общественных интересов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными методами научного исследования в настоящей работе являются онтологический метод, позволяющий исследовать природу цифровизации политических процессов, а также институциональный, позволяющий проанализировать взаимодействие институтов государственной власти и гражданского общества в рамках развития «цифрового взаимодействия».

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Вовлечение граждан в политический процесс во всем мире является сложившейся тенденцией цифровизации политического управления. В связи с этим

широко внедряется такое понятие как «электронная демократия». Понятие «электронная демократия» рассматривают в двух смыслах. Говоря о «э-демократии» в узком смысле, подразумевают применение ИКТ для обеспечения (электронного сопровождения) прав граждан. В этом случае меняется только технологическая сторона подачи заявлений, обращений, запросов органам власти от имени граждан. То есть, используя свое законное право на получение определенной справки, гражданин может обратиться в инстанцию письменно, а может, например, пользуясь электронной почтой.

«Э-демократия» в широком смысле предполагает привлечение общественности с помощью современных информационных технологий к решению различных общественно-политических задач. Именно в этом разрезе мы и будем рассматривать электронную демократию. Примером может быть интерактивное участие жителей в заседании местного совета. Во время трансляции заседания в Интернете каждый заинтересованный может выразить свое отношение к решениям совета, выступлениям депутатов, и следовательно – повлиять на позицию органа власти.

Формы электронной демократии постоянно развиваются и совершенствуются. На рубеже 1960–1970-х гг. возникло понятие «теледемократия». Это было вызвано появлением кабельного телевидения. Следя по телевизору за дебатами, граждане получали возможность выражать свою позицию, позвонив в студию. Таким образом достигалась определенная интерактивность. Однако эта форма влияния граждан на принятие общественно-политических решений не получила развития. Можно считать, что на том этапе развития общества активное участие граждан в управлении не предусматривалось, а по большому счету и не поощрялось [5].

Начиная с 1960-х гг. один проводник начал доминировать и со временем предоставил другой вид политическим коммуникациям: это – телевидение. Во второй половине двадцатого столетия политики и партии большую часть своего времени потратили на то, чтобы адаптироваться к телевидению. Увеличение прозрачности и доступа к политике через телевидение, безусловно, имело позитивные последствия для демократии, но были и другие последствия, такие как создание среды без интеллектуального риска с избыточной режиссурой, системной взаимозависимостью между медиа-профессионалами и политиками [6].

Следствием теледемократии стало появление в конце 1980-х гг. такого явления, как «электронная республика». Теоретической основой стала разработка Ю. Хабермаса, который «определял возникающее киберпространство как новую общественную сферу, которая представляла собой пространство свободных обсуждений актуальных общественных проблем, сферу, в которой каждый гражданин может не только высказаться, но и быть услышанным» [5].

Сосредоточение внимания на взаимосвязи между введением новых информационных технологий и развитием структур гражданского общества привело к пониманию роли Интернета в формировании новых институтов демократии. Возникает понятие «кибердемократия» – предвестник собственно электронной демократии.

Современный этап развития ИКТ и готовность общества к восприятию идей электронного участия граждан в принятии решений и контроле за их выполнением характеризуются как благоприятные для внедрения технологии электронной демократии.

«Демократия, которую мы знали до этого, была продуктом своего времени, когда эффективное представительство было ограничено во времени и пространстве. В то время как эти барьеры преодолеваются благодаря коммуникационным технологиям, которые являются асинхронными и глобальными, демократические институты могут только расцвести, если станут более восприимчивыми, доступными, подотчетными и укorenившимися в общественном пространстве» [7].

«Э-демократия состоит из всех электронных средств коммуникаций, которые позволяют гражданам прилагать усилия для поддержания ответственности руководителей/политиков за свои действия в сфере общественной жизни. В зависимости от аспектов демократии э-демократия может использовать различные технологии для:

- повышения прозрачности политического процесса;
- усиления прямого привлечения и участия граждан;
- совершенствования качества формирования мысли-позиции путем открытия нового пространства для информации и обсуждения» [8].

Наглядно обобщая подходы относительно функций электронной демократии, изобразим это следующим образом: форма: – э-демократия; технология – э-управление.

Цели: прозрачность действий власти; привлечение граждан к управлению: содействие формированию гражданской позиции Инструментарий, применяемый в условиях электронной демократии, предполагает определенный набор, каждый элемент которого соответствует ключевой позиции. Определено, что таких позиций три:

- 1) повышение прозрачности – электронный доступ;
- 2) повышение участия – электронные консультации, электронные петиции, электронные голосования;
- 3) повышение обсуждения – электронные форумы.

Очевидно, что в контексте политических процессов современной России мы можем наблюдать поступательные тенденции развития вышеназванных позиций [9].

Так сервис «ГосУслуги» позволяет существенно повысить коммуникацию институтов власти и гражданами в части получения государственных услуг, а также информации о деятельности органов власти. Механизм электронного голосования апробированный в рамках региональных избирательных кампаний в настоящее время внедрен и на федеральном уровне. Также развивается и механизм обратной связи между государством и обществом посредством электронных ресурсов обсуждения и решения различных проблем, где примером могут служить такие сервисы, как «Активный гражданин», «Добродел» и др.

ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Другим направлением цифровой трансформации политических процессов является механизм «Открытого правительства».

Не смотря на то, что «открытое правительство» как институт уже прекратило свое существование, его механизмы в настоящее время успешно функционируют и во многих аспектах получают развитие.

В научной литературе термин открытого правительства наиболее часто заменяют термином «правительства 3.0» [10].

Ввиду этого, выделяется несколько стадия формирования открытого правительства. На первой стадии политика открытого правительства создается с нуля, затрачивая при этом огромные человеческие, временные и материально-финансовые ресурсы. Данная стадия характеризуется в основном малоэффективностью своих результатов. На этой ступени создается лишь основа для будущих преобразований, проверяются в деле уже разработанные электронные ресурсы.

На следующей стадии открытое правительство также характеризуется достаточной высокой степенью затраченных ресурсов. Однако, памятуя о прошлых успехах отношение государства и общества к развитию электронного воздействия и взаимного диалога между собой оценивается более лояльно.

Наконец, в «открытом правительстве 3.0» становится не только возможным и идейно основополагающим активное участие института гражданского общества в управлении страной. Провозглашается прозрачность и открытость, а также контроль со стороны гражданского общества решений власти. Становится полноценно доступен удаленный и удобный характер участия населения в политической жизни. Политика «открытого правительства» призвана основной целью не реформировать техническую составляющую государственных сервисов по предоставлению услуг. Она призвана обеспечить реальный диалог между обществом и властью, и привить гражданам возможность действительно принимать учувствовать в обсуждении и принятии волнующих их проблем и актуальных вопросов.

В России концепт «Открытое Правительство» связывают с деятельностью Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, который еще в 2011 г. провозгласил курс на всеобщую инновацию, для развития экономики и институтов гражданского общества страны [11].

Ключевой целью создания открытого правительства в Российской Федерации является: выстраивание взаимодействия институтов гражданского общества с органами исполнительной власти, для качественного и продуктивного диалога. В рамках реализации намеченной цели необходимо было решить ряд вопросов:

- модернизация действующих инструментов общественного контроля в ходе реализации органами исполнительной власти РФ своей непосредственной деятельности;
- внедрение современных инструментов оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти.

В этой связи, были сформированы три вектора развития политики «открытого правительства»: «Открытые данные», «Открытый регион» и «Открытое министерство».

В первом из вышеперечисленных проектов было обозначено преобладающее направление развития государства и государственных реформ. В ходе реализа-

ции этого проекта правительством были подготовлены и разработаны электронные сервисы государственной власти по двум направлениям. Первое направление предполагало собой массовую разработку электронных ресурсов, на которых бы в открытом доступе органы государственной власти публиковали бы информацию, связанную со статистикой их деятельности. Данная информация приходится наиболее полезна не только гражданам, но также и представителям бизнеса, которые на основании открытых данных могут проводить маркетинго-анализационные исследования привлекательности развития бизнеса в отдельно взятом регионе, к примеру.

Второй тип разработанных и внедренных ресурсов представляет собой уже обработанную информацию, собранную по тематическому комплектованию, исходя из задач конкретного электронного ресурса. К примеру, к данному типу можно отнести электронный сервис «Публичные доходы». Этот сервис отображает декларации доходности государственных служащих. Также, можно отметить такой электронный ресурс как «Росправосудие», в рамках которого собраны актуальные сведения о судопроизводстве в нашей стране (участники процесса, решения суда (с комментариями).

Что касается второго реализованного проекта в рамках политики открытого правительства «Открытый регион», то в рамках этого проекта декларировались принципы всеобщей модернизации системы оказания государственных услуг, обязательный диалог с гражданским обществом при реализации актуальных для региона вопросов, формирование кадрового резерва [12].

Также, в рамках этого проекта осуществляется разработка и активное внедрение интернет-порталов для общения с бизнесом, гражданами и приема их инициатив и жалоб, расширяется зона повсеместного доступа в интернет [13].

Несмотря на достаточно активное развитие информационно-коммуникационных технологий, их широко практическое применение во взаимодействии государства и общества, по нашему мнению, все еще существует определенное проблемное поле, позволяющее наметить определенные векторы дальнейшего развития рассмотренных в настоящем исследовании механизмов.

Во-первых, речь следует вести о развитии так называемого «электронного политического участия» граждан в общественной жизни, трансформируя существующий в целом совещательный образ существующих сервисов в сторону их использования, как механизма выражения общественного мнения, являющегося обязательным для исполнения властью. В этой связи, в технической плоскости, мы можем говорить о необходимости развития программного инструментария, связанного с защитой персональных данных, идентификации пользователей и недопущения манипуляций с процедурами электронного голосования.

Во-вторых, достаточно успешный опыт использования механизмов электронного голосования в настоящее время нашел свое отражение в Федеральном законе № 60-ФЗ от 14.03.2022 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства

при проведении дистанционного электронного голосования)», в этой связи распространение такого опыта не только на федеральные, или региональные, но и на муниципальные избирательные кампании существенно бы увеличило правоприменительную практику реализации соответствующих информационно-коммуникационных технологий, расширило электоральное поле, повысило бы уровень доверия общества.

В-третьих, в части повышения эффективности предоставления государственных услуг, мы можем говорить о дальнейшем расширении межведомственного взаимодействия, предоставления доступа к более объемным ведомственным «витринам данных», использование которых позволяет еще больше сократить сроки предоставления государственных услуг, повысить эффективность технологии «одного окна».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технологическая культура создает только общий «культурный фон» для преобразования в системе общественных отношений, которые умножаются и усиливаются ИКТ-средой. Среди мировых тенденций развития

электронного правительства четко определяется постепенная трансформация властных отношений. Вместе с внедрением новых информационных технологий меняется структура управления, в значительной степени эволюционируют пути взаимодействия государства с обществом. Информационно-коммуникационные технологии делают власть более близкой и доступной обществу, а, следовательно, повышает уровень доверия власти и ее действиям.

В этой связи, перед государством сегодня стоит основная задача в ментальном преобразовании и трансформации взаимодействия с обществом посредством коммуникационных интернет-сетей, особенно в части повышения доверия данному инструментарию. Трансформация взаимодействия государства и общества посредством информационно-коммуникационных технологий повысили потенциал механизмов гражданского контроля, однако главная проблема, связанная с невысоким уровнем доверия к официальной информации, продолжает оставаться неразрешенной, что мы могли наблюдать в рамках информационного сопровождения и цифровых решений, принимаемых властью во время пандемии COVID-19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авцинова Г.И. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития // *Politbook*. 2019. № 4. С. 6–21.
2. Большакова Ю.М. Вопросы цифровизации в контексте современного этапа эволюции публичного управления // *Власть*. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-tsifrovizatsii-v-kontekste-sovremennogo-etapa-evolyutsii-publichnogo-upravleniya> (дата обращения: 14.03.2022).
3. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sovremennyh-politicheskikh-protsessov-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva-klyuchevye-stsenarii> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Попова Е.А., Ночевка А.А. Цифровые трансформации политического управления: развитие онлайн-сервисов // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-transformatsii-politicheskogo-upravleniya-razvitie-onlayn-servisov> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Павлютенкова М.Ю. Электронная демократия и электронное правительство – предпосылка эффективного государства XXI века. URL: <http://www.um.dp.ua/pdf/egovernment.pdf>. (дата обращения: 10.03.2022).
6. Кэдди Д., Вергес К., Макинтош Э., Коулмен С. Электронная демократия: надежды и проблемы: науч.-практ. изд. // *Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD)*. Paris, 2004.
7. Grossman L.K. The electronic republic. Reshaping democracy in the information age. N.Y.: Viking (20th Century Fund), 1995. P. 120.
8. Brack A., Noble P.E. Democracy around the World: A survey for the Bertelsmann foundation. Summer, 2011. P. 78.
9. Воропанов С.А. Возможности применения цифровых технологий к механизмам прямой демократии в современной России // *Общество: политика, экономика, право*. 2021. № 6 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy-k-mehanizamam-pryamoy-demokratii-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 10.03.2022).

REFERENCES

1. Avtsinova G.I. Policy of digitalization in modern Russia: features of formation and prospects of development. *Politbook*. 2019. No. 4. Pp. 6–21. (In Rus.)
2. Bolshakova Yu.M. Issues of digitalization in the context of the modern stage of evolution of public administration. *Power*. 2021. No. 4. (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-tsifrovizatsii-v-kontekste-sovremennogo-etapa-evolyutsii-publichnogo-upravleniya> (data of accesses: 14.03.2022).
3. Volodenkov S.V. Transformation of modern political processes in the conditions of digitalization of society: Key scenarios. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020. No. 2. (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sovremennyh-politicheskikh-protsessov-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva-klyuchevye-stsenarii> (data of accesses: 10.03.2022).
4. Popova E.A., Nochevka A.A. Digital transformations of political management: development of online services. *State and Municipal Management. Scientific Notes*. 2020. No. 4. (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-transformatsii-politicheskogo-upravleniya-razvitie-onlayn-servisov> (data of accesses: 10.03.2022).
5. Pavlyutenkova M.Y. Electronic democracy and electronic government – a prerequisite for an effective state of the XXI century. URL: <http://www.um.dp.ua/pdf/egovernment.pdf>. (data of accesses: 10.03.2022).
6. Caddy D., Verges K., McIntosh E., Coleman S. Electronic democracy: hopes and problems: Scientific and practical. ed. *Organization for Economic Cooperation and Development (OED)*. Paris, 2004.
7. Grossman L.K. The electronic republic. Reshaping democracy in the information age. N.Y.: Viking (20th Century Fund), 1995. P. 120.
8. Brack A., Noble P.E. Democracy around the World: A survey for the Bertelsmann foundation. Summer, 2011. P. 78.
9. Voropanov S.A. Possibilities of applying digital technologies to mechanisms of direct democracy in modern Russia. *Society: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 6 (95). (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-tsifrovyyh-tehnologiy-k-mehanizamam-pryamoy-demokratii-v-sovremennoy-rossii> (data of accesses: 10.03.2022).

10. Несмеянова С.Э., Колобаева Н.Е., Мочалов А.Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytoe-pravitelstvo-i-prava-cheloveka> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Курочкин А.В. Инновационная политика в условиях сетевого общества (североевропейская модель). СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 143.
12. Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 6. С. 6–28.
13. Хорева Е.Е., Бурда М.А. Переход бизнеса в Digital-пространство в эпоху COVID-19 // Общество. Доверие. Риски: матер. ежегодного Междунар. форума / под общ. ред. И.В. Грошева; редкол. А.В. Троицкий и др. 2020. С. 76–79.
14. Ильичева М.В. Государство и институты гражданского общества: цифровая доминанта. М.: Проспект, 2022. 176 с.
10. Nesmeyanova S.E., Kolobaeva N.E., Mochalov A.N. "Open government" and human rights. *Electronic Supplement to the Russian Law Journal*. 2018. No. 5. (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytoe-pravitelstvo-i-prava-cheloveka> (data of accesses: 10.03.2022).
11. Kurochkin A.V. Innovation policy in a network society (the Northern European model). St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2013. P. 143.
12. Konkov A.E. Digitalization of political relations: facets of cognition and mechanisms of transformation. *Contours of Global Transformation: Politics, Economics, Law*. 2019. Vol. 12. No. 6. Pp. 6–28. (In Rus.)
13. Khoreva E.E., Burda M.A. Business transition to Digital space in the era of COVID-19. *Society. Trust. Risks. Materials of the Annual International Forum*. Under the gen. edit. of I.V. Groshev. Editorial board: A.V. Troitsky et al. 2020. Pp. 76–79. (In Rus.)
14. Ilicheva M.V. State and institutions of civil society: digital dominant. Moscow: Prospect, 2022. 176 p.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 72,18%

Р е ц е н з е н т: Курочкин А.Н., кандидат политических наук, профессор ПАЕ; старший научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов Института социологии РАН

Статья поступила в редакцию 14.03.2022, принята к публикации 26.04.2022

The article was received on 14.03.2022, accepted for publication 26.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор; директор Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, главный научный сотрудник. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0223-6418>; E-mail: ilicheva-le@lilicheva@mail.ru

Пирожков Никита Сергеевич, магистр политологии, студент Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5558-5606>; E-mail: nikita.pirozhkov@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila E. Ilicheva, Dr. Sci. (Polit), Cand. Sci (Philos.), Professor; Professor at the Department of Project and Program Management, Director of the Center for Public-Private Partnership of the Institute of Public Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0223-6418>; E-mail: ilicheva-le@lilicheva@mail.ru

Nikita S. Pirozhkov, post graduate of Politology, student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5558-5606>; E-mail: nikitapirozhkov@gmail.com

Окумбеков Р.С.

23.00.02 (5.5.2)

Политические институты, процессы и технологии Political Institutions, Processes and Technologies

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-27-32

УДК 321.65

Трансформация политического режима в Казахстане

Р.С. Окумбеков ©

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ROkumbekov@fa.ru

Аннотация. Целью статьи является исследование актуальной проблемы политического транзита власти. Выделены основные составляющие неопатримониального режима и проведен анализ некоторых законодательных актов и инициатив Президента, а также Досье на проект Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан». В результате которого, путем сопоставлений основных составляющих неопатримониального режима с одной стороны и законодательных инициатив президента – с другой, выявлена основа для отказа от неопатримониальных практик в Казахстане. Сформулированы и обоснованы условия трансформации его посткризисного демократического развития. Данная статья является продолжением предыдущего исследования, посвященной анализу политических преобразований в переходный период Республики Казахстан («Вопросы политологии». 2022. Т. 12. № 2 (78)), в которой, в рамках теории трансформации политических режимов рассмотрен процесс перехода неопатримониального режима к демократии.

Ключевые слова: неопатримониализм, Казахстан, государственное управление, политические реформы, транзит политической власти, политический режим

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Окумбеков Р.С. Трансформация политического режима в Казахстане // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 27–32. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-27-32

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-27-32

Transformation of the political regime in Kazakhstan

R.S. Okumbekov ©

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

E-mail: ROkumbekov@fa.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the topic problem of the power political transit. The main components of the neopatrimonial regime are highlighted, the analysis of some legislative acts and initiatives of the President, as well as the Dossier on the draft Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On introducing amendments and additions to some constitutional laws of the Republic of Kazakhstan". As a result of which, by comparing the main components of the neopatrimonial regime on the one hand, and the legislative initiatives of the President on the other hand, the basis for the rejection of neopatrimonial practices in Kazakhstan was revealed. The conditions for the transformation of its post-crisis democratic development are formulated and substantiated. This article is a continuation of the previous research devoted to the analysis of political transformations in the transitional period of the Republic of Kazakhstan (Voprosy politologii. 2022. Vol. 12. № 2 (78)), in which, within the framework of the transformation theory of political regimes the process of neopatrimonial regime transition to democracy is considered.

Key words: neopatrimonialism, Kazakhstan, public administration, political reforms, transit of political power, political regime

ВВЕДЕНИЕ

Институционализация неопатримониализма проявляется в рутинизации определенных правил и моделей поведения в государстве. В статье выделены несколько неформальных практик, составляющих неопатримониальную систему: концентрация политической власти через президентализм и/или олигархизацию; преобладание клиентелизма как способа управления; тяжесть и низкая эффективность государственного управления; слабость гражданского общества [Медар, 1991: 336–350, Браттон, 1997: 63–68].

Основной тезис статьи заключается в том, что основой в движении по шкале «Неопатримониализм – демократия» является трансформация верховной власти, посредством принятия законодательных актов, как основы правового обеспечения реализации данных инициатив.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Конституционный Совет Республики Казахстана 25 апреля 2022 г. принял к производству обращение Президента о рассмотрении проекта закона о внесении изменений в Конституцию. Чуть ранее, в своем выступлении на совещании по внесению изменений и дополнений в Конституцию, состоявшемся 22 апреля Президент Касым-Жомарт Токаев акцентировал внимание на том, что для реализации политических инициатив, изложенных в мартовском Послании, необходимо внести изменения и дополнения в Конституцию страны¹.

Это является продолжением политических преобразований, начатых в начале года и ответом на январские события, послужившим катализатором транзита власти и трансформации сложившегося неопатримониального политического режима в Казахстане.

Анонсированные Президентом страны законодательные изменения в конечном счете могут привести к структурным изменениям и отношениям внутри системы, что обязательно отразится на политическом режиме.

Концепция неопатримониализма получила распространение в социальных науках в результате анализа новой волны демократизации после пионерских трудов Шмуэля Эйзенштадта [Eisenstadt, 1972: 96]. Так, по счету третья ее волна, начавшаяся в 1970-х гг., лишь в редких случаях преуспела в построении демократических государств с рыночной экономикой в стиле западных государств [Хантингтон, 2003]. Развитие событий во многих развивающихся и формирующихся странах в новейшей истории привело к появлению гибридных режимов, сочетающих в себе черты как традиционного, так и современного управления. Неовеберовская концепция пытается предоставить

метод анализа этих смешанных систем, в которых западные догмы переосмысливаются в местном ключе. Разработанный политологами (Медар, Шабаль, Даллоз, Браттон, фон де Валле) неопатримониализм относится к режиму, формальные институты которого смоделированы по стандартам стран-доноров, но на практике доминирующая элита контролирует государственные процессы, монополизирует политическую и экономическую власть и поддерживает свои позиции через сети лояльных клиентов.

Казахстан, как и другие постсоветские республики, с начала 2000-х гг. прочно вошел в список стран со спецификой неопатримониальных связей. Выделим основные структурные характеристики неопатримониализма для оценки проникновения неопатримониализма в систему, в том числе постсоветских стран: концентрация власти/суперпрезидентство, распространение клиентелизма, особенно в государственном управлении, слабость гражданского общества.

Неопатримониальный характер государства выражается, прежде всего, в верхушке государства: политическом режиме и структуре правительства. В таких государствах политический режим далек от демократических догм, он скорее авторитарный и концентрированный.

Вносимые же поправки в действующее законодательство, помимо самой Конституции коснутся прежде всего ряда конституционных законов и законов по следующим вопросам: полномочия Президента, реформирование представительной ветви власти, совершенствование избирательной системы и модернизацию выборного процесса², позволят изменить ряд количественных показателей и отследить степень отхода страны от неопатримониальных стандартов в сторону стандартного идеала демократии.

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Первой характеристикой неопатримониальной системы является концентрация политической власти и ее частая персонализация. Это в целом противоположно тому, что Даль [Dahl, 1956: 155] называет полиархией, то есть системой с широким правом на участие (плюрализмом) и отсутствием барьеров для оппозиции. Обладатели власти присваивают ее себе и тем самым создают путаницу между функцией и человеком, который ею обладает. Политическая концентрация подразумевает доминирование одного человека (большой человек Медарда или президентство в терминах Браттона и Ван Де Валл), который контролирует политику и назначает людей на государственные должности, он имеет личный контроль над всей формальной политической структурой. Принятие президентализма служит основой для концентрации власти в руках

¹ Глава государства провел совещание по внесению изменений и дополнений в Конституцию. 22 апреля 2022 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. Источник: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-vneseniyu-izmeneniy-i-dopolneniy-v-konstituciyu-22389> (дата обращения: 22.04.2022).

² Досье на проект Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан», апрель 2022 года // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32546593&pos=4;-108#pos=4;-108 (дата обращения: 24.04.2022).

Окумбеков Р.С.

одного человека. Этот великий человек в неопатримониальной логике обычно остается у власти в течение нескольких десятилетий, даже до конца своей жизни.

В предыдущих статьях автор объяснял как и почему сложилась суперпрезидентская модель правления, развитие и естественное усиление президентской власти. [Окумбеков, 2022: 581–589]. Вместе с тем, адаптация к новым реалиям требует отхождения от чрезмерной концентрации власти в руках президента.

«Сверхконцентрация власти президента также выражается в избыточном количестве его полномочий. Глава государства имеет право отменять или приостанавливать действие актов акимов областей и городов республиканского значения. Эта норма способствует укоренению излишней практики ручного управления, снижает самостоятельность местных исполнительных органов. Более того, президент имеет право снимать с должности районных и даже сельских акимов. Такие законодательные положения нужно упразднить. Отказ от чрезмерных президентских полномочий станет важным фактором, который обеспечит необратимость политической модернизации в стране. Предлагаемые инициативы принципиально изменяют правила игры и сформируют прочный фундамент дальнейшей демократизации общества», – сообщил К. Токаев в своем Послании народу Казахстана⁵. Подтверждая свои намерения глава государства покинул 26 апреля пост председателя партии АМАНАТ, обосновывая это тем, что Глава государства не должен отдавать приоритет ни одной партии, должен быть политически нейтральным. Данная инициатива направлена на политическую демополизацию, повышение конкуренции и обеспечение равных условий для развития партийной системы.

Заслон для сращивания партийных структур с государственным аппаратом нашел свое отражение в будущих изменениях в законодательство. Предложено: законодательно оформить обязанность Президента прекратить членство в партии на период своих полномочий; обязательный выход из партии председателей и членов Центральной избирательной комиссии, Счетного комитета и Конституционного совета; исключить нормы, предусматривающие право Президента Республики Казахстан освобождать от должности акимов (глав исполнительной ветви власти в регионах всех уровней), а также по отмене или приостановлению их актов. Таким образом существенно трансформируется роль партии власти, нивелируется ее значение как неопатримониальном инструменте институциональной инженерии.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ВЕРХНЕГО ЭШЕЛОНА ВЛАСТИ, СТРУКТУРА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Еще одним показателем неопатримониального проникновения является роль государственных деятелей верхнего эшелона власти, структура правительства. Действительно, в такой системе лидер обеспечивает

лояльность через практику патронажа, в частности, распределяя ключевые должности, в том числе, среди своих родственников. В случае неопатримониальных систем, семейная династия и лиц, приближенных к ней в стиле классических патримониальных монархий (присвоение по членству) устанавливается в очевидно демократических институтах (рекрутирование по компетентности). Чаще всего эти личности занимают различные ключевые посты, что является выражением концентрации власти. Глава государства поддерживает власть через патронаж, а не через идеологию или безличный закон [Snyder, 1992: 379–399], что отличает, по мнению Браттона и Ван Де Валла, неопатримониальный режим [Bratton, Van De Walle, 1994: 455–489].

Усиление влияния лиц и финансово-олигархических групп, приближенных к высшему должностному лицу сыграла едва ли не самую главную роль в произошедших январских событиях этого года. Созданной месяц назад рабочей группой по выработке предложений о внесении изменений и дополнений в Конституцию разработаны предложения, предусматривающие введение законодательного запрета на занятие должностей политических государственных служащих и руководителей в квазигосударственном секторе для ближайших родственников Президента⁴.

Стремление власти взять под контроль крупный частный бизнес, тем самым ослабив роль и влияние финансово-олигархических групп (ФОГ) привело к созданию в 2008 г. Фонда устойчивого развития «Самрук-Казына», основными целями которого были контроль над активами и усиление роли государства как инвестора.

Сегодня же, государственная корпорация подверглась сильнейшей критике. «Решительная борьба против монополий» – одна из задач, поставленная перед руководством Фонда, управляющей крупнейшими государственными компаниями во всех секторах экономики⁵.

Помимо предстоящих законотворческих инициатив параллельно активно идет работа по ослаблению влияния ФОГ, возвращение активов компаний в государственную собственность⁶.

⁴ Досье на проект Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан», апрель 2022 года // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32546593&pos=4;108#pos=4;108 (дата обращения: 24.04.2022).

⁵ Токаев: глава «Самрук-Казына» не справится с реформой – уйдет в небытие вместе с фондом. 14:06, 21.01.2022 // Сайт Международного информационного агентства и радио Sputnik. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220121/Tokaev-glava-Samruk-Kazyna-ne-spravitsya-s-reformoy---uydet-v-nebytie-vmeste-s-fondom-19192575.html> (дата обращения: 24.04.2022).

⁶ Деятельность ТОО «Оператор РОП» по утильбору прекращена, активы переданы государству. Правительство РК // Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/pravitelstvoprinyalo-postanovlenie-v-otnoshenii-operatora-rop-1905750>. (дата обращения: 24.04.2022); 28,8 процента акций «Казактелекома» возвращаются в государственную собственность – Правительство РК // Телеграм-канал Правительства Казахстана. URL: <https://t.me/KZgovernment/763> (дата обращения: 24.04.2022); В госсобственность возвращаются еще несколько предприятий – Правительство РК // Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/v-gossobstvennost-vozvrashchayutsyaeshche-neskolko-predpriyatij-pravitelstvo-rk-20351> (дата обращения: 24.04.2022).

⁵ Касым-Жомарт Токаев заявил о сокращении полномочий президента // Центр деловой информации Kapital.kz. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/103828/kasym-zhomart-tokayev-zayavil-o-sokrashchenii-polnomochiy-prezidenta.html> (дата обращения: 24.04.2022).

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ОДНИМ ИЗ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА

Действительно, в такой системе мы наблюдаем, прежде всего, большую бюрократию, связанную, в том числе, с клиентелизмом, и низкую эффективность аппарата. Однако бюрократический аппарат, безусловно, является наиболее изменчивым показателем от региона к региону. В силу различного исторического наследия мы можем наблюдать гипертрофированные бюрократии в Африке, хищнические бюрократии в бывшем СССР, инструментализованные бюрократии в Латинской Америке или автономные и кооперативные бюрократии в Южной Азии [Bach, 2011: 275–294]; общим знаменателем является частное использование государственной функции.

Например, систематический анализ распределения государственных ресурсов (проекты развития, инвестиции, субсидии и т.д.) между регионами, этническими группами или конкретными группами в сочетании с изучением распределения ключевых должностей в государственном кабинете может дать указания на частное использование государственных ресурсов. В результате патримониального управления государственными делами, т.е. смешения публичной и частной сфер, частного присвоения государственных ресурсов, клиентелизма и т.д., государственные финансы, да и управление в целом находятся в плачевном состоянии.

Подготовленный в рамках реализации общенационального плана мероприятий по реализации политических и экономических реформ, представленного в Послании народу Казахстана 16 марта 2022 г. Указ по дебиюрократизации деятельности государственного аппарата, цифровой трансформации и системному реинжинирингу всех сфер государственного управления направлен на его оперативную и эффективную работу, повышение самостоятельности и персональной ответственности руководителей⁷.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Независимость судебной системы от политики и «власть имущих», а также ее эффективность являются ключевыми показателями неопатримониальных систем. Такие системы характеризуются слабым верховенством закона.

Аналогичным образом, законодательная система и качество законодательства являются компонентами верховенства права и могут быть мобилизованы в качестве индикаторов проникновения неопатримониальных структур. С одной стороны, роль и место парламента в таких системах часто минимизированы, парламентские выборы страдают от недостаточной репрезентативности, должности депутатов могут быть «распределены» в соответствии с клиентелистской логикой, поэтому деятельность парламента не является ни независимой, ни эффективной. Учитывая истори-

ческий контекст (деколонизация, переходный период и т.д.) неопатримониальных систем, законодательство часто отличается непоследовательностью и нечеткостью, когда некоторые законы существуют только на бумаге, а другие создаются так, чтобы их можно было неправильно истолковать и, следовательно, использовать для вымогательства. Законодательство является инструментом неопатримониального господства посредством манипуляций для приобретения особого статуса, избирательного применения обязательных законов и сохранения статус-кво в распределении власти. Это особенно важно в области прав собственности и регулирования экономической деятельности в целом. Опыт стран с переходной экономикой показал, как способность элит манипулировать правовой базой помогает закрепить приобретенные позиции и обеспечить контроль над рентой и богатством [Самсон, 2020: 450–569].

Реализация множества масштабных проектов и программ в Казахстане зачастую далека от идеала. Усиление парламентского контроля в том числе за качеством исполнения республиканского бюджета станет важным фактором, который обеспечит необратимость политической модернизации в стране.

Предлагается пересмотреть положения законодательства, определяющие состав и структуру Парламента; регулирующие законотворческие процедуры в Республике, положения конституционного, бюджетного, финансового законодательства в части осуществления парламентского контроля за бюджетными процедурами, в частности, за качеством исполнения республиканского бюджета.

СУЩЕСТВОВАНИЕ И РОЛЬ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

Наконец, в эту категорию мы также включаем существование и роль системы сдержек и противовесов как индикатор неопатримониализма. Действительно, гражданское общество в его глобальном понимании слабо в неопатримониальных системах.

В целях развития партийной системы в Казахстане с середины 2000-х гг. избирательное законодательство претерпело значительные изменения, целью которых было внедрение пропорциональной системы выборов в нижнюю палату Парламента и местные представительные органы. Однако, наряду с позитивными тенденциями проявились и негативные последствия таких решений: из избирательного процесса выпали беспартийные представители электората. Беспартийные граждане фактически были лишены возможности избраться не только в Мажилис, но и в местные представительные органы, возросло политическое отчуждение. Дальнейшее совершенствование избирательной системы призвано повышать роль граждан в управлении государством, в том числе через электоральные процессы. Предложенная пропорционально-мажоритарная модель будет лучше отражать интересы избирателей как на национальном, так и на региональном уровнях. Новая модель сформирует в Мажилисе более широкую палитру взглядов, сделает его более инклюзивным. А императивный мандат депутата повысит роль и ответственность народных избранников.

⁷ Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по дебиюрократизации деятельности государственного аппарата» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-merah-po-debyurokratizacii-deyatelnosti-gosudarstvennogo-apparata-133046> (дата обращения: 24.04.2022).

Окумбеков Р.С.

Данные изменения в законодательстве призваны содействовать укоренению новой политической культуры, основанной на взаимной ответственности и доверии.

ПОКАЗАТЕЛИ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА И РЫНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вместе с тем, помимо выделенных ключевых аспектов, важно отметить показатели неопатримониализма с точки зрения средств производства и рыночной деятельности. Экономика таких государств отличается высокой концентрацией, сильным присутствием промышленно-финансовых конгломератов и слабым присутствием МСП, а также нестабильностью прав собственности и правовой бизнес-среды. Отсутствие четкой границы между государственной и частной сферами в способе управления приводит к концентрации власти и взаимозаменяемости политических и экономических ресурсов, в результате чего экономика – будь то государственная или частная собственность – подчиняется личным желаниям лидеров. Экономическая концентрация подпитывает неопатримониализм, когда она является результатом произвольного распределения государственного богатства в соответствии с личными связями между правителями и экономической элитой; тогда она является выражением патримонильного управления ресурсами. Таким образом, высокая доля частного сектора в экономике не обязательно является признаком конкуренции и рыночной экономики, в неопатримониальных системах она позволяет приближенным к власти людям обогащаться (сомнительные приватизации, государственные субсидии, снижение налогов и т.д.) и таким образом, впоследствии, финансировать политико-экономическую деятельность покровителей. Когда большая часть экономики находится в руках государства, часто можно приблизиться к диктаторским формам неопатримониальных государств. В условиях слабого правопорядка, неблагоприятной деловой среды и высокого социального неравенства неформальная экономика иногда развивается настолько, что становится более важной, чем формальная экономика. В неопатримониальных режимах присутствуют многие факторы, способствующие развитию неформальной экономики: слабость налоговой системы как с точки зрения ее адекватности местным возможностям, так и с точки зрения ее функционирования, произвольное и хищническое регулирование экономической деятельности, низкое качество

общественных услуг из-за низких бюджетных ресурсов страны, меняющееся и противоречивое законодательство в сфере финансов, существование неформальных сетей солидарности, социальное неравенство и т.д.

ВЫВОДЫ

Вышеперечисленные аспекты требуют детального изучения и законодательных инициатив, однако происходящие изменения при ответственном подходе как государства так и общества в целом являются основой для дальнейшего укрепления демократических традиций и отхода от неопатримониальной практики в Республике Казахстан.

Таким образом, Консультативный документ регуляторной политики, разработанный в реализацию Общенационального Плана Мероприятий по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 16 марта 2022 г. «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации»⁸ затрагивает внесение следующих изменений в законодательство: изменения в основной закон – Конституцию; Конституционный Закон «О Первом Президенте Республики Казахстан»; Реформирование представительной ветви власти; Совершенствование выборного законодательства, избирательной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неопатримониальные практики процветают в условиях неустойчивости государства, сильных структур социального разделения, конфликтов, широко распространенной коррупции или там, где существуют влиятельные группы интересов.

Политические преобразования, зрелость гражданского общества, социальные реформы, направленные на повышение потенциала государства, будь то для продвижения верховенства закона или для его воспроизводства, так или иначе, обусловленного и партикулярного доступа к общественным благам придаст необходимый импульс в построении демократического государства с рыночной экономикой.

⁸ Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 16 марта 2022 года “Новый Казахстан: путь обновления и модернизации”». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39648047 (дата обращения: 24.04.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bach D.C.* Patrimonialism and neopatrimonialism: Comparative trajectories and readings // *Commonwealth & Comparative Politics*. 2011. Vol. 49. No. 3. Pp. 275–294.
2. *Bratton M., Van De Walle N.* Neopatrimonial regimes and political transitions in Africa // *World Politics*. 1994. Vol. 46. No. 4. Pp. 453–489.
3. *Dahl R.A.* A preface to democratic theory. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 155.
4. *Окумбеков Р.С.* Основные черты неопатримониализма и пути дальнейшего развития в Республике Казахстан // *Вопросы политологии*. 2022. Т. 12. № 2 (78). С. 581–589. DOI: 10.35775/PSI.2022.78.2.024.

REFERENCES

1. *Bach D.C.* Patrimonialism and neopatrimonialism: Comparative trajectories and readings. *Commonwealth & Comparative Politics*. 2011. Vol. 49. No. 3. Pp. 275–294.
2. *Bratton M., Van De Walle N.* Neopatrimonial regimes and political transitions in Africa. *World Politics*. 1994. Vol. 46. No. 4. Pp. 453–489.
3. *Dahl R.A.* A preface to democratic theory. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 155.
4. *Okumbekov R.S.* The main features of neopatrimonialism and ways of further development in the Republic of Kazakhstan. *Voprosy politologii*. 2022. Vol. 12. No. 2 (78). Pp. 581–589. (In Rus.) DOI: 10.35775/PSI.2022.78.2.024.

5. Самсон И. Комментарии к «Стратегии-2020» и материалы для обсуждения. // Сводный доклад о работе международных экспертов над актуальными проблемами социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. М.: РАНХиГС, 2012. С. 450–569.
6. Snyder R. Explaining transitions from neopatrimonial dictatorships // *Comparative Politics*. 1992. Vol. 24. No. 4. Pp. 379–399.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 368. ISBN: 5-8243-391-6.
8. Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. Sage Publications (CA), 1973. Vol. 1. 96 p.
9. Médard J.-F. “L’État néo-patrimonial en Afrique noire”, in *États d’Afrique noire : Formation, mécanisme et crise*. Paris : Karthala, 1991. Pp. 336–350.
10. Bratton M., Van De Walle N. Democratic experiments in Africa: Regime transitions in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 63–68.
5. Samson I. Comments on “Strategy-2020” and materials for discussion. *Consolidated Report on the Work of International Experts on Topical Issues of Socio-economic Strategy of Russia for the Period up to 2020*. Moscow: RANEPА, 2012. Pp. 450–569.
6. Snyder R. Explaining transitions from neopatrimonial dictatorships. *Comparative Politics*. 1992. Vol. 24. No. 4. Pp. 379–399.
7. Huntington S. The Third Wave. Democratization at the end of XX century. Transl. from English. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. P. 368. ISBN: 5-8243-391-6.
8. Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. Sage Publications (CA), 1973. Vol. 1. 96 p.
9. Médard J.-F. “L’État néo-patrimonial en Afrique noire”, in *États d’Afrique noire : Formation, mécanisme et crise*. Paris : Karthala, 1991. Pp. 336–350.
10. Bratton M., Van De Walle N. Democratic experiments in Africa: Regime transitions in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 63–68.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 88,8%

Рецензент: Махмутова Е.П., кандидат политических наук; доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Статья поступила в редакцию 14.03.2022, принята к публикации 26.04.2022

The article was received on 14.03.2022, accepted for publication 26.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Окумбеков Ринат Серикович, аспирант 2 курса Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Российская Федерация. E-mail: Rokumbekov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Rinat S. Okumbekov, 2st year postgraduate student at the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communication of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: Rokumbekov@fa.ru

12.00.01

Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Theory and History of Law and State;
History of Law and State Teachings

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-33-39

Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П.С. Ромашкина)

Ю.Н. Сушкова ©

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»,
г. Саранск, Российская Федерация

E-mail: yulenkam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются общие тенденции развития уголовного законодательства эпохи Петра I (1682–1725), отличавшейся многочисленными преобразованиями в государственном управлении, экономике и военном деле. Автором подчеркивается, что Петр I был выдающимся реформатором не только в области общих преобразований, но и в создании нового законодательства, умело используя его в интересах своей конструктивной деятельности. По вопросам уголовного и военно-уголовного права Петр I издал огромное количество указов, наказов, инструкций, регламентов и, кроме того, два специальных кодекса – Воинский устав 1716 г. и Морской устав 1720 г. Автором делается обзор государственно-правовых взглядов члена-корреспондента Академии наук СССР профессора П.С. Ромашкина по проблемам развития уголовного законодательства в рассматриваемый период.

Ключевые слова: эпоха Петра I, уголовное законодательство, преобразования, государственно-правовые взгляды, П.С. Ромашкин

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сушкова Ю.Н. Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П.С. Ромашкина) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 33–39. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-33-39

The Development of Criminal Legislation in the Era OF Peter I (Views of P.S. Romashkin)

Yu.N. Sushkova ©

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation

E-mail: yulenkam@mail.ru

Abstract. The article examines the general trends in the development of criminal legislation of the era of Peter I (1682–1725), which was distinguished by numerous transformations in public administration, economics and military affairs. The author emphasizes that Peter I was an outstanding reformer not only in the field of general transformations, but also in the creation of new legislation, skillfully using it in the interests of his constructive activity. On issues of criminal and military criminal law, Peter I issued a huge number of decrees, orders, instructions, regulations and, in addition, two special codes – the Military Charter of 1716 and the Naval Charter of 1720. The author reviews the state legal views of corresponding member of the USSR Academy of Sciences Professor P.S. Romashkin on the problems of the development of criminal legislation during the period under review.

Key words: the era of Peter I, criminal legislation, transformations, state-legal views, P.S. Romashkin

FOR CITATION: Sushkova Yu.N. The Development of Criminal Legislation in the Era OF Peter I (Views of P.S. Romashkin). *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 33–39. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-33-39

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное законодательство в период деятельности Петра I характеризуется весьма интенсивным развитием. За время царствования Петра I было издано около четырех ста нормативно-правовых актов уголовно-правового характера. Становление уголовного права как самостоятельной отрасли берет истоки с «Артикула воинского» (1715). В качестве одной из характерных черт законотворчества Петра I рассматривается использование законодательных актов в качестве формы выражения догматов официальной политической идеологии [7: XXIV]. Так, в соответствии со ст. 20 «Артикула воинского» было закреплено определение самодержавного монарха. «Кто против Его Величества особы хулительными словами погрешит, его действие и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен», – отмечается в статье, истолкованной таким образом: «Ибо Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять» [Там же: XXIV–XXV]. Петр I внес существенный вклад в поддержании состояния ежидеятельности законности в государства. «Артикул воинский», содержащий уголовно-правовые нормы общего характера, вошел в состав «Устава воинского» 1716 г., ставшего важнейшим памятником российского законодательства.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЭПОХИ ПЕТРА I П.С. РОМАШКИНЫМ

Большой интерес к проблеме развития уголовного законодательства эпохи Петра I проявил выдающийся отечественный ученый Петр Семенович Ромашкин, по существу начавший с данной темы свою научно-исследовательскую деятельность. В последующем П.С. Ромашкин стал доктором юридических наук, профессором, членом-корреспондентом Академии наук СССР, известным по разработке множества проблем уголовно-правовой и международно-правовой тематики. Первой монографической плановой работой ученого была книга «Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I», вышедшая в свет в 1947 г. «Тема небольшой по объему работы П.С. Ромашкина очень широка. Ей были посвящены в разное время многочисленные работы, обилие которых видно и из приложенного к книге т. Ромашкина списка. Если автор, несмотря на такую обильную литературу, занялся изучением названной темы, то у него на это были основания – он подвергает пересмотру некоторые из общепринятых положений относительно уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. В этом заключается интерес и значение рецензируемой книги», – начинает свою рецензию [1] на работу П.С. Ромашкина крупный отечественный криминолог профессор М.Н. Гернет, волею судеб сам уроженец

Сушкова Ю.Н.

Мордовии¹. Предметом изучения П.С. Ромашкина являлись общие вопросы уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. В структуре работы три главы «Уголовное и военно-уголовное законодательство Петра I», «Преступление по законодательству Петра I», «Наказание по законодательству Петра I». П.С. Ромашкин раскрывал тему последовательно, по тезисам, в которых выражал его наиболее значимые выводы.

При Петре Россия превратилась в крупнейшую европейскую державу. Значительно расширились границы Российского государства, оно получило выход к морю, стали развиваться мануфактурная промышленность, внутренняя и внешняя торговля, культура и просвещение. Были созданы мощные регулярные армия и флот. В отечественной истории и историко-правовой науке сложились два противоположных взгляда на реформы и самого преобразователя. П.С. Ромашкин относился к тем исследователям, полагавшим, что отечественное государство и социум были подготовлены к реформам предыдущими этапами государственно-правового развития. «Эпоха Петра I в истории России занимает одно из видных мест. Петр I был великим политическим деятелем, носителем прогрессивных государственных идей, теоретиком и практиком централизованного государства», – отмечал П.С. Ромашкин. Он называл его человеком с мировым именем, хорошим организатором, реформатором, человеком глубокого ума, обладавшим большой волей и настойчивостью, сделавшим для России гораздо больше, чем все предшествующие государи. За период своего правления он расширил границы Российского государства, провел смелые государственные реформы, укрепил военную мощь России, оказал большое влияние на развитие культуры, беспощадно боролся с консервативным укладом русской жизни, со всеми темными сторонами старины [5: 3].

Как подчеркивал П.С. Ромашкин, Петр I был государственным деятелем, оставившим крупный след в истории не только в части трансформаций общего характера, но и в разработке оригинального пласта нового законодательства в национальных интересах России. Им был издан крупный массив нормативно-правовых актов уголовной и военно-уголовной направленности в форме указов, уставов, наказов, инструкций, регламентов. Серьезному изучению, по его мнению, следовало подвергнуть прежде всего два специальных кодекса – Воинский (1716) и Морской (1720) уставы [Там же].

¹ Гернет Михаил Николаевич (1874–1953) родился 12 (25) июля 1874 г. в городе Ардатове Симбирской губернии (ныне Республики Мордовия). Соответствующий статус город получил в 1870 г., а до этого – крупная станция на гужевом тракте из Москвы в Симбирск. Его отец Н.А. Гернет отбывал административно-политическую ссылку после заключения в Невской куртине Петропавловской крепости (1866) и ссылки в Вологодской губернии. Много позже, за пять лет перед своей кончиной, Михаил Николаевич побывал в месте заключения отца. Н.А. Гернет длительное время служил помощником управляющего Симбирским удельным ведомством. Мама была народной учительницей. С 1887 по 1893 г. Гернет учился в Симбирской классической гимназии, и после ее окончания поступил на юридический факультет Московского университета, где обучался до 1897 г. О М.Н. Гернете М.Д. Шаргородский писал: «М.Н. Гернета справедливо можно назвать первым нашим криминологом, который на богатейшем материале ознакомил русское общество до революции с историей уголовного права, социальными понятиями преступления и наказания». См.: Анощенкова С.В. М.Н. Гернет. Взгляд в прошлое // Соц.-полит. науки. 2013. № 1. С. 24.

Эпоха Петра I (1682–1725) отличалась многочисленными преобразованиями в государственном управлении, экономике и военном деле, которые не могли не отразиться на законодательстве. В первую очередь, П.С. Ромашкин подчеркивал, что русское государство в XVII в. было отсталым по сравнению с западноевропейскими. Отсталость в промышленности, в государственном управлении, устройстве армии, культуре грозила ему опасностью превращения в колонию или полуколонию более сильного западноевропейского государства. Перед Петром I стояла огромная историческая задача: ликвидировать экономическую и культурную отсталость страны, укрепить государственный аппарат, армию и, создав флот для дальнейшего развития производительных сил страны, выйти к берегам Балтийского моря, «прорубить окно» в Европу, стать сильной европейской державой. Решение этой задачи осуществлялось, с одной стороны, обращением к лучшим разработкам европейских государств, однако адаптировав их под уместные реалии, реализуя собственные «всепоглощающие замыслы» [5: 4].

Петр I подверг коренному преобразованию и внутреннее устройство России, приведя в стройную систему органы государственного управления. Он учредил в 1711 г. Сенат в качестве высшего правительственного органа, в 1718 г. – коллегии, ведавшие отдельными отраслями управления. В ряду чиновников при Сенате, по мнению П.С. Ромашкина, наибольшее значение имели фискалы, призванные «над всеми делами тайно подсматривать и провеживать про неправый суд, таже в сборе казны и прочего». В результате реформы органов государственного управления Петр I создал по образцу западноевропейских бюрократическо-полицейских государств крепкий государственный аппарат. Им была осуществлена строгая централизация власти, создано чиновничество, подчиненное царю, титулованному императором. При Петре I царская власть, впервые получившая определение в законодательных актах как самодержавная, становилась абсолютной. Государь стремился к полицейской регламентации всех мелочей жизни «граждан». П.С. Ромашкин привел размышления петербургских большевиков о том, что Петр I усилил «царский произвол» и окончательно «поработил русский народ». Вместе с тем автор, хотя и согласился с ними относительно деспотизма Петра I, подчеркнул, что нельзя видеть в его деятельности только эту отрицательную черту, поскольку он «сделал для России очень много и положительного, добившись укрепления национального государства». Кроме того, П.С. Ромашкин убедительно показал, что, по мнению Петра I, интересы государства должны были преобладать над частными интересами, поэтому он вел простой образ жизни, был бережлив в государственных средствах и в четыре раза сократил расходы на содержание двора [Там же: 9].

Марксистско-ленинское освещение темы П.С. Ромашкиным заключалось в выявлении и подробном анализе межсловных противоречий. В условиях самодержавия царь издавал законы, назначал чиновников, собирал и расходовал «народные деньги» без всякого участия народа в законодательстве и контроле за управлением. Все тяготы войн, строительство возлагались на крестьянство. Начиная с 1704 г. проводились

непрерывные рекрутские наборы, в результате которых из деревни изымалось подавляющее большинство трудоспособных мужчин. Усилилась барщина, увеличился оброк, вводилась подушная подать. Автором приведены материалы, свидетельствующие о скудости крестьянской жизни, произволе и насилии помещиков. П.С. Ромашкин отмечает, что крестьяне, выражая протест против гнета и «колониального грабежа народов», неоднократно организовывали восстания, в числе которых наиболее масштабными были Астраханское (1705), Булавинское (1707–1708) и Башкирское (1705–1711) [5: 12].

Важнейшей идеей, выраженной П.С. Ромашкиным, была идея «справедливой войны» народных масс за свою свободу. Автор констатировал, что уголовные законы Петра I были призваны охранять сложившийся правопорядок, подавляя народные восстания. В условиях нарастания народного сопротивления жизнь изменялась, на первый план выдвигались новые требования, что должно было отражаться в законодательстве.

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА ЭПОХИ ПЕТРА I

Глубоко проникнув в потребность кодификации законодательства, Петр I продолжал многолетний труд обобщения разноплановых по юридической природе и содержанию законов, минимизируя разнородность и несогласованность с Уложением 1649 г. Спустя годы работы стратегия составления кодификационного акта была изменена в пользу образца шведского устава. В то же время Петр I не осуществлял простое заимствование иностранного законодательства. Так, в Указе Сенату от 9 декабря 1719 г. говорилось, что пункты шведского Уложения, которые «покажутся несходны к нашему народу, то против оных взять из старого Уложения или новые пункты делать». Кроме того, предписывалось использовать эстляндское и лифляндское законодательства, «ибо оныя сходнее и почитай одним манером владение имеют как у нас» [Там же: 15]. Кодификация русского законодательства, предпринятая Петром I, не была завершена, но потребность в ней была несомненной. П.С. Ромашкиным приведены данные, по которым указов, содержащих уголовно-правовые нормы, насчитывалось более 400. Другими нормативно-правовыми актами того периода были инструкции (наказы), регламенты, уставы. Значимыми законодательными памятниками являются Воинский устав 1716 г. и Морской устав 1720 г.

П.С. Ромашкин отмечал, что «совершенно несостоятельны и абсурдны попытки некоторых исследователей умалить, принизить роль Петра I как законодателя, растворить законодательство Петра в совокупности различных влияний и воздействий со стороны западноевропейского законодательства, превратить его в слепого подражателя и ученика философов Западной Европы» [Там же: 20]. Нет сомнений в том, что Петр I при реорганизации государственного аппарата по иностранному образцу, использовал опыт аппарата государственной власти использовал зарубежный опыт, опирался на иностранные источники.

Так, Петр I при составлении Воинского устава сам не отказывался от того, что иностранное законодательство принималось во внимание. Но, констатировал П.С. Ромашкин, это не означает, что «Воинский устав есть только перевод с определенного памятника, копия шведского, датского, немецкого или какого-либо другого кодекса». Основным источником Воинского устава был боевой опыт русской армии и самого Петра, отразившийся в отдельных инструкциях, изданных им во время войны. «Главное значение реформ Петра I как раз и состояло в том, что они удовлетворяли потребностям страны при данных социально-экономических условиях и соответствовали требованиям, поставленным перед Россией всем ходом исторического развития» [Там же: 20–21]. П.С. Ромашкин пояснял, что Петр I, извлекая из зарубежного опыта все «доброе», не производил заимствования в «чистом» виде, а адаптировал к российским условиям необходимые новеллы [Там же: 21].

Исследователь оспаривал мнения таких авторов как Штейн, Энгельман, Сергеевич, Неклюдов, полагавших, что Воинский устав является иностранным заимствованием, а его текст был первоначально написан по-немецки и лишь позже изложен на русском. П.С. Ромашкин считал соответствующим исторической действительности лишь объяснение профессора П.О. Бобровского, видевшего подлинную рукопись Воинского устава и установившего, что при его составлении были использованы шведские артикулы Густава Адольфа, имперские немецкие законы, уставы датский и голландский, французские ордонансы Людовика XIV. По свидетельству П.О. Бобровского, «несмотря на то, что главным материалом служило военное законодательство различных европейских государств, Устав воинский в каждой части представляется оригинальным, а не копией законов одного какого-либо государства». Исследователем было сформулировано положение, что Воинский устав представляет собой результат кропотливой, многолетней работы Императора Петра I, который подготовил его с учетом сопоставлений с зарубежными аналогами, включая в отечественный документ наиболее прогрессивные институты и практики. Он согласовывал нормы и институты с реальными потребностями государства и действующим законодательством. Воинский устав был самобытным военным кодексом России, разработанным с учетом всех лучших военных законов времени Петра I [Там же: 22]. Таким же оригинальным актом был и Морской устав (1720), ведущая роль в составлении которого принадлежала самому Петру I.

П.С. Ромашкин считал весьма важным для характеристики Петровской эпохи выяснение вопроса о том, являлись ли Воинские артикулы законом исключительно для «воинских людей» или по ним же налагались наказания и в случаях совершения преступлений не военными людьми, а простыми гражданами. Автор в противовес многим западным юристам, а также некоторым отечественным исследователям обосновывал на базе законодательства и судебной практики «неправильность общепризнанной точки зрения о применении Воинских артикулов в общегражданских судах». Апеллирование же к «тем или иным статьям» Воинского устава в общих судах и издание отдельных указов

Сушкова Ю.Н.

о его частичном применении в них служит «лучшим доказательством того, что Петр I рассматривал эти Артикулы как закон, подлежащий применению только в специальной сфере и требующий для своего применения в общих судах особого о том каждый раз указа» [5: 26–28].

П.С. Ромашкин отмечал, что Воинские артикулы имели и общее значение, но только в том отношении, что в них относительно полно разработаны основные принципы уголовного ответственности и тем самым был сделан значительный шаг вперед в дальнейшем развитии уголовного законодательства в России. Эти выводы имеют существенное научно-практическое значение для понимания личности Петра I, которого нередко характеризуют как «царя самого жестокого и кровожадного». Автор не оспаривал того факта, что Петр I жестоко расправлялся с посягателями на власть, не считавшихся ни с какими законами и правилами, в то же время в своем законодательстве он не был более жестоким, чем его современники [Там же: 28–31].

П.С. Ромашкин не согласился с мнениями профессоров В. Сергеевича, В.Н. Латкина, считавших, что законодательство Петра I не меняло взгляда на преступление как формально определенное нарушение закона и слушание царской воли. П.С. Ромашкин полагал, что преступление следует рассматривать не только с формальной, но и с материальной точки зрения как действие, причинившее вред не лично государю, а государству, его интересам. При коренном переустройстве России появилась объективная потребность признать те или иные действия, ранее являвшиеся с точки зрения государства безразличными, преступными, поскольку превратились в общественно опасные в новых условиях.

Если в Соборном уложении 1649 г. под преступлением понималось слушание воли царя, то в Воинском артикуле данное понятие рассматривалось шире, включая не только отход от государевой воли, но и иное действие, причиняющее вред государству и его интересам. Иными словами, преступным считались любые действия, причинявшие вред государству. Данное положение основано на нормах, закрепленных в Указе от 24 декабря 1714 г., которым в российское законодательство впервые был введен термин «преступление». Преступлениями признавались и самоубийства, и дуэли, поскольку они нарушали государственные интересы в сфере службы, а также неуплата налогов. Серьезными нарушителями «интересов государственных» считались лица, уклонявшиеся от службы. Тяжким преступлением было взяточничество. Большое внимание уделялось преступлениям против службы, особенно военной.

До Петра I в законодательстве почти не различалась ответственность в зависимости от виновности, в основном придерживались позиций объективного вменения. В петровском законодательстве уделено большое внимание институту вины. Умышленные преступления наказывались строже, чем неосторожные. Жены и дети несли ответственность вместе с мужьями и вместо них. Отягчающим обстоятельством было пьянство. Институт соучастия предусматривал зачинщиков (исполнителей), подстрекателей, пособников, а также недоносителей и попустителей. При Петре I впервые в истории

России появился термин «государева казна», обеспечивавшая военные, промышленные и другие интересы государства. Всякое посягательство на казну, неуплата налогов считались преступлением.

УСТРАШЕНИЕ КАК ЦЕЛЬ НАКАЗАНИЯ, ИНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕТРА I

Одной из основных целей наказания по законодательству Петра I было устрашение. Во многих артикулах Воинского устава предусматривалась быстрая расправа с преступником. Характерной чертой наказания считалась его публичность. К позорящим наказаниям XVII в. (батоги, кнут и др.) при Петре I были добавлены кошки, сажание на цепь под караул, шельмование и пр. В эпоху Петра I была широко распространена преступность и особенно мятежи, воровство, грабежи, разбои, дезертирство, взяточничество и др. Путем наказания нужно было искоренить опасные элементы общества и предотвратить распространение преступности в государстве. Другой целью наказания было исправление преступника и выгодное его использование. Начали применять труд отбывающих наказание в местах лишения свободы, на строительных работах, в мануфактурных производствах и др. Наказаний, связанных с физическим уничтожением преступника, становится меньше, ограничивается применение смертной казни к преступникам, кроме случаев измены, бунта и душегубства. Появляются такие виды наказаний, как денежный штраф, «смирительные дома», лишение чести и др. Заключенных отправляли на работы, а не содержали в тюрьме без дела. Третья цель наказания – обеспечение защиты государства от преступников путем изоляции их от общества. В связи с этим широкое распространение получили ссылка, членовредительские наказания и наложение на преступника особого клейма для того, чтобы отличить его среди других граждан. Еще одной целью наказания являлось возмездие. Законодательство стремилось к установлению соответствия и соразмерности между преступлением и наказанием по принципу «око за око, зуб за зуб». Однако возмездие уже отживало свой век, не было самоцелью, а в условиях преобразований применялось наряду с другими задачами (устрашение, осрамление, исправление преступника) [3: 730; 5: 66–68].

Большое внимание П.С. Ромашкиным уделялось изучению смертной казни и практики ее применения. Сравнивая указы Петра I с Уложением 1649 г., автор пришел к выводу, что оно несомненно мягче предыдущего законодательства, ибо в них значительно уменьшено число преступлений, влекущих смертную казнь. Законодательство Петра I необоснованно характеризуется как «самое жесточайшее в истории». Вместе с тем П.С. Ромашкин признавал, что смертная казнь применялась достаточно часто. Он подробно проанализировал основания ее применения, ее виды (обыкновенные и квалифицированные), другие виды наказания. Таким образом, уголовные и военно-уголовные законы были направлены на охрану общественного строя и обуславливались осознанием необходимости «в корне пресекать зло, расшатывавшее устои нового государственного порядка и грозившее России тяжелыми

последствиями». Автор справедливо полагал, что законодательство Петра I носило прогрессивный характер [5: 90].

Законодательство этого периода характеризуется меньшей казуистичностью, более высоким уровнем юридической техники, последовательностью и схематичностью изложения норм, отраслевой дифференциацией [4: 318]. Большое внимание Петром I уделяется военной отрасли – кодификации военно-уголовного законодательства. Так возник Воинский артикул – первый в русском праве уголовный, вернее, военно-уголовный кодекс, отражавший особенности процесса и судостройства в военной юстиции. Воинский и Морской уставы – кодифицированные законы, регламентировавшие соответствующие сферы жизни.

В XVIII в. уголовное право получило существенное развитие. Развивалось учение о составе преступления, введено его разграничение по субъективной стороне. Различались умышленные, неосторожные и случайные деяния, стадии развития преступной деятельности, но наказания за приготовление, покушение и оконченное преступление не дифференцировались. Детализировалась система преступлений. Сохранялось приоритетное значение в урегулировании преступной деятельности против церкви. Более десяти глав Воинского артикула посвящено государственным и воинским (дезертирство, неявка на службу, насилие в отношении мирного населения, сопротивление офицеру, нарушение правил строевой и караульной службы, обращения с военнопленными и др.) преступлениям. Развивалась система различных видов преступлений: должностных, имущественных, против личности. Усложнилась система наказаний. Применялась такая форма лишения свободы, как тюремное заключение, появились новые виды мест его отбывания – смиренные и работные дома для менее опасных преступников и административно арестованных.

С целью использования рабочей силы за совершение тяжких преступлений с 1699 г. вводился новый вид наказания – каторга. В этот период смертная казнь заменялась каторжными работами, которые могли быть пожизненными, срочными и бессрочными. Пожизненных каторжных клеймили. На каторгу, кроме пожизненной, ссылали осужденного вместе с семьей и тем самым отчасти решали задачу заселения неосвоенных территорий. Петр ввел новый вид телесных наказаний – битье шпицрутенами (палками, прутьями), влекшими за собой увечье или даже смерть преступника. Осужденного, обычно солдата, прогоняли «сквозь строй»: воинская часть или подразделение выстраивались в две шеренги, образуя коридор, по которому вели наказываемого, а его товарищи с обеих сторон били его шпицрутенами. Наказание имело двойную цель: во-первых, сам преступник подвергался мучению, а во-вторых, остальные солдаты получали своеобразное предупреждение, что с ними могут поступить так же.

В 1700 г. начала работу специально созданная комиссия по разработке нового уголовного уложения, однако ее деятельность была прервана войной. Вторая попытка создания нового уложения была предпринята в 1714 г., но и она не увенчалась успехом. Несмотря на это, законодательская деятельность Петра в области уголовного законодательства была активной [Там же: 16].

П.С. Ромашкин, а впоследствии и Н.Д. Дурманов сочли Уложение 1702 г. и Краткий артикул 1706 г. «военно-уголовными кодексами» [2: 2715; 19]. П.С. Ромашкин, исследуя вопрос о пределах действия Артикула воинского, доказывал, что он применялся только в военных судах [5: 26–31]. Современные исследователи считают, что эти доказательства вполне относились и к «Краткому изображению процессов...», которое тесно связано с Артикулом. Упомянутый указ следует понимать не в том смысле, что он распространял Воинский устав на гражданские органы, а лишь в том, что эти органы, когда их деятельность в той или иной мере соприкасалась с армией, должны были иметь в виду данный закон. Имеются сведения лишь о более позднем применении «Краткого изображения процессов...» в невоенных судах [4: 332].

Законодатель обращал внимание на степень случайности – грань между неосторожным и случайным преступлениями была весьма тонкой. Выделив субъективную сторону преступления, законодатель все же не отказывался от принципа объективного вменения: нередко неосторожные действия наказывались так же, как и умышленные: для суда был важен результат действия, а не его мотив. Вместе с преступником несли ответственность лица, не совершавшие преступления, – его родственники. Ответственность снималась или смягчалась в зависимости от объективных обстоятельств. К смягчающим обстоятельствам закон относил состояние аффекта, малолетство преступника, «непривычку к службе» и служебное рвение, в пылу которого было совершено преступление. К отягчающим обстоятельствам закон впервые стал относить состояние опьянения, прежде всегда бывшее обстоятельством, смягчающим вину. Законодатель вводил понятия крайней необходимости (например, кража от голода) и необходимой обороны. В ряде случаев предусматривалось наказание за один только умысел (в государственных преступлениях).

Воинский устав 1716 г. является одним из важнейших памятников российского законодательства не только по своему значению в военной истории России, но главным образом потому, что он оказал несомненное влияние на развитие отечественного уголовного права.

ВЫВОДЫ

Важнейшим этапом становления и развития отечественного уголовного законодательства стала эпоха Петра I, которая знаменуется не только государственно значимыми преобразованиями различных сфер жизни, но и качественно новыми трансформациями российского имперского права. Реализация данных новелл связана как с потребностями общественно-политической жизни российского общества, так и с «открытием» окна в Европу, что обусловила использование иностранного законодательства в качестве источника правовой мысли. Многосложная деятельность Петра I раскрывалась в различных направлениях внешней и внутренней политики, что требовало отражения в законодательстве, приведения его в систематизированный и согласованный формат.

Сушкова Ю.Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гернет М.Н.* П.С. Ромашкин. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. Рецензия на книгу: Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I // Совет. государство и право. 1947. № 12. С. 81–82.
2. *Дурманов Н.Д.* Памятники уголовного права. Введение // Памятники уголовного права / под ред. К.А. Сафроненко. М., 1961. Вып. 8.
3. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М., 1997.
4. История отечественного государства и права: учебник для академического бакалавриата. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
5. *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947.
6. *Сушкова Ю.Н.* П.С. Ромашкин – «большой человек». Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017.
7. *Томсинов В.А.* «Всем должно хранить интерес государев и государственной»: Петр I как законодатель // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост., автор предисл. и вступ. ст. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014. С. XVIII–XLVII.

REFERENCES

1. *Gernet M.N.* P.S. Romashkin. The main principles of the criminal and military-criminal legislation of Peter I. Review of the book: Romashkin P.S. The main principles of the criminal and military-criminal legislation of Peter I. *Soviet State and Law*. 1947. No. 12. Pp. 81–82. (In Rus.)
2. *Durmanov N.D.* Monuments of criminal law. Introduction. In: *Monuments of criminal law*. K.A. Safronenko (ed.). Moscow, 1961. 8th issue.
3. *Legislation of Peter I*. A.A. Preobrazhensky, T.E. Novitskaya (ex. eds.). Moscow, 1997.
4. *History of the domestic state and law*. In 2 parts. Part 1: Textbook for academic undergraduate studies. O.I. Chistyakov (ed.). 5th ed., rev. and add. Moscow: Yurayt, 2014.
5. *Romashkin P.S.* The main principles of the criminal and military-criminal legislation of Peter I. Moscow, 1947.
6. *Sushkova Yu.N.* P.S. Romashkin: A big man. Saransk: Publishing House of the Mordovian University, 2017.
7. *Tomsinov V.A.* "Everyone should keep the interest of sovereigns and the state": Peter I as a legislator. In: *Legislation of Peter I. 1696–1725*. V.A. Tomsinov (compiler, author of the preface and introductory article). Moscow: Zertsalo, 2014. Pp. XVIII–XLVII.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 63,09%

Статья поступила в редакцию 04.03.2022, принята к публикации 17.04.2022

The article was received on 04.03.2022, accepted for publication 17.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент; декан юридического факультета, зав. кафедрой международного и европейского права ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева». Саранск, Российская Федерация. ORCID ID: 0000-0003-4388-0611; E-mail: yulenkam@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia N. Sushkova, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor; Dean at the Law Faculty, Chair of the International and European Law Department of the National Research Ogarev Mordovia State University. Saransk, Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-4388-0611; E-mail: yulenkam@mail.ru

Противодействие нарушению права защиты на участие в доказывании

Д.В. Ильин ©

НО Московская коллегия адвокатов «Единство – Солидарность»,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: peter.rajkovsky@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследования проблемы преодоления нарушений конституционных прав стороны защиты по участию в процессе доказывания по делам, имеющим общественный резонанс уголовно-процессуальными средствами. Согласно принципам равенства и состязательности сторон в уголовном процессе адвокат (защитник, представитель) подозреваемого, обвиняемого подсудимого имеет те же права в сфере доказывания, что и сторона обвинения. Это касается, в первую очередь, права собирать и предоставлять доказательства, опровергающие версию обвинения либо подвергающие их обоснованному сомнению. Как показывает практика, должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, стремятся не приобщать к материалам дела доказательства стороны защиты, в том числе ценой прямого нарушения требований Конституции РФ и процессуального законодательства. Основания отказа в таком приобщении, как правило, не выдерживают никакой критики и могут быть расценены как правонарушения различной юридической природы: от дисциплинарной до уголовно-правовой. Такое же равное право сторона защиты имеет в аспекте оценки относимости, допустимости и достоверности доказательств. В данном случае имеются в виду случаи, когда представитель стороны защиты инициирует проверку соответствия доказательств обвинения предъявляемым законодательным требованиям. Примеры этого подробно анализируются в настоящей статье. Статья подготовлена на основе опыта работы автора в качестве адвоката по уголовным делам и посвящена анализу следующей проблемы. В статье автор исследует теоретические основы и предысторию проблемы, на примере уголовных дел, имеющих общественный резонанс, анализирует принципы, обеспечивающие равноправие и состязательность сторон в уголовном процессе, основанную на них систему прав участников судопроизводства, их правовую регламентацию, встречающиеся, наиболее типичные нарушения права защиты на участие в доказывании. Далее автор рассматривает правовые средства и механизмы (способы) преодоления указанных нарушений в уголовном процессе: ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование правового обеспечения прав подозреваемых, обвиняемых подсудимых, а также адвоката (защитника, представителя). В заключение на основе проведенного исследования автор формулирует ряд выводов и предложений, направленных на преодоление обвинительного уклона и нарушений прав участников судопроизводства по делам, имеющим общественный резонанс, совершенствование и повышение эффективности преодоления нарушений конституционного права на защиту.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, право на защиту, состязательность и равноправие сторону в уголовном процессе, адвокат (защитник, представитель), право на равное участие в доказывании, собрание, проверка и оценка доказательств, относимость, допустимость, достоверность, нарушение конституционных и процессуальных прав, право на защиту, право на ознакомление с материалами уголовного дела, уголовно-процессуальные средства преодоления нарушений конституционных прав, функции адвоката, обжалование нарушения права защиты, использование технических средств, уголовные дела, имеющие общественный резонанс

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ильин Д.В. Противодействие нарушению права защиты на участие в доказывании // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 40–47. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-40-47

Countering the Violation of the Right of Protection to Participate in the Proof

D.V. Ilin ©

Moscow bar Association "Unity of Solidarity",
Moscow, Russian Federation

E-mail: peter.rajkovsky@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study of the problem of overcoming violations of the constitutional rights of the defense party to participate in the evidentiary process in cases that have a public resonance by criminal procedural means. According to the principles of equality and competitiveness of the parties in criminal proceedings, the lawyer (defender, representative) of the suspect, accused defendant has the same rights in the field of evidence as the prosecution. This concerns, first of all, the right to collect and provide evidence refuting the prosecution's version or subjecting them to reasonable doubt. As practice shows, officials conducting a preliminary investigation tend not to attach evidence from the defense to the case materials, including at the cost of direct violation of the requirements of the Constitution of the Russian Federation and procedural legislation. The grounds for refusing such admission, as a rule, do not stand up to any criticism and can be regarded as offenses of various legal nature: from disciplinary to criminal law. The defense party has the same equal right in the aspect of assessing the relevance, admissibility and reliability of evidence. In this case, we mean cases when a representative of the defense initiates a check of the compliance of the prosecution evidence with the legislative requirements. Examples of this are analyzed in detail in this article. The article is prepared on the basis of the author's work experience as a criminal lawyer and is devoted to the analysis of the following problem. In the article, the author explores the theoretical foundations and background of the problem, using the example of criminal cases that have a public resonance, analyzes the principles that ensure equality and competitiveness of the parties in criminal proceedings, the system of rights of participants in legal proceedings based on them, their legal regulation, the most common, most typical violations of the right of the defense to participate in evidence. Next, the author examines the legal means and mechanisms (ways) to overcome these violations in the criminal process. a number of conclusions and proposals aimed at improving the legal protection of the rights of suspects, accused defendants, as well as a lawyer (defender, representative). In conclusion, based on the conducted research, the author formulates a number of conclusions and proposals aimed at overcoming the accusatory bias and violations of the rights of participants in court proceedings in cases with public resonance, improving and increasing the effectiveness of overcoming violations of the constitutional right to defense.

Key words: participants in criminal proceedings, the right to defense, adversarial and equal rights of a party in criminal proceedings, a lawyer (defender, representative), the right to equal participation in proving, collection, verification and evaluation of evidence, relevance, admissibility, reliability, violation of constitutional and procedural rights, the right to defense, the right to familiarize with the materials of the criminal case, criminal procedural means of overcoming violations of constitutional rights, functions of a lawyer, appeal against violations of the right of defense, use of technical means, criminal cases, having a public response

FOR CITATION: Ilin D.V. Countering the Violation of the Right of Protection to Participate in the Proof. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 40–47. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-40-47

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших основ уголовного процесса выступает состязательность сторон. По своей сути это эволюционно сформировавшийся принцип осуществления процессуальной деятельности, который позволяет обеспечить равные возможности сторон по собиранию, проверке и оценке, а также представлению доказательств. Это, в свою очередь, обеспечивает справедливость, беспристрастность, объективность и законность принятия процессуальных решений и, в первую очередь, судебных.

В литературе справедливо отмечается, что правосудие имеет лексическое значение справедливого суда [3: 41]. Справедливость же решения основана не только на соответствии меры воздаяния мере требования, но и на правомерности оценки [1: 10]. Это означает,

что применение воздаяния за тот или иной проступок должно быть обоснованным, т.е. основанным на познании истины по делу. Исторически сложилось, что любое знание, переведенное из достояния субъекта в достояние социальной группы (всего общества), включает в себе специфическое познавательное отношение к истине, обусловленное общепринятыми нормами ее удостоверения и признания [5: 48]. Применительно к любой стадии судопроизводства такими формами являются законодательные требования к допустимости доказательств. Посредством этих требований, как правильно отмечает А.А. Давлетов, осуществляется перевод знания «для себя», которое является достоянием самого процессуального субъекта (в нашем случае – судьи), – в знание «для других» [2: 14–17]. Несомненно, что судебный акт может считаться правосудным, если судья (суд), его издавший, не только познал истину

по делу, но и не нарушил при этом процессуальный закон, а также отклонил данные, полученные с таким нарушением.

Это напрямую согласуется с принципом состязательности. Иначе вместо состязательности мы получим современный вариант судебного поединка – побеждает тот, кто сумел обмануть суд и запутать соперника. Полагаем, что при конкуренции теорий формальной и объективной истины правильным может быть только выбор последней. Именно установление объективной истины лишает возможности обвинение «заваливать» дело однотипными, но малоинформативными доказательствами, т.е. «брать количеством», игнорируя при этом противоположную позицию стороны защиты. Подчас лишь одно свидетельское показание или заключение специалиста способно полностью разрушить версию следствия. Об этом пойдет речь далее.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ

Право на защиту является фундаментальным конституционным правом человека и гражданина, представленным целым рядом норм Конституции РФ (ч. 2 ст. 45 предусматривает право на защиту своих прав и свобод; ч. 1 ст. 46 содержит гарантию судебной защиты прав и свобод; ст. 48 содержит универсальное право на получение квалифицированной юридической помощи).

Между тем, право на защиту является комплексным и включает несколько составляющих элементов. Среди них важное значение имеют процессуальные гарантии равенства и состязательности сторон.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Ключевым положением, относящимся к теме настоящей статьи, является то, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ).

Смысл данного положения заключается в том, что обе стороны – и обвинение, и защита, имеют равные процессуальные полномочия, права и возможности, в том числе – в рамках собирания, проверки и оценки доказательств. Это не пустая декларация. Лишь в условиях равенства и состязательности можно обеспечить установление истины по делу, а следовательно – вынесение законного и справедливого (правосудного) приговора суда.

Как справедливо отмечает И.В. Дворянсков, доказательность – это фундамент осуществления правосудия. Она также является гарантией соблюдения прав лиц, вовлеченных в процесс судопроизводства, ограждения невиновных от привлечения к уголовной ответственности и осуждения либо необоснованного применения гражданско-правовых и прочих санкций. Закон запрещает получать фактические данные по делу любой ценой, любыми средствами. Это прямо противоречит требованию ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Этот конституционный принцип отражен и в процессуальном законодательстве. При этом под *достоверностью доказательств* автор понимает такое, отвечающее юридическим требованиям, отношение

фактических данных к обстоятельствам дела, которое с необходимостью обуславливает установление истины по этому делу и при этом исключает возможность иных выводов [4: 8, 10].

Соглашаясь с этой позицией, добавим, что такое свойство доказательств как достоверность может быть установлена только в состязательном процессе, когда в ходе противостояния сторон отсеиваются опровержимые или подвергаемые обоснованному сомнению фактические данные.

Разумеется, обратной стороной состязательности выступает желание настоять на своей версии, обосновать ее во что бы то ни стало. Как правило, это делается стороной обвинения. И дело здесь не только (и не столько в убежденности в своей позиции), а зачастую – в ложно понимаемых служебных интересах либо, что еще хуже – в прямом безапелляционном желании довести дело до суда и вынесения обвинительного приговора. Это, в свою очередь, обусловлено мотивами карьерного характера или выполнением определенных плановых показателей, что, очевидно, не имеет отношения к установлению истины по делу и содействию правосудию.

В связи со сказанным должностными лицами, производящими предварительное расследование (следователями, дознавателями) допускаются злоупотребления, иные правонарушения, выражающиеся в отказе приобщать к материалам дела фактические данные, представляемые стороной защиты, под различными предлогами. Как правило, такой отказ может выражаться в форме: волокиты (необоснованного затягивания в решении данного вопроса), ложных ссылок на законодательство, якобы не дающего оснований приобщения конкретных материалов, либо предъявлении не основанных на законе условий, при которых эти данные могут быть приобщены к делу.

Рассмотрим характерный пример. Сторона защиты обвиняемого К. обратилась в Басманный районный суд г. Москвы с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой просила признать незаконным и необоснованным действия следователя по особо важным делам по отказу в приобщении к материалам уголовного дела доказательств защиты, а именно заключения специалиста, а также по отказу в допросе специалиста. В жалобе отмечалось, что следователь пользуясь своим особым надпроцессуальным положением центрального аппарата СК РФ, при отсутствии надлежащего контроля, отказывается принимать и приобщать к делу доказательства защиты обвиняемого К., которые, очевидно, противоречат, разрушают стройную линию обвинения, не вписываются в план обвинения в обвинительной направленности расследования уголовного дела. Основанием для отказа послужил «следственный анализ» процессуального законодательства с выводом: «Исходя из последовательного «трактования» (редакция следователя) норм действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации следует, что обвиняемый и его защитник не наделены правом привлечения специалиста» вопреки п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. По смыслу данного следственного вывода законодатель, внося эту норму в закон, вступил в противоречие со всем остальным законодательством страны и не учел интересы следствия.

Ильин Д.В.

Следователь также считает, что ст. 15 УПК РФ («Состязательность сторон») создана законодателем сгоряча (явление изжившее себя), не подлежит применению в любом случае в центральном аппарате СК РФ и нуждается в упразднении.

Кроме того, следователь полагает, что проводимые органом предварительного следствия допросы свидетелей «под псевдонимом», в которых, в соответствии с представленным защитой заключением, отсутствуют информация о времени, месте, способе передачи и размере денежных средств, якобы переданных К., а источник осведомленности вообще не указан, не являются и не могут являться «предметом расследования» по настоящему уголовному делу.

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство не знает термина «предмет расследования». В ст. 73 УПК РФ регламентируются обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Вместе с тем, сторона защиты считает, что ст. 15, п. 3 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ в совокупности с нормой ст. 45 Конституции РФ обязывают следствие принимать все представленные доказательства защиты и приобщать их к делу для их последующей проверки и исследования в ходе расследования (в том числе при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания стражи), как на стадии досудебного производства, так и в суде.

Тот факт, что следователь не может доказать содержащееся в предъявленном К. обвинении деяние, которое в реальности никогда не происходило, не должно быть основанием к отказу защите в приобщении ее доказательств и препятствовать установлению истины по делу.

В свою очередь, согласно ст. 125 УПК РФ подобные действия (бездействие) и решения субъектов обвинения могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Однако, Басманный районный суд в удовлетворении жалобы отказал на основании неверного толкования ст. 38 УПК РФ, отводя следователю фактически монопольную и произвольную роль в направлении хода расследования по уголовному делу и принятии решений о производстве следственных и процессуальных действий. Согласно такому толкованию следователь может действовать исключительно по своему усмотрению.

Данное решение, очевидно, противоречит действующему законодательству. Исходя из нормы ст. 38 УПК РФ суд сделал неверный вывод о том, что «в данном конкретном случае суд при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ не вправе обязать должностных лиц, проводящих предварительное расследование, совершить какие-либо конкретные процессуальные или следственные действия, поэтому нарушений конституционных прав и свобод, которые по смыслу ст. 125 УПК РФ позволяли бы удовлетворить доводы жалобы заявителя в этой части его требований, не имеется. При таких обстоятельствах, предмет жалобы заявителей на решение следователя, связанного с назначением, проведением экспертизы – в порядке ст. 125 УПК РФ, отсутствует».

При этом суд не учел, что сторона защиты не просила обязать следователя совершать какие-либо действия, а только ходатайствовала дать правовую оцен-

ку в порядке ч. 5 ст. 125 УПК РФ его отказа приобщить к делу доказательства по основаниям п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (право представлять доказательства), полученные защитой в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ (право собирать доказательства).

В данном случае в силу рассматриваемого ранее принципа состязательности сторон и конкретных процессуальных полномочий обвиняемый и его защита вправе представлять доказательства. Следствие, в свою очередь, не может в этом отказать.

Отказ приобщать доказательства невиновности, представленные стороной защиты, нарушают права обвиняемого и относятся к решениям, затрудняющим доступ граждан к правосудию, так как они произвольно ограничивают права граждан на защиту. Об этом прямо говорится в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 1 от 10.02.2009 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [9]. По смыслу ст. 123 и 125 УПК РФ жалобу на процессуальные решения и действия (бездействие) следователя вправе подать любой участник уголовного судопроизводства в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают его интересы (п. 5 постановления Пленума ВС РФ), а уж тем более обвиняемый и его защитник, чьи доказательства не принимаются, так как они противоречат версии обвинения и поставленной следователю задачей во что бы то ни стало направить уголовное дело прокурору с обвинительным заключением.

Ошибочным представляется и вывод о том, что следователь по основаниям ст. 38 УПК РФ может делать только то, что сам посчитает нужным. Такая трактовка закона противоречит Постановлению Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П [7], где в п. 5 указано, что «УПК РФ закрепляет общие полномочия следователя, в том числе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и в порядке, установленным уголовно-процессуальным законом, в том числе в порядке п. 4 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ».

КС РФ также указывает, что наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования и принимать процессуальные решения, законодатель не исключает необходимость выполнения следователем при осуществлении уголовного преследования всего комплекса предусмотренных УПК РФ, в частности его ст. 7, 11, 14 и 16, мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве [8].

Такое требование КС РФ обуславливает, в данном случае, обязанность следователя принимать доказательства от обвиняемого и его защитника, приобщать их к делу вне зависимости от того, хочет или не хочет он этого делать, а суд обязан дать этому оценку с точки зрения законности или незаконности, чего не стал делать судья в обжалуемом постановлении.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации также указал, что по результатам рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК Российской Федерации суд выносит постановление либо о признании

действия (бездействия) или решения должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения; данное постановление должно быть законным, обоснованным и мотивированным (часть четвертая ст. 7 и часть пятая ст. 125 УПК Российской Федерации). При этом, рассматривая жалобу, суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовного-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности оспариваемых действий (бездействия) и решений. Такая оценка закономерно включает в себя и полномочие суда указать соответствующему органу или должностному лицу на конкретные нарушения, которые ими допущены и которые они обязаны устранить. Невыполнение данной обязанности может служить основанием не только для обжалования связанных с этим действий (бездействия) прокурору или в суд, но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения [6].

Приобщение к делу доказательств обвиняемым и его защитой осуществляется на основании и в порядке п. 4 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Таким образом, ст. 15, п. 3 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ в совокупности со ст. 45 Конституции РФ обязывают следствие принимать все представленные доказательства защиты и приобщать их к делу для их последующей проверки и исследования в ходе расследования (в том числе при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания стражи), как на стадии досудебного производства, так и в суде.

Согласно данным нормам, процесс сбора доказательств не является монополией следствия (дознания), прокурора и суда.

Подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

Таким образом, реализуется принцип состязательности и равенства сторон в процессе. Данные гарантии строго регламентированы в процессуальном законодательстве и не допускают двоякого либо ограничительного толкования.

Между тем, как говорилось выше, следствие, подчас, прибегает к определенным мерам для воспрепятствования предоставления доказательств стороной защиты. В частности, следователь может отказать в приобщении к делу показания или заключения специалиста.

1. Безосновательный отказ в приобщении доказательств к делу. Встречается нечасто, поскольку довольно легко обжалуется. Наиболее характерным примером такого является банальная волокита (необоснованное затягивание в решении данного вопроса).
2. Отказ в приобщении доказательств под вымышленными предлогами. Может выражаться в ложных ссылках на законодательство, якобы не дающего оснований приобщения конкретных материалов, либо предъявлении не основанных на законе условий, при которых эти данные могут быть приобщены к делу.

3. Отказ допросить специалиста, привлекаемого защитой, как лица, обладающего специальными знаниями, установившего существенные обстоятельства уголовного дела.

Однако согласно ст.ст. 53 и 58 УПК РФ защитник может привлечь специалиста. В ч. 2.1 ст. 58 УПК прямо говорится, что стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных ст. 71 УПК РФ. Исключением могут быть только обстоятельства, требующие отвода специалиста. Решение об отводе специалиста принимается в порядке, установленном ч. 1 ст. 69 УПК РФ.

Специалист не может принимать участие в производстве по уголовному делу при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 70 УПК РФ.

Нарушения принципа состязательности в аспекте равного права на предоставление доказательств на практике может допускать и суд.

Так, п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 1 от 10.02.2009 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст.125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [9] установлено, что в силу положений ч. 3 ст. 125 УПК РФ судья обязан обеспечить своевременное извещение о месте, дате и времени судебного заседания заявителя, его защитника, представителя (законного представителя), прокурора, участие которого является обязательным (п. 8 ст. 37 УПК РФ), руководителя следственного органа, следователя, осуществляющего расследование по делу, по которому принесена жалоба.

Однако, если в материалах дела нет данных об извещении стороны защиты и самого обвиняемого о дате и времени судебного заседания, это приводит к невозможности их участия в судебном заседании. Такое нарушение является самостоятельным основанием для отмены обжалуемого решения.

Таким образом, суд, не извещая надлежащим образом сторону защиты, допускает существенное нарушение закона, а также неправильное толкование нормы ст. 38 УПК РФ, в нарушение предписаний КС РФ, при этом не дал оценку обжалуемым действиям следователя в порядке п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ. Данное нарушение, как показывает практика, нередко совершается судьями.

В связи со сказанным важным является вопрос о преодолении процессуальных нарушений принципов состязательности и равенства сторон в уголовном процессе в аспекте участия в доказывании.

Правовой основой такого преодоления выступает уголовно-процессуальный механизм, предусмотренный ст. 125 УПК РФ. Не будучи облеченным административным ресурсом основным способом противодействия со стороны защитника процессуальным нарушениям выступает обжалование незаконных действий (бездействия).

Соответствующие постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки

Ильин Д.В.

преступления. Если место производства предварительного расследования определено в соответствии с ч. 2-6 ст. 152 УПК РФ, жалобы на действия (бездействие) и решения указанных лиц рассматриваются районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора.

В свою очередь, судья, в чей адрес направлена жалоба, проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора, следователя, руководителя следственного органа.

Принесение жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения, если это не найдет нужным сделать дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор или судья.

Разъясняя указанные положения, Конституционный Суд Российской Федерации, в своем постановлении от 21.11.2017 № 30-П [7] указал следующее.

Само возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления, применение к нему меры пресечения или его уведомление о подозрении в совершении преступления обуславливают приобретение им процессуального статуса подозреваемого. Тем самым статус подозреваемого как участника уголовного судопроизводства со стороны защиты позволяет лицу защищаться от уголовного преследования, для чего оно наделяется соответствующими возможностями, а потому основания и порядок изменения этого статуса должны быть четко определены в уголовно-процессуальном законе с тем, чтобы такое лицо не было ограничено в правах, включая право на судебную защиту и право на реабилитацию в случае причинения ему вреда незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон (ч. 1 ст. 15 УПК РФ), чем предопределяется участие подозреваемого в уголовном процессе со стороны защиты от обвинения, а свидетеля – в качестве иного, нейтрального участника судопроизводства.

Эффективное обжалование процессуальных нарушений стороны обвинения зависит от документально подтвержденного таких фактов. В связи с этим важное значение приобретают два аспекта деятельности защитника:

- 1) своевременное и полное ознакомление с материалами дела, в том числе в целях выявления таких нарушений, содержащихся в выносимых постановлениях, заключениях экспертизы и других материалах дела;
- 2) предоставление собранных контрдоказательств. В этом смысле хорошо зарекомендовало себя привлечение специалиста, обладающего специальными познаниями и компетенцией в вопросах, непосредственно связанными с предметом доказывания по уголовному делу. В этой связи приобретает значение право защитника снимать копии материалов дела, в том числе с помощью технических средств, чтобы впоследствии обеспечить исследование их достоверности с помощью специалиста.

В силу п. 6 ч. 1 ст. 3 УПК РФ с момента вступления в уголовное дело защитник вправе знакомиться с документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК РФ при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель вправе знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы.

Согласно ч. 6 ст. 53 УПК РФ защитник вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

Указанное право также закреплено в ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, из которой следует, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Согласно правовой позиции, содержащейся в определении Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 133-О, п. 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ прямо закрепляет возможность обвиняемого снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, и не связывает возможность его реализации лишь с одной или несколькими стадиями уголовного процесса, он не может расцениваться как препятствующий получению заявителем копий материалов уголовного дела, с которыми он имеет право знакомиться в ходе предварительного расследования.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, знакомиться в ходе предварительного расследования с отдельными процессуальными документами, имеющими существенное значение для дела (в том числе с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела непосредственно затрагивающим интересы заявителя по жалобе), а по завершению предварительного следствия – со всеми материалами уголовного дела.

Исходя из вышеперечисленных норм закона и разъяснений Конституционного Суда РФ, очевидно, что отказ следователя (дознавателя) предоставить

защитникам возможность знакомиться с материалами уголовного дела, в том числе – с использованием технических средств является нарушением процессуальных прав стороны защиты. Этим же осуществляется посягательство на принцип состязательности сторон в процессе, поскольку без надлежащего ознакомления с материалами дела у обвиняемого и его защиты не будет возможности по существу парировать обвинение, приводить факты и документы, опровергающие версию обвинения.

Встречающиеся на практике доводы следователей о том, что возможность знакомиться с материалами дела путем их фотофиксации предусмотрена только при ознакомлении с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ не являются состоятельными, поскольку в соответствии со ст. 53 УПК РФ данное право возникает у защитника с момента его вступления в дело и не связано со стадией уголовного судопроизводства.

ВЫВОД

Подводя итог сказанному, отметим, что проблема нарушения конституционных прав участников уголовного судопроизводства, прежде всего, подозреваемого,

обвиняемого, подсудимого, также адвоката (защитника) по уголовному делу была и остается актуальной. Демонстрируемый зачастую сотрудниками правоохранительной системы обвинительный уклон приводит не только к нарушению прав, но и к фактическому противостоянию обвинения и защиты. Заложниками этой ситуации становятся самые уязвимые участники уголовного процесса, указанные выше.

В этой связи нарушения принципа состязательности сторон образуют довольно существенную и опасную группу посягательств на конституционные права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, также адвоката (защитника), препятствующих, прежде всего, установлению истины по делу, вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора суда.

В этой связи задачей адвоката (защитника) является не только грамотное, но и своевременное реагирование на допускаемые нарушения, их правильная юридическая квалификация и совершение всех необходимых процессуальных действий, направленных на обеспечение прав подзащитных в строгом соответствии с законом. В первую очередь, это относится к грамотному и своевременному применению уголовно-процессуального механизма преодоления таких нарушений, основанного на положениях ст. 125 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бербешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. М.: Мысль, 1983. 203 с.
2. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 152 с.
3. Дворянсков И.В. Судебная власть и ее уголовно-правовая охрана. М., 2009. 212 с.
4. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств / отв. ред. А.И. Чуачаев; Мин-во образ. Рос. Федерации. Ульян. гос. ун-т. Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2001. 175 с.
5. Ильин В.В. Теория познания: введение, общие проблемы. 2-е изд., испр. М.: Либроком, 2009. 163 с.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1545-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вихарева Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 119, 122, 125 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072017-n-1545-o> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283210 (дата обращения: 17.03.2022).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286 (дата обращения: 17.03.2022).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения: 17.03.2022).

REFERENCES

1. *Berbeshkina Z.A.* Justice as a socio-philosophical category. Moscow: Mysl, 1983. 203 p.
2. *Davletov A.A.* Fundamentals of criminal procedure knowledge. Sverdlovsk: Publishing House of Ural University, 1991. 152 p.
3. *Dvoryanskov I.V.* The judiciary and its criminal law protection. Moscow, 2009. 212 p.
4. *Dvoryanskov I.V.* Criminal law protection of the procedural order for obtaining evidence. A.I. Chuchaev (ex. ed.); Ministry of Education of the Russian Federation. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2001. 175 p.
5. *Ilyin V.V.* Theory of knowledge: Introduction, general problems. 2nd ed., rev. Moscow: Librokom, 2009. 163 p.
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2017 No. 1545-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vkharev Roman Vyacheslavovich about the violation of his constitutional rights by the provisions of articles 119, 122, 125 and 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". *Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation*. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072017-n-1545-o> (data of accesses: 17.03.2022).
7. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.11.2017 No. 30-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of articles 38 and 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Chensky. "ConsultantPlus" legal reference system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283210 (data of accesses: 17.03.2022).
8. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.06.2004 No. 13-P "On the case of checking the constitutionality of certain provisions of articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma". "ConsultantPlus" legal reference system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286 (data of accesses: 17.03.2022).
9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.02.2009 No. 1 (as amended on 29.11.2016) "On the practice of considering complaints by courts in accordance with article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". "ConsultantPlus" legal reference system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (data of accesses: 17.03.2022).

Ильин Д.В.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 82,93%

Рецензент: Дворянсков И.В., доктор юридических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 18.03.2022, принята к публикации 24.04.2022

The article was received on 18.03.2022, accepted for publication 24.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Данила Владимирович, кандидат юридических наук, пенсионер МВД РФ, полковник полиции; адвокат НО Московская коллегия адвокатов «Единство – Солидарность». Москва, Российская Федерация. E-mail: peter.rajkovsky@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Danila V. Ilin, Cand. Sci. (Law), retired from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Police Colonel; lawyer at the Moscow Bar Association “Unity of Solidarity”. Moscow, Russian Federation. E-mail: peter.rajkovsky@gmail.com

12.00.03

Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Civil Law; Business Law; Family Law;
Private International Law

5.4.3

Демография
Demography

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-48-54

Применение искусственных методов репродукции в России и Казахстане: сравнительно-правой анализ законодательного регулирования

А.Н. Довнар ©

Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: dovnar.mggeu@mail.ru

Аннотация. Под стать стремительному развитию репродуктивной медицины поступательно эволюционирует законодательное регулирование реализуемых в Российской Федерации и Казахской Республике вспомогательных репродуктивных технологий. В предпринятом исследовании автор анализирует основы нормативного становления вспомогательной репродукции в России и Казахстане. Отдельное внимание исследователь уделяет обращению к законодательным и подзаконным актам государств, на основе которых выявляет целый ряд проблемных аспектов в сравнении правового регулирования в двух странах: 1) отсутствие конкретного и исчерпывающего перечня вспомогательных репродуктивных технологий (Россия); 2) значительный разрыв в возрастном цензе для субъектов репродуктивных правоотношений (Казахстан); 3) отсутствие требований к договору суррогатного материнства, в том числе к обязательности его нотариального удостоверения (Россия); 4) разрешение (через отсутствие прямого запрета) суррогатной матери быть донором яйцеклетки (Казахстан); 5) нет запрета на внецелевое использование гамет и эмбрионов, в том числе вывоз за границу (Россия). В качестве решения обозначенных проблем автор предлагает посредством диалога законодателей двух стран с привлечением академического сообщества (медиков и юристов) выработать позицию по каждому аспекту исследования, в результате которого будут устранены проблемы и перенят положительный опыт.

Ключевые слова: медицинское право, сравнительное правоведение, искусственная репродукция, вспомогательные репродуктивные технологии, ВРТ в России, ВРТ в Казахстане, суррогатное материнство, права человека

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Довнар А.Н. Применение искусственных методов репродукции в России и Казахстане: сравнительно-правой анализ законодательного регулирования // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 48–54.
DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-48-54

Application of Artificial Methods of Reproduction in Russia and Kazakhstan: Comparative and Legal Analysis of Legislative Regulation

A.N. Dovnar ©

Moscow State University of Humanities and Economics,
Moscow, Russian Federation

E-mail: dovnar.mggeu@mail.ru

Abstract. In order to match the rapid development of reproductive medicine, the legislative regulation of assisted reproductive technologies implemented in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is progressively evolving. In this study, the author analyzes the foundations of the regulatory development of assisted reproduction in Russia and Kazakhstan. The researcher pays special attention to the legislative acts and by-laws of the states, on the basis of which he identifies a number of problematic aspects in comparing the legal regulation in the two countries: 1) the lack of a specific and exhaustive list of assisted reproductive technologies (Russia); 2) a significant gap in the age limit for subjects of reproductive legal relations (Kazakhstan); 3) the absence of requirements for a surrogate motherhood agreement, including the obligation to notarize it (Russia); 4) permission (through the absence of a direct prohibition) of a surrogate mother to be an egg donor (Kazakhstan); 5) there is no ban on off-purpose use of gametes and embryos, including export abroad (Russia). As a solution to the identified problems, the author proposes through a dialogue between the legislators of the two countries with the involvement of the academic community (physicians and lawyers) to develop a position on each aspect of the study, as a result of which problems will be eliminated and positive experience will be adopted.

Key words: medical law, comparative legal studies, artificial reproduction, assisted reproductive technologies, ART in Russia, ART in Kazakhstan, surrogacy, human rights

FOR CITATION: Dovnar A.N. Application of Artificial Methods of Reproduction in Russia and Kazakhstan: Comparative and Legal Analysis of Legislative Regulation. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 48–54. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-48-54

ВВЕДЕНИЕ

Искусственные методы репродукции – величайшее достижение репродуктивной медицины, позволяющее пациентам с диагнозом «бесплодие» возыметь долгожданного ребенка и в полной мере реализовать право на родительство. В предпринятом нами исследовании мы проведем сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования процесса применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) на территории Российской Федерации и Республики Казахстан.

Основы нормативного регулирования применения искусственных методов репродукции

Применение искусственных методов репродукции в России и Казахстане осуществляется на основе законодательной базы и разработанных в соответствии с ней подзаконных актов: в Российской Федерации принят Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ¹ и приказ

Минздрава России от 31.07.2020 № 803н², в Казахстане действует Кодекс Республики Казахстан от 07.07.2020 № № 360-VI³, приказы министра здравоохранения Республики Казахстан от 08.12.2020 № ҚР ДСМ-236/2020⁴ и от 15.12.2020 № ҚР ДСМ-272/2020⁵. Разумеется, что указанным перечнем нормативное регулирование ВРТ

² Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2020).

³ Кодекс Республики Казахстан от 07.07.2020 № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2020. № 15-II (2809). Ст. 76.

⁴ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 08.12.2020 № ҚР ДСМ-236/2020 «Об утверждении правил и условий проведения донорства половых клеток, тканей репродуктивных органов» // ИС «Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде».

⁵ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 15.12.2020 № ҚР ДСМ-272/2020 «Об утверждении правил и условий проведения вспомогательных репродуктивных методов и технологий» // ИС «Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде».

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

в анализируемых государствах не ограничивается, его отдельные аспекты отражены в иных актах [2: 19].

Принимая во внимание разность национальных правовых систем, стоит уделить особое внимание используемой в законодательстве анализируемых государств терминологии. Так в России под ВРТ понимаются методы лечения бесплодия, при которых отдельные или все этапы зачатия и развития эмбрионов происходят вне материнского организма. Почти такое же определение дано и в Кодексе Казахстана о здоровье народа, за исключением приведения в нем исчерпывающего перечня ВРТ в самом понятии видов реализуемых ВРТ: искусственной инсеминации, искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона.

Полагаем, что при определении ВРТ и в России, и в Казахстане как методов лечения бесплодия нарушается классичность дефиниции «лечение», которая в отношении ВРТ должна смениться на термин «преодоление». Если в России законодатель непреклонен в отношении используемых легальных категорий, определяя всю совокупность поименованных и непоименованных ВРТ в качестве лечения бесплодия, то в Казахстане уже есть предпосылки для соответствующего корректирования, поскольку, к примеру, донорство половых клеток, пусть и на уровне соответствующего приказа министра здравоохранения, характеризуется как метод преодоления бесплодия при его фактическом использовании за рамками механизмов лечения бесплодия в нынешней редакции Кодекса.

В отличие от Казахстана законодательству России не известен исчерпывающий перечень ВРТ, хотя в терминологической характеристике п. 1 ст. 55 Федерального закона об охране здоровья упоминаются донорство и криоконсервация половых клеток, а также суррогатное материнство, которые наряду с иными видами, поименованными в ведомственном приказе Минздрава России, относятся к ВРТ и активно применяются в клинической практике.

Иное регулирование ВРТ установлено в Казахстане, где в Кодексе о здоровье народа указаны искусственные инсеминация и оплодотворение, а также имплантация эмбриона (ст. 146), в свою очередь донорство половых клеток приведено в иной норме (ст. 148). На первый взгляд, такое разграничение можно объяснить законодательно предусмотренной для граждан возможностью быть донорами репродуктивных органов, что могло бы помочь пациентам с диагнозом «бесплодие» полноценно реализовать вспомогательную функцию репродуктивных технологий как метода лечения бесплодия, излечиться от болезни и стать обладателями нормальной фертильности. Однако при обращении к содержанию приказа министра здравоохранения РК от 8.12.2020 № ҚР ДСМ-236/2020, которым в силу закона установлены порядок и условия проведения ВРТ, мы обнаруживаем, что ведомственный акт целиком посвящен вопросам ВРТ (в смысле их очевидной характеристики как методов преодоления, а не лечения бесплодия) без хотя бы малейшего акцента на донорство репродуктивных органов, а потому нам непонятно напрасное разделение, по сути, одинаковых по предмету регулирования норм и отражения их в разных документах.

Теперь полагаем правильным остановиться на иных аспектах сравнительно-правового анализа законо-

дательного регулирования ВРТ в России и Казахстане по следующим категориальным положениям: субъектный состав реализации искусственных методов репродукции, возрастной ценз субъектов реализации искусственных методов репродукции, регулирование договорного начала при реализации искусственных методов репродукции, суррогатная мать как субъект реализации вспомогательных методов репродукции и обязательства сторон в реализации вспомогательных методов репродукции. Далее чуть подробнее проанализируем основы по каждому из обозначенных аспектов.

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННЫХ МЕТОДОВ РЕПРОДУКЦИИ

В Казахстане правом на применение ВРТ могут воспользоваться женщина и мужчина, состоящие в браке [3: 16] (где брак понимается как равноправный союз между мужчиной и женщиной⁶), давшие свое обоюдное информированное согласие на медицинское вмешательство. К мужчине и женщине, не состоящим в браке, предъявляются требования о наличии согласия лишь того лица, в отношении которого планируется применение медицинского вмешательства. Более Кодекс о здоровье народа никаких требований не предъявляет, отдавая нормативное регулирование ВРТ в ведение Минздрава Казахстана. Тот в свою очередь приказом министра от 15.12.2020 № ҚР ДСМ-272/2020 обозначает дополнительные критерии: возрастной ценз, наличие медицинских показаний и отсутствие противопоказаний.

Нам представляется важным акцентировать внимание не на наличие в законодательстве Казахстана противоречия: с одной стороны (в соответствии со ст. 146 Кодекса о здоровье народа), на применение ВРТ могут рассчитывать супруги и сожители, с другой (в соответствии со ст. 58 Кодекса о браке и семье) такое право предоставлено только женщинам (вне зависимости от состояния в браке), которые должны обладать удовлетворительным психофизическим состоянием и репродуктивным здоровьем. Такое положение норм в равных по юридической силе актах не коррелируется между собой, а наличие у потенциальной пациентки удовлетворительного состояния репродуктивного здоровья нивелирует влияние проблем с естественным зачатием ребенка и последующей надобностью за обращением в медицинскую организацию за оказанием помощи с применением ВРТ.

Ввиду законодательного закрепления в Казахстане донорства половых клеток в качестве отдельной технологии за рамками ВРТ, отметим, что в отличие от регулирования ВРТ, в котором не отражен возрастной ценз, к потенциальным донорам на законодательном уровне выдвигается ряд условий: возраст от 18 до 35 лет, психофизическое здоровье, прохождение медико-генетического обследования, а также обязательства, о которых речь пойдет далее. В свою очередь приказом министра здравоохранения предусмотрено положение, в силу которого рождение 10 детей от одного донора является основанием для прекращения использования

⁶ Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2011. № 22 (2599). Ст. 174.

Довнар А.Н.

этого донора для реципиентов. Примечательно, что ни в Кодексе о здоровье народа, ни в приказе министра здравоохранения не содержится сведений о праве лиц, использующих донорские половые клетки, на информацию о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а также о внешних данных.

Что касается России, то в нашей стране на применение в отношении них ВРТ могут рассчитывать мужчины и женщины, как состоящие, так и не состоящие в браке (при фактическом отсутствии легального понятия брака как союза мужчины и женщины, которое есть в семейном законодательстве Казахстана, хотя при отражении приоритета государственной политики по защите брака как союза мужчины на конституционном уровне в России), давшие обоюдное (вне зависимости от состояния в браке) добровольное согласие на медицинское вмешательство, а также одинокая женщина, выразившая письменное согласие на применение к ней медицинских манипуляций.

К реализации в отношении физических лиц процедуры суррогатного материнства отечественный законодатель подходит с определенными условиями. В соответствии с законодательной теорией услугами суррогатной матери могут воспользоваться лишь те, в отношении которых может быть по общему правилу применено ВРТ, однако правоприменительная практика показывает, что вместе с гражданами России (супругами, сожителями и одинокой женщиной) стать участниками программы суррогатного материнства могут иностранные граждане (лица без гражданства), а также одинокие мужчины, в том числе с нетрадиционной сексуальной ориентацией (последние при посещении учреждений здравоохранения апеллируют к фактическому отсутствию матки, что в ведомственном приказе Минздрава России означает возможность применения ВРТ).

Несмотря на то, что донорство половых клеток и эмбрионов в России входит в перечень ВРТ, по аналогии с законодательством Казахстана все же скажем о нем отдельно. Согласно действующему в нашей стране закону к донорам предъявляется крайне скудный (даже в сравнении с законодательством Казахстана) перечень требований: соответствие возрастному цензу, психофизическое здоровье и прохождение медико-генетического обследования. Касательно лиц, использующих донорские половые клетки, для них предусмотрено право на получение информации о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а также о внешних данных.

ВОЗРАСТНОЙ ЦЕНЗ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННЫХ МЕТОДОВ РЕПРОДУКЦИИ

И в Казахстане, и в России на законодательном уровне отсутствует минимальный порог возраста, с которого допускается применение ВРТ, в том числе (для Казахстана) донорства половых клеток. Вместе с тем, принимая во внимание нормы Гражданского кодекса Республики Казахстан (ст. 22-1)⁷ и Гражданского кодек-

са Российской Федерации (ст. 27)⁸, а также положения Кодекса РК о браке (супружестве) и семье (ст. 10)⁹ и Семейного кодекса РФ (ст. 13)¹⁰, не сложно предположить, что по общему правилу минимальным возрастом для участия в реализации ВРТ является достижение совершеннолетия, за исключением наступления эмансипации. Здесь стоит заметить, что, несмотря на возможную эмансипацию, донорами допускается быть только лицам не моложе 18 лет, тогда как суррогатной матерью вправе быть только женщина, достигшая возраста 20 лет.

Касательно максимального возраста, после которого применение ВРТ, не допускается, можно обозначить границы для Казахстана – до 42 лет (отражено в приказе министра здравоохранения) для России – 35 лет (отражено в отраслевом федеральном законе и продублировано в ведомственном приказе Минздрава России). Отдельное положение в законодательстве Казахстана содержится насчет предельного возраста для доноров – 35 лет, тогда как в России граница до 35 лет для доноров включена в общий перечень возрастного ценза для всех видов ВРТ, куда входит и донорство половых клеток.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНОГО НАЧАЛА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННЫХ МЕТОДОВ РЕПРОДУКЦИИ

В соответствии с законодательством Казахстана (Кодекс о браке и семье), хотя и не определена правовая природа и не дано понятие договору суррогатного материнства, зато содержатся обязательные условия заключения договора: письменная форма (ст. 54), соблюдение требований к содержанию договора (ст. 55) и его нотариальное удостоверение.

По правде сказать, понятие договора суррогатного материнства все-таки есть, только в приказе министра здравоохранения, при обращении к которому мы обнаруживаем такое же противоречие по субъектному составу участников программ ВРТ, которое нами приводилось ранее. В силу пп. 11 п. 2 Правил и условий проведения ВРТ, таким договором признается соглашение между лицами, состоящими в браке, и женщиной, давшей согласие на вынашивание и рождение для них ребенка. С нашей точки зрения, данная терминология на уровне ведомственного акта противоречит положениям семейного законодательства Казахстана, сужая круг субъектов, могущих быть потенциальными пациентами и воспользоваться ВРТ. Вместе с тем употребление вместо «мужчины и женщины, состоящими в браке» «лицами, состоящими в браке» имплицитно свидетельствует о возможности заключить такое соглашение и для лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Однако хочется надеяться, что публично-правовой порядок Казахстана и его реализация

⁷ Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27.12.1994 № 268-ХІІІ (ред. от 01.01.2022) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1994. № 23-24 (приложение).

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

⁹ Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 № 518-ІV «О браке (супружестве) и семье» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2011. № 22 (2599). Ст. 174.

¹⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

в акте нотариального удостоверения поименованного договора не позволят расширительно толковать и применять на практике нормативный акт.

В гражданском и семейном законодательстве России совсем нет норм, каким-либо образом регулирующих условия и порядок заключения договора о суррогатном материнстве, за исключением содержащегося в Федеральном законе об охране здоровья граждан (п. 9 ст. 55)¹¹ упоминания о том, что отношения между суррогатной матерью и генетическими родителями (одинокой женщиной) оформляются договором, но речи о его нотариальном удостоверении не идет.

СУРРОГАТНАЯ МАТЬ КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ РЕПРОДУКЦИИ

В отраслевом Кодексе Казахстана о здравоохранении не содержится требований к потенциальной суррогатной матери, зато Кодекс о браке и семье (ст. 56) перечисляет в качестве критериев отбора для участия в программах ВРТ в роли суррогатной матери условия соответствия возрастному цензу, наличия удовлетворительного психофизического и репродуктивного здоровья (что подтверждается заключением медицинской организации), а также собственного здорового ребенка и (при состоянии в браке) нотариально заверенного согласия супруга на участие женщины в качестве суррогатной матери. Каких-либо иных (в том числе запрет суррогатной матери быть донором яйцеклетки) критериев законодатель не предъявляет.

Законодательством России предусматривается обязательное соответствие потенциальной суррогатной матери возрастному цензу, медицинским показаниям по отсутствию противопоказаний быть суррогатной матерью (наличие удовлетворительного состояния здоровья), которая должна иметь хотя бы одного своего здорового ребенка, при состоянии в брачно-семейных отношениях получить письменное согласие супруга (о нотариальном удостоверении такого согласия речи не идет), оформить свое информированное согласие на медицинское вмешательство. Традиционное (естественное) суррогатное материнство запрещено.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СТОРОН В РЕАЛИЗАЦИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ РЕПРОДУКЦИИ

Регулирование обязательств сторон в сфере рассматриваемой научной проблематики по законодательству Казахстана (Кодекс о здоровье народа) заключается в возложении на участников программ ВРТ вкуче с обязанностью соответствовать предъявляемым критериям (изложенным выше) еще и запрета на совершение определенных действий: выбирать пол будущего ребенка (за исключением оговоренных в законе случаев), использовать человеческий эмбрион в коммерческих и иных целях, а также вывозить по означенным в законе целям половые клетки и человеческий эмбрион за границу.

¹¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

В свою очередь для потенциальных доноров закон обозначает запрет реализации права на обладание информацией о дальнейшей судьбе своих донорских половых клеток, сюда же можно продублировать невозможность донора после рождения от его клеток 10 детей быть участником донорских программ в дальнейшем.

Относительно супругов-заказчиков Кодекс о браке и семье презюмирует, что после заключения ими договора суррогатного материнства они в полной мере приобретают права и обязанности на ребенка, родившегося с применением ВРТ (п. 2 ст. 54). Одновременно наличие категории «права-обязанности» для супругов корреспондирует взаимные права и обязанности для суррогатной матери, которая должна передать рожденного ею с помощью ВРТ ребенка, лицам, заключившим с ней договор, она же не вправе передавать такого ребенка третьим лицам (пп. 4 п. 2, п. 3 ст. 57).

Аналогичным образом в России для желающих быть участниками программ ВРТ устанавливается запрет на выбор пола будущего ребенка (за исключением поименованных в законе случаев), а также использование половых клеток и эмбрионов человека в промышленных целях. О запрете на коммерческое и иное использование, а также на вывоз таких клеток и эмбрионов за рубеж речи не идет.

Реализация донорства происходит в том числе через право пользователей донорского материала на получение исчерпывающей информации о доноре, который обязан ее предоставить в полном объеме. Дополнительно стоит сказать пусть и не о законодательном запрете, но сложившейся судебной практике на недопустимость для донора при установлении отцовства апеллировать к обстоятельству фактического родительства в отношении рожденного с применением ВРТ ребенка¹².

В противовес казахстанскому законодательному регулированию анализируемого аспекта, связанного с обязательствами, в России нет прямой обязанности суррогатной матери передать, а генетических родителей (сожителей) или одинокой женщины принять рожденного с применением ВРТ ребенка. Напротив, запись родителей рожденного через суррогатное материнство ребенка в качестве таковых может быть произведен только после получения ими письменного согласия на то суррогатной матери, что нами наряду с другими учеными неоднократно оценивалось как диктат воли суррогатной матери [2: 79] и злоупотребление ею своим правом.

ВЫВОДЫ

По итогу проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Законодательное регулирование применения искусственных методов репродукции в обозначенных государствах существенно отличается и количеством принятых нормативных актов, и их концептуально-содержательной характеристикой: в Республике Казахстан приняты два кодекса и два приказа

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. Июль 2017. № 7.

министра здравоохранения, где прописаны положения, регламентирующие применение искусственных методов репродукции, тогда как в Российской Федерации нормативное регулирование ограничивается фрагментарным отображением некоторых аспектов применения искусственных методов репродукции лишь в одном законе (не отличающимся узкой специализацией на репродуктивных технологиях) и в ведомственном нормативном акте.

2. В аспекте понятийно-терминологической характеристики реализуемых вспомогательных репродуктивных технологий следует констатировать, что в Республике Казахстан сложилось определение ВРТ и их полный перечень, тогда как в Российской Федерации на законодательном уровне отражено лишь определение ВРТ без приведения всех реализуемых технологий. Наблюдается разница в подходах национальных правовых систем к выделению донорства половых клеток (в Республике Казахстан) в отдельный вид вспомогательной репродукции в сравнении с ВРТ, реализуемыми в нашей стране.
3. Сравнение возрастных диапазонов для участников репродуктивных правоотношений в России и Казахстане показывает, что минимальный возраст для обеих стран – 18 лет (за исключением суррогатных матерей, для которых установлен ценз 20 лет), тогда как максимальный предел возраста, после достижения которого не допускается быть участником программ вспомогательной репродукции, различается: для России предел – 35 лет, для Казахстана – 42 года.
4. Существенно различается в России и Казахстане регулирование договорного начала в отношениях, связанных с реализацией вспомогательной репродукции: в Казахском государстве есть понятие договора суррогатного материнства, закреплены положения по форме и содержанию соглашения, оговорена обязательность его нотариального удостоверения. Что касается Российского государства, то кроме скудного упоминания о факте заключения договора между суррогатной матерью и генетическими родителями (одиноким женщиной) в правовом регулировании ничего нет.
5. Примечательно, что законодательство России для суррогатной матери устанавливает наиболее выверенные требования, в сравнении с Казахстаном: так в нашей стране суррогатная мать должна быть физически и психически здорова, иметь своего хотя бы одного здорового ребенка и, что немало важно, ей запрещается быть донором яйцеклетки (традиционное суррогатное материнство запреще-

но), тогда как в соседней стране помимо наличия, в том числе идентичных российским критериев, установлена обязательность наличия нотариального удостоверения согласия супруга на участие суррогатной матери (при состоянии в браке) в программах вспомогательной репродукции, а вот запрета естественного суррогатного материнства в Казахстане нет.

6. Наконец, в исследуемых национальных правовых системах различается разница в аспекте обязательств сторон при реализации вспомогательной репродукции: в Казахстане запрещено выбирать пол будущего ребенка (за исключением оговоренных в законе случаев), использовать человеческий эмбрион в коммерческих и иных целях, а также вывозить по означенным в законе целям половые клетки и человеческий эмбрион за границу. В России запрещены выбор пола будущего ребенка (за исключением поименованных в законе случаев), а также использование половых клеток и эмбрионов человека в промышленных целях. О запрете на коммерческое и иное использование, а также на вывоз таких клеток и эмбрионов за рубеж речи не идет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершив сравнительно-правовое исследование законодательного регулирования ВРТ в России и Казахстане, отметим: «нам есть, что перенять у законодателя Казахстана для своей национальной правовой системы, и, напротив, есть, что предложить коллегам из дружественной страны по каждому из приведенных в исследовании направлений». Вместе с тем мы акцентируем внимание на том, что рецепция должна производиться не через слепое копирование уже сложившихся норм, а посредством их первоначального обсуждения с профильными структурами, в том числе академическим сообществом специалистов-медиков и ученых-юристов, а только после этого поступательного и взвешенного внедрения новшеств в отечественное законодательство.

Подводя итог, констатируем, что проблематика предпринятого исследования далеко не ограничивается совокупностью подвергнутых анализу аспектов, но куда глубже, что вызывает к жизни необходимость продолжения наращивания углубленности в предмет исследования и отражения результатов в последующих работах автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довнар А.Н. Договорное начало в отношениях суррогатного материнства и его влияние на права ребенка в Российской Федерации // *Via scientiarum – Дорога знаний*. 2021. № 3. С. 74–85.
2. Рыбина А.Н., Иسنова С.Ш., Локшин В.Н. Современные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий в мире и Казахстане // *Вестник Казахского национального медицинского университета*. 2019. № 1. С. 17–22.
3. Чалова Л.Р., Локшин В.Н., Гусева А., Кинжибаев А.А. Донорство половых гамет. Этические и правовые аспекты // *Репродуктивная медицина*. 2020. № 3 (44). С. 13–19.

REFERENCES

1. Dovnar A.N. The contractual principle in the relationship of surrogate motherhood and its impact on the rights of the child in the Russian Federation. *Via scientiarum – The Road of Knowledge*. 2021. No. 3. Pp. 74–85. (In Rus.)
2. Rybina A.N., Isenova S.Sh., Lokshin V.N. Modern aspects of assisted reproductive technologies in the world and Kazakhstan. *Bulletin of the Kazakh National Medical University*. 2019. No. 1. Pp. 17–22. (In Rus.)
3. Chalova L.R., Lokshin V.N., Guseva A., Kinzhibayev A.A. Donation of sex gametes. Ethical and legal aspects. *Reproductive Medicine*. 2020. No. 3 (44). Pp. 13–19. (In Rus.)

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 86,72%

Рецензент: *Летова Н.В.*, доктор юридических наук, главный ведущий сотрудник сектора процессуального права, ФГБУН «Институт государства и права» РАН

Статья поступила в редакцию 26.03.2022, принята к публикации 19.04.2022

The article was received on 26.03.2022, accepted for publication 19.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Довнар Алексей Николаевич, студент 1 курса факультета юриспруденции ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет». Москва, Российская Федерация. E-mail: dovnar.mggeu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksey N. Dovnar, 1st year student at the Faculty of Law of the Moscow State University of Humanities and Economics. Moscow, Russian Federation. E-mail: dovnar.mggeu@mail.ru

Давиденко А.О.

12.00.03

Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Civil Law; Business Law; Family Law;
Private International Law

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-55-59

Особенности правового регулирования наименований биомедицинских клеточных продуктов

А.О. Давиденко ©

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений» (ОУП ВО «АТИСО»),
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: nastya.anastasya96@yandex.ru

Аннотация. Сегодня бурное развитие науки и техники привело к развитию новых, совершенно иных технологий, отличных от традиционных. Прежде всего, это затронуло сферу биотехнологий. Проводятся множество исследований, направленных на создание биомедицинских клеточных продуктов. Однако для внедрения таких продуктов в производство и практическое их применение сопряжено с рядом правовых вопросов, в том числе и присвоение наименований биомедицинских клеточных продуктов. Актуальность темы данного исследования связана с тем, что в Российской Федерации правовое регулирование БМКП находится в начальной стадии, однако данный вопрос имеет большое значение для внедрения таких продуктов и их сертификации на рынке. **Цель исследования** – рассмотреть особенности правового регулирования наименований биомедицинских клеточных продуктов. **Методология исследования:** анализ правового регулирования наименований биомедицинских клеточных продуктов. **Новизна исследования** заключается в рассмотрении особенностей правового регулирования наименований биомедицинских клеточных продуктов.

Ключевые слова: биомедицинские клеточные продукты, международное непатентованное наименование, правовое регулирование, рынок биомедицинских технологий, нормативно-правовая база

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Давиденко А.О. Особенности правового регулирования наименований биомедицинских клеточных продуктов // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 55–59. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-55-59

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-55-59

Features of Legal Regulation of the Names of Biomedical Cell Products

А.О. Davidenko ©

Educational Institution of the Trade Unions of Higher Professional Education
“Academy of Labor and Social Relations” (OUP VO “ATISO”),
Moscow, Russian Federation

E-mail: nastya.anastasya96@yandex.ru

Abstract. Today, the rapid development of science and technology has led to the development of new, completely different technologies, different from traditional ones. First, it affected the sphere of biotechnology. A lot of research is being done to create biomedical cell products. However, the introduction of such products into production and their practical application involves a number of legal

issues, including the naming of biomedical cell products. The relevance of the topic of this study is because in the Russian Federation, the legal regulation of BMCP is at an early stage, but this issue is of great importance for the introduction of such products and their certification on the market. *The purpose of the study* is to consider the features of the legal regulation of the names of biomedical cell products. *Research methodology*: analysis of the legal regulation of the names of biomedical cell products. *The novelty of the study* lies in the consideration of the features of the legal regulation of the names of biomedical cell products

Key words: biomedical cell products, international non-proprietary name, legal regulation, biomedical technology market, regulatory framework

FOR CITATION: Davidenko A.O. Features of Legal Regulation of the Names of Biomedical Cell Products. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 55–59. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-55-59

ВВЕДЕНИЕ

Абсолютно любой продукт, будь то услуга или товар, должен обладать самобытным наименованием. В первую очередь это обусловлено потребительской необходимостью в различении однородных продуктов друг от друга.

Биомедицинские клеточные продукты (БМКП), будучи направленными, на удовлетворение жизненно важных потребностей в области здравоохранения, особо остро нуждаются в грамотном выборе и закреплении наименований.

С учетом указанных особенностей в настоящее правовое регулирование наименований БМКП играет особую роль, призванную, в первую очередь, защитить интересы потребителей данных продуктов.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СФЕРЕ БМКП

В 2016 г. в Российской Федерации был разработан специализированный федеральный закон № 180 [1] (далее – ФЗ № 180), принятие которого послужило началом различных обсуждений. При этом еще до вступления ФЗ № 180 в силу, многие ученые и исследователи высказывали различные точки зрения. Несмотря на критику некоторых положений нового закона, стоит отметить, что ФЗ № 180 является законодательным актом, который позволил регулировать на правовой основе отношения, возникающие в сфере разработки и применения БМКП, в том числе и присвоение названий новым технологическим продуктам [4: 166–176].

В связи с этим, остро встал вопрос создание российской государственной номенклатурной системы о вводе в оборот медицинских средств, обладающих инновационными характеристиками. Актуальность подобной номенклатурной системы также обусловлена отсутствием научных разработок, доступных публикаций и статей относительно присвоения наименований БМКП. Так как все это создало своеобразный информационный вакуум для разработчиков БМКП в области присвоения наименований своему продукту. Контролирующий орган при этом, также был лишен регулятивного механизма при реализации своих полномочий в данной сфере.

К периоду, предшествующему принятию ФЗ № 180, по данным органов здравоохранения, в нашей стране более 25–30 биомедицинских клеточных продуктов могли быть зарегистрированы. Однако, данная цифра

не является окончательной, а перечень БМКП продолжает пополняться, так как в данной сфере работают многие исследовательские организации, финансируемые как государством, так и частными лицами [5].

Из-за большого числа вновь разрабатываемых БМКП возникает проблема наличия различных вопросов, требующих правового регулирования и прежде всего, это затронуло аспекты идентификации и индивидуализации БМКП на рынке, что напрямую связано с вопросами присвоения наименований. Надо отметить, что проблема присвоения наименований клеточным препаратам остаются открытой не только в России, но в других странах мира, где предлагается свои практические решения данного вопроса.

Разработка БМКП является одним из достижений науки последних десятилетий. В целом, создание новых биомедицинских препаратов и технологий отражает современные тенденции, которые ставят своей целью сохранение здоровья человека и повышение качества его жизни (например, разработка вакцин против рака и др.).

Актуальность работы подтверждается наличием законодательных актов, регулирующих различные отношения в сфере оборота БМКП, в том числе регистрации и присвоения наименований. Был принят специализированный Федеральный закон (ФЗ № 180, упомянутый выше) [1] и Стратегия, которая рассматривала на перспективу комплексной развитие медицинской науки [2]. Необходимость создания данных документов обусловлено совершенно иными подходами к применению БМКП в медицинской практике.

Принятие ФЗ № 180 было сопряжено с необходимостью создания правовой базы по регулированию различного рода отношений, возникающих в сфере разработки, создания и применения БМКП, а также их коммерческого использования. Это связано, в первую очередь, с тем, что БМКП представляют собой совершенно новый тип медицинских технологий, которые не относятся ни к традиционным лекарственным препаратам, ни к медицинским изделиям. До принятия ФЗ № 180 существовал пробел относительно БМКП в правовом отношении. Однако принятие нормативно-правовой базы позволило урегулировать сферу обращения БМКП (использование, регистрация), что является необходимым ввиду того, что «данная технология может при недостаточном контроле за ее применением нанести вред здоровью человека, что и послужило основанием для разработки законодательными органами правовой документации» [3: 1–24].

Давиденко А.О.

СУЩНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БМКП

Приведем определение БМКП: это «биомедицинский клеточный продукт – комплекс, состоящий из клеточной линии (клеточных линий) и вспомогательных веществ либо из клеточной линии (клеточных линий) и вспомогательных веществ в сочетании с прошедшими государственную регистрацию лекарственными препаратами для медицинского применения (далее – лекарственные препараты) и (или) медицинскими изделиями» [1].

Так как БМКП представляет собой совершенно новый продукт биотехнологий, необходимо рассмотреть вопросы его идентификации и индивидуализации. Традиционное лекарственное средство представлено несколькими названиями, а именно: название исходя из основных химических компонентов средства; непатентованное название международного плана (сокращенно: МНН); коммерческое (общеизвестное в широких массах).

Однако данные принципы сложно экстраполировать и перенести на присвоение наименований БМКП.

НАИМЕНОВАНИЯ БМКП И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

При изучении БМКП необходимо разграничивать понятия клеточных технологий и продукции клеточных технологий. В результате данного разграничения получим процессы создания продукта и процессы применения данного продукта. Применение продукта БМКП есть специальная терапия – клеточная. При этом, данная терапия не нашла своего отражения в нормативно-правовых источниках, в то время как на практике получила широкое применение.

Таким образом, уточнение терминологических вопросов с возможностью отражения их в наименовании БМКП позволило бы сформировать основу для характеристики сферы применения и вида самой продукции, как-то: терапия, продукция, технологии.

Здесь под идентификацией следует рассматривать вопросы места БМКП среди различных медицинских наименований средств медицинского применения (СМП) и среди самих БМКП. В первом случае говорят о родовой, во втором – о видовой идентификации. Особенности правового регулирования, в первую очередь, относятся к идентификации по родовому признаку.

Отметим, что согласно ФЗ № 180, БМКП являются самостоятельным элементом среди других элементов системы – они не соотносятся ни с лекарствами, ни с медицинскими изделиями, не причисляются к препаратам крови, а выделяются в отдельный элемент, так как представляют собой клеточную линию на основе человеческих клеток и их механизм действия существенно отличается от других.

Идентификация по видовому признаку позволяет исследователям отличать БМКП друг от друга, согласно различным характеристикам (линии клеток, степень трансформации и т.д.). Для этого БМКП должно быть присвоено уникальное наименование. В настоящий момент в нашей стране не существует зарегистрированного БМКП. Однако, Министерство здравоохранения Российской Федерации весной 2021 г. выпустило

сообщение, согласно которому было впервые в стране разрешено провести клинические испытания БМКП. В данном случае БМКП предназначался для регенерации соединительных тканей коленного сустава. Данный БМКП был разработан в нашей стране научным институтом [6].

При этом ряд исследователей считают, что наименования БМКП в нашей стране следует присваивать согласно правилам, установленным Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Это будет способствовать успешному выходу российских БМКП на мировой рынок медицинских технологий.

Правила, разработанные ВОЗ, представляют собой особую систему префиксов, инфиксов и суффиксов, которые помогут по названию БМКП определить их отличительные характеристики [8: 6–11].

ФЗ № 180 не содержит в себе положений, которые бы затрагивали вопросы присвоения наименований БМКП. Поэтому будет целесообразным при присвоении названий БМКП руководствоваться правилами, выработанными ВОЗ с учетом позиции профильного министерства РФ.

Наименование для БМКП помимо присущих ему идентифицирующих свойств, также имеет пользу для решения задач по продвижению продукта на рынке. Для этих целей производителем должно быть разработано торговое наименование, на которое в последствии должно быть получено свидетельство на товарный знак.

Согласно нормативной базе у БМКП обязательно должно быть наименование. Может также регистрироваться и торговое наименование. В тоже время БМКП могут использоваться и без него, так как требование к наличию торгового наименования не установлены в законе. В тоже время торговое наименование закрепляется только за одним БМКП. Торговое наименование не может относиться к двум различным БМКП. Однако, одному БМКП могут быть присвоены два и более торговых наименования.

Торговое марка позволяет использовать БМКП в коммерческой деятельности, в том в рекламных кампаниях, что способствует эффективной реализации на рынке товаров [7: 9–15].

Однако, даже наличие у БМКП зарегистрированного наименования требует принятия дополнительных мер для защиты прав на изобретение или технологию его создания. Стоит отметить, что данные о торговых марках не отражаются в перечне БМКП [9: 104–110].

Относительно наименований БМКП ведутся дискуссии, которые отражают несовершенство законодательной базы.

Во-первых, существует ли необходимость в том, чтобы в словесной части товарного знака содержались элементы, позволяющие потребителю идентифицировать примененные при выпуске БМКП те или иные компоненты, входящие в его состав?

Сведения о субстанциях, которые входят в состав БМКП отражаются при проведении процедуры регистрации БМКП, имеются в реестре и в документах, прилагающийся к БМКП. В тоже время эти сведения, будучи включенными в состав коммерческого обозначения или товарного знака, могут быть избыточными. В этом случае название может стать слишком длинным и сложным для восприятия его потенциальным потребителем.

Во-вторых, правовое регулирование наименований БМКП затрагивает вопросы интеграции между странами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Принято, что регистрация ЛС под одним торговым наименованием запрещается, но допускается регистрация одного ЛС с различными торговыми наименованиями в разных государствах-членах. Но в Решении фигурируют запретительные меры на регистрацию наименований, которые противоречат общепринятым моральным нормам и нарушают какие-либо закрепленные законом правила. Запрещена регистрация наименований, если лицо, которое желает его зарегистрировать, не имеет права на интеллектуальную собственность. Данные вопросы приобретают все большую актуальность, так как в странах ЕАЭС активно развиваются и выпускаются на рынок БМКП.

ВЫВОДЫ

С учетом рассмотренных особенностей выбор наименования БМКП имеет значимые последствия как для производителя, так и для конечного потребителя. Ввиду динамики применения данных продуктов в области здравоохранения государство должно уделять особое внимание обороту таких товаров на рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон № 180-ФЗ от 26.06.2016 «О биомедицинских клеточных продуктах» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102402596>
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2580-р «Стратегия развития медицинской науки на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/23/stranitsa-967/strategiya-razvitiya-meditsinskoy-nauki-v-rossiyskoy-federatsii-na-period-do-2025-goda>
3. *Большакова О.Б.* Особенности производства и регистрации БМКП в России // Вестник Российского научного центра рентгенодиологии Минздрава России. 2021. Т. 21. № 2. С. 1–24.
4. *Иванов Д.В., Чабаненко А.В.* Закон о клеточных продуктах: прорыв или поражение? // Вестник новых медицинских технологий. 2017. Т. 24. № 4. С. 166–176.
5. К регистрации готовы более 30 биомедицинских клеточных продуктов [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/science/20161228/1484843065.html>
6. Минздрав разрешил проведение клинического испытания первого в России БМКП [Электронный ресурс]. URL: <https://pharmprom.ru/minzdrav-razreshil-provedenie-klinicheskogo-ispytaniya-pervogo-v-rossii-bmcp/>
7. *Мохов А.А.* Преимущественное использование в российской практике лекарственных препаратов под международными непатентованными наименованиями: плюсы и минусы // Медицинское право. 2014. Т. 1. С. 9–15.
8. *Олефир Ю.В.* Номенклатура биомедицинских клеточных продуктов // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской техники. 2017. № 3. С. 6–11.
9. *Солоницына Л.А., Сазонов С.В., Леонтьев С.Л.* Анализ основных положений Федерального закона № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2017. Т. 14. № 1. С. 104–110.

Автором отмечает, что на сегодняшний день требования к наименованиям БМКП со стороны нормативно-правовых актов не сформулированы должным образом.

В связи с этим возникает острая необходимость в формировании необходимых правовых механизмов, отвечающих потребностям в регулировании оборота БМКП.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом вышесказанного, можно рекомендовать законодательным органам совместно с профильными министерствами определить значение БМКП среди медицинских средств, сформировать условия унификации наименований согласно стандартам ВОЗ, а также внести изменения в существующие регламенты, регулирующие вопросы регистрации товарных знаков.

Такая гармонизация национальной правовой системы позволит сформировать работающие инструменты по защите интересов потребителей, облегчит вывод продукции отечественных производителей на зарубежные рынки, а также упростит экспертизу и контроль зарубежных биомедицинских клеточных продуктов, осуществляемые российскими регуляторными органами.

REFERENCES

1. Federal Law No. 180-FZ of 26.06.2016 “On biomedical cell products” [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102402596>
2. Decree of the Government of the Russian Federation of 28.12.2012 No. 2580-r “Strategy for the development of medical science for the period up to 2025” [Electronic resource]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/23/stranitsa-967/strategiya-razvitiya-meditsinskoy-nauki-v-rossiyskoy-federatsii-na-period-do-2025-goda>
3. *Bolshakova O.B.* Features of the production and registration of BMCP in Russia. *Bulletin of the Russian Scientific Center of Radiology of the Ministry of Health of Russia*. 2021. Vol. 21. No. 2. Pp. 1–24. (In Rus.)
4. *Ivanov D.V., Chabanenko A.V.* The law on cellular products: breakthrough or defeat? *Bulletin of New Medical Technologies*. 2017. Vol. 24. No. 4. Pp. 166–176. (In Rus.)
5. More than 30 biomedical cell products are ready for registration [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/science/20161228/1484843065.html>
6. The Ministry of Health has authorized a clinical trial of the first BMCP in Russia [Electronic resource]. URL: <https://pharmprom.ru/minzdrav-razreshil-provedenie-klinicheskogo-ispytaniya-pervogo-v-rossii-bmcp/>
7. *Mokhov A.A.* Preferential use of medicines under international nonproprietary names in Russian practice: pros and cons. *Medical Law*. 2014. Vol. 1. Pp. 9–15. (In Rus.)
8. *Olefir Yu.V.* Nomenclature of biomedical cell products. *Remedium. Magazine about the Russian Market of Medicines and Medical Equipment*. 2017. No. 3. Pp. 6–11. (In Rus.)
9. *Solonitsyna L.A., Sazonov S.V., Leontiev S.L.* Analysis of the main provisions of Federal Law No. 180-FZ “On biomedical cell products”. *Bulletin of the Ural Medical Academic Science*. 2017. Vol. 14. No. 1. Pp. 104–110. (In Rus.)

Давиденко А.О.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 89,55%

Р е ц е н з е н т: *Пашенцев Д.А.*, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ; главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Статья поступила в редакцию 14.03.2022, принята к публикации 26.04.2022

The article was received on 14.03.2022, accepted for publication 26.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Давиденко Анастасия Олеговна, аспирант кафедры гражданского права и процесса Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» (ОУП ВО «АТиСО»). Москва, Российская Федерация. E-mail: nasty.a.nastasya96@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia O. Davidenko, postgraduate student at the Department of Civil Law and Procedure of the Educational Institution of the Trade Unions of Higher Professional Education “Academy of Labor and Social Relations” (OUP VO “ATiSO”). Moscow, Russian Federation. E-mail: nasty.a.nastasya96@yandex.ru

ESG: прогресс в исследованиях и перспективы на будущее

П.В. Разов ©

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: PVRazov@fa.ru

Аннотация. Устойчивое развитие глобальной экономики и общества требует применения принципа экологического, социального и корпоративного управления (ESG). Принцип ESG разрабатывался в течение 17 лет после его официального предложения в 2004 г. Страны по всему миру продолжают содействовать скоординированному развитию окружающей среды, общества и управления в соответствии с принципом ESG. Чтобы проанализировать и обобщить исследования ESG, в этом исследовании в качестве объекта исследования используется литература, связанная с исследованиями ESG, и представлены статус сотрудничества, горячие точки и тенденции исследований ESG. Это исследование представляет собой обзор и всестороннее резюме прогресса в исследованиях ESG в сочетании с систематическим обзором литературы. Это включает в себя теоретическую основу исследований ESG, взаимодействие между измерениями ESG, влияние ESG на экономические последствия, роль ESG в предотвращении рисков и измерение ESG. Основываясь на систематическом обзоре прогресса исследований, этот документ дополнительно уточняет характеристики исследований ESG, выявляет недостатки исследований ESG и предлагает направление исследований ESG в будущем, чтобы обеспечить основу для академических исследований и практики ESG.

Ключевые слова: ESG, исследование, литература, принципы, тенденции, управление, корпоративная культура

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Разов П.В. ESG: прогресс в исследованиях и перспективы на будущее // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 60–66. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-60-66

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-60-66

ESG: Research Progress and Future Prospects

P.V. Razov ©

Financial University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: PVRazov@fa.ru

Abstract. The sustainable development of the global economy and society calls for the practice of the environmental, social and governance (ESG) principle. The ESG principle has been developed for 17 years following its formal proposal in 2004. Countries around the world continue to promote the coordinated development of the environment, society, and governance in accordance with the ESG principle. In order to review and summarize ESG research, this study takes the literature related to ESG research as the research object and presents the cooperation status, hot spots, and trends of ESG research. This study presents an examination and comprehensive summary of progress in the research into ESG combined with a systematic literature review. This includes the theoretical basis of ESG research, the interaction between the dimensions of ESG, the impact of ESG on the economic consequences, the risk prevention role of ESG, and ESG measurement. Based on the systematic summary of research progress, this paper further refines the characteristics

Разов П.В.

of ESG research, reveals the shortcomings of ESG research, and propose a focus for ESG research in the future in order to provide a reference for academic research and the practice of ESG.

Key words: ESG, research, literature, principles, trends, management, corporate culture

FOR CITATION: Razov P.V. ESG: Research Progress and Future Prospects. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 60–66. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-60-66

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Человеческое общество никогда не останавливается в своем стремлении к прогрессу. Сегодня, с развитием экономики и общества, мир сталкивается не только со многими возможностями, но и с вызовами. В 2020 г. события «Черного лебеда» происходили часто. В связи с глобальным распространением COVID-19, четырежды обвалами на фондовом рынке США за две недели, нашествием саранчи в Африке, исключением Luckin Coffee из списка после мошенничества и т. д. Экологические (E), социальные (S) и управленческие (G) проблемы вызвали глобальную озабоченность. Тема устойчивого и всеобъемлющего развития вновь стала горячей темой обсуждения во всем мире. В ответ на все более серьезные проблемы развития в окружающей среде, обществе и на финансовом рынке международные организации и страны выдвинули планы действий в области устойчивого развития, такие как ESG, для создания устойчивых и всеобъемлющих рамок развития человеческого общества.

СУЩНОСТЬ ESG-ПРИНЦИПОВ

Принцип ESG представляет собой рамочную систему, включающую экологические, социальные и управленческие факторы. ESG проистекает из ответственного инвестирования. Принципы ответственного инвестирования (PRI) определяют ответственное инвестирование как «стратегию и практику учета экологических, социальных и управленческих факторов (ESG) при принятии инвестиционных решений и активном участии» [1]. Таким образом, ESG обычно является стандартом и стратегией, используемой инвесторами для оценки корпоративного поведения и будущих финансовых показателей. [2] В качестве инвестиционной концепции для оценки устойчивого развития предприятий три основных фактора ESG являются ключевыми моментами, которые необходимо учитывать в процессе инвестиционного анализа и принятия решений [3]. Кроме того, экологические, социальные и управленческие факторы (ESG) помогают измерить устойчивость и социальное воздействие предпринимательской деятельности. Как заявляет ЕБА (European Banking Authority), факторы ESG – это «экологические, социальные или управленческие вопросы, которые могут оказать положительное или отрицательное влияние на финансовые показатели или платежеспособность организации, государства или физического лица»¹. Таким образом, как ценность

¹ EBA. EBA Report on Management and Supervision of ESG Risks for Credit Institutions and Investment Firms. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eba.europa.eu/sites/default/documents/ffiles/document_library/Publications/Reports/2021/1015656/EBA%20Report%20on%20ESG%20risks%20management%20and%20supervision.pdf (дата обращения: 08.04.22).

устойчивого и скоординированного развития, учитывающего экономические, экологические, социальные и управленческие выгоды, ESG – это инвестиционная философия, которая преследует долгосрочный рост стоимости, и это всеобъемлющий, конкретный и практический метод управления.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ESG-ПРИНЦИПОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

С тех пор как принцип ESG был официально предложен в 2004 г., он активно практикуется в Европе, Америке и других развитых странах. Ряд достижений способствует развитию и зрелости экологических, социальных и управленческих факторов, а также ESG в целом, таких как создание системы оценки ESG, стандартов раскрытия информации ESG и системы индексов ESG. Эти факторы постоянно формируют новую модель устойчивого развития. Поскольку концепция ESG постепенно становится мейнстримом, ESG широко изучается, практикуется и популяризируется в практической области, и она вызвала интерес ученых со всего мира. В настоящее время существует мало обзоров литературы по исследованиям ESG. Более того, они в основном сосредоточены на инвестициях в ESG [4], важности показателей ESG в SRI (социально ответственные инвестиции) [5], влиянии оценки ESG на измерение показателей корпоративной устойчивости [6], происхождение и значение названия ESG в инвестициях [7], а также важность и роль факторов ESG в процессе принятия финансовых решений [8]. Кроме того, существуют обзоры литературы о роли и эффективности корпоративного управления (G) в ESG [9] и обсуждения взаимосвязи между корпоративным управлением и корпоративной социальной ответственностью [10]. В настоящее время можно заметить, что обзоры ESG в основном сосредоточены на одном аспекте факторов ESG, и существует нехватка литературы по экологическим и социальным факторам. Однако, изучив соответствующую литературу по исследованиям ESG, в этой статье обнаруживается, что ESG, как интегрированная структура и концепция экологических, социальных и управленческих факторов, демонстрирует интерактивную взаимосвязь между ее измерениями, и многие исследования сосредоточены на взаимодействии между экологическими, социальными и появились факторы управления [11]. Кроме того, экологические, социальные и управленческие факторы играют важную роль в оценке будущих финансовых показателей и социального влияния предприятий. Таким образом, как инвестиционный принцип, объединяющий экологические, социальные и управленческие факторы, ESG является важной движущей силой для обеспечения устойчивого развития предприятий, и интерактивная взаимосвязь

между его аспектами также является ключевым моментом, заслуживающим внимания. В целях содействия повышению качества глобальной экономики и общества в этой статье систематически рассматриваются исследования в области ESG и рассматриваются будущие направления развития исследований ESG.

ESG-ПРИНЦИПЫ В МИРОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

В целях исследования обратимся к анализу литературы по ESG в ведущих международных журналах. ESG появилась в таких развитых странах, как страны Европы и США. Практика и развитие ESG в компаниях являются относительно зрелыми. В результате существует огромное количество литературы по исследованию ESG.

Литература, которая была использована в этой статье, была получена из базы данных Web of Science (WOS) ведущих журналов, опубликованных в UTD24 с января 1985 по декабрь 2020 г., посвященных бизнесу, экономике, финансам, информации, маркетингу и науке об управлении. Это произошло потому, что вышеуказанные области тесно связаны с практикой ESG компании. При выборе «темы» было обнаружено, что, хотя ESG была предложена, четкого определения нет. Практики в различных отраслях промышленности и ученые давали разные объяснения. Чтобы всесторонне изучить литературу, необходимую в этой статье, после ознакомления с соответствующей литературой было обнаружено, что ESG, корпоративная ответственность, устойчивое развитие и социально-экологическое управление используются как синонимы [12]. Кроме того, поскольку ESG является производным от CSR, ESG и CSR – это два термина, которые могут использоваться взаимозаменяемо [12]. Таким образом, «тема» включает в себя экологическую, социальную и управленческую (ESG), корпоративную социальную ответственность (КСО), корпоративную ответственность, устойчивое развитие и социально-экологическое управление, которые были использованы при окончательном поиске в общей сложности 793 единиц литературы. Поиск показал, что соответствующие исследования по теме ESG начались в 2004 г.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ ESG

Обратимся к библиометрическому анализу для дальнейшего исследования и найдем «горячие точки» исследований по ESG. В этой статье использовалось программное обеспечение Cite Space для анализа совпадения ключевых слов, которое может выявить горячие точки исследований ESG в разные периоды и показать контекст и прогресс исследований ESG.

Во-первых, с помощью кластерного анализа сопутствующих ключевых слов можно заметить, что темы сосредоточены на счастье, прозрачности, акционерной стоимости, организационной эффективности, корпоративной филантропии, организации и институциональной теории. Во-вторых, из анализа частоты слов в топ-10 наиболее часто встречающихся ключевых слов входят корпоративная социальная ответственность (234), производительность (140), устойчивость (125),

управление (113), финансовые показатели (83), фирма (80), влияние (80), социальная ответственность (80), управление (74) и стратегия (71). Все они были сосредоточены в период с 2004 по 2007 г. Наконец, ранжирование по центральности показывает важность ключевых слов в сети совпадений. С точки зрения центральности ключевых слов, горячие точки исследования с высокой важностью сосредоточены на фирме (0,16), поведении (0,13), воздействии (0,12), стратегии (0,1), конкурентных преимуществах (0,09), корпоративной социальной ответственности (0,08), управлении (0,08), устойчивости (0,07), управлении (0,07) и организации (0,07).

Пакетные же термины указывают на то, что частота ключевого слова резко возрастает в течение определенного периода времени. Когда частота ключевого слова становится выше, его важность также возрастает. То есть пакетные термины могут выявить горячую точку исследования и определить направление исследований в определенной области в установленные сроки. В этой статье пространство цитат используется для анализа пакетных терминов, и было получено 19 пакетных терминов. Как можно заметить, с точки зрения интенсивности ключевых слов, в центре внимания исследования находятся финансовые показатели, благотворительность, компания, саморегулирование, структура, технология, ценность фирмы, конкуренция, перспектива и организация. Напротив, за последние пять лет основное внимание уделялось финансовым показателям, благотворительности, саморегулированию, стоимости фирмы и директору. Что касается тенденций, исследования ESG, как правило, сосредоточены на взаимодействии между организационным уровнем и социальной ответственностью компаний и связанных с ними исследованиях.

Из статистических результатов CiteSpace можно наблюдать некоторые характеристики и закономерности исследований ESG. Во-первых, исследования ESG в основном сосредоточены на таких темах, как счастье, акционерная стоимость, эффективность организации, корпоративная филантропия, прозрачность, организация и институциональная теория. Во-вторых, из статистических результатов ключевых слов и ключевых терминов видно, что исследования ESG сосредоточены на детальном изучении трех аспектов: экологического, социального и управления, в то время как исследования, охватывающие ESG в целом, не показывают очевидной тенденции.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ESG-ПРИНЦИПОВ

Продолжая разговор, рассмотрим теоретические исследования на базе тех данных, что мы уже выявили. Теоретическая основа является краеугольным камнем академических исследований. Теоретическая основа исследований ESG в основном сосредоточена на институциональной теории и теории заинтересованных сторон.

С точки зрения институциональной теории, Чаттерджи и Тоффель (2010) объяснили влияние рейтинга ESG на улучшение экологических показателей [13], Джаячандран и др. (2013) продемонстрировали влияние социальных показателей на корпоративные

Разов П.В.

показатели [14], Кох и др. (2014) изучили роль предотвращения рисков, которую играют ESG [15] и Flammer et al. (2019) изучили обязательное влияние контрактов на социальную ответственность на руководителей [16]. В целом ESG research обсуждает роль легитимного поведения корпораций в устойчивом развитии компании на основе институциональной теории.

С точки зрения теории заинтересованных сторон, Кельбель и др. (2017) изучали взаимосвязь между корпоративной социальной ответственностью и финансовым риском [17], Суррока и др. (2010) изучали взаимосвязь между корпоративной ответственностью и финансовыми показателями [18], Мюллер и Крауссл (2011) изучали взаимосвязь между корпоративными благотворительными пожертвованиями и рентабельности инвестиций [19], а Фламмер и Качперчик (2019) исследовали влияние практики ESG на управление персоналом [20]. В целом, основываясь на теории заинтересованных сторон, исследование ESG показало, что предприятия, которые лучше реагируют на требования заинтересованных сторон к ESG, будут работать лучше, чем безответственные предприятия.

ФАКТОРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ESG

Поговорим о факторах концепции и их взаимодействиях, дабы продолжить исследование. Три фактора ESG имеют большое значение для функционирования и устойчивого развития предприятий. Из результатов количественного анализа в этой статье можно заметить, что текущие исследования ESG в основном основаны на экологических, социальных и управленческих аспектах. В то же время, благодаря систематическому обзору литературы, можно заметить, что существует значительное количество исследований взаимодействия между E, S и G. Таким образом, в этом документе систематически обобщаются исследования взаимодействия между экологическими, социальными и управленческими аспектами.

Еще одной горячей точкой является взаимодействие между экологическими и управленческими аспектами является горячей точкой исследований ESG.

Во-первых, с точки зрения управленческих факторов, Flammer и др. (2019) обнаружили, что контракт на КСО привлекает внимание руководителей к заинтересованным сторонам, что может улучшить корпоративное управление и его влияние на общество и окружающую среду в долгосрочной перспективе. Таким образом, интеграция экологических и социальных показателей в вознаграждение руководителей высшего звена имеет большое значение [16]. Дэвидсон и др. (2019) обнаружили, что предприятия, возглавляемые нематериалистичными руководителями, имеют хорошие показатели в области социальной ответственности, такие как их отношение к окружающей среде, и это положительно коррелирует с показателями цен на акции [21].

Во-вторых, с точки зрения факторов заинтересованных сторон, Ченг и др. (2014) отметили, что отличная эффективность стратегий корпоративной социальной ответственности обеспечит лучшие каналы финансирования. В частности, улучшение участия заинтересованных сторон снижает стоимость агента, а повы-

шенная прозрачность уменьшает информационную асимметрию, поэтому эффективность социальной ответственности отрицательно коррелирует с ограничением капитала, что приводит к улучшению каналов финансирования. Экологический аспект является одним из факторов, способствующих этой взаимосвязи [22].

Среди исследований, упомянутых в этой статье, мало исследований взаимодействия между экологическим и социальным измерениями, поскольку экологическое измерение обычно приписывается социальному измерению в измерениях и исследованиях.

Факторная корреляция в контексте ESG принципов – это разнообразное поле для обзора, тем не менее остановимся на влиянии социальных аспектов на исполнительные факторы. Роль социальной ответственности в корпоративном управлении в первую очередь отражается во влиянии социального аспекта на управленческие факторы. Ким и др. (2012) обнаружили, что SEC вряд ли будет расследовать действия руководителей высшего звена, практикующих КСО, в отношении нарушений GAAP, поскольку социальная ответственность может сыграть важную роль в ограничении управления доходами, делая предприятия более консервативными в бухгалтерском учете и принятии бизнес-решений; предоставлять более прозрачную финансовую информацию; и поощрять руководителей к подготовке высококачественных финансовых отчетов [23]. Гао и др. (2014) обнаружили значительную отрицательную корреляцию между социальным благом и инсайдерской торговлей руководителей высшего звена, поскольку имидж социальной ответственности может использоваться в качестве механизма управления для ограничения поведения, основанного на личных интересах, такого как инсайдерская торговля [24]. Хаббард и др. (2017) изучали инвестиции в социальную ответственность и возможность увольнения генеральных директоров. Результаты показывают, что при плохих финансовых показателях увеличение инвестиций в корпоративную социальную ответственность увеличивает вероятность увольнения генеральных директоров. Более того, при хороших финансовых показателях вероятность увольнения генеральных директоров будет снижена. Следовательно, деятельность по социальной ответственности оказывает существенное влияние на руководителей компаний [25].

ИНДЕКС ЭФФЕКТИВНОСТИ ESG

В целом, индекс эффективности ESG, вероятно, прояснит взаимосвязь между устойчивыми инвестициями и финансовыми показателями [26]. С точки зрения времени, «финансовые показатели» были горячей точкой исследования в 2006 и 2016 гг. Более того, «эффективность фирмы» и «ценность фирмы» стали горячими темами в 2010 и 2017 гг. соответственно. Кроме того, судя по статистическим результатам групповых терминов, ключевые слова, представленные «финансовыми показателями» и «стоимостью фирмы», привлекли большое внимание в период с 2016 по 2020 г. Поэтому исследование взаимосвязи между ESG и экономическими последствиями является актуальной темой. Например, Awaysheh и др. (2020) использовали базу данных KLD для измерения общей ситуации с ESG. Они изучили

сравнительный анализ предприятий с фиксированным эффектом времени и отрасли, определив лучшие (топ-10%) и худшие предприятия (последние 10%). Было обнаружено, что лучшие предприятия имеют более высокий уровень операционных показателей и более высокую относительную рыночную оценку, чем у их коллег. Когда измерение управления удаляется, результат остается неизменным [27]. Исследование взаимосвязи между корпоративной социальной безответственностью и финансовыми рисками показало, что негативное освещение в СМИ экологических, социальных и управленческих вопросов (ESG) увеличит кредитные риски предприятий и приведет к увеличению финансовых рисков предприятий [17].

ESG КАК НЕФИНАНСОВАЯ ИНВЕСТИЦИЯ

Как вид нефинансовых инвестиций предприятий, ESG является механизмом и средством предотвращения рисков для предприятий. Практика ESG может удовлетворить законные потребности заинтересованных сторон в процессе устойчивого развития предприятий. Это может не только улучшить социальную репутацию предприятий, но и сыграть определенную роль в противодействии рискам как средству конкуренции. Таким образом, роль ESG в предотвращении рисков в предпринимательской деятельности является предметом исследований.

Что касается ESG в целом. Koh и др. (2014) взяли ESG в целом в качестве объекта своего исследования и выдвинули точку зрения управления рисками. Авторы использовали базу данных KLD для стандартизации множества аспектов отношений с сообществом, разнообразия, отношений с сотрудниками, окружающей среды и продуктов и построили общий индекс измерения корпоративной социальной эффективности. Считается, что социальные показатели могут быть использованы в качестве страхового механизма, который более ценен для компаний с более высокими судебными рисками [15]. Митхани (2017) обнаружил, что благотворительность может облегчить ответственность иностранных компаний (LOF) после стихийных бедствий в конкретной стране и может укрепить позиции транснациональных компаний. Поэтому благотворительность имеет важное стратегическое значение для транснациональных компаний после стихийных бедствий. Чжоу и Ван (2020) обнаружили, что выполнение дочерними компаниями корпоративных социальных обязательств может быть использовано в качестве средства для смягчения негативных побочных эффектов, вызванных репутационным риском материнской компании. В частности, деятельность дочерних компаний в области социальной ответственности могла бы помочь им обрести социальную легитимность и сформировать механизм, подобный страхованию.

ESG КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА МИРОВЫЕ СИСТЕМЫ

Что касается экологического аспекта, Фламмер (2013) исследовал реакцию фондового рынка на экологическую социальную ответственность и обнаружил, что активное участие предприятий в экологических аспектах может создать новые конкурентные ресурсы

для компаний и сыграть роль, подобную страхованию. С одной стороны, акционеры положительно отреагируют на компании, которые объявляют об экологически чистых инициативах. И наоборот, экологическая социальная ответственность компании будет играть роль, подобную страхованию, когда произойдет экологически вредное событие, тем самым позволяя предприятию понести меньше потерь.

Что касается социального измерения. Ши и Ян (2017) измерили социальный аспект с помощью базы данных KLD и обнаружили, что корпоративная социальная ответственность может играть роль, подобную страхованию, в негативных событиях, связанных с ценами на акции и облигации. Эта роль может оказать большое влияние на первое негативное событие. Аналогичным образом Jia et al. (2020) изучали, могут ли инвестиции в корпоративную социальную ответственность использоваться в качестве страхового механизма для предотвращения корпоративных рисков. В частности, когда компании сталкиваются с более высокими внешними рисками, вызванными Reg SHO, пилотные компании будут придерживаться корпоративной социальной ответственности, чтобы получить страховой защитный эффект для сокращения своих коротких позиций. Во-вторых, компании, сталкивающиеся с угрозой коротких продаж, могут повысить свои корпоративные социальные показатели, обратившись к пункту корпоративной социальной ответственности «проблемы», чтобы справиться с угрозой коротких продаж. Наконец, повышенная корпоративная социальная ответственность сократит дефицит собственных средств акций пилотной компании. Это снижение объясняется страховым эффектом корпоративной социальной ответственности [28].

Что касается аспекта управления, Гао и др. (2014) использовали базу данных KLD, чтобы исключить измерение управления для построения чистой оценки корпоративной социальной ответственности, и обнаружили значительную отрицательную взаимосвязь между социальным благом и внутренней торговлей руководителей [24]. Фламмер и Качперчик (2019) обнаружили, что использование корпоративной социальной ответственности в качестве стратегического инструмента для устранения угрозы проникновения знаний со стороны конкурентов может не только снизить склонность сотрудников присоединяться к конкурирующим компаниям, но и снизить вероятность утечки ценной информации, даже если сотрудники присоединяются к конкурирующим компаниям [20]. В недавнем исследовании Bertrand и соавтор (2021) сосредоточились на оценках социального компонента в оценках ESG базы данных Thomson Reuters ASSET4. Было замечено, что генеральные директора могут улучшить практику корпоративной социальной ответственности и корпоративную социальную эффективность, чтобы реагировать на предубеждения извне, когда в местных компаниях есть иностранный генеральный директор.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги проделанной работе, стоит сказать, что теоретическая основа исследований ESG в основном основана на «институциональной теории»

Разов П.В.

и «теории заинтересованных сторон». Принятие решений и устойчивое развитие предприятий взаимозависимы с их заинтересованными сторонами. Более того, производство и развитие предприятий зависят от их законной деятельности во внутренней и внешней среде. Это является причиной того, что в настоящее время основное внимание уделяется этим двум теориям.

Однако, проведя обзор литературы, было обнаружено, что существуют также исследования по теории, основанной на природных ресурсах, теории зависимости от ресурсов, теории влияния как информации, теории привязанности к месту, теории высших эшелонов, теории сигналов, теории агентства, теории атрибуции, теории транзакционных издержек, теории системного обоснования и социальной теории идентичности. Различные исследования начинаются с разных точек зрения и объектов для изучения эффективности и эффекта ESG в различных аспектах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследования ESG оказались централизованными и обладали различными характеристиками с точки зрения теоретической основы, а именно:

- исследование ESG специфично;
- исследования ESG, как правило, проводятся с точки зрения внутреннего управления;
- экономические последствия являются важной темой в исследованиях ESG.

Что касается будущих исследований, связанных с ESG, то, основываясь на приведенном выше обзоре содержания и ограничений исследований ESG, можно ожидать дальнейшего продвижения исследований ESG в следующих аспектах:

- уточнение единого определения понятий ESG;
- укрепление теоретической основы исследований ESG;
- содержание исследований ESG продолжает углубляться;
- содействие совершенствованию системы оценки ESG;
- продвижение практики ESG в различных организациях.

Наконец, с точки зрения академических институтов, посредством обзора исследований ESG был прояснен контекст исследований ESG, обобщены характеристики прошлых исследований с точки зрения тенденций и содержания и выделены недостатки, чтобы предложить несколько будущих направлений исследований и видение будущих исследований ESG.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вострикова Е.О., Мешкова А.П.* ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт // Финансовый журнал. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-kriterii-v-investirovanii-zarubezhnyy-i-otechestvennyy-opyt> (дата обращения: 08.03.2022).
2. *Галазова С.С.* Влияние ESG-факторов на устойчивое развитие компаний и финансовую результативность корпоративного сектора // Вестник РГЭУ РИНХ. 2018. № 4 (64). С. 81–86.
3. *Батаева Б.С., Вавилина А.В.* Зарубежная практика развития социально ответственных инвестиций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. № 1. С. 15–23. URL: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-1-15-23> (дата обращения: 08.03.2022).
4. *Daugaard D.* Emerging new themes in environmental, social and governance investing: A systematic literature review // *Account Finance*. 2020. No. 60. Pp. 1501–1530.
5. *Widayati L.* A systematic literature review of socially responsible investment and environmental social governance metrics // *Bus. Strateg. Environ.* 2020. No. 29. Pp. 619–637.
6. *Drempetic S., Klein C., Zwergel B.* The influence of firm size on the ESG score: Corporate sustainability ratings under review // *J. Bus. Ethics*. 2020. No. 167. Pp. 333–360.
7. *Eccles N.S., Viviers S.* The origins and meanings of names describing investment practices that integrate a consideration of ESG issues in the academic literature // *J. Bus. Ethics*. 2011. No. 104. Pp. 389–402.
8. *Ziolo M., Filipiak B.Z., Bak I., Cheba K.* How to design more sustainable financial systems: The roles of environmental, social, and governance factors in the decision-making process // *Sustainability*. 2019. No. 11. P. 5604.
9. *Yoshikawa T., Nippa M., Chua G.* Global shift towards stakeholder-oriented corporate governance? Evidence from the scholarly literature and future research opportunities // *Multinat. Bus. Rev.* 2021. No. 29. Pp. 321–347.
10. *Aluchna M., Roszkowska-Menkes M.* Integrating corporate social responsibility and corporate governance at the company level. Towards a conceptual model // *Eng. Econ.* 2019. No. 30. Pp. 349–361.

REFERENCES

1. *Bataeva B.S., Vavilina A.V.* Foreign practice of development of socially responsible investments. *Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Right*. 2016. No. 1. Pp. 15–23. (In Rus.) URL: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-1-15-23> (date of accesses: 08.04.2022).
2. *Vostrikova E.O., Meshkova A.P.* ESG-criteria in investing: foreign and domestic experience. *Financial Magazine*. 2020. No. 4. (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-kriterii-v-investirovanii-zarubezhnyy-i-otechestvennyy-opyt> (date of access: 08.04.2022).
3. *Galazova S.S.* Influence of ESG-factors on the sustainable development of companies and financial performance of the corporate sector. *RSUE Bulletin*. 2018. No. 4 (64). Pp. 81–86. (In Rus.)
4. *Daugaard D.* Emerging new themes in environmental, social and governance investing: A systematic literature review. *Account Finance*. 2020. No. 60. Pp. 1501–1530.
5. *Widayati L.* A systematic literature review of socially responsible investment and environmental social governance metrics. *Bus. Strateg. Environ.* 2020. No. 29. Pp. 619–637.
6. *Drempetic S., Klein C., Zwergel B.* The influence of firm size on the ESG score: Corporate sustainability ratings under review. *J. Bus. Ethics*. 2020. No. 167. Pp. 333–360.
7. *Eccles N.S., Viviers S.* The origins and meanings of names describing investment practices that integrate a consideration of ESG issues in the academic literature. *J. Bus. Ethics*. 2011. No. 104. Pp. 389–402.
8. *Ziolo M., Filipiak B.Z., Bak I., Cheba K.* How to design more sustainable financial systems: The roles of environmental, social, and governance factors in the decision-making process. *Sustainability*. 2019. No. 11. P. 5604.
9. *Yoshikawa T., Nippa M., Chua G.* Global shift towards stakeholder-oriented corporate governance? Evidence from the scholarly literature and future research opportunities. *Multinat. Bus. Rev.* 2021. No. 29. Pp. 321–347.
10. *Aluchna M., Roszkowska-Menkes M.* Integrating corporate social responsibility and corporate governance at the company level. Towards a conceptual model. *Eng. Econ.* 2019. No. 30. Pp. 349–361.

11. Петренко Л.Д. ESG-критерии в практике принятия инвестиционных решений // МНИЖ. 2020. № 11–2 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-kriterii-v-praktike-prinyatiya-investitsionnyh-resheniy> (дата обращения: 08.04.2022).
12. Garcia A.S., Mendes-Da-Silva W., Orsato R.J. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets // *J. Clean. Prod.* 2017. No. 150. Pp. 135–147.
13. Chatterji A.K., Toffel M.W. How firms respond to being rated // *Strateg. Manag. J.* 2010. No. 31. Pp. 917–945.
14. Jayachandran S., Kalaiganam K., Eilert M. Product and environmental social performance: Varying effect on firm performance // *Strateg. Manag. J.* 2013. No. 34. Pp. 1255–1264.
15. Koh P.-S., Qian C., Wang H. Firm litigation risk and the insurance value of corporate social performance // *Strateg. Manag. J.* 2014. No. 35. Pp. 1464–1482.
16. Flammer C., Hong B., Minor D. Corporate governance and the rise of integrating corporate social responsibility criteria in executive compensation: Effectiveness and implications for firm outcomes // *Strateg. Manag. J.* 2019. No. 40. Pp. 1097–1122.
17. Kölbel J.F., Busch T., Jancso L.M. How media coverage of corporate social irresponsibility increases financial risk // *Strateg. Manag. J.* 2017. No. 38. Pp. 2266–2284.
18. Surroca J., Tribó J.A., Waddock S. Corporate responsibility and financial performance: The role of intangible resources // *Strateg. Manag. J.* 2010. No. 31. Pp. 463–490.
19. Muller A., Kräussl R. Doing good deeds in times of need: A strategic perspective on corporate disaster donations // *Strateg. Manag. J.* 2011. No. 32. Pp. 911–929.
20. Flammer C., Kacperczyk A. Corporate social responsibility as a defense against knowledge spillovers: Evidence from the inevitable disclosure doctrine // *Strateg. Manag. J.* 2019. No. 40. Pp. 1243–1267.
21. Davidson R.H., Dey A., Smith A.J. CEO materialism and corporate social responsibility // *Account. Rev.* 2019. No. 94. Pp. 101–126.
22. Cheng B., Ioannou I., Serafeim G. Corporate social responsibility and access to finance // *Strateg. Manag. J.* 2014. No. 35. Pp. 1–23.
23. Kim Y., Park M.S., Wier B. Is earnings quality associated with corporate social responsibility? // *Account. Rev.* 2012. No. 87. Pp. 761–796.
24. Gao F., Lisic L.L., Zhang I.X. Commitment to social good and insider trading // *Account. Econ.* 2014. No. 57. Pp. 149–175.
25. Hubbard T.D., Christensen D.M., Graffin S.D. Higher highs and lower lows: The role of corporate social responsibility in CEO dismissal // *Strateg. Manag. J.* 2017. No. 38. Pp. 2255–2265.
26. Khan M., Serafeim G., Yoon A. Corporate sustainability: First evidence on materiality // *Account. Rev.* 2016. No. 91. Pp. 1697–1724.
27. Awayseh A., Heron R.A., Perry T., Wilson J.I. On the relation between corporate social responsibility and financial performance // *Strateg. Manag. J.* 2020. No. 41. Pp. 965–987.
28. Jia Y., Gao X., Julian S. Do firms use corporate social responsibility to insure against stock price risk? Evidence from a natural experiment // *Strateg. Manag. J.* 2020. No. 41. Pp. 290–307.
11. Petrenko L.D. ESG-criteria in the practice of making investment decisions. *International Research Journal.* 2020. No. 11–2 (101). (In Rus.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esg-kriterii-v-praktike-prinyatiya-investitsionnyh-resheniy> (data of accesses: 08.04.2022).
12. Garcia A.S., Mendes-Da-Silva W., Orsato R.J. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets. *J. Clean. Prod.* 2017. No. 150. Pp. 135–147.
13. Chatterji A.K., Toffel M.W. How firms respond to being rated. *Strateg. Manag. J.* 2010. No. 31. Pp. 917–945.
14. Jayachandran S., Kalaiganam K., Eilert M. Product and environmental social performance: Varying effect on firm performance. *Strateg. Manag. J.* 2013. No. 34. Pp. 1255–1264.
15. Koh P.-S., Qian C., Wang H. Firm litigation risk and the insurance value of corporate social performance. *Strateg. Manag. J.* 2014. No. 35. Pp. 1464–1482.
16. Flammer C., Hong B., Minor D. Corporate governance and the rise of integrating corporate social responsibility criteria in executive compensation: Effectiveness and implications for firm outcomes. *Strateg. Manag. J.* 2019. No. 40. Pp. 1097–1122.
17. Kölbel J.F., Busch T., Jancso L.M. How media coverage of corporate social irresponsibility increases financial risk. *Strateg. Manag. J.* 2017. No. 38. Pp. 2266–2284.
18. Surroca J., Tribó J.A., Waddock S. Corporate responsibility and financial performance: The role of intangible resources. *Strateg. Manag. J.* 2010. No. 31. Pp. 463–490.
19. Muller A., Kräussl R. Doing good deeds in times of need: A strategic perspective on corporate disaster donations. *Strateg. Manag. J.* 2011. No. 32. Pp. 911–929.
20. Flammer C., Kacperczyk A. Corporate social responsibility as a defense against knowledge spillovers: Evidence from the inevitable disclosure doctrine. *Strateg. Manag. J.* 2019. No. 40. Pp. 1243–1267.
21. Davidson R.H., Dey A., Smith A.J. CEO materialism and corporate social responsibility. *Account. Rev.* 2019. No. 94. Pp. 101–126.
22. Cheng B., Ioannou I., Serafeim G. Corporate social responsibility and access to finance. *Strateg. Manag. J.* 2014. No. 35. Pp. 1–23.
23. Kim Y., Park M.S., Wier B. Is earnings quality associated with corporate social responsibility? *Account. Rev.* 2012. No. 87. Pp. 761–796.
24. Gao F., Lisic L.L., Zhang I.X. Commitment to social good and insider trading. *Account. Econ.* 2014. No. 57. Pp. 149–175.
25. Hubbard T.D., Christensen D.M., Graffin S.D. Higher highs and lower lows: The role of corporate social responsibility in CEO dismissal. *Strateg. Manag. J.* 2017. No. 38. Pp. 2255–2265.
26. Khan M., Serafeim G., Yoon A. Corporate sustainability: First evidence on materiality. *Account. Rev.* 2016. No. 91. Pp. 1697–1724.
27. Awayseh A., Heron R.A., Perry T., Wilson J.I. On the relation between corporate social responsibility and financial performance. *Strateg. Manag. J.* 2020. No. 41. Pp. 965–987.
28. Jia Y., Gao X., Julian S. Do firms use corporate social responsibility to insure against stock price risk? Evidence from a natural experiment. *Strateg. Manag. J.* 2020. No. 41. Pp. 290–307.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 89,39%

Статья поступила в редакцию 09.04.2022, принята к публикации 27.04.2022

The article was received on 09.04.2022, accepted for publication 27.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Разов Павел Викторович, доктор социологических наук; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: PVRazov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Razov, Dr. Sci. (Sociol.); Professor at the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University. Moscow, Russian Federation. E-mail: PVRazov@fa.ru

Котов Д.А.

5.4.2

Экономическая социология
Economic Sociology

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-67-71

Социальная напряженность как один из ключевых аспектов системы ESG-принципов

Д.А. Котов ©

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: DAKotov@fa.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу такого понятия, как социальная напряженность. В этой работе рассмотрены основные характеристики социальной напряженности, выявлены базовые подходы к ее определению, а также указаны противоположные детерминанты общественной жизни, такие как социальное доверие и социальная солидарность. Автором был проведен анализ ключевых факторов, оказывающих влияние на напряженность в обществе, и событий, наиболее значимым из которых в последнее время стала пандемия COVID-19. Важное место в данной статье занимает определение такого понятия, как ESG-принципы. Автором описаны ключевые элементы данного явления, указана важность процесса применения этих принципов для общественного развития. При этом принципы устойчивого развития важны не только для улучшения социальной структуры, но и для самих компаний, использующих описанные положения в своих стратегиях, а также для потенциальных инвесторов. В статье описан механизм влияния применения ESG-принципов на уровень социальной напряженности. Это может быть прямое снижение социального напряжения или косвенное влияние на оппозитные показатели, такие как социальное доверие и социальная солидарность. Автором указана необходимость распространения применения ESG-принципов среди организаций для повышения социальной устойчивости.

Ключевые слова: социальная напряженность, ESG-принципы, социальное доверие, социальные ожидания, устойчивое развитие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Котов Д.А. Социальная напряженность как один из ключевых аспектов системы ESG-принципов // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 67–71. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-67-71

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-67-71

Social Tension as One of the Key Aspects of the ESG Principles System

D.A. Kotov ©

Financial University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: PVRazov@fa.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of such a concept as social tension. In this work, the main characteristics of social tension are considered, basic approaches to its definition are identified, and the opposite determinants of social life, such as social trust and social solidarity, are indicated. The author has analyzed the key factors influencing tension in society and events, the most significant of which has recently become the COVID-19 pandemic. An important place in this article is occupied by the definition of such a concept as ESG principles. The author describes the key elements of this phenomenon, indicates the importance of the process of applying

these principles for social development. At the same time, the principles of sustainable development are important not only for improving the social structure, but also for the companies themselves using the described provisions in their strategies, as well as for potential investors. The article describes the mechanism of influence of the application of ESG principles on the level of social tension. This may be a direct reduction in social tension or an indirect impact on the opposing indicators, such as social trust and social solidarity. The author points out the need to spread the application of ESG principles among organizations to increase social sustainability.

Key words: social tension, ESG principles, social trust, social expectations, sustainable development

FOR CITATION: Kotov D.A. Social Tension as One of the Key Aspects of the ESG Principles System. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 67–71. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-67-71

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современном мире социальная напряженность является частью функционирования общества: влияние пандемии COVID-19, высокий уровень инфляции и прогнозируемый рост безработицы, санкции со стороны зарубежных стран, и многое другое формирует состояние социальной напряженности в обществе. Наряду с вышеуказанными факторами колоссальное влияние на общество оказывает взрывной рост экологических, социальных и управленческих проблем.

Актуальность выбранной темы вызвана тем, что в современном научном мире изучение социальной напряженности и разработка механизмов ее регулирования достаточно востребованы, поскольку влияют на большое количество социальных процессов. Учитывая последствия глобальной пандемии и экономическую напряженность в российском обществе необходимо уделить особое внимание статике и динамике взаимодействий между отдельными людьми, социальными группами, а также особенности их восприятия происходящих событий и явлений.

Проблема данной научной работы заключается в социальном противоречии, в котором с одной стороны, последствия пандемии и экономическое положение в России увеличивают возможность усиления социальной напряженности в обществе, однако, с другой стороны, активное развитие ESG-политики среди компаний оказывает благоприятное влияние на социальную напряженность общества.

Целью данной научной статьи является выявление влияния ESG-системы на социальную напряженность. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач:

- 1) выявить основные характеристики понятия социальной напряженности;
- 2) изучить факторы социальной напряженности;
- 3) определить понятие ESG-принципов;
- 4) выявить связь между применением ESG-принципов и уровнем социальной напряженности

Объектом в данной статье является социальная напряженность, а предметом – влияние применения ESG-принципов на уровень социальной напряженности.

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Бесспорно, что понятие «социальная напряженность» носит междисциплинарный характер, поскольку оно не имеет однозначного толкования в социальных и гуманитарных науках. В связи с этим целесообразно

но описать смысловое содержание данного термина в интерпретации зарубежных и отечественных авторов в хронологическом порядке.

Основной проблемой в понимании и различении негативной составляющей социальной напряженности от той части, которая положительно влияет на развитие общества, является правильное понимание ее социально-психологического механизма трансформации в массовые акции протеста, а также того факта, что социальная напряженность является сложно диагностируемым многофакторным явлением.

В ответ на эту проблему необходимо проводить регулярные мониторинговые исследования уровня социальной напряженности с целью получения информации, которую можно использовать для контроля и спрогнозировать последующее развитие ситуации, а также разработать комплекс мер по снижению уровня социальной напряженности. Эти обстоятельства обуславливают необходимость разработки методологии анализа социальной напряженности, с помощью которой можно своевременно выявлять ее состояние и тенденции развития общества.

В более широком понимании социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние группы или общества в целом, вызванное давлением природной или социальной среды и продолжающееся, как правило, в течение более или менее длительного времени [Светлаков, 2019: 71]

Важно отметить, что уровень социальной напряженности зависит от ожиданий населения. Некоторые авторы к основным причинам социальной напряженности относят, например, систематические ошибки и просчеты в стратегических и тактических действиях государственных органов управления в области социальной политики

Социальная напряженность в обществе выступает маркером социальной дезинтеграции или солидарности, то, что людей может разобщать или наоборот соединять. Группами, вернее, дееспособность этих групп, провоцирующая социальное недовольство, а вместе с тем и напряженность могут быть – представители власти, бизнеса, отдельные маргинальные группы (бомжи, нелегальные мигранты и т.д.).

Более того, социальная напряженность свидетельствует о нарушениях целостности и функциональности рассматриваемых подсистем социальной системы, а также о трансформации ценностей и поведенческих установок социальных групп.

Основными содержательными характеристиками социальной напряженности являются следующие:

Котов Д.А.

неудовлетворенность текущей ситуацией в наиболее значимых сферах общественной жизни; отсутствие оптимизма в оценке развития текущей ситуации; низкий уровень доверия к принятым и реализуемым управленческим решениям; гражданская активность, выражающаяся в основном через формы протеста [Павлюк, 2020: 436].

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Согласно исследованию, проведенному Белгородскими исследователями, наиболее провоцирующими социальную напряженность, являются такие факторы, как рост цен, низкие зарплаты, пенсии, безработица и коррупция.

Среди вновь возникающих факторов следует отметить отсутствие права открыто выражать свое мнение. Таким образом, можно сделать вывод, что материальные проблемы волнуют меньшее число граждан, то есть материальное положение улучшилось, как упоминалось выше, и есть потребность в свободе и независимости. В продолжение этого заявления, следует обратить внимание на возникновение такого вопроса, как доступность инфраструктуры. Это понимается жителями как наличие парков, скверов, спортивных площадок и т.д. где они могли бы проводить свой досуг. Такой фактор, как повышение пенсионного возраста, также упоминался, но не так часто. По-видимому, население смирилось с необходимостью его повышения.

Пандемия COVID-19 стала точкой бифуркации, точкой пересмотра того, кто «плохой», и как с ним можно взаимодействовать. Во время пандемии проявились и со временем усилились иррациональные тенденции объяснения социальных изменений [Полюшкевич, 2020: 120]

Социальная напряженность переросла в новые формы и стала тотальной для отдельных групп населения. Социальная напряженность может поддерживаться разными стратегиями: когнитивной (постоянное осуждение ситуации, фактов, цифр, статистики), аффективной (эмоциональное включение, сопереживание, соучастие) и деятельностной (готовность совершать поступки, способные изменить ситуацию, начиная от бунтов, пикетов и демонстраций, заканчивая сбором подписей и просветительскими мероприятиями).

В целом, социальная напряженность есть не что иное, как тонус общества или отдельных социальных групп.

ESG-ПРИНЦИПЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Экологические, социальные и управленческие вопросы (ESG) приобретают все большее значение при заключении корпоративных сделок, разработке стратегии, раскрытии информации и планировании инвестиций. Вопросы ESG охватывают широкий круг вопросов, включая изменение климата и другие экологические риски и воздействия, здоровье и безопасность сотрудников, равенство в оплате труда, разнообразие членов правления и сотрудников, корпоративное управление, безопасность данных и конфиденциальность клиентов, стандарты безопасности потребителей и продуктов, непрерывность бизнеса, аварийное восстановление и антикризисное управление, а также человеческие

проблемы с правами человека, включая использование детей – жертв торговли людьми или детей-работников в цепочке поставок.

ESG стало сокращением для рисков и возможностей, которые могут повлиять на способность компании создавать ценность в долгосрочной перспективе, а также на то, как компания управляет этими рисками и использует эти возможности для обеспечения своей долгосрочной экономической стабильности.

С момента возникновения пандемии COVID-19 только усилила важность проблем ESG. Например, здоровье и безопасность сотрудников заняли центральное место в раскрытии информации компании в условиях пандемии, как никогда раньше, и в более широком плане COVID-19 привлек внимание к важности антикризисного управления и обеспечения непрерывности бизнеса – для этого кризиса и за его пределами [M&A Explorer, 2020.].

В последние несколько лет, когда неизбежность изменения климата потрясла лидеров бизнеса и правительств по всему миру, инвесторы с головокружительной скоростью вкладывались в портфели ESG. По данным Morningstar, в 2020 г. в фонды ESG поступило рекордных 350 миллиардов долларов (247,6 миллиарда фунтов стерлингов) [Morningstar, 2021].

Теоретически вложение денег в компании, заботящиеся о климате, и уход от углеродоемких отраслей промышленности кажутся решением, которое «нельзя пропустить». ESG-инвестирование, как и социально ответственное инвестирование до него, предполагает мир «хорошего» и «плохого», в котором хорошие люди инвестируют только в хорошие вещи и получают хорошую отдачу, в то время как явно вредные отрасли, такие как, скажем, табачная промышленность, страдают.

Компании, которые сегодня могут показаться плохими из-за своих выбросов углерода, также могут быть важными винтиками в мировой экономике (например, производители энергии или авиакомпаний) и могут быть на пути к более устойчивому будущему. Отказ от них сейчас может быть контрпродуктивным или даже глупым.

В конце концов, компаниям нужно будет внести ясность в свою историю ESG в разгар гонки рейтингов ESG, которую критиковали за то, что она оценивала компании на основе критериев, которые не имеют отношения к конкретному бизнесу или основаны на неточной информации о практике компании. Консультации экспертов будут иметь решающее значение, чтобы помочь найти эту ясность, и каждой компании нужно будет рассказать свою собственную историю ESG, сосредоточиться на своих собственных целях ESG и на своих собственных инвесторах и заинтересованных сторонах, чтобы предоставить точную информацию ESG, которую они ищут.

СНИЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ESG-ПРИНЦИПЫ

Вопрос снижения социальной напряженности важен как для государства, так и для организаций. В случае с последними важно отметить, что от их грамотных действий будет зависеть их устойчивость во время общего снижения доверия и ослабления социальной

солидарности. Применение ESG-принципов является одним из неотъемлемых процессов, способствующих улучшению ситуации с социальной напряженностью. Каждый из компонентов данной структуры по-своему влияет на социальные ожидания. Так, экологический аспект важен в стратегической перспективе, потому что ситуация с загрязнением окружающей среды волнует большинство людей, и принимать меры необходимо всем компаниям. Социальный компонент отвечает за создание благоприятных условий труда и повышение социальных гарантий, что прямо влияет на снижение социального напряжения. Управленческий элемент важен с точки зрения соблюдения легитимности и грамотного управления организацией; видя, что компании ведут свою деятельность в соответствии с установленными правилами, люди больше доверяют им и их планам развития, что положительно сказывается на социальных ожиданиях.

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышесказанному, можно выделить основные выводы по рассмотренной теме.

1. Повышение социальной напряженности является опасным явлением, потому что оно может перехо-

дить в постоянное состояние у отдельных категорий населения.

2. Есть большое количество факторов, способствующих усилению социальной напряженности, вследствие чего важно снижать влияние основных из них.
3. Применение компаниями ESG-принципов снижает уровень социальной напряженности и позитивно влияет на такие показатели, как социальное доверие и социальная солидарность

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что применение ESG-принципов должно быть распространено среди организаций всех уровней. На данный момент это соблюдают в основном крупные организации, притом не все. Если большинство организаций внедряют указанные принципы в свои стратегии развития, это позволит значительно снизить уровень социального напряжения и повысит устойчивость общества к различного рода изменениям. Социальная напряженность может принимать хронический характер, поэтому поведение мероприятий по ее снижению является приоритетной задачей в любом государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глотов В.И., Бахтизин А.Р., Волкова М.И. Социальная напряженность в субъектах Российской Федерации. Анализ причин и последствий // Федерализм. 2019. № 4. С. 142–160.
2. Гончаров В.В. Институт общественного контроля в Российской Федерации как инструмент предотвращения роста социальной напряженности в обществе (конституционно-правовой анализ) // Конфликтология / Nota Bene. 2018. № 4. С. 1–6.
3. Диваева Э.А. Условия трансформации ESG-принципов: экономические и социальные аспекты // Инновации и инвестиции. 2022. № 1. С. 65–70.
4. Мажорина М.В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12 (133). С. 185–198.
5. Павлюк М.А. Социальная напряженность как фактор возникновения социально опасных явлений в современном обществе // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия. 2020. С. 430–436.
6. Плотников В.В., Каспаров А.Р. Социальная напряженность: факторы возникновения и актуализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 1 (254). С. 118–125.
7. Полушкевич О.А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной культуры населения России: материалы всероссийской научной конференции. М., 2020. С. 119–120.
8. Романенко В.В., Бородкина О.И. Социальная напряженность и социальные риски в контексте международной трудовой миграции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1 (33). С. 109–124.
9. Светлаков А.Г. К вопросу о развитии социальной напряженности в регионах России // АВУ. 2019. № 1 (180). С. 66–71.
10. Broadstock D., Kalok C., Cheng L.T.W., Wang H. The role of ESG performance during times of financial crisis: Evidence from COVID-19 in China // Finance Research Letters. 2021. No. 38. Pp. 145–156.

REFERENCES

1. Glotov V.I., Bakhtizin A.R., Volkova M.I. Social tension in the subjects of the Russian Federation. Analysis of causes and consequences. *Federalism*. 2019. No. (4). Pp. 142–160. (In Rus.)
2. Goncharov V. Institute of public control in the Russian Federation as a tool to prevent the growth of social tension in society (constitutional and legal analysis). *Conflictology / Nota Bene*. 2018. No. 4. Pp. 1–6. (In Rus.)
3. Divaeva E.A. Conditions for the transformation of the ESG-principles company: economic and social aspects. *Innovations and Investments*. 2022. No. 1. Pp. 65–70. (In Rus.)
4. Mazhorina M.V. ESG-principles in international business and “sustainable contracts”. *Actual Problems of Russian Law*. 2021. No. 12 (133). Pp. 185–198. (In Rus.)
5. Pavlyuk M.A. Social tension as a factor of occurrence of socially dangerous phenomena in modern society. In: *Spaces of social tension and strategic consensus interactions*. 2020. Pp. 430–436.
6. Plotnikov V.V., Kasparov A.R. Social tension: Factors of occurrence and actualization. *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. 2020. No. 1 (254). Pp. 118–125. (In Rus.)
7. Polyushkevich O.A. Social tension before and after the pandemic. *Influence of Quality of Life on the Formation of Value Culture of the Population of Russia: Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Moscow, 2020. Pp. 119–120.
8. Romanenko V.V., Borodkina O.I. Social tension and social risks in the context of international labor migration. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018. No. 1 (33). Pp. 109–124. (In Rus.)
9. Svetlakov A.G. On the development of social tension in the regions of Russia. *AVU*. 2019. No. 1 (180). Pp. 66–71. (In Rus.)
10. Broadstock D., Kalok C., Cheng L.T.W., Wang H. The role of ESG performance during times of financial crisis: Evidence from COVID-19 in China. *Finance Research Letters*. 2021. No. 38. Pp. 145–156.

Котов Д.А.

11. *Lapiente V., Van De Walle S.* The effects of new public management on the quality of public services // *Governance*. 2020. No. 33 (3). Pp. 461–475.
12. *MarshMcLennan.* The five tensions facing ESG-providers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marshmclennan.com/insights/publications/2021/september/five-tensions-facing-esg-providers.html> (дата обращения: 15.03.2022).
13. Morningstar. Managed portfolios. Latest investment convictions. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://mp.morningstar.com/en-us?utm_medium=referral&utm_campaign=redirect&utm_content=home_aem_page (дата обращения: 15.03.2022).
14. M&A Explorer. ESG takes center stage amid economic crisis and social unrest. 07.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/esg-takes-center-stage-amid-economic-10813/> (дата обращения: 15.03.2022).
15. *Sapryka V., Pastyuk A., Kolmogorov E.* Reducing social tension at the regional level in modern Russian society // *KnE Social Sciences*. 2022. № 7 (3). Pp. 155–163.
16. *Shchokoliev M.* et al. Decision-making and computational linguistic tools application for overall estimation of the level of social tension // *Journal of Physics: Conference Series*. 2021. No. 1780. Pp. 16–22.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 89,39%

Р е ц е н з е н т: *Разов П.В.*, доктор социологических наук; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Статья поступила в редакцию 20.03.2022, принята к публикации 21.04.2022

The article was received on 20.03.2022, accepted for publication 21.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Котов Дмитрий Алексеевич, старший преподаватель департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: DAkotov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Kotov, senior lecturer at the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: DAkotov@fa.ru

Системная модель и закон кризиса доверия в условиях трансформирующихся экономических отношений

М.Ю. Зеленков^а ©, А.Г. Тюриков^б ©, Чжан Вэнь^с ©

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

^а E-mail: MYZelenkov@fa.ru

^б E-mail: AGTyurikov@fa.ru

^с E-mail: mister1953@mail.ru

Аннотация. *Цель статьи* – исследование цепочки взаимодействия «вызов-действие – доверие», построение системной модели зависимости уровня доверия от воздействия вызова в условиях влияния деятельностного контекста и формулирование закона кризиса доверия, раскрывающего процесс ее функционирования в условиях трансформирующихся экономических отношений. Методологическую основу исследования составили гуманистический и экономический подходы, позволившие обратить приоритетное внимание на проблемы взаимодействия вызова и доверия, а также на процесс влияния социальных механизмов на уровень доверия. Использование метода синтеза дало возможность обозначить авторский подход к проблеме, а применение принципа идентификации, раскрыло недостатки в теории и практике взаимодействия вызова и доверия. Системно-комплексный подход дал возможность выявить проблемы в цепочке «вызов-доверие», определить роль социального механизма в формировании контекста данного процесса, построить системную модель зависимости уровня доверия от воздействия вызова в условиях влияния контекста и сформулировать закон ее функционирования через введение понятия кризиса доверия. **Результатами работы** стали: новое теоретическое и эмпирическое представление о том, как взаимодействуют в единой цепочке вызов, доверие и контекст, системная модель зависимости уровня доверия от воздействия вызова в условиях влияния контекста и закон кризиса доверия, раскрывающий процесс ее функционирования. Основной научный вывод заключен в положении о том, что в условиях воздействия внешних и внутренних вызовов доверию, при имеющемся определенном его уровне, процесс функционирования социальных механизмов его формирования должен концентрироваться на создании именно творческого ответа, позволяющего снижать силу воздействия вызова на доверие, а в конкретных условиях и повышать уровень доверия на основе задействования положительной составляющей вызова.

Ключевые слова: экономические отношения, доверие, социальный механизм, кризис доверия, модель «вызов-действие-доверие»

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зеленков М.Ю., Тюриков А.Г., Чжан Вэнь. Системная модель и закон кризиса доверия в условиях трансформирующихся экономических отношениях // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 72–78. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-72-78

The system model and the law of the crisis of trust in conditions of transforming economic relations

M.Yu. Zelenkov^a ©, A.G. Tyurikov^b ©, Zhang Wen^c ©

Financial University,
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: MYZelenkov@fa.ru

^b E-mail: AGTyurikov@fa.ru

^c E-mail: mister1953@mail.ru

Abstract. *The purpose of the article* is to study the chain of interaction “challenge-action- confidence”, to build a system model of the dependence of the level of confidence on the impact of the challenge under the influence of the activity context and to formulate the law of the crisis of confidence, which reveals the process of its functioning in the conditions of transforming economic relations. The methodological basis of the study was humanistic and economic approaches, which made it possible to pay priority attention to the problems of interaction between challenge and confidence, as well as to the process of the influence of social mechanisms on the level of confidence. The use of the synthesis method made it possible to identify the author's approach to the problem, and the application of the identification principle revealed shortcomings in the theory and practice of the interaction between challenge and confidence. The system-integrated approach made it possible to identify problems in the “challenge-confidence” chain, determine the role of the social mechanism in forming the context of this process, build a systemic model of the dependence of the level of confidence on the impact of a challenge under the influence of the context, and formulate the law of its functioning through the introduction of the concept of a crisis of confidence. **The results** of the work are: a new theoretical and empirical understanding of how a challenge, confidence and context interact in a single chain, a system model of the dependence of the level of confidence on the impact of a challenge under the influence of the context, and the law of the crisis of confidence, which reveals the process of its functioning. The main scientific conclusion is concluded in the position that under the influence of external and internal challenges to confidence, with its existing certain level, the process of functioning of the social mechanisms of its formation should be concentrated on making a creative response that makes it possible to reduce the impact of a challenge on confidence, and in specific conditions and increase the level of confidence based on the use of the positive component of the challenge.

Key words: economic relations, confidence, social mechanism, crisis of confidence, “challenge-action- confidence” model

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

FOR CITATION: Zelenkov M.Yu., Tyurikov A.G., Zhang Wen. The system model and the law of the crisis of trust in conditions of transforming economic relations. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 72–78. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-72-78

ВВЕДЕНИЕ

Многим экономическим отношениям не хватает формального принуждения, и они основаны на доверии для получения взаимных выгод. Доверие, в трактовке Н. Луманна, «это способ намеренного признания того, что некоторые вещи находятся вне контроля субъекта. Оно позволяет субъекту принимать решения и рассуждать о деятельности других в обществе, улавливать характерные черты не только тех, с кем субъект имеет дело, но и окружающего его мира» [1]. При этом, как показывает анализ, доверие представляет собой сложную конструкцию с несколькими основаниями и уровнями, которая постоянно находится под воздействием нескольких сил. Исследование показало,

что в качестве первой силы выступает начальный уровень доверия, который с течением времени и отсутствием внешних воздействий теряет свои показатели. В качестве второй силы выделяется социальный механизм, который создается в интересах поддержания заданного уровня доверия. И в качестве третьей силы выступает вызов, воздействующий на доверие. В зависимости от соотношения этих сил уровень доверия может оставаться постоянным, повыситься или снизиться до состояния его кризиса. Под кризисом доверия будем понимать субъект-объектное отношение, основанное на полной утрате взаимной априорной надежности и безопасности.

Из перечисленных трех сил, воздействующих на доверие, нас интересуют вызов и социальный механизм.

Вызов – это проблема, которая существует в настоящее время или ожидается в будущем в рамках рассматриваемой области и не может быть игнорирована. В то же время авторы отмечают, что под вызовом доверию необходимо понимать не любую проблему, а сложное воздействие, которое имеет следующие характеристики: способно нанести ущерб конкретному доверию (т.е. вызов всегда персонифицирован); требует максимальной концентрации усилий социальных механизмов, направленных на поддержание заданного уровня доверия (т.е. для ответа на вызов надо приложить сверх усилия); содержит внутри себя сильную мотивацию, способную укрепить доверие (т.е. является одновременно и стимулом для развития).

С точки зрения воздействия на доверие вызовы были классифицированы и отнесены к следующим четырем категориям: *вызов кризиса доверия* – это грядущие, вероятные вызовы массивного снижения уровня доверия, подавляющие как его начальный уровень, так и контекст, создаваемый социальными механизмами формирования доверия; *жизненно важный вызов*, отличающийся от вызова кризиса доверия в основном количеством времени, в течение которого доверие сохраняет свой уровень в условиях контекста, создаваемого социальными механизмами формирования доверия; *крупный вызов* – это вызов, оказывающий воздействие на доверие, но его ущерб демпфируется контекстом, создаваемым социальными механизмами формирования доверия; *периферийный вызов* – это такой вызов, который серьезно не влияет на уровень доверия в целом, но может повлиять на его отдельные элементы структуры при наличии сбоев в формировании контекста, создаваемого социальными механизмами формирования доверия. Применительно к трансформации экономических отношений, считают С. Густавсон и его коллеги, на первый план выходят технологические, экономические и социально-политические вызовы, которые усиливают у их субъектов чувства неуверенности и уязвимости [2].

Обращаясь к социальному механизму, отметим, что концептуализации социального механизма обычно подчеркивают, что «социальный механизм – это более или менее общая последовательность или набор социальных событий или процессов, проанализированных на более низком уровне сложности или агрегации, посредством которых – при определенных обстоятельствах – некоторая причина X имеет тенденцию вызывать некоторый эффект Y в сфере человеческих социальных отношений» [3: 358–379]. Господствующие теории предполагают, что социальные механизмы основаны на рациональном и сознательном взвешивании средств и целей или на желаниях, убеждениях и возможностях вовлеченных лиц. Однако поскольку мы рассматриваем социальный механизм, как средство, с помощью которого должен создаваться определенный контекст демпфирования уровня воздействия вызова на доверие, то авторы согласны с Н. Гросс, считающим, что в данном случае нужно говорить о прагматическом подходе, который постулирует, что социальные механизмы получают свою идентичность и смысл на уровне ситуаций по отношению к привычкам, практикам и дискурсам [3: 358–379].

В основу составления базы научных источников были положены гуманистический и экономический подходы, позволившие обратить приоритетное внимание на проблемы взаимодействия вызова и доверия в условиях трансформирующихся экономических отношений, а также на процесс влияния социальных механизмов на уровень доверия. Методологической базой исследования стал анализ трудов [1–6; 8–10], в которых всесторонне проанализированы процессы воздействия вызовов на доверие и условия, приводящие к его кризису. Авторы согласны с активно насаждаемым в научной среде мнением, что доверие имеет первостепенное значение для повышения эффективности процесса трансформации экономических отношений. Тем не менее, анализ теоретической и эмпирической литературы [2–5; 7] по этой проблеме позволил определить, что доверительные экономические отношения в условиях современных как глобальных, так и национальных вызовов не могут быть с максимальной эффективностью реализованы на практике по нескольким причинам.

Во-первых, недостаточная концептуальная проработка онтологии доверия и динамики процесса его формирования и поддержания. Особенно, как отмечает М. Вахтина, «это касается экономистов, которые веда речь о доверии и его значении, не углубляются в теорию вопроса, что не позволяет им постичь всего многообразия граней этой категории и определить все факторы, которые на него влияют» [4: 22–36]. Как мы уже отмечали, доверие, как и вызов, предполагает определенную персонифицированность, относительность, наличие не менее двух акторов, процесс доверительных экономических отношений, между которыми постоянно находится под воздействием широкого спектра вызовов и контекста. Поэтому доверию принадлежит такая особая характеристика как ситуативность и его трудно развивать как «общее понятие». Следовательно, в каждом конкретном случае на первый план выходят ситуационный, а не универсальный методы формирования доверия.

Во-вторых, сложный характер процесса трансформации экономических отношений бросает вызов современным теориям и практикам доверия. Одной из главных проблем здесь является недостаточная проработка вызовов (угроз, опасностей, рисков), которые оказывают воздействие на данный процесс. Речь идет о том, что процесс расшифровки структуры вызова, области его воздействия на доверие, а также алгоритмов функционирования социальных механизмов формирования контекста данного процесса, не в полной мере коррелируют между собой. Данные алгоритмы, как правило, обеспечивают единичное функционирование механизма, а не комплексное создание контекста, в активном поле которого можно было бы создать синергетический эффект. В то же время не стоит забывать, что эмпирические результаты часто также показывают, что комплексность в отдельных случаях может и отрицательно воздействовать на экономические отношения и привести, например, к ухудшению производительности, особенно когда конкуренция превалирует над сотрудничеством или наоборот.

В-третьих, исследования, посвященные процессу доведения уровня доверия до кризисного под воздействием вызовов, выдвигают на авансцену проблему

взаимодействия в цепочке «вызов-действие-доверие». Такие подходы вполне обоснованы. Однако в большинстве из них рассматривается только начальный уровень доверия, до воздействия вызова. В то же время доверие есть феномен, который функционирует в определенном контексте. То есть при наличии социальных механизмов, создающих данный контекст необходимо еще учитывать и уровень его воздействия на доверие. Следовательно, необходимо исследовать цепочку «вызов-доверие-контекст».

В-четвертых, ограниченная осведомленность, а в некоторых случаях и низкая компетентность субъектов социальных механизмов формирования доверия о характеристиках вызовов и области их воздействия на доверие приводит к тому, что силы социального механизма расплываются по всему спектру доверия, что существенно снижает эффективность функционирования механизма. Эффективное демпфирование воздействия вызова на доверие будет только тогда, когда сила социального механизма будет приложена в той же точке воздействия, что и вызов.

Таким образом, выделенные авторами данные концептуальные проблемы, приводят на практике к низкой эффективности функционирования социальных механизмов формирования доверия в условиях трансформирующихся экономических отношений, следовательно, создают проблемное исследовательское поле в цепочке взаимодействия «вызов-доверие-контекст». Исходя из этого, гипотезой нашего исследования является предположение, что уровень доверия зависит от соотношения уровней вызова, доверия и контекста, в условиях которого реализуется цепочка «вызов-доверие».

ДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕФИНИЦИЯ

Результаты исследования цепочки «вызов-действие-доверие-контекст» в условиях трансформирующихся экономических отношений показывают, что «дефиниция “доверие” является социально-экономической категорией, которая имеет широкий диапазон, распространяющийся от ожидания изолированными индивидами значений важных для них экономических переменных до ожидания честного, соответствующего совместно выработанным правилам, поведения со стороны других участников» [4: 22–36]. Доказательством данного факта являются выводы Дж. Милль, который «с дефицитом доверия связывал кризисные явления в экономике, вызванные сокращением кредита в торговле» [5], а также Дж. Кейнса, «пришедшего к выводу о важности доверия в экономике, так как от него в значительной степени зависели изменения в уровнях сбережений и накопления» [6].

Данные методологические подходы наглядно доказывают тот факт, что доверительные стороны в экономических отношениях всегда выигрывают от взаимодействия, ибо отсутствие доверия в отношениях всегда можно рассматривать как введение дополнительного налога на процесс экономических отношений. Следовательно, доверие выступает не чем иным, как гарантом прогнозируемого будущего, т.е. источником социального капитала. Однако доверие будет выполнять

свою роль только в том случае, если его уровень будет соответствовать той ситуационной обстановке, в которой осуществляется трансформация экономических отношений. То есть, как показало исследование, акторы экономических отношений должны учитывать, что они осуществляют свою экономическую деятельность не в вакууме, и не только в условиях воздействия на них различных сил, которые могут быть вызовами, рисками, опасностями и даже угрозами для них, но и в условиях контекста. Недаром Н. Луманн подчеркивает связь доверия с риском, который состоит в том, что доверительное ожидание может завершиться разочарованием [1].

Анализ отчетных материалов Всемирных экономических форумов и отчетных материалов исследовательских организаций¹ показывает, что современная эпоха – это эпоха ожиданий и надежд, а также усугубляющихся противоречий, неопределенностей и возникающих вызовов, которые постоянно воздействуют на доверие всех уровней. Так, вызовы глобализации привели к отчуждению, концентрации богатства в руках более узкого круга, более высоким ожиданиям постоянного улучшения жизни, стандартов и растущей озабоченности по поводу устойчивости выбранного пути развития. Высокие темпы экономического роста, которые оказывают благоприятное воздействие на доверие, параллельно привели население планеты Земля к столкновению с обременительными ограничениями, к социальному отчуждению и усилению неравенства.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ДОВЕРИЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Общеизвестно, что доверие играет важную роль в социальном строительстве, функционировании и развитии общества, однако в условиях вызовов (например, COVID-19) резко увеличивается процент неопределенности, приводящий к снижению уровня доверия и оказывающий существенное влияние на общественное развитие. При этом, доверие напрямую коррелирует с восприятием личного и общественного риска. Так, например, «опрос более 60 000 граждан во всех государствах – членах ЕС, проведенный в мае 2020 г., показал, что европейцы теряют доверие к способности своих лидеров справиться с ним. Это особенно заметно в таких крупных странах ЕС, как Франция, Италия и Испания» [7].

В этих условиях, по мнению авторов, интересен подход Б. Ротштейн и Э. Усланер, который коррелирует с гипотезой нашего исследования. Исследовав роль универсальных социальных механизмов в процессе формировании доверия, ученые пришли к мнению, что «общее доверие обусловлено двумя разными, хотя и взаимосвязанными, типами равенства: экономическим равенством и равенством возможностей» [8: 41–72].

¹ Международный экономического форума (Давос, Швейцария), политического форума «Астана Клуб», экспертного форума «Россия и мир (Гайдаровский форум), некоммерческой организации «RAND Corporation», Международного дискуссионного клуба «Валдай», Петербургского международного экономического форума, Недели российского бизнеса в Москве, Форума «Россия зовет», Дальневосточного инвестиционного конгресса и др.

Они выделяют три способа, как универсальные социальные механизмы могут повысить доверие. Одним из них, например, является социальный механизм перераспределения. Поскольку, считают ученые, точкой воздействия этих социальных механизмов является все общество, то они усиливают чувство равенства возможностей в обществе, следовательно, в социуме повышается доверие. Так, уровень доверия в скандинавских странах, где поддерживается равенство, вот уже длительное время демонстрирует высокие показатели, несмотря на все возрастающие глобальные вызовы доверию (глобализация, пандемия и др.).

Основываясь на данном подходе, в предлагаемой авторской системной модели в качестве контекстов, формируемых социальными механизмами, предложены шесть фундаментальных: *политический, социальный, экономический, социокультурный, образовательный и правовой*. В основу такого подхода положены следующие критерии:

Во-первых, основные сферы жизнедеятельности общества, которые согласно модели Т. Парсонса образуют систему. Социум в этом случае представляет собой совокупность экономической, политической, социальной и духовной (социокультурной) подсистем. Каждая из этих подсистем выполняет конкретные функции, реагирует на требования, поступающие как изнутри, так и извне. Вместе они обеспечивают его жизнедеятельность в целом.

Во-вторых, образовательный контекст, обеспечивающий осознание объектом воздействия онтологии вызова и его характеристик, а также позволяющий определить пути демпфирования его отрицательной и выделение положительной составляющей, чтобы использовать ее в своих интересах. Данный критерий обоснован теорией «вызова-ответа», автором которой является А. Тойнби. В ее основе лежит постулат о том, что любой вызов доверию требует ответной реакции от социального механизма формирования доверия. Причем, уровень доверия будет повышаться, только тогда, когда процесс функционирования социального механизма его формирования будет основан на творчестве. Данный подход также коррелируется с мнением П. Штомпки, отмечающего, что «любой феномен никогда не бывает только “черным” или “белым” (у Штомпки – «розовым»). У каждого феномена (читай – вызова) всегда можно найти две противоположные стороны. Вопрос только состоит в том, какая из этих сторон преобладает» [9: 8–15]. При этом движущей силой этого процесса являются «творческие меньшинства», разрабатывающие конкретные решения проблем недоверия в конкретных сферах жизнедеятельности.

В-третьих, правового контекста, который обеспечивает формальность функционирования всех социальных механизмов. Он представляет собой совокупность различных норм права и других ресурсов, позволяющих регулировать процесс взаимодействия субъектов экономических отношений в социуме, а также социальных механизмов формирования доверия, без которых эффективные отношения немислимы. Элементами данной подсистемы являются: нормативные правовые документы; обычаи, традиции, этические и моральные нормы, принятые в обществе.

СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ ЗАВИСИМОСТИ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВА В УСЛОВИЯХ ВЛИЯНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО КОНТЕКСТА

Исследование теории вызовов доверию показывает, что их взаимосвязь в идеальных условиях можно представить в виде линейной зависимости (рис. 1), которая обуславливает, что процесс нарастания кризиса доверия связан с конкретными проявлениями вызова, обусловленным его последствиями. В соответствии с данной моделью интенсивность нарастания кризиса доверия коррелирует с интенсивностью вызова: чем больше выраженность вызова, тем интенсивней процесс нарастания кризиса доверия.

Рис. 1. Зависимость нарастания кризиса доверия от интенсивности вызова в идеальных условиях

Fig. 1. Dependence of the growth of the crisis of confidence on the intensity of the challenge under ideal conditions

Однако анализ многочисленных результатов эмпирических исследований, позволил авторам сделать вывод, что тяжесть выявленного кризиса доверия не всегда коррелирует с интенсивностью вызова. Связано это с тем, что влияние вызова S_b на уровень доверия $S_{уд}$ во многом зависит от деятельностного контекста (политического $S_{пк}$, социального $S_{ск}$, экономического $S_{эк}$, социокультурного $S_{скк}$, образовательного $S_{ок}$ и правового $S_{прк}$), сопровождающего его проявление. Наш вывод коррелирует с подходом Э. Усланера, который выделяет основные параметры, характеризующие доверие, обращает внимание на характер ситуации (контекст), в которой необходимо оценивать доверие [10: 43–49]. Речь, в данном случае идет о том, что, при определенной обстановке (ситуации) влияние того или иного вызова на уровень доверия может быть демпфировано контекстными социальными механизмами. В данном случае предполагается, что если уровень контекста больше уровня вызова, то и его влияние на уровень доверия не будет столь значительным, чтобы наступил кризис доверия (например, периферийный тип вызова). Математически это выражается следующим образом:

$$S_{уд} = f(S_b, S_{пк} + S_{ск} + S_{эк} + S_{скк}). \quad (1)$$

Данный вывод привел авторов к необходимости разработки системной модели процесса взаимодействия вызова и доверия, состоящей из трех кластеров: вызов, доверие, контекст (рис. 2).

Кластер «вызов» представляет собой комплексную характеристику, отражающую его возможное влияние на уровень доверия, которая позволяет оценить степень его способности создать кризис доверия.

Характеристики вызова учитываются при определении требований к социальному механизму формирования доверия в целом и/или его составным частям. Авторы вывели составляющие параметрической модели вызова: *источник вызова*; *статический диапазон* (вид, тип, канал, цель, задачи воздействия и т.д.); *диаграмма направленности* (величина охвата воздействием объекта доверия); *сила воздействия на объект доверия*; *динамический диапазон* (скорость достижения объекта доверия, формы и методы воздействия, коэффициент воздействия, мощность и т.д.).

Рис. 2. Системная модель зависимости уровня доверия от воздействия вызова в условиях влияния контекста

Fig. 2. A systemic model of the dependence of the level of confidence on the impact of a challenge under the influence of the context

Кластер «доверие» представляет собой характеристику начального уровня доверия $S_{нуд}$, который имелся до начала воздействия вызова и включает в себя базовые элементы, раскрывающие онтологию доверия: *готовность рисковать, уязвимость, уверенность, доброжелательность, надежность, компетентность, честность и открытость*.

Кластер «контекст» представляет собой совокупность уровней влияния контекста на доверие, в условиях которого осуществляется воздействие вызова на доверие. Характеристика совокупности контекста есть величина ситуационная и динамическая, и представляет собой сумму уровней контекста, создаваемых социальными механизмами формирования доверия, которые оказывают компенсирующее уровень вызова воздействие на доверие в точке его приложения.

Функционирование данной модели определяется законом кризиса доверия, который можно сформулировать следующим образом: «кризис доверия наступает тогда, когда уровень вызова превышает уровень совокупности начального уровня доверия и уровня контекста, в условиях которого осуществляется воздействие вызова на доверие». Математически данный закон описывается следующей зависимостью: «отношение

суммы начального уровня доверия $S_{нуд}$ и совокупности уровней контекста, к уровню вызова стремится к нулю».

$$\frac{S_{нуд} + S_{пк} + S_{ск} + S_{эк} + S_{скк} + S_{ок} + S_{прк}}{S_в} < 1. \quad (2)$$

То есть при отношении стремящимся к нулю, совокупный уровень доверия не позволяет демпфировать уровень вызова, следовательно, наступает кризис доверия. Если же данное отношение стремится к единице, то это говорит о том, что эффективность контента в совокупности с имеющимся начальным уровнем доверия позволяют не только компенсировать уровень вызова, но и повысить уровень доверия к субъектам, отвечающим за формирование контекста, что в свою очередь позволяет сделать вывод о легитимности форм и методов бихевиоризма субъектов контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование предлагает несколько отличительных вкладов в теорию и практику доверия.

Во-первых, оно дает новое теоретическое и эмпирическое представление о том, как взаимодействуют в единой цепочке вызов, доверие и контекст. Таким образом, оно расширяет имеющиеся концепции процесса функционирования социальных механизмов формирования доверия, в условиях трансформирующихся экономических отношений.

Во-вторых, по сравнению с предыдущими исследованиями, которые в основном были сосредоточены только на одном измерении доверия и вызова, это исследование раскрывает их многомерный характер, чтобы выявить более целостное понимание процесса взаимодействия вызова и доверия. В частности, оно не просто рассматривает вызов как воздействие на доверие, а учитывает структурные характеристики вызова, а также характеристики контента в среде которого и осуществляется взаимодействие в цепочке «вызов–доверие».

В-третьих, оно подчеркивает, что субъект, обладающий необходимой компетентностью и находящийся под воздействием вызова способен выделить его положительную составляющую и использовать ее в интересах повышения уровня доверия.

В-четвертых, построенная системная модель зависимости уровня доверия от воздействия вызова в условиях влияния контекста, выведенный закон кризиса доверия и сформулированные характеристики вызова доверию дают возможность создать социальный механизм, позволяющий демпфировать отрицательную составляющую вызова и поставить на свою службу его положительную составляющую.

Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что гипотеза исследования подтвердилась, а его цель достигнута.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Luhmann N.* Trust and power. Wiley, Chichester, 1979. 208 p.
2. *Gustafsson S., Gillespie N., Hope Hailey V.* et al. Preserving organizational trust during disruption // *Organization Studies*. Epub ahead of print. April 27, 2020. DOI: 10.1177/0170840620912705.
3. *Gross N.* A pragmatist theory of social mechanisms // *American Sociological Review*. 2009. No. 74. Pp. 358–379.
4. *Vakhtina M.* Whether the trust is sign of institute? // *Journal of economic regulation*. 2018. Vol. 9. No. 3. Pp. 22–36.
5. *Милль Дж.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
6. *Keynes J.M.* The general theory of employment, interest and money // *The Quarterly Journal of Economics*. 1937. 190 p.
7. Living, working and COVID-19. European foundation for the improvement of living and working conditions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2020/living-working-and-covid-19> (дата обращения: 23.01.2022).
8. *Rothstein B., Uslaner E.* All for all: Equality, corruption, and social trust // *World Politics*. 2005. No. 58 (1). Pp. 41–72.
9. *Штомпка П.* Доверие в эпоху глобализации // *Социальная политика и социология*. 2006. № 4. С. 8–15.
10. *Uslaner E.M.* Varieties of trust // *Eur. Polit. Sci.* 2003. No. 2. Pp. 43–49.

REFERENCES

1. *Luhmann N.* Trust and power. Wiley, Chichester, 1979. 208 p.
2. *Gustafsson S., Gillespie N., Hope Hailey V.* et al. Preserving organizational trust during disruption. *Organization Studies*. Epub. ahead of print. April 27, 2020. DOI: 10.1177/0170840620912705.
3. *Gross N.* A pragmatist theory of social mechanisms. *American Sociological Review*. 2009. No. 74. Pp. 358–379.
4. *Vakhtina M.* Whether the trust is sign of institute? *Journal of Economic Regulation*. 2018. Vol. 9. No. 3. Pp. 22–36.
5. *Mill J.* Fundamentals of political economy with some applications to social philosophy. Moscow: Ecsmo, 2007. 1040 p.
6. *Keynes J. M.* The general theory of employment, interest and money. *The Quarterly Journal of Economics*. 1937. 190 p.
7. Living, working and COVID-19. European foundation for the improvement of living and working conditions [Electronic resource]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2020/living-working-and-covid-19> (data of accesses: 23.01.2022).
8. *Rothstein B., Uslaner E.* All for all: Equality, corruption, and social trust. *World Politics*. 2005. No. 58 (1). Pp. 41–72.
9. *Sztompka P.* Confidence in the era of globalization. *Social Policy and Sociology*. 2006. No. 4. Pp. 8–15. (In Rus.)
10. *Uslaner E.M.* Varieties of trust. *Eur. Polit. Sci.* 2003. No. 2. Pp. 43–49.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 88,86%

Р е ц е н з е н т: *Разов П.В.*, доктор социологических наук; профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Статья поступила в редакцию 20.02.2022, принята к публикации 26.03.2022
The article was received on 20.02.2022, accepted for publication 26.03.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зеленков Михаил Юрьевич, доктор политических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: MYZelenkov@fa.ru

Тюриков Александр Георгиевич, доктор социологических наук, профессор; руководитель департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: AGTyurikov@fa.ru

Чжан Вэнь, аспирант департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. E-mail: mister1953@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Yu. Zelenkov, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor; leading researcher at the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: MYZelenkov@fa.ru

Alexander G. Tyurikov, Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Head at the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: AGTyurikov@fa.ru

Zhang Wen, PhD student at the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: mister1953@mail.ru

Абулаити А.

5.5.4

Международные отношения
International Relationships

5.4.5

Политическая социология
Political Sociology

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-79-87

Развитие взаимоотношений Кыргызской Республики и КНР в рамках ШОС в контексте инициативы «Один пояс, один путь»

А. Абулаити ©

Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева,
г. Бишкек, Кыргызская Республика

E-mail: Arafat.ablet@qq.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития взаимоотношений Кыргызской республики и КНР в рамках ШОС в период с 2013 по 2020 гг. начало реализации Китаем своей экономической инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) осенью 2013 г. стал важнейшим фактором дальнейшей трансформации отношений Китая с государствами Центральной Азии. Эти процессы закономерно затронули важнейшую в регионе международную региональную организацию – Шанхайскую организацию сотрудничества, так как именно в ее формате протекала значительная часть сотрудничества Кыргызской Республики и КНР. Но с началом реализации Пекином ОПОП начинает складываться новая модель отношений КНР и Кыргызской Республики, при котором экономические вопросы предпочитались решаться в двустороннем порядке, а проблемы, связанные с вопросами безопасности – в рамках ШОС. Но уже с Уфимского саммита ШОС 2015 г. происходит дальнейшее развитие данной региональной структуры, в результате которой экономическому партнерству в ее рамках начинает уделяться существенно большее внимание, что вызвало углубление взаимоотношений в этой сфере, в том числе между Кыргызстаном и Китаем.

Ключевые слова: КНР, Кыргызская Республика, дипломатические отношения, Шанхайская организация сотрудничества, «Один пояс, один путь», экономическое сотрудничество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абулаити А. Развитие взаимоотношений Кыргызской Республики и КНР в рамках ШОС в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 79–87. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-79-87

Development of Relations Between the Kyrgyz Republic and the People's Republic of China Within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization of the context of "One Belt, One Road" Initiative

A. Abulaiti ©

Bishkek State University named after K. Karasaev,
Bishkek, Kyrgyz Republic

E-mail: Arafat.ablet@qq.com

Abstract. The article is devoted to the problems of developing relations between the Kyrgyz Republic and the PRC within the framework of the SCO in the period from 2013 to 2020. China's launch of its economic initiative "One Belt, One Road" (OBOR) in the autumn of 2013 became a major factor in the further transformation of China's relations with the countries of Central Asia. These processes naturally affected the most important international regional organization in the region – the Shanghai Cooperation Organization, since it was in its format that a significant part of the cooperation between the Kyrgyz Republic and the PRC proceeded. But with the beginning of the implementation of the BRI by Beijing, a new model of relations between the PRC and the Kyrgyz Republic begins to take shape, in which economic issues were preferred to be resolved bilaterally, and problems related to security issues within the framework of the SCO. But since the Ufa summit of the SCO in 2015, this regional structure has been further developed, as a result of which much more attention is being paid to economic partnership within its framework, which caused a deepening of relations in this area, including between Kyrgyzstan and China.

Key words: PRC, Kyrgyz Republic, diplomatic relations, Shanghai Cooperation Organization, One Belt, One Road, economic cooperation

FOR CITATION: Abulaiti A. Development of Relations Between the Kyrgyz Republic and the People's Republic of China Within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization of the context of "One Belt, One Road" Initiative. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 79–87. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-79-87

ВВЕДЕНИЕ

В начале сентября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпинь совершает официальную поездку по государствам Центральной Азии, во время которой он официально презентует начало реализации Пекином глобальной экономической инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Отправной точкой стала речь главы КНР в Назарбаев университете 6 сентября 2013 г. Главной целью нового масштабного проекта Китая была объявлена необходимость возрождения древних транс-евразийских торговых маршрутов Великого Шелкового пути в современном формате, которые связали бы Китаем с важнейшими регионами Евразии и Северной Африки [3]. При этом лидер КНР на пять приоритетных направлений сотрудничества в рамках данного проекта – политический диалог, создание общей инфраструктуры, углубление торговых связей, свободное перемещение капитала и расширение связей между народами [5].

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И КНР В ШОС НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОПОП

Показательно, что презентация инициативы ОПОП была сделана лидером КНР за неделю до очередного саммита глав государств-участников ШОС в Бишкеке. Непосредственно накануне данного саммита, 10–12 сентября 2013 г., по итогам его встречи и официальных переговоров с президентом Кыргызской Республики А. Атамбаевым подписывается «Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики об установлении отношений стратегического партнерства» [19].

В данном контексте большой интерес вызывает то, что этот документ по основным своим положениям совпадает с теми тезисами, которые были обозначены Си Цзиньпинем в его программной речи в Астане, посвященной официальному старту реализации Пекином экономической инициативы ОПОП. Это указывает

Абулаити А.

на то, что Пекин рассчитывал не только на собственно презентацию данного глобального проекта в Центральной Азии, но и также на незамедлительное создание необходимой дипломатической основы для его реализации, поскольку без поддержки государств региона воплощение ОПОП в жизнь было бы невозможно. Поэтому согласование и принятие КНР и Кыргызской Республикой «Совместной декларации» в практическом плане означало, что Бишкек присоединился к китайской экономической инициативе. Поэтому совершенно закономерно выглядит принятие обоими сторонами наряду с отмеченной декларацией пакета из восьми соглашений экономического и культурно-гуманитарного содержания в соответствии с концептуальными основами ОПОП.

Прошедший непосредственно после этих событий очередной саммит глав государств ШОС в Бишкеке 13 сентября 2013 г., был преимущественно посвящен обсуждению важнейших геополитических событий в Евразии на тот момент (ситуации в Сирии, Афганистане и др.). Традиционно уже для мероприятий подобного уровня была в очередной раз задекларирована приверженность участников данной региональной организации к дальнейшему приложению усилий по совместному противодействию главным угрозам в регионе Центральной Азии – международному терроризму, сепаратизму и экстремизму, транснациональной организованной преступности, незаконному обороту наркотических и психотропных средств и пр. Экономическая и культурно-гуманитарная сферы сотрудничества стран-участниц ШОС по объективным причинам обсуждалось на нем очень ограниченно и во многом вскользь [19], скорее, это была больше дань традиционной повестке подобного рода саммитов.

Фактически после Бишкекского саммита глав государств ШОС 2013 г. политическое руководство КНР выносит последние два направления сотрудничества со странами Центральной Азии, включая Кыргызскую Республику, в основном в рамки инициативы «Один пояс, один путь». Поскольку этому региону Пекином отводится основополагающая роль в комплексной реализации данного мега-проекта на долгосрочной основе [32: 164–176]. В то же время решение вопросов, связанных с поддержанием коллективной безопасности и стабильной обстановки, Китай предпочитает все также оставить в поле деятельности ШОС.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ШОС И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОТНОШЕНИЯ КНР И ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Объективными причинами столь существенного пересмотра Пекином формата и подходов выстраивания своей внешней политики по отношению к странам Центральной Азии во многом стало то, что к концу 2000-х гг. в развитии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) все более просматриваются признаки внутренней стагнации. Хотя с самого начала она задумывалась ее основными конструкторами – КНР и Россией – как многопрофильная региональная международная организация [28: 13–14], к отмеченному времени она уделяла основное свое внимание преимущественно проблемам коллективной безопасности

в регионе, что не совсем отвечало интересам и запросам Китая. Так как к этому времени в Центральной Азии удалось достичь определенного уровня политического баланса и стабильности. По этой причине Пекин еще в 2003–2004 гг. выступает с предложением о создании свободной торгово-экономической зоны в рамках ШОС.

Важнейшей целью этого предложения было стремление китайской стороны способствовать дальнейшему кардинальному расширению торговли на базе данной региональной структуры. Это планировалось достичь, прежде всего, за счет снижения стоимости товаров и свободного привлечения инвестиций. Не менее прогрессивной идеей было также формирование разделения труда на уровне на основе установления прочных связей между региональной промышленностью и источниками необходимых ресурсов. Предлагаемая Пекином новая система разделения труда должна интегрироваться в глобальную систему и объединить население стран-участниц ШОС, составляющее 2,8 млрд человек, в единый евразийский рынок [29]. Но подобное предложение не встретило поддержки со стороны политического руководства России, вследствие чего в рамках ШОС была достигнута договоренность о том, что механизмы более тесной экономической интеграции в рамках данной организации будут выработываться постепенно. В частности было запланировано поэтапное движение государств-участников ШОС в течение последующих 20 лет к свободному передвижению товаров, капиталов, услуг и технологий на внутрорегиональном рынке. Только после достижения этих основных условий они могли бы приступить к созданию единой зоны свободной торговли в ШОС [14: 110–115]. Разумеется, что подобная позиция мало способствовала интенсивному развитию торгово-экономических взаимоотношений между государствами-членами ШОС, что совершенно не отвечало интересам самого Китая.

Тем более что с приходом к власти нового поколения китайской политической элиты во главе с Си Цзиньпином в конце 2012 г. приводит к заметным сдвигам во внутренней и внешней политике Китая. Важнейшим отражением новых политических трендов стало формулирование и презентация новым председателем КНР концепции «великой китайской мечты», главной целью которой является «превращение Китая в богатое и сильное государство» [23; 34]. Именно с этой ключевой целью КПК увязывается реализация инициативы ОПОП, последовательная и успешная реализация которой должна идти рука об руку с достижение «китайской мечты».

В то же время существенное обновление при председателе Си Цзиньпине внешнеполитического курса Китая находит отражение в другой концепции – стратегии «периферийной дипломатии», основные идеи которой получают окончательное идейное наполнение в 2013 г. В ней происходит заметное переосмысление геополитических подходов к дальнейшему развитию взаимоотношений Китая и соседними регионами Евразийского континента. Причем, в китайском понимании современной регионализации данного континента Центральная Азия выступает как важнейший связующий компонент на пути реализации инициативы ОПОП [13: 138–146; 32: 164–181]. Идеологической

основой обновленной стратегии КНР в Евразии при этом становится концепция «сообщества единой судьбы человечества», которая также была выдвинута Си Цзиньпинем и неоднократно представлялась им мировому сообществу. В ней обосновывается необходимость построения качественно новых взаимоотношений между государствами на основе «доброжелательности, искренности, взаимовыгодности и инклюзивности», также важное внимание в ней уделяется идее «совместного существования различных цивилизаций» [16]. Фактически она отражает стремление современного Китая к построению многополярного мира, в котором он мог бы по праву стать одним из цивилизационных центров мировой геополитики.

Исходя из изложенного контекста, становится очевидным, что определенный обход направления торгово-экономического сотрудничества среди членов ШОС не отвечал насущным интересам КНР и даже порождал внутри данной организации латентные противоречия, которые тормозили ее дальнейшее конструктивное развитие. По этой причине новое поколение китайской политической элиты во главе с Си Цзиньпинем вносит существенные коррективы во взаимоотношения Китая и государств Центральной Азии, начав реализацию инициативы «Один пояс, один путь», что также нашло отражение в их сотрудничестве в рамках ШОС. С этого момента КНР стремится решать основную часть вопросов, связанную с торгово-экономическим и инфраструктурным сотрудничеством, непосредственно с государствами Центральной Азии по линии ОПОП. Но в то же время проблемы безопасности и стабильности в данном регионе Пекин вполне прагматично оставляет в ведении ШОС, так как отмечалось выше: китайское руководство прекрасно понимает, что успешная реализация экономической инициативы ОПОП во многом ставится в зависимость от того, насколько спокойной будет обстановка в Центральной Азии.

Данные аспекты становятся очевидными уже на последующих саммитах глав государств-членов ШОС после официальной презентации председателем Си Цзиньпинем ОПОП. Так, на саммите глав государств ШОС в Душанбе, прошедшем 11–12 сентября 2014 г., помимо традиционного коллективного ответа на современные политические угрозы и вызовы, которые стоят перед членами данной организации, основными вопросами стали: выработка ими коллективной позиции на площадке ООН, политическая ситуация в Сирии, Афганистане и Украине, проблема нераспространения ядерного оружия и пр. В то время как экономическому сотрудничеству на их фоне было уделено заметно более скромное внимание, которое в целом не носило характер конкретных соглашений, за исключением констатации необходимости дальнейшей работы по созданию Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС [6], основными донорами которых готова выступить китайская стороны. Причем, последние проекты традиционно встречают поддержку со стороны государств Центральной Азии, в том числе Кыргызской Республики, так как это открывает для нее возможности получения дополнительных кредитных средств на развитие социально-экономической сферы [1].

На этом фоне вполне закономерно выглядит то, что на протяжении практически всего 2014 г. политические экономические отношения между Кыргызской Республикой и КНР заметно углубляются. 17–21 мая тогдашний президент Кыргызстана А. Атамбаев совершает официальный визит в Пекин, во время которого он еще раз подтверждает достигнутые ранее соглашения, а также подписывает с китайской стороной «Совместную декларацию Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства» [20]. Особое внимание в ней уделялось именно торгово-экономическому сотрудничеству между двумя странами, указывались также важнейшие его сферы: энергетика, создание регионального транспортно-коммуникационного коридора с соответствующим логистическим обеспечением, сельское хозяйство. Помимо этого, был также подписан ряд соглашений, основная часть которых касалась углубления совместной работы между налоговыми службами Кыргызстана и КНР, поощрение двусторонней торговли, а также договоренность о предоставлении Китаем безвозмездной помощи для реконструкции и реабилитации автомобильных дорог в Бишкек [9].

УФИМСКИЙ САММИТ ШОС И РАСШИРЕНИЕ ПАРТНЕРСТВА КНР И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Углубление экономических связей КНР с государствами Центральной Азии на фоне начала активной реализации своей инициативы «Один пояс, один путь» вызвало вполне закономерную реакцию со стороны одного из двух главных бенефициаров ШОС – Российской Федерации. По ее инициативе 9–10 июля 2015 г. проводится очередной саммит глав государств – членов ШОС в Уфе, прошедший непосредственно после VII саммита БРИКС (8–9 июля 2015 г.). Несмотря на то, что ключевым его вопросом было начало процедуры принятия в данную организацию Индии и Пакистана, на нем коснулись уже ставших традиционными для мероприятий подобного уровня вопросов безопасности (афганский конфликт, кризисы в ряде стран Азии и Северной Африке, иранской ядерной проблеме и др.). Но одним из наиболее моментов значимых стала также поддержка государствами – членами организации, включая Кыргызскую Республику, запуска на территории Центральной Азии «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) – одной из двух важнейших компонент инициативы ОПОП [26], что также, по мнению кыргызской стороны, может выступить важным фактором активизации торгово-экономических связей в самой ШОС [21]. Также президентом Кыргызской Республики А. Атамбаевым была вновь озвучена необходимость окончательной доработки вопроса о создании Банка и Фонда развития ШОС для того, чтобы перейти к непосредственной реализации торгово-экономических проектов в рамках организации [30]. Важным моментом в этом является то, что председатель КНР перед этим в очередной раз отметил, что создание Банка ШОС является одной из ключевых стратегических мер организации, а также отметил, что «китайская сторона готова с помощью таких финансовых площадок, как

Абулаити А.

Фонд Шелкового пути и фонд экономического сотрудничества «Китай–Евразия», удовлетворять инвестиционные потребности государств – членов ШОС» [21].

Таким образом, китайская сторона еще раз продемонстрировала свою готовность быть важнейшим финансовым бенефициаром структурных экономических подразделений данной региональной организации. Интересно также то, что на данном саммите вновь официально зазвучали предложения ее сопряжения с российским экономическим проектом ЕАЭС, впервые возможность этого была высказана во время официального визита Си Цзиньпина в Москву на празднование 70-летия Дня Победы и переговоров с президентом РФ В.В. Путиным в начале мая 2015 г. [18: 68–69; 31: 32]. Подобная возможность была поддержана на Уфимском саммите кыргызской стороной, так как реальное воплощение этого открывало дополнительные торговые и инвестиционные возможности для Кыргызстана. Вполне закономерно, что тематика экономического партнерства получила также отражение в ключевом итоговом документе саммита – «Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.», где ей посвящен один из разделов, в котором подробно были обозначены важнейшие сферы взаимодействия [22].

Заинтересованность руководства Кыргызской Республики в возможностях сопряжения ОПОП и ЕАЭС стала одним из важнейших тем на переговорах во время официального визита президента КР А. Атамбаева в КНР в сентябре 2015 г. По их итогам было высказано предложение разработать совместную дорожную карту в целях синхронизации двух этих проектов в едином направлении [10]. Также был подписан дополнительный пакет двусторонних соглашений, важнейшими из которых стали «Программа сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой на 2015–2025 годы» и «Программа приграничного сотрудничества между Правительством Китайской Народной Республики и Кыргызской Республики на 2015–2020 годы», основным содержанием которых была направленность дальнейшего углубления торгово-экономического партнерства в рамках ОПОП среднесрочной перспективе.

Однако, несмотря на достигнутые на Уфимском саммите ШОС итоги, в частности, поддержке членами данной региональной организации экономической инициативы «Один пояс, один путь» и обсуждения возможностей ее сопряжения с российским проектом ЕАЭС, уже на следующих саммитах глав государств ШОС в Ташкенте (23–24 июня 2016 г.), Астане (8–9 июня 2017 г.) тема углубления экономического сотрудничества не получает должного развития. Но, несмотря на то это, происходит дальнейшее углубление экономических связей КНР и государств Центральной Азии по линии ОПОП, в том числе с Кыргызской Республикой. Отражением этого стало подписание запуск целого ряда крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов, том числе начало строительства нитки D газопровода «Китай–Центральная Азия», продолжение проекта по реконструкции ирригационной системы Кыргызстана, продолжение консультации о строительстве железной дороги «Китай–Кыргызстан–Узбекистан» (ККУЖД) и пр.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КНР И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ШОС В 2018–2020 гг.

С этого времени КНР в отношениях с Центрально-азиатскими государствами все более стремится развивать торгово-экономические и инвестиционные отношения вне площадки ШОС, на уровне двусторонних дипломатических контактов. В рамках данной региональной организации Пекином сосредотачивается преимущественно поддержание стабильной и безопасной ситуации в регионе Центральной Азии, хотя по инерции риторика, связанная с экономическим партнерством продолжает по инерции отражаться в ключевой документации ШОС, но не носит там основополагающего характера.

Этот аспект в кыргызско-китайских отношениях стал особо очевиден накануне очередного саммита глав государств ШОС в Циндао (9–10 июня 2018 г.), когда в данный город с официальным визитом 6–8 июня прибывает президент Кыргызской Республики С. Жээнбеков, который проводит ряд встреч и переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином. По их итогам было подписано 11 двусторонних документов, главным из которых стала «Совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнерства между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой» [2]. Помимо того, что данный документ полностью подтверждал все прежние договоренности между двумя государствами, он содержал очень подробный и обширный параграф, посвященный экономическому сотрудничеству. В нем четко обозначались генеральные сферы торгово-экономического и инфраструктурно-инвестиционного сотрудничества. Главными совместными проектами, которые планируется реализовать в ближайшее время, в документе были обозначены следующие: газопровод «Кыргызстан–Китай», железнодорожная магистраль «Китай–Кыргызстан–Узбекистан» (ККУЖД) и ряд некоторых других [11].

На самом же Циндаоском саммите ШОС экономическому сотрудничеству наряду с коллективными усилиями по поддержанию стабильности и мира на территории ее государств-членов было уделено значительное внимание. Помимо подведения итогов целого ряда целого ряда экономических форумов, проведенных в 2018 г. под эгидой ШОС, было предложено расширение использования национальных валют, а также дальнейшей работы по развитию дорожно-транспортной сети и улучшению условий для международных автомобильных перевозок [27]. Учитывая, что значительная часть проектов по реабилитации и строительству автомобильных дорог велась в тот момент на территории государств Центральной Азии, в том числе при активной финансовой и технической помощи КНР, то данное предложение было поддержано ими, в том числе Кыргызской Республикой.

Важной вехой в дальнейшем развитии взаимоотношений Кыргызстана и Китая в рамках ШОС стал очередной саммит глав государств этой региональной организации в Бишкеке 13–14 июня 2019 г., тем более что Пекин взял на себя основную часть расходов по проведению данного мероприятия [25]. По его итогам были

подписаны 22 документа, важнейшим из которых является «Бишкекская декларация совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества». Показательно, что в данном документе помимо ставших уже традиционными задачами и итогами по поддержанию мира и стабильности в Евразии, необходимостью урегулирования конфликтов и коллективному противодействию экстремизму, терроризму, сепаратизму, а также обороту наркотиков, содержится очень объемный блок по экономическому сотрудничеству членов ШОС. В частности, в нем содержатся положения об углублении процессов упрощения процедур торговли в Центральной Азии для наращивания «свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий» в соответствии с лучшими мировыми практиками. В этом плане также была отмечена необходимость дальнейшей цифровизации экономических процессов в государствах-членах ШОС. Также в документе особый акцент делается на дальнейшее развитие транспортных коридоров, логистических центров, реабилитацию и строительство автомобильных и железнодорожных магистралей и запуск новых инфраструктурных проектов [24].

При анализе Бишкекской декларации становится очевидным, что она во многом созвучна китайской экономической инициативе «Один пояс, один путь». Тем более что в ней в очередной раз была зафиксирована ее поддержка со стороны государств-членов ШОС. И этого становится очевидным, что данная часть документа во многом отражает взгляд на дальнейшее развитие данной международной организации со стороны политического руководства КНР. Об этом свидетельствуют те акценты, которые председатель КНР Си Цзиньпин расставил в своей официальной речи по итогам саммита, особо отметив, что необходимо развивать транспортную инфраструктуру, а также подчеркнул готовность Китая помогать во внедрении современных аграрных технологий [17].

В практическом плане это сигнализирует о дальнейшей эволюции ШОС в целом, начале нового этапа в ее развитии и постепенном превращении в подлинно многопрофильную организацию. В ней возобладало представление о том, что она не должна скатываться к региональной международной структуре, основными функциями которой является поддержание стабильной ситуации на территории Евразии и общего противодействия политическим угрозам и вызовам, а развивать динамичное стремление к углублению экономических, торговых, инвестиционных, а также культурного и гуманитарного сотрудничества в ее рамках. Это стало особенно актуальным на фоне постепенного согласования позиций по постепенному сопряжению проектов ЕАЭС и ОПОП, что вызвало одобрение у государств Центральной Азии, в том числе Кыргызской Республики.

Кроме того, к проведению Бишкекского саммита ШОС было приурочено проведение бизнес-форума «Кыргызстан – Китай». Во время него между кыргызскими и китайскими компаниями было подписано 24 различных соглашения и меморандума в разно-

образных сферах экономики: горнодобывающей, агропромышленной, строительной отраслей и др. на общую сумму в 7,5 млрд долл. [15].

Последующая пандемия COVID-19 в 2020–2021 г. приводит не только к спаду уровня, политических, культурных и прочих контактов в рамках ШОС. Поэтому вполне закономерно, что на ее пике в 2020 г. очередной саммит глав государств-участников данной региональной структуры был проведен в формате видеоконференции 10 ноября, и основная часть обсуждаемых вопросов на нем была посвящена совместной борьбе со сложившейся эпидемиологической обстановкой. Исполняющий обязанности президента Кыргызской Республики С. Жапаров выразил благодарность руководству КНР за оказанную помощь с борьбе с коронавирусом в Кыргызстане [4]. Так как в течение года обе стороны оказали друг другу гуманитарную помощь для противодействия распространения пандемии [6; 12].

Но, несмотря на очень непростую эпидемиологическую ситуацию Кыргызская Республика и КНР в течение 2020 г. продолжали активные дипломатические консультации, в том числе на основе договоренностей по линии ШОС и ОПОП. Наиболее значимым в этом отношении являются переговоры о расширении сотрудничества между Китаем и государствами Центральной Азии в построении пространства цифрового Шелкового пути, прошедшие в формате видеоконференции 17 июля 2020 г. В принятом по их итогам совместном коммюнике была зафиксирована договоренность о совместном углублении процессов электронной торговли, внедрении технологий «умного города» и пр. [33].

ВЫВОДЫ

Дипломатические взаимоотношения Кыргызской Республики и КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в течение 2013–2020 гг. продолжают динамично развиваться. Происходит выработка оптимальной модели сотрудничества между ними, сочетающего коллективное партнерство в рамках ШОС и двусторонние взаимоотношения.

Оба формата играют взаимодополняющую роль. Так как коллективный формат в рамках рассматриваемой региональной организации обеспечивает не только принятие генеральных решений, касающихся сферы безопасности и общего противодействия важнейшим политическим вызовам современности, но и также в сфере экономического, культурного и гуманитарного взаимодействия. В то время как окончательное и детальное согласование, а также практическое воплощение достигнутых договоренностей по линии ОПОП происходит на уровне двусторонних дипломатических контактов между КНР и Кыргызской Республикой. Причем, в рамках данного формата преимущественно решаются вопросы сотрудничества двух государств в торгово-экономической, инвестиционной, инфраструктурной и культурно-гуманитарной сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк развития ШОС. Кыргызстан – за, Россия – против [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyk.org/a/27130878.html> (дата обращения: 06.12.2021).
2. В рамках государственного визита президента С. Жээнбекова в Китай подписана совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнерства // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/11787_v_ramkah_gosudarstvennogo_vizita_prezidenta_sooronbaya_gheenbekova_v_kitay_podpisana_sovmestnaya_deklaraciya_ob_ustanovlenii_vsestoronnego_strategicheskogo_partnerstva (дата обращения: 14.11.2021).
3. *Виноградов А.* Что такое проект «Один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с Евразийским союзом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossijskim-proekt/> (дата обращения: 21.11.2021).
4. Выступление и.о. президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова на заседании Совета Глав государств – членов ШОС. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectesco.org/news/20201111/690737.html> (дата обращения: 11.12.2021).
5. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (дата обращения: 11.11.2021).
6. Гумпомощь из Китая для борьбы с коронавирусом отправлена на юг Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <https://knews.kg/2020/04/10/gumpomoshh-iz-kitaya-dlya-borby-s-koronavirusom-otpravlena-na-yug-kyrgyzstana/> (дата обращения: 21.12.2021).
7. Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 12 сентября 2014 г., Душанбе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=120> (дата обращения: 11.12.2021).
8. Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectesco.org/news/20140912/48242.html> (дата обращения: 12.10.2021).
9. Итоги государственного визита президента Алмазбека Атамбаева в КНР и участие в IV саммите СВМДА // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/itogi_sobytiy/3312_itogi_rabocheho_vizita_prezidenta_almazbeka_atambaeva_v_knr (дата обращения: 21.09.2021).
10. Итоги рабочего визита президента А. Атамбаева в КНР // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/itogi_sobytiy/3312_itogi_rabocheho_vizita_prezidenta_almazbeka_atambaeva_v_knr (дата обращения: 01.12.2021).
11. Кыргызстан и Китай подписали декларацию о всестороннем стратегическом партнерстве [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1682/201806/79365612150482632255.shtml> (дата обращения: 15.11.2021).
12. Кыргызстан передал Китаю 7 тонн гумпомощи для борьбы с коронавирусом [Электронный ресурс]. URL: <https://zdorovie.akipress.org/news:1597933> (дата обращения: 29.11.2021).
13. *Лян Чжэньпэн.* Китайская периферийная дипломатия и ее практика в регионе Центральной Азии // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации. Владивосток, 2018. С. 138–146.
14. *Лю Хуацзинь.* Идея создания зоны свободной торговли ШОС: расчеты, проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4).
15. По итогам кыргызско-китайского бизнес-форума подписали 24 документа [Электронный ресурс]. URL: https://24.kg/ekonomika/120579_ponbspitogam_kyrgyzsko-kitayskogo_biznes-foruma_podpisali_24nbspdokumenta/ (дата обращения: 25.12.2021).

REFERENCES

1. SCO Development Bank. Kyrgyzstan is for, Russia is against [Electronic resource]. URL: <https://rus.azattyk.org/a/27130878.html> (data of accesses: 06.12.2021).
2. As part of the state visit of President S. Jeenbekov to China, a Joint Declaration was signed on the establishment of a comprehensive strategic partnership. *Official website of the President of the Kyrgyz Republic* [Electronic resource]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/11787_v_ramkah_gosudarstvennogo_vizita_prezidenta_sooronbaya_gheenbekova_v_kitay_podpisana_sovmestnaya_deklaraciya_ob_ustanovlenii_vsestoronnego_strategicheskogo_partnerstva (data of accesses: 14.11.2021).
3. *Vinogradov A.* What is the “One Belt, One Road” project and what are the prospects for its “pairing” with the Eurasian Union [Electronic resource]. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossijskim-proekt/> (data of accesses: 21.11.2021).
4. Acting speech President of the Kyrgyz Republic S.N. Zhaparova at the meeting of the Council of Heads of SCO Member States 2020 [Electronic resource]. URL: <http://rus.sectesco.org/news/20201111/690737.html> (data of accesses: 12.11.2021).
5. Speech by Chinese President Xi Jinping at Nazarbayev University (full text) [Electronic resource]. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (date of access: 11.11.2021).
6. Humanitarian aid from China to fight coronavirus sent to the south of Kyrgyzstan [Electronic resource]. URL: <https://knews.kg/2020/04/10/gumpomoshh-iz-kitaya-dlya-borby-s-koronavirusom-otpravlena-na-yug-kyrgyzstana/> (data of accesses: 21.12.2021).
7. Dushanbe Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization September 12, 2014, Dushanbe [Electronic resource]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=120> (date of access: 12.11.2021).
8. Information message following the meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization [Electronic resource]. URL: <http://rus.sectesco.org/news/20140912/48242.html> (data of accesses: 10.12.2021).
9. Results of the state visit of President Almazbek Atambayev to China and participation in the IV CICA Summit. *Official website of the President of the Kyrgyz Republic* [Electronic resource]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/itogi_sobytiy/3312_itogi_rabocheho_vizita_prezidenta_almazbeka_atambaeva_v_knr (data of accesses: 21.09.2021).
10. Results of the working visit of President A. Atambaev to China. *Official website of the President of the Kyrgyz Republic* [Electronic resource]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/itogi_sobytiy/3312_itogi_rabocheho_vizita_prezidenta_almazbeka_atambaeva_v_knr (data of accesses: 01.12.2021).
11. Kyrgyzstan and China signed a declaration on comprehensive strategic partnership [Electronic resource]. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1682/201806/79365612150482632255.shtml> (data of accesses: 15.11.2021).
12. Kyrgyzstan donates 7 tons of humanitarian aid to China to fight coronavirus [Electronic resource]. URL: <https://zdorovie.akipress.org/news:1597933> (data of accesses: 29.11.2021).
13. *Liang Zhenpeng.* Chinese peripheral diplomacy and its practice in the Central Asian region. In: Actual problems of China's development in the process of its regionalization and globalization. Vladivostok, 2018. Pp. 138–146.
14. *Liu Huaqin.* The idea of creating a SCO free trade zone: Calculations, problems and prospects. *Eurasian Economic Integration*. 2009. No. 3 (4).
15. As a result of the Kyrgyz-Chinese business forum, 24 documents were signed [Electronic resource]. URL: https://24.kg/ekonomika/120579_ponbspitogam_kyrgyzsko-kitayskogo_biznes-foruma_podpisali_24nbspdokumenta/ (data of accesses: 25.12.2021).

16. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 06.12.2021).
17. Си Цзиньпин: «Участники ШОС нужно сильнее сплотиться» [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2647665.html> (дата обращения: 11.12.2021).
18. Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 3.
19. Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики об установлении отношений стратегического партнерства // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/1402_sovmestnaya_deklaraciya_kirgizskoy_respubliki_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_ob_ustanovlenii_otnosheniy_strategicheskogo_partnerstva (дата обращения: 18.09.2021).
20. Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/2001_sovmestnaya_deklaraciya_kirgizskoy_respubliki_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_o_dalneyshem_uglublennii_otnosheniy_strategicheskogo_partnerstva (дата обращения: 23.10.2021).
21. Стенограмма заседания Совета глав государств – участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49908#sel=60:1:Dxi,60:3:ixD> (дата обращения: 06.12.2021).
22. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPGqLvQI4uaMX43lMkrMbFNwBneO.pdf> (дата обращения: 21.12.2021).
23. Сухадольская Л.Л. «Китайская мечта» и новая дипломатия Китая // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 1.
24. Текст Бишкекской декларации Совета глав государств – членов ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://kabar.kg/news/tekst-bishkekской-deklaracii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos/> (дата обращения: 29.12.2021).
25. Улитина Е. Китай оплатил проведение саммита ШОС в Бишкеке // Вечерний Бишкек [Электронный ресурс]. URL: https://www.vb.kg/doc/379333_kitay_oplatil_provedenie_sammita_shos_v_bishkeke.html (дата обращения: 27.12.2021).
26. Уфимская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=126> (дата обращения: 11.12.2021).
27. Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=150> (дата обращения: 22.12.2021).
28. Чжао Хуашен. Китай, Россия и Шанхайская организация сотрудничества. Рабочие материалы. № 5. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
29. Шилина М.Г. Шанхайская организация сотрудничества как формат политического и экономического взаимодействия государств: реалии и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/01/19/1107010194/%D0%A8%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf> (дата обращения: 17.09.2021).
30. ШОС-2015: новый виток развития [Электронный ресурс]. URL: https://24.kg/sng/16078_shos-2015_novyy_vitok_razvitiya/ (дата обращения: 19.10.2021).
31. Юй Чжочао. Киргизия и инициатива «Один пояс, один путь» // Постсоветский материк. 2016. № 4 (12).
32. Hu A., Ma W., Yan Y. Connotation, orientation and path of the One Belt – One Road initiative // Looking for a Road. China Debates Its and the World's Future. Leiden; Boston: Brill, 2016.
16. Full text of the report delivered by Xi Jinping at the 19th CPC Congress [Electronic resource]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (data of accesses: 06.12.2021).
17. Xi Jinping: “SCO Members Need to Unite Stronger” [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2647665.html> (data of accesses: 11.12.2021).
18. Skriba A.S. Pairing the EAEU and the Silk Road Economic Belt: Participants’ Interests and Implementation Challenges. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2016. Vol. 11. No. 3. (In Rus.)
19. Joint declaration of the Kyrgyz Republic and the People’s Republic of China on the establishment of strategic partnership relations. *Official website of the President of the Kyrgyz Republic* [Electronic resource]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/1402_sovmestnaya_deklaraciya_kirgizskoy_respubliki_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_ob_ustanovlenii_otnosheniy_strategicheskogo_partnerstva (data of accesses: 18.09.2021).
20. Joint declaration of the Kyrgyz Republic and the People’s Republic of China on further deepening of strategic partnership. *Official website of the President of the Kyrgyz Republic* [Electronic resource]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/2001_sovmestnaya_deklaraciya_kirgizskoy_respubliki_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_o_dalneyshem_uglublennii_otnosheniy_strategicheskogo_partnerstva (data of accesses: 23.10.2021).
21. Transcript of the meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization in an expanded format [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49908#sel=60:1:Dxi,60:3:ixD> (data of accesses: 06.12.2021).
22. Development strategy of the Shanghai cooperation organization until 2025 [Electronic resource]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPGqLvQI4uaMX43lMkrMbFNwBneO.pdf> (data of accesses: 21.12.2021).
23. Sukhadolskaya L.L. “Chinese Dream” and China’s New Diplomacy. *Society and State in China*. 2016. Vol. 46. No. 1. (In Rus.)
24. Text of the Bishkek Declaration of the Council of Heads of State of the SCO Member States [Electronic resource]. URL: <https://kabar.kg/news/tekst-bishkekской-deklaracii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos/> (data of accesses: 29.12.2021).
25. Ulitina E. China paid for the SCO summit in Bishkek. *Evening Bishkek* [Electronic resource]. URL: https://www.vb.kg/doc/379333_kitay_oplatil_provedenie_sammita_shos_v_bishkeke.html (data of accesses: 27.12.2021).
26. Ufa Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization [Electronic resource]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=126> (data of accesses: 11.12.2021).
27. Qingdao Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization [Electronic resource]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=150> (data of accesses: 22.12.2021).
28. Zhao Huasheng. China, Russia and the Shanghai Cooperation Organization. Working materials. No. 5. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2005.
29. Shilina M.G. Shanghai Cooperation Organization as a format of political and economic interaction between states: Realities and perspectives [Electronic resource]. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/01/19/1107010194/%D0%A8%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf> (data of accesses: 17.09.2021).
30. SCO-2015: A new round of development [Electronic resource]. URL: https://24.kg/sng/16078_shos-2015_novyy_vitok_razvitiya/ (data of accesses: 19.10.2021).
31. Yu Zhochao. Kyrgyzstan and the One Belt and One Road initiative. *Post-Soviet Continent*. 2016. No. 4 (12).
32. Hu A., Ma W., Yan Y. Connotation, orientation and path of the One Belt – One Road initiative. Looking for a Road. China Debates its and the World’s Future. Leiden; Boston: Brill, 2016.

Абулайти А.

33. «中国+中亚五国» 外长视频会议联合声明 // 新华 (Совместное коммюнике видеоконференции министров иностранных дел в формате «Китай + пять центральноазиатских государств»)//Синьхуа.17 июля 2020[Электронный ресурс].URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/17/content_5527594.htm (дата обращения: 11.12.2021).
34. 中国梦,人民的梦 – 国家主席习近平在十二届全国人大一次会议闭幕会讲话 (Китайская мечта, мечта народа. Выступление Си Цзиньпина на заключительном заседании ВСНП 12-го созыва) [Электронный ресурс]. URL: <http://lianghui.people.com.cn/2013npc/n/2013/0317/c357183-20816399.html> (дата обращения: 13.12.2021).
33. Joint communique of the videoconference of foreign ministers in the format "China + five Central Asian states". *Xinhua*. July 17, 2020 [Electronic resource]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/17/content_5527594.htm (data of accesses: 11.12.2021).
34. Chinese dream, people's dream. Speech by Xi Jinping at the closing meeting of the 12th NPC [Electronic resource]. URL: <http://lianghui.people.com.cn/2013npc/n/2013/0317/c357183-20816399.html> (data of accesses: 13.12.2021).

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 79,94%

Р е ц е н з е н т: *Машранов Т.Т.*, кандидат исторических наук, профессор; декан факультета международных отношений и востоковедения Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева

Статья поступила в редакцию 28.03.2022, принята к публикации 17.04.2022

The article was received on 28.03.2022, accepted for publication 17.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Абулайти Алафате, магистр международных отношений; аспирант Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева. Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: Arafat.ablet@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Alafate Abulaiti, master of international relationship; aspirant at the Bishkek State University named after K. Karasaev. Bishkek, Kyrgyz Republic. E-mail: Arafat.ablet@qq.com

К стратегии по привлечению иностраннных студентов в китайские вузы в течение 14-го пятилетнего плана (на примере Шанхайского политико-юридического университета)

Оуян Мэйхэ^а ©, Чжо И^б ©, Сюн Инцзе^с ©

Шанхайский политико-юридический университет,
г. Шанхай, Китай

^а E-mail: henry_ouyang20076@126.com

^б E-mail: elvazhouyi@shupl.edu.cn

^с E-mail: 13482813557@163.com

Аннотация. Одна из основных государственных задач Китая в рамках 14-го пятилетнего плана (2021–2025) является продвижение интернационализации образования. На фоне резкого снижения международной студенческой мобильности и обострения глобальной конкуренции в сфере образования перед Китаем стоит актуальный вопрос: как привлечь иностранных учащихся в национальные университеты. В данной статье рассматриваются проблемы и стратегии Шанхайского политико-юридического университета по набору иностранных студентов в аспектах управления процессом приема в вуз, разработки учебных программ и подготовки преподавательских кадров; показано, что наиболее эффективными мерами по привлечению иностранных студентов являются оптимизация топ-дизайна, повышение качества обучения и реализация ассимиляционного управления иностранными студентами; сделан авторами вывод о том, что в течение 14-го пятилетнего плана вызовы и возможности сосуществуют в сфере международного образования, китайским университетам необходимо предпринять разумные меры для повышения конкурентоспособности и академической привлекательности на международном рынке образования.

Ключевые слова: 14-й пятилетний план Китая, обучение иностранных студентов в Китае, Шанхайский политико-юридический университет, набор иностранных студентов, академическая привлекательность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Оуян Мэйхэ, Чжо И, Сюн Инцзе. К стратегии по привлечению иностранных студентов в китайские вузы в течение 14-го пятилетнего плана (на примере Шанхайского политико-юридического университета) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 88–95. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95

How to Improve the Attractiveness of Chinese Universities to International Students During the “14th Five-Year Plan” Period (Take Shanghai University of Political Science and Law as an Example)

Ouyang Meihe^a ©, Zhou Yi^b ©, Xiong Yingjie^c ©

Shanghai University of Political Science and Law,
Shanghai, China

^a E-mail: henry_ouyang20076@126.com

^b E-mail: elvazhouyi@shupl.edu.cn

^c E-mail: 13482813557@163.com

Abstract. The post-epidemic era is in the critical time of the education internationalization development in China's “14th Five-Year Plan” period (2021–2025). Under the unfavorable conditions of the reduction of international personnel exchanges, the unsatisfactory quality of online teaching, and the intensified international competition in education, how to attract international students to study in China is an unavoidable issue for Chinese universities. This paper takes the international student enrollment of Shanghai University of Political Science and Law as the case study object, and starts from three aspects: enrollment management, curriculum construction, and teaching staff construction for international students. The quality of teaching international students, the implementation of convergent management for international students to better integrate them into Chinese society and life is an effective measure to improve the enthusiasm of international students to study in China. During the “14th Five-Year Plan” period, Study in China has both challenges and opportunities. As long as the planning is reasonable and the measures are appropriate, we can increase the attractiveness of Chinese universities to international students and empower the development of Study in China.

Key words: “14th Five-Year Plan”, Study in China, Shanghai University of Political Science and Law, enrollment, attractiveness

FOR CITATION: Ouyang Meihe, Zhou Yi, Xiong Yingjie. How to Improve the Attractiveness of Chinese Universities to International Students During the “14th Five-Year Plan” Period (Take Shanghai University of Political Science and Law as an Example). *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 88–95. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-88-95

ВВЕДЕНИЕ

Китай приветствует иностранных студентов к себе на учебу. Фактически, в истории Нового Китая Цинхуаский университет был первым высшим учебным заведением, которое приняло иностранных студентов [5]. С тех пор, как началось проведение политики реформы и открытости в Китае количество иностранных учащихся сильно увеличилось: на начальном этапе проведения данной политики обучалось в Китае всего 1236 иностранных студентов [12: 84], а в конце 2018 г. их общее количество достигло 492 185 человек [10]. Следует отметить, что «обучение в Китае эффективно способствует процессу интернационализации образования в странах происхождения студентов и активному участию Китая в глобальном управлении образованием» [4: 141]. Иностранные студенты в Китае активно интегрируются в повседневную жизнь, а также испытывают глубокие чувства к китайскому народу, и среди них появилась группа талантов, которые отлично владеют китайским языком, хорошо знакомы с китай-

ским обществом, культурой и дружелюбно относятся к Китаю. Си Цзиньпин неоднократно указывал, что «необходимо укреплять связи и диалоги между различными цивилизациями и углублять взаимное понимание и признание, чтобы люди со всего мира могли понимать и уважать друг друга» [8: 461]. 20 мая 2020 г. Си Цзиньпин упомянул в ответе на письмо пакистанских студентов, обучающихся в Пекинском университете науки и техники: «Китай приветствует замечательных молодых людей из разных стран, приехавших учиться в Китай. Я также надеюсь, что каждый из вас узнает больше о Китае, расскажет миру больше о Китае, который вы видели» [9], кроме того, он призвал иностранных студентов больше общаться со своими китайскими сверстниками и объединять усилия с молодежью из всех стран мира, чтобы внести свой вклад в развитие связей между народами и формирование сообщества единой судьбы человечества. Несмотря на то, что за последние десять лет число иностранных студентов в Китае значительно выросло, но существуют еще такие проблемы, как «замедление роста количества иностранных

**Достижения ШПЮУ в сфере обучения
иностраннных студентов в течение 13-й пятилетки
[SHUPL's Achievements in international student
education during the "13th Five-Year Plan" period]**

студентов и низкий уровень подготовки» [7], поэтому перед лицом всех китайских университетов стоит задача – в условиях глобальной пандемии коронавируса повысить качество обучения и академическую привлекательность, которая является ключом к продвижению интернационализации образования Китая.

Существенное повышение академической привлекательности китайских университетов в конечном счете зависит от качества обучения и его управления. В последние годы Министерство образования КНР четко заявляло, что для привлечения больше иностранных студентов в Китай необходимо поставить качество обучения на приоритетное место, оптимизировать систему управления и идти по пути интенсивного развития образования. Согласно «Административным мерам по приему и обучению иностранных студентов», изданным Министерством образования КНР в 2017 г., все высшие учебные заведения должны реформировать механизм набора иностранных студентов, проводить квалификационные и вступительные экзамены для иностранных учащихся, которые подали заявку на обучение в Китае [1]. В 2020 г. был опубликован документ «Положения об ускорении и расширении внешней открытости в области образования Китая в новую эпоху», в котором указывается, что внешняя открытость образования представляет собой явную черту модернизации образования и ее движущую силу, нам следует придерживаться одной «основной позиции», в том смысле устойчиво придерживаться политики открытости образования, следует активнее продвигать взаимное сотрудничество между цивилизациями, взаимопонимание и взаимодоверие между странами в целях формирования новой картины в сфере образования Китая [6]. Кроме того, согласно данному документу, правительство Китая поощряет отечественные университеты проводить сертификацию качества обучения иностранных студентов со стороны отраслевой организации и прилагать больше усилий к созданию механизма управления качеством образования, чтобы обеспечить здоровое и упорядоченное развитие международного образования в Китае. Следует отметить, «работы по сертификации качества обучения позволяют вузам приобрести соответствующие опыты и сформировать образовательную концепцию, суть которой является качество» [2: 41], что имеет важное значение в совершенствовании системы обучения иностранных учащихся, их управлении и повышении международной конкурентоспособности национальных университетов.

Приведем в пример опыты и стратегии Шанхайского политико-юридического университета (далее ШПЮУ) по привлечению и обучению иностранных учащихся.

**1. ДОСТИЖЕНИЯ ШПЮУ ПО ПОДГОТОВКЕ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В ТЕЧЕНИЕ 13-ГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА**

Продвигая развитие ШОС и строительство проекта «Один пояс, один путь», в течение 13-го пятилетнего плана (2016–2020) ШПЮУ сосредоточивался на осуществлении функции «Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС» по продвижению работы университета в привлечении,

Значимые достижения [Iconic achievement]	Год [Year]
Утверждена программа стипендии правительства Китая (проект самостоятельного набора студентов) – стипендия для студентов по гуманитарным обменам между Китаем и США [Approved the independent enrollment program "Special Degree Scholarship for Sino-US Humanities Exchange" of the Chinese government scholarship by MoU]	2016
Утверждена программа стипендии шанхайского правительства [Approved the "Supporting Local Government Scholarship Program" of the Chinese government scholarship by MoU]	2016
Утверждено положение о проведении показательных занятий на английском языке для иностранных студентов среди университетов в Шанхае [Approved as model English-taught course for international students in Shanghai Universities]	2016
Утверждено положение о приеме иностранных студентов в рамках программы стипендии правительства Китая «Шелковый путь» [Approved to recruit international students under the "Silk Road" Chinese Government Scholarship Program by MoU]	2017
ШПЮУ был избран постоянным членом Шанхайской ассоциации исследований в сфере обучения иностранных студентов [Elected as an executive director unit of Shanghai Higher Education Research Association for international students in China]	2017
ШПЮУ вошел в состав Китайской ассоциации по подготовительным образованию иностранцев за рубежом [Selected as the first group of preparatory centers of the "Overseas Preparatory Education Alliance for Study in China"]	2017
Создано 6 баз практики для иностранных студентов [Established 6 practical teaching bases for international students]	2017–2019
Проведено 15 англоязычных курсов для иностранных студентов [Construct 15 all-English courses for international students]	2018–2019
Создано 3 зарубежных подготовительных отделения (Кыргызстан–Казахстан–Марокко) [Established 3 overseas preparatory colleges (Kyrgyzstan, Kazakhstan, Morocco)]	2018–2019
Общее число стран происхождения иностранных студентов достигло 85 [The total number of international students from 85 countries]	2015–2020
Общее количество обучающихся (иностраннных граждан) достигло 500 человек [The number of international students in school up to 500]	2020
Успешно пройдена сертификация качества обучения иностранных студентов [Won the national education quality certification for Study in China by CEAE]	2020

обучении иностранных студентов, по расширению и оптимизации списка стран происхождения учащихся. В данный период ШПЮУ направлял усилия на подготовку иностранных специалистов прикладного профиля, владеющих теоретическими основами, имеющих новаторское мышление и международный кругозор. За пять лет при службе строительству проекта «Один пояс, один путь» путем предоставления своего ума и варианта, ШПЮУ в сфере обучения иностранных студентов сформировал новую образовательную модель с китайской, шанхайской и университетской спецификой. Следует отметить, что на период 13-й пятилетки ШПЮУ добился больших успехов по обучению иностранных студентов (табл. 1): количество иностранных студентов и видов программ стипендии правительства Китая значительно увеличилось; была успешно пройдена сертификация качества обучения иностранных студентов в 2020 году и т. д., все эти достижения заложили прочную основу для привлечения иностранных студентов в ШПЮУ в течение 14-й пятилетки.

2. СТРАТЕГИИ ШПЮУ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ 14-ГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

В данный момент иностранные студенты, обучающиеся в ШПЮУ, приехали из 70 стран, и основная масса иностранных студентов представлена выходцами из государств-членов ШОС, они составляют больше 50% от общего количества иностранных студентов в ШПЮУ (табл. 2). Для того чтобы привлечь больше иностранных абитуриентов, ШПЮУ собирается акцентировать внимание на следующие аспекты.

1. *Оптимизация топ-дизайна.* В течение 14-го пятилетнего плана (2021–2025) одной из главных задач ШПЮУ является активное продвижение бренда «обучение в ШПЮУ» за рубежом, для реализации данной задачи Шанхайский политико-юридический университет на уровне топ-дизайна будет принимать государства – члены ШОС и страны, расположенные вдоль маршрута «Одного пояса и одного пути» как страны первостепенного значения для целевого набора иностранных студентов; страны Европы, Америки и Австралии – как страны базы для расширения списка зарубежных стран происхождения учащихся.
2. *Реформирование системы приема иностранных студентов.* В ШПЮУ во-первых, будет создан механизм сотрудничества, который позволит интегрировать разрозненные действия функциональных подразделений и направлять их усилия на весь процесс набора иностранных студентов, и в рамках данного механизма будет реализованы быстрый обмен информацией о статусе студентов и совместное управление процессом приема; во-вторых, будет создан механизм координации, который поможет определить обязанности функциональных подразделений и институтов при университете в планировании приема студентов, определении их специальностей и составлении учебной программы и т. д.; в-третьих, будет использован механизм аттестации во всех этапах работы со иностранными студентами: это и прием, и обучение, и оценивание, и управление и т. д.

3. *Эффективное использование интернет-ресурсов в целях создания мультимедийных платформ для привлечения иностранных студентов.* Для того, чтобы привлечь иностранных студентов, будет опубликован иноязычный буклет на университетском сайте, на портале «Совет стипендиальных программ Китая» и на сайтах других интернет-СМИ; будет создана информационная система по структурированию информации об иностранных учащихся, их стипендии и учебных материалах для того, чтобы ответить требованиям к ассимиляционному управлению иностранными студентами. Кроме того, для продвижения бренда «обучение в ШПЮУ» будут направлены усилия на проявление функции различных платформ и организаций, таких, как Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС, университетских ассоциаций, китайско-иностраных форумов, университетов-партнеров и т. д.; а также в целях расширения международного влияния ШПЮУ будет продвигать усиление связей с китайскими организациями за рубежом, международными организациями в Китае, научными организациями и Китайской народной ассоциацией дружбы с зарубежными странами.

Таблица 2

Количество иностранных студентов из государств-членов ШОС
[Number of students from SCO member countries at SHUPL]

Государства – члены ШОС SCO Member country]	Количество студентов в ШПЮУ [Students]
Российская Федерация [The Russian Federation]	61
Республика Казахстан [The Republic of Kazakhstan]	42
Кыргызская Республика [Kyrgyz Republic]	20
Республика Таджикистан [The Republic of Tajikistan]	11
Республика Узбекистан [Republic of Uzbekistan]	24
Исламская республика Пакистан [Islambic Republic of Pakistan]	3
Всего [Total]	161

3. УКРЕПЛЕНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ ШПЮУ В РАМКАХ 14-ГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Для выполнения 14-го пятилетнего плана в целях ускорения работы по повышению академической привлекательности и качества обучения в ШПЮУ требуется многосторонняя работа.

1. *Совершенствование образовательных программ.* На основе существующих образовательных программ бакалавриата и магистратуры будет в ШПЮУ разработана новая программа для иностранных студентов; будут оптимизированы методы обучения, его форма и процедура защиты дипломной

работы с учетом различий иностранных студентов в учебно-воспитательном процессе.

2. *Обновление модели подготовки иностранных студентов.* ШПЮУ будет изыскивать модель гибкого обучения и систему подготовки специалистов, в рамках которой у студентов будет возможность беспрепятственно изучать все связанные со своей специальностью предметы, которые преподают в разных институтах; кроме того, в ШПЮУ будет создан механизм сотрудничества между институтами для реализации взаимной отправки преподавателей, взаимного выбора предметов и взаимного признания результатов обучения; будут обновлены общие предметы путем дополнения открытых курсов и курсов по китайской культуре и языку; а также будут приложены усилия на ряд учебных деятельностей для продвижения интернационализации ШПЮУ, такие, как совместное обучение студентов, взаимную отставку преподавателей, межуниверситетские обмены студентов, обучение за рубежом, краткосрочные стажировки педагогических кадров и т.д.
3. *Создание образовательной платформы по распространению китайского языка и культуры.* В течение 14-го пятилетнего плана способствуя расширению масштаба обучения иностранцев и их всестороннему развитию, ШПЮУ будет наращивать усилия с целью войти в список китайских университетов первого класса по обучению иностранных студентов; будет создана образовательная платформа по распространению китайского языка и культуры, которая позволит иностранным учащимся познакомиться с китайской лингвокультурой и интегрироваться в повседневную жизнь Китая; кроме того, ШПЮУ будет увеличивать количество иностранных студентов посредством активизации программ стажировки, программ языковой практики и программ студенческого обмена. Вместе с тем, будут проведены профилирующие предметы по специальности «международное образование китайского языка» и курсы по китайской культуре, на основе которых ШПЮУ будет продвигать открытие новой специальности – «деловой китайский язык» в целях повышения языковой компетентности иностранных студентов.
4. *Разработка учебных программ и курсов, преподаваемых на английском языке.* Следует отметить, что важным способом внедрения зарубежных образовательных ресурсов является актуализация англоязычных программ в вузе, которая имеет большое значение в аспекте привлечения иностранных студентов и повышения академической привлекательности вузов. В настоящее время в ШПЮУ активно ведут многочисленные курсы на английском языке (табл. 3), на основе которых будут оптимизированы соответствующие учебные программы с акцентом создания ряд англоязычных курсов с высокой конкурентоспособностью среди китайских и зарубежных университетов; кроме того, ШПЮУ будет принимать результаты по обучению, воспитанию иностранных студентов и работы по разработке англоязычных программ как важные показатели для оценки эффективности работы преподавателей

лей в целях поощрения всех педагогических кадров к созданию и проведению англоязычных занятий для иностранных учащихся.

5. *Создание облачной платформы по международному образованию.* Перед лицом глобальной пандемии коронавируса и ее негативных последствий в сфере образования в ШПЮУ будет создана облачная платформа для информатизации процесса обучения и его управления; будет создана еще интеллектуальная обучающая система, которая позволит эффективно использовать внутренние, зарубежные образовательные ресурсы и проводить дистанционное обучение. В рамках 14-й пятилетки ШПЮУ стремится к совершенствованию системы для проведения экзамена HSK¹ и созданию в финалах за рубежом суб-систем для реализации взаимного запроса информации о статусе студентов и взаимного признания результатов обучения; Кроме того, ШПЮУ будет запускать программу “интернет + открытое образование”, ориентированную на очную и дистанционную подготовку специалистов, которые экстренно нуждаются в продвижении и развитии китайских крупных промышленных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Таблица 3

Англоязычные курсы в ШПЮУ
[All English-taught courses of SHUPL]

Идентификационный номер [Code]	Курс [Courses]
22B017023	Введение в сравнительное правоведение [Introduction to Comparative Law]
22E016017	Международное инвестиционное право и урегулирование инвестиционных споров [International Investment Law: Practice and Dispute Resolution]
21E014003	Международное право [Public International Law]
22E016013	Альтернативные способы разрешения правовых споров [Alternative Dispute Resolution Mechanism]
22E015009	Составление юридических документов (на опыте США и Англии) [Anglo-American Legal Writing]
22E016027	Международное финансовое право: теория и практика [International Financial Legal Practice]
22E015011	Составление юридических документов (на опыте США и Англии) и юридическое рассуждение [Anglo-American Legal Writing and Reasoning]

¹ Экзамен HSK – международный квалификационный экзамен по китайскому языку.

Идентификационный номер [Code]	Курс [Courses]	Идентификационный номер [Code]	Курс [Courses]
22E015006	Международный коммерческий арбитраж [International Commercial Arbitration]	21G045002	Теория и практика международной торговли [International Trade Practice]
21E015002	Международное экономическое право [International Economic Law]	22G046022	Трансграничная электронная торговля [Cross-border E-commerce Practice]
22E014002	Судебная система США и гражданско-процессуальное законодательство [American Judicial System and Civil Litigation Legal Practice]	21G046008	Управление логистикой [Logistics Management]
21E016004	Международное частное право [Private International Law]	21G044004	Учет расходов [Cost Accounting]
22E015010	Гражданское и торговое право за рубежом [Foreign Civil and Commercial Law]	21G045001	Финансовая наука: теория и практика [Finance]
22E016018	Англо-американское договорное право [Anglo-American Contract Law]	21G064004	Управленческая наука: теория и практика [Management]
21I126003	Международные организации [International Organizations]	21G055012	Банковское дело и валютная политика [Money and Banking]
21I126006	Международная политическая экономика [International Political Economy]	21G044001	Международная торговля: теория и практика [International Trade]
21I126005	Введение в дипломатию [Diplomacy]	22G165001	Управленческий учет [Management Accounting]
21I126004	Теория международной политики [International Political Classics]	21G045012	Деловая переписка [Foreign Trade Correspondence]
22I996004	Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика [Asia Pacific Politics and Economics]	22G045026	Деловой перевод (высший уровень) [Advanced Business Translation]
21I123003	Теория международных отношений [International Relations Theory]	22G995013	Международный коммерческий договор (семинар) [International Commercial Contracts (Seminar)]
22I107001	Теория науки управления [Management Classics (English Original)]	21G053002	Управление человеческими ресурсами [Human Resource Management]
21I116002	Теория политологии [Political Science Classics]	21G043004	Международная торговля [International Business]
22C016002	Финансовое право [Financial Law]	22D025010	Обзор по тюремной системе в Западной Европе и США [Outline of the Western Prison System]
22B195006	Сравнительное право интеллектуальной собственности [Intellectual Property Comparative Law]	22D024002	Уголовно-исполнительная система в Китае и за рубежом [Comparison of Chinese and Foreign Criminal Enforcement Systems]
21B015006	Теория права интеллектуальной собственности [Intellectual Property Law]	21F144008	Нравственное воспитание в Западной Европе и США [Selected Readings of Classical Works on Western Moral Education]
22G045017	Торговая документация [Documentary Service]	21F145004	Социальные течения в современном мире [Contemporary Foreign Social Thoughts]

Окончание табл. 3

Идентификационный номер [Code]	Курс [Courses]
21H073005	Система социального обеспечения в Китае и за рубежом [Comparison of Chinese and Foreign Social Security Systems]
21H093009	Введение в демографию [Demography]
21H072002	История развития социологической мысли в Западной Европе и США [History of Western Social Thought]
21H075005	Введение в социальную антропологию [Social Anthropology]
21H084006	История социальной работе [Selected Readings of Social Work Originals]
EJD001003	Уголовное право – теория и исследование [Intensive Reading of the Original Criminal Law]
22D015014	Система уголовного правосудия США [US Criminal Justice System]
22B015027	Составление юридических документов [Legal Writing]
22B016002	Римское право [Roman Law]
21G993002	Макроэкономика [Macroeconomics]
21K215006	Телевидение – теория и практика [Film and Television Theory Research]
22E015001	Правовая система ВТО [WTO legal System]
21G047001	Моделирование международной торговли [International Trade Simulation]
22K996002	Исследование по «Пуллитцеровской премии» [Special Research of Pulitzer Prize]
22E016003	Международное инвестиционное право [International Investment Law]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение 14-го пятилетнего плана международное образование в Китае столкнется с тремя вызовами, принесенными глобальной пандемией коронавируса:

- вызовом мышлению;
- вызовом системе учебного управления;
- вызовом обучению и воспитанию иностранных студентов [11: 29–31].

Учитывая тот факт, что укрепление международного обмена и сотрудничества становится важным путем содействия интернационализации образования Китая, китайские вузы должны придерживаться принципа «научного руководства и управления в разработке политики и в перспективном планировании китайского образования» [3: 77]. Следует отметить, что пандемия коронавируса принесла китайским университетам не только кризис, но и возможности в сфере обучения иностранных учащихся:

- 1) высокие результаты в борьбе с коронавирусом позволяют Китаю сохранять стабильный темп экономического роста, что создает иностранным студентам благополучные условия для обучения;
- 2) строгие меры профилактики коронавирусной инфекции и массовая вакцинация превратили Китай в «безопасный порт» для иностранных учащихся;
- 3) в послепандемический период Китай будет расширять и углублять открытость сферы образования, что принесет китайским университетам больше политических дивидендов.

Для выполнения 14-го пятилетнего плана по продвижению и развитию деятельности по обучению иностранных учащихся китайские университеты должны сосредоточиться на следующих аспектах.

1. *Детализация показателей оценки эффективности работы по международному образованию.* Китайские университеты должны принять численность иностранных студентов, уровень их подготовки и качества обучения как ключевые показатели для измерения уровня интернационализации университетов; кроме того, вузам следует включить результаты по обучению иностранных студентов, составлению учебных пособий и другим учебным деятельности в число показателей оценки эффективности работы преподавателей, продвигать повышение качества обучения и его управления в целях усиления конкурентоспособности Китая на международном рынке образовательных услуг.
2. *Создание механизма стимулирования.* Следует выделить больше средств преподавателями, которые занимаются обучением иностранных студентов. Высшие учебные заведения должны оказать помощь и поддержку в разработке инновационных проектов по обучению иностранных учащихся и в аспекте обмена передовым опытом в данной сфере, необходимо награждать передовых преподавателей и управленческих персоналов за их внесенные вклады в обучении и воспитании иностранных студентов.
3. *Усиление профессиональной подготовки преподавателей.* Необходимо усилить подбор, руководство и подготовку специалистов (особенно профессионалов, ведущих преподавание на английском языке) и инновационных команд в сфере обучения иностранных учащихся.

Мы уверены, что повышение качества обучения будет способствовать укреплению академической привлекательности Китая в течение 14-го пятилетнего плана, а совершенствование механизма приема поможет привлечь больше выдающихся международных студентов и устранять для них препятствия при поступлении в китайские вузы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административные меры по приему и обучению иностранных студентов [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/02/content_5199249.htm (дата обращения: 07.01.2022).
2. Ван Юпин, Лунь Фенчи. Проблема по сертификации качества обучения иностранцев в Китае // Всемирная информация об образовании. 2020. № 9. С. 41.
3. Ву Анна, Чжан Цзыхао. Политика и практика интернационализации и развития российского высшего образования // Высшее образование Китая. 2021. № 22. С. 77.
4. Е Синь, Ци Чжухао, Чэнь Шаоцзюнь. Опыт интернационализации высшего образования в развитых странах // Высшее образование Цзянсу. 2021. № 12. С. 141.
5. Первая группа иностранных студентов в Университете Цинхуа [Электронный ресурс]. URL: https://www.sohu.com/a/85617341_405690 (дата обращения: 13.01.2021).
6. Положения об ускорении и расширении внешней открытости в области образования Китая в новую эпоху [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (дата обращения: 07.01.2022).
7. Се Вэйхуэй, Чэнь Кэ. Исследование стратегии по приему иностранных студентов из Средней Азии // Исследование по высшему инженерному образованию. 2021. № 1. С. 150.
8. Си Цзиньпин. О государственном управлении: монография. Т. 3. Пекин: Изд-во литературы на иностр. языках, 2020. С. 461.
9. Си Цзиньпин. Ответное письмо пакистанским студентам, обучающимся в Пекинском научно-техническом университете [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-05/18/c_1125999459.htm (дата обращения: 07.01.2022).
10. Статистика по обучению иностранцев в Китае в 2018 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html (дата обращения: 02.01.2021).
11. Цю Яньхай. Обучение международных студентов в Китае в условиях эпидемии // Ученые Шэньчжоу. 2020. № 5. С. 29–31.
12. Ю Фузэнг. Образование иностранных студентов в Китае за 30 лет реформ и открытости. Пекин: Изд-во Пекинского университета языка и культуры, 2009. С. 84.

Статья проверена программой Антиплагиат

Рецензент: Юэ Ця, кандидат гуманитарных наук; научный руководитель магистранта Шанхайского политико-юридического университета; пост-доктор Восточно-китайского политико-юридического университета; заместитель начальника Центра исследований при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Китай); член редколлегии журнала «Социально-политические науки»

Статья поступила в редакцию 11.03.2022, принята к публикации 15.04.2022

The article was received on 11.03.2022, accepted for publication 15.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Оян Мэйхэ, профессор; директор Института международного обмена и связи Шанхайского политико-юридического университета; начальник отдела по сотрудничеству международных связей Шанхайского политико-юридического университета. Шанхай, Китай. ORCID: 0000-0002-4875-2805; E-mail: henry_ouyang20076@126.com

Чжоу И, старший преподаватель, заместитель директор Института международного обмена и связи Шанхайского политико-юридического университета. Шанхай, Китай. ORCID: 0000-0002-3744-3636; E-mail: elvazhouyi@shupl.edu.cn

Сюань Инцзе, старший преподаватель Института международного образования Восточно-Китайского университета политических наук и права. Шанхай, Китай. ORCID: 0000-0003-0029-5884; E-mail: 13482813557@163.com

REFERENCES

1. Administrative measures for the admission and training of international students in schools [Electronic resource]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/02/content_5199249.htm (data of accesses: 07.01.2022).
2. Wang Yuping, Luan Fengchi. Analysis on the development of educational quality certification for study in China. *World Education Information*. 2020. No. 9. P. 41. (In China)
3. Wu Anna, Zhang Zihao. Policies and practices of the international development of higher education in Russia. *Higher Education in China*. 2021. No. 22. P. 77. (In China)
4. Ye Xin, Ji Zhuohao, Chen Shaojun. Experience and Enlightenment of the New Development of Higher Education Internationalization in Developed Countries. *Jiangsu Higher Education*. 2021. No. 12. P. 141. (In China)
5. The first group of “foreign students” in New China at Tsinghua University [Electronic resource]. URL: https://www.sohu.com/a/85617341_405690 (data of accesses: 13.01.2021).
6. Eight departments including the Ministry of Education issued opinions on accelerating and expanding the opening up of education in the new era [Electronic resource]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (data of accesses: 07.01.2022).
7. Xie Weihui, Chen Ke. Research on the recruitment strategies of international students from five Central Asian Countries. *Higher Engineering Education Research*. 2021. No. 1. P. 150. (In China)
8. Xi Jinping. On the governance of China: Monograph. Vol. 3. Beijing: Foreign Languages Press, 2020. P. 461.
9. Xi Jinping. Reply letter to all Pakistani students at Beijing University of Science and Technology [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-05/18/c_1125999459.htm (data of accesses: 07.01.2022).
10. Statistics of studying abroad in China in 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/2019/t20190412_3779692.html (data of accesses: 02.01.2021).
11. Qiu Yanghai. Reflections on education for study in China under the epidemic. *Shenzhen Scholars*. 2020. No. 5. Pp. 29–31. (In China)
12. Yu Fuzeng. The international students education in China for 30 years since the reform and opening up. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2009. P. 84.

ABOUT THE AUTHORS

Ouyang Meihe, Professor; Director at the Department of International Communication and Exchange of the Shanghai University of Political Science and Law. Shanghai, China. ORCID: 0000-0002-4875-2805; E-mail: henry_ouyang20076@126.com

Zhou Yi, senior lecturer, Deputy Director at the Department of International Communication and Exchange of the Shanghai University of Political Science and Law. Shanghai, China. ORCID: 0000-0002-3744-3636; E-mail: elvazhouyi@shupl.edu.cn

Xiong Yingjie, senior lecturer at the Department of Education Internationalization and International Communication of the East China University of Political Science and Law. Shanghai, China. ORCID: 0000-0003-0029-5884; E-mail: 13482813557@163.com

A Diachronic Study of the Construction of Civic Ethics in China

Chu Defeng ©

Shanghai University of Political Science and Law,
Shanghai, China

E-mail: chdfeng1208@163.com

Abstract. Civic ethics, as a special ideology, is ultimately determined by the economic foundation and is always the product of concrete, realistic and specific industrial relations and social relations. Among the various social forms, the main content of civic ethics and the way of its construction vary greatly. Conduct a diachronic study of civic ethics, explore the main content of civic ethics and the ways of its construction in various social forms and make up the inevitable logic, academic orientation and basic theoretical field of research in the field of building civic ethics.

Key words: civic ethics, the way of construction, diachronic research

Acknowledgments. This article was written with the support of the National Humanities and Social Sciences Grant "Research on Promoting the Formation of Innovative Institutional mechanisms for Civic Ethics in the New Era" (20BKS111); it was written with the support of the Shanghai Humanities and Social Sciences Grant "Research on Social ethics Management from the perspective of combining the rule of Law and the Rule of Law" (2019BKS002).

FOR CITATION: Chu Defeng. A Diachronic Study of the Construction of Civic Ethics in China. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 96–105. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-96-105

As a special ideology, civic ethics is ultimately determined by the economic foundation. In different economies and societies, civic morality manifests itself in different ways. The conduct of diachronic studies of civic ethics, the study of the basic content of civic ethics and the ways of its construction in various social forms constitute the inevitable logic, academic orientation and the basic theoretical field of modern research in the field of building civic ethics. Therefore, this article uses Marx Weber's "Ideal Type Method" to divide the process of historical changes in Chinese society into three periods of more typical significance, such as "traditional society", "planned society" and "market society" in accordance with the characteristics of the socio-economic mechanism.

1. THE CIVIC ETHICS OF THE SOCIETY OF THE TRADITIONAL ECONOMY AND THE WAY OF ITS CONSTRUCTION

The term "traditional society" mentioned in this article refers to all periods before the formation of the PRC in 1949, that is, to a traditional agricultural civilized society. The natural economy in a traditional society is based on agriculture, which is characterized by economic self-sufficiency, but relatively low productivity. This kind of self-

sufficient natural economy gave rise to a patriarchal system closely related to the system of kinship with family forms and gradually expanded into a national structure, forming such a social characteristic as "family is a small country, country is a big family", that is, "family and country are isomorphic". The social characteristic of the "isomorphism of family and country" in traditional society, on the one hand, determines that civic ethics should be subordinated to the concept of "loyalty and filial respect"; On the other hand, she also developed the concept of "three foundations and five unshakable rules" of traditional civic ethics.

1.1. "Isomorphism of family and country" and "Loyalty and filial respect"

In a traditional society "the foundation of the world is in the country, the foundation of the country is in the family, and the foundation of the family is in the person" [1]. The family is an important organizational unit of society and the basis of social harmony and stability. In short, family ethics are ordered, the country naturally chooses the right path, and the whole society enjoys peaceful work and tranquility. In a traditional society, "people are tied to the land and the commodity economy is underdeveloped, which gives rise to local peculiarities and local culture of traditional Chinese society" [2]. Traditional society – this

is a “society of acquaintances” where people always want to live in their hometown, especially when they become outdated [3]. In such a society, social life is relatively concentrated, and the circle of social communication is relatively narrow, limited to relatives and friends, ethnic groups, strawberries, fellow students and other acquaintances who have blood, geographical and academic ties [4]. A society of acquaintances formed by blood, geographical and academic ties, tracing their roots and origins, ultimately consists of a “family”. The family, as the most basic unit that makes up the traditional economy and society, is not only an important unit of production and consumption, but also a unit of acquisition in social communication, as well as a unit of ethics and political management. In other words, the family assumes the most basic function of the social organization of the country.

In other words, in a traditional society, the family is the main and most important part of society (country) and its structural unit is homogeneous with the country in terms of internal organizational structure, that is, the “community of family and country”. The family is the smallest country, and the country is a continuation and expansion of the family. Humanistic relationships such as “sovereigns, fathers, sons, brothers, married couples and friends” constitute a network of social relations in a traditional society. However, “When people communicate with each other, they all go through a certain process to get to know each other. This process begins in the family, and filial piety is the fundamental way” [5], which means “filial piety at home”; and then spreads throughout the country, it means “governing the country and pacifying the Celestial Empire, bringing the country to tranquility”, that is, “loyalty in the country”. Thus, in a traditional society, the social characteristics of the “family and country community” determine the content of “loyalty and filial piety” in civic ethics, emphasize that “family management” is the basis and prerequisite for “country management”, and defend such value orientations as “it is not swept in the room how to restore order in the Celestial Empire” “before doing great, it is necessary to do small” [6].

1.2. *“Ethics of blood” and “Three foundations and five unshakable rules”*

“Family people” based on blood in a traditional society are different from “atomic people” characterized by “sexually vicious behavior” in the West. “In this model, there is no question of ‘who I am’ in the classical sense of the West, but only the question of ‘how we behave’” [7: 102]. From the Confucian point of view, the “family” is, in fact, the subject of the ethics of blood. Individuals follow the social lifestyle of the “ethics of blood”. On the one hand, individuals play the appropriate family roles, and then act in accordance with the rules of family roles. Individuals are responsible only for the family, and they are positioned in accordance with such hierarchical role relationships as the relationship between “father and son, husband and wife, brothers” and interpret their own virtues in accordance with the principle of “hierarchical basis”, such as “Father is the leader of children (the father’s word is the law that children must observe)”, “Husband is the leader of the wife”, “older brother should be kind, and younger – respectful”, etc. Family interests have

priority and primacy. From the family to the ethnic group and even society, how people should “behave” is regulated by a patriarchal system, such as the system of direct sons, the system of temples and the system of sects connected by blood ties.

In a traditional society, the socialization of individuals is essentially a continuation of the “model of family ethics”. In society, an individual is either an official or works in other industries. Those who are officials play their roles according to their political rank, such as the emperor, prince, dignitary (top bureaucracy), service class, etc. Those who are engaged in other industries play their roles according to industry standards, for example, “officials are divided into nine classes, and people are divided into several categories”. “Benevolence, righteousness, politeness, wisdom and faith”, which people use to regulate interpersonal relationships, such as the relationship between “father and son, brothers, spouses, and friends”, are also a continuation and concretization of “loyalty” and “filial piety”, emphasizing that “the son inherits the father”, “to observe subordination in relations between generations”, “justice between the sovereign and his subjects”, “faith among friends”, etc. Thus, the characteristics of the “isomorphism of family and country” and the model of “blood ethics” in traditional society determine that civil ethics should be guided by “loyalty and filial piety” with concepts such as “absolute power of the sovereign over the subject, father over son, husband over wife” and “benevolence, righteousness, politeness, wisdom and faith” as the specific content of the norm of behavior.

1.3. *The path of “improving personality, establishing relationships in the family, restoring order in the country and peace in the Middle Kingdom”*

From the point of view of prioritizing interests, the “isomorphism of family and country” is essentially a structural expression of “collectivism”, while the “ethics of blood” model is a concrete manifestation of traditional “collectivism”. Proceeding from the premise that “group interests” have priority, civic ethics takes patriarchal collectivism based on the family as a basis, accepts the ethics of blood and its continuation “three foundations and five unshakable rules” as specific ethical norms and limited conditions, accepts the concept of “inner sanctity and outer royalty” (having comprehended the doctrine, you will become perfectly wise, and applying it in practice, you will become a perfect ruler) as personal values and highly values the path of ethical realization of “self-improvement, upbringing, harmonious family, governing the country and equalizing the world”, emphasizing that a harmonious family can govern the country and equalize the world, and extrapolates the ethics of the family group to society, also emphasizing that Based on clan, family “benevolence” and “love” “benevolence, righteousness, politeness, wisdom and faith” have a positive impact on society.

The characteristics of “family and country isomorphism” in traditional society, the model of “blood ethics” and the way of ethical realization of “cultivating a harmonious family and governing the world” define the civic ethics of traditional society and generally represent traditional collectivist characteristics such as “the supremacy of family collective interests”, “the supremacy of national

interests” and “the supremacy of group interests”. The “three foundations and five unshakable rules” promoted by traditional society are the specific content of civic ethics, which determine the content and direction of the development of civic ethics.

2. THE CIVIC ETHICS OF A PLANNED SOCIETY AND THE WAY TO BUILD IT

The so-called “planned society” refers to the period from the formation of the PRC to the third plenary session of the Eleventh Central Committee. Since the economic characteristic of this period is a “planned economy”, the author calls it a “planned society”.

2.1. *“Isomorphism of unit and country” and “Perversity of collective interests”*

In a planned society, typical characteristics of the “isomorphism of a unit and a country” are demonstrated. A “unit” in a planned society refers to a “unit” that implements the functions of managing production, consumption, distribution, exchange and community as a tool for realizing the political ideals of a dictatorship. Formally, the “units” of a planned society are functionally similar to the “families” of a traditional society, but in practice their nature is different. From a traditional society to a planned society, the basis of social organization has also turned from a “family” into a “unit”. Such a revolutionary change represents a transformation of the traditional economic and social model of “isomorphism of family and country” in accordance with the guidance of the Marxist theory of the class state – the model of political organization was transformed from “son (minister)-father (monarch)” in the “class structure-dictatorship”. From the point of view of social management, such a transformation has led to the fact that the family has ceased to perform the functions of social management, but has turned into a pure “unit of reproduction and consumption”, which has little effect on social survival, social production and social lifestyle.

The political function of a single organization in a planned society occupies a prominent position. A crisis of unity can not only lead to an economic crisis, but can also provoke a political crisis. Thus, the social characteristics of the “isomorphism of units and countries” in a planned society determine the principle of prioritization of individual and national interests. People should deeply understand this truth “big rivers rise, and small rivers are full, big rivers are waterless, and small rivers dry up” and actively integrate individual interests into collective interests. Therefore, civic ethics in a planned society takes the “supremacy of collective interests” as its main content.

2.2. *“Class ethics” and “selfless devotion”*

After the formation of the PRC, the cells of the social organization are no longer families as in traditional society, but have turned from “families” into “units”. Each person has a “unit” to which he belongs, and he is managed on the basis of units. Even farmers are members of units, i.e. team members or commune members. Therefore, in a planned society, individuals exist in the form of “individual people”. The “single people” in a planned society differ from the “family people” of a traditional society. “Single people” is not a “positioning of human nature” in consanguinity, but a “model of human nature”

formed after the transformation of the class organization of the family in traditional society. Such a “human model” preserves only the functions of population production of traditional social family organizations and unites various social organizations based on class interests, forming various social organizations unique to planned society, such as governments, parties, political parties, workers and groups, as well as enterprises and schools. This is defined in the organizational form of “unified management”.

Consequently, in a planned society, individuals, regardless of which unit (organization) they are located, their existence is based on the division of labor by class. For example, in a planned society, it is emphasized that the jobs themselves have no distinction between high and low, and they all contribute to the “revolution” and so on. The role positioning of an individual depends on the division of labor by a unit, that is, an organization. The individual determines his position in accordance with the division of labor, takes control and realizes the value of life with dedication.

2.3. *The way of building “equality, mutual assistance and dedication”*

In a planned society, class interests are accepted as the main content and the “model of comradeship” of social ethical life is highly valued, characterized by “mutual care, mutual care”. On the one hand, in a planned society, the “proximity model” of Chinese traditional society is replaced by the “camaraderie model”, the value concept of “equality” is emphasized, it is believed that only the division of labor by positions differs, and there is no difference between high and low., and the traditional economic and social values of rank, respect and inferiority are transformed into the values of equality, division of labor and mutual assistance. On the other hand, traditional Chinese social “people-oriented” thought is used to understand the “democracy” of the moral personality and thus, the ideological basis of planned economic and social-democratic (people-oriented) governance is determined [7: 102–103].

Taken together, a planned society accepts communism as its goal, collectivism as the basis of ethics and morality, class interests as a criterion for evaluating personal values and emphasizes the social value orientation of “selfless devotion”. As for the way of building civic morality, there are three key words. One is “equality”, that is, there is no difference between high and low positions in the workplace; the other is “mutual assistance”, that is, people are in a relationship of revolutionary camaraderie, with the same desire for the ideal, mutual assistance is its logical inevitability; the third is “devotion”, that is, personal interests and collective interests have the same identity “class interests” have priority, and selfless devotion becomes conscious.

3. CIVIC ETHICS OF A SOCIETY WITH A MARKET ECONOMY AND THE WAY TO BUILD IT

The so-called market society refers to the period of Chinese society since the beginning of the policy of reform and openness in terms of time span. “Reconstruction of enterprises and government” is the main characteristic of this society, and individuals exist in the model of a “social person”.

3.1. *“Restructuring of relations between enterprises and the government” and “Mutual benefit and mutual love”*

The “restructuring of relations between enterprises and the government” is a typical feature of a society organized on the principle of a market economy. The so-called “restructuring of relations between enterprises and the government” refers to the fact that in a market society, enterprises have turned from direct political organizations (units in a planned society) into real and pure economic organizations. The relationship between enterprises and the country is no longer an isomorphic relationship between a “class organization–state dictatorship” in a planned society, but a reconstructed relationship between an “enterprise – market –government”, that is, the relationship between the principal–agency of a “legal entity (enterprise)–market –state agency for asset management”, market regulation and government regulation. Enterprises make various economic decisions within the framework of the principle “the market directs the enterprise, and the government regulates the market”. The structure of integration “enterprises–governments (countries)” in a planned society, it was transformed into a dual institutional model of the economic structure “enterprise–market–government (country)”, as well as the structure of interests “personality–collective–country”.

In a market society, “an organic combination of a large number of reasonable factors and ideological innovative factors of a socialist market economy enhances the ethical significance, efficiency, time, efficiency, abilities and contribution at the initial level and can lead a dialogue with positive values and beliefs in the world system of economic ethics. At the intermediate level, this has strengthened the balance of interests of the country, the collective and the individual. In a conflict of interests between them, the individual is subordinate to the collective, and the collective is subordinate to the country. At a high level, the ethical values of various levels should be compatible with the ideals and beliefs of communism” [8]. Therefore, when coordinating efficiency and justice, civic ethics should support the value concept of “efficiency above all, taking into account justice”, with the concept of “mutual benefit and mutual love” as its main content.

3.2. *Balance between “market ethics” and “rights, obligations, benefits and risks”*

Market ethics highly values the “ability”. This means that in a market society, the existence of individuals takes “ability” as the main indicator. Because, as an important organization in a market society, an enterprise is not only an economic entity, but also a subject of limited liability.¹ More precisely, the unlimited responsibility of the government to the enterprise and the unlimited responsibility of the enterprise to the individual have become limited liability. The functions of social management of enterprises

¹ In a market economy society, an enterprise or subdivision bears unlimited responsibility, that is, the government bears unlimited responsibility to the subdivision, and the subdivision or enterprise bears unlimited responsibility to an individual; in modern society, an enterprise is a subject of limited liability, that is, the government bears limited responsibility to the enterprise, and the enterprise bears limited responsibility to an individual.

were transferred to the Government, while some functions of the government were transferred to the community. At the enterprise, the relations between the participants are economic relations, relations of interests, contractual relations, regulatory relations, etc. Participants adhere to the principle of “balance of rights, obligations, benefits and risks” based on a “clear division of functions” [8]. In a market society, the structure of interests “personality–collective–country” coexists with the economic structure “enterprise–market–country”. The existence of an individual is no longer tied to an “enterprise”, but exists as a “social personality”, that is, an individual is primarily a subject with economic interests and builds social relations through a network of economic interests. Economic relations, relations of interests, contractual relations and regulatory relations constitute the main content of ethical relations between people. Market ethics values “ability” highly, and people bear unlimited responsibility for their actions during their own lives. Therefore, civic ethics must comply with the principle of “balance of rights, duties, interests and risks”.

3.3. *The path to the realization of “reasonable personal interests”*

“Market ethics”, “ability”, “efficiency above all, taking into account justice” and “mutual benefit and mutual love” – all this emphasizes the social value orientation of “reasonable self-interest”. There are basically two regimes in a market society – a socialist market economy and a capitalist market economy. In this article, only the socialist market economy is considered as an example for analysis. The socialist market economy, on the one hand, recognizes the mechanism of equivalent exchange, and relations between people are characterized by a clear division of functions, balanced economic relations between right, duty, benefit and risk, and, relations of interests, contractual relations, regulatory relations, etc. On the other hand, she emphasizes that the interests of people, collectives and countries are highly coordinated. In other words, the model of existence of “social people” in a socialist market economy is compatible with the characteristics of “economic people” and “moral people”. Consequently, a socialist market economy should recognize the legitimacy of the motives and behavior of economic people for profit (instrumental rationality, scientific rationality, and even the rationality of capital), but cannot be rejected at all because of certain “uncharacteristic behavior” of certain people. It is also necessary to recognize its dual roles: both positive and negative. It is necessary to insist on taking targeted countermeasures against them and be guided by them from the point of view of value norms., standardize the economic behavior of economic people from the point of view of ethics and morality, increase morality in standardized economic exchanges, that is, educate “ethical economic people”.

Generally speaking, there are two key words for a market society, namely “market activity” and “market rules”. There is no doubt that market activity is driven by the motivation of personal interests, but market rules are not based on the motivation of personal interests [9]. Firstly, it is necessary to rely on a number of institutional mechanisms that ensure the market functioning of the commodity economy; Secondly,

it is necessary to rely on moral self-discipline and self-awareness of people as economic subjects in exchanges. The above first is the correct meaning of the question of the mechanism of a mature market economy, and the second differs between a capitalist market economy and a socialist market economy. The capitalist market economy is mainly based on the morality of the individual and obeys the priority logic of “individualism”; the socialist market economy obeys the principle of priority “the supremacy of the country”, that is, demonstrates (socialist) market ethics “the basic value of socialism” and educates “ethical economic people”. Consequently, the content of civic ethics in modern Chinese society, that is, in a market-oriented society, is neither “filial piety and benevolence”, emphasized by the “hierarchical standard” in traditional society, nor “disinterested devotion”, which prioritizes “collective interests” based on the “division of labor” in a planned society, but “economy plus morality”, that is, “reasonable self-interest”.

FINAL WORDS

From the above diachronic study of Chinese civic ethics, it can be seen that civic ethics, as the economic basis of the social economy, is a concentrated moral reflection of society and the economy. On the one hand, its value orientation, main content and way of construction will continue to change with the replacement of social forms, and it will always maintain a high degree of consistency and uniformity with the economic basis of the social form.; on the other hand, no matter how the social form changes, the excellent traditional moral culture of one’s country and

nation can always be transmitted without rejection. This means that the construction of civic ethics in a country should not only keep up with the times, starting with the social form or economic basis of society, explore the theoretical logic of the construction of civic ethics and its practical path, but also adhere to the excellent traditional moral genes of their country and nation. Only in this way it is possible to find the way most suitable for building civic ethics in your country and nation in a dynamic balance of “change” and “immutability”, to increase the relevance and effectiveness of building civic ethics and to increase the level of people’s happiness and social harmony. This is the general meaning of this article.

REFERENCES

1. Menzius Li Lu Shan.
2. *Shen Yongfu*. The social basis of traditional Chinese integrity. *Ethics and Civilization*. 2017. No. 06. (In China)
3. *Fei Xiaotong*. Local China. Beijing: People’s Publishing House, 2008. Pp. 5–7.
4. *Ma Junfeng, Bai Chunyan*. Historical changes in the model of social trust. *Journal of Social Sciences*. 2005. No. 02. (In China)
5. *Qian Mu*. Nationality and culture. Beijing: Kyushu Publishing House, 2011. Pp. 13–15.
6. *Wang Liming*. Isomorphism between countries is a management model. *Beijing Daily*. 06.03.2017. (In China)
7. *Yang Junyi*. Introduction to modern social philosophy – a materialistic view of history, transformation and development. Shanghai: Shanghai University Press, 2014.
8. *Yang Junyi*. Changes in the corporate system and transformation of the social structure. *Academy*. 2001. No. 01. (In China)
9. *Mao Yushi*. Moral perspectives of the Chinese people. Guangzhou: Jinan University Press, 2008. P. 252.

Диахроническое исследование гражданской этики в Китае

Чу Дефен ©

Шанхайский политико-юридический университет,
г. Шанхай, Китай

E-mail: chdfeng1208@163.com

Аннотация. Гражданская этика, как особая идеология, в конечном счете определяется экономическим фундаментом и всегда является продуктом конкретных, реалистичных и специфических производственных отношений и социальных отношений. Среди различных социальных форм основное содержание гражданской этики и путь ее построения сильно различаются. Для исследования гражданской этики имеет необходимость и практическое значение проведение диахронических исследований гражданской этики и изучение основного содержания гражданской этики и пути ее построения в различных социальных формах.

Ключевые слова: гражданская этика, путь строительства, диахроническое исследование

Благодарности. Статья написана при поддержке государственного гранта для гуманитарных и социальных наук Китая "Исследование инновационных институциональных механизмов для содействия формированию гражданской этики в новую эпоху" (20BKS111); При поддержке гранта для гуманитарных и социальных наук Шанхая "Исследование управления социальной этикой в рамках комбинированной перспективы управления страной по закону и управления страной в силу" (2019BKS002).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чу Дефен. Диахроническое исследование гражданской этики в Китае // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 96–105. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-96-105

Как особая идеология, гражданская этика в конечном счете определяется экономическим фундаментом. В разных экономиках и обществах гражданская мораль проявляется по-разному. Проведение диахронических исследований гражданской этики, исследование основного содержания гражданской этики и пути ее построения в различных социальных формах составляют неизбежную логику, академическую направленность и базовую теоретическую область современных исследований в области построения гражданской этики. Поэтому в данной статье используется «Метод идеального типа» Маркса Вебера, чтобы разделить процесс исторических изменений китайского общества на три периода более типичного значения, такие как традиционное, плановое и рыночное в соответствии с характеристиками социально-экономического механизма.

1. ГРАЖДАНСКАЯ ЭТИКА ОБЩЕСТВА ТРАДИЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ПУТЬ ЕЕ ПОСТРОЕНИЯ

Термин «традиционное общество» относится ко всем периодам до образования КНР в 1949 г., то есть к традиционному земледельческому цивилизованному обществу. Естественная экономика в традиционном обществе основана на сельском хозяйстве, которое характеризуется экономической самодостаточностью, но относительно низкой производительностью. Этот вид самодостаточной естественной экономики породил патриархальную систему, тесно связанную с системой родства с формами семьи и постепенно расширился до национальной структуры, сформировав такую социальную характеристику как «семья – это малень-

кая страна, страна – это большая семья», то есть «семья и страна изоморфны». Социальная характеристика «изоморфизма семьи и страны» в традиционном обществе, с одной стороны, определяет, что гражданская этика должна быть подчинена концепции «верность и сыновнее почтение»; с другой стороны, она также развила концепцию «три устоя и пять незыблемых правил» традиционной гражданской этики.

1.1. «Изоморфизм семьи и страны» и «Верность и сыновнее почтение»

В традиционном обществе «основа мира заключается в стране, основа страны – в семье, а основа семьи – в человеке» [1]. Семья является важной организационной ячейкой общества и основой социальной гармонии и стабильности. Короче говоря, семейная этика упорядочена, страна естественным образом выбирает правильный путь, и все общество наслаждается мирным трудом и спокойствием. В традиционном обществе «люди привязаны к земле и товарное хозяйство слаборазвито, что порождает местные особенности и местную культуру традиционного китайского общества» [2]. Традиционное общество – это «общество знакомых», где люди всегда хотят жить в родном городе особенно тогда, когда они становятся устаревшими [3]. В таком обществе социальная жизнь относительно концентрирована, а круг социального общения относительно узок, ограничен родственниками и друзьями, этническими группами, земляками, товарищами по учебе и другими знакомыми, имеющими кровные, географические и академические связи [4]. Общество знакомых, сформированное кровными, географическими и академическими связями, прослеживающее

их корни и происхождение, в конечном счете заключается в семье. Семья как самая основная единица, составляющая традиционную экономику и общество, является не только важной единицей производства и потребления, но и единицей приобретения в социальном общении, а также единицей этики и политического управления. Другими словами, семья берет на себя самую основную функцию социальной организации страны.

Другими словами, в традиционном обществе семья является основной и наиболее важной частью общества (страны) и ее структурная единица однородна со страной с точки зрения внутренней организационной структуры, то есть сообщество семьи и страны. Семья – самая маленькая страна, а страна является продолжением и расширением семьи. Гуманистические отношения, такие как правители, отцы, сыновья, братья, супружеские пары и друзья, составляют сеть социальных отношений в традиционном обществе. Однако «когда люди общаются друг с другом, все они проходят через определенный процесс для знакомства. Этот процесс начинается в семье, и сыновнее благочестие является основополагающим способом» [5], что означает «сыновнее благочестие дома»; а затем распространяется по стране, это означает «управление страной и умиротворение Поднебесной, приведение страны к спокойствию», то есть лояльность в стране. Таким образом, в традиционном обществе социальные характеристики сообщества семьи и страны определяют содержание лояльности и сыновнего благочестия в гражданской этике, подчеркивают, что управление семьей является основой и предпосылкой управления страной, и отстаивают такие ценностные ориентации, как «если в комнате не подметено, как навести порядок в Поднебесной» «прежде чем делать великое, надо сделать малое» [6].

1.2. «Этика крови»

и «три устоя и пять незыблемых правил»

Семейные люди, основанные на крови в традиционном обществе, отличаются от автономных людей, характеризующихся «сексуальным порочным поведением» на Западе. «В этой модели нет вопроса о том, “кто я” как в классическом смысле Запада, а только есть вопрос о том, “как мы себя ведем”» [7: 102]. С конфуцианской точки зрения семья, по сути, является субъектом этики крови. Индивиды следуют социальному образу жизни этики крови. С одной стороны, индивиды играют соответствующие семейные роли, а затем действуют в соответствии с правилами семейных ролей. Индивиды несут ответственность только за семью, и они позиционируются в соответствии с такими иерархическими ролевыми отношениями, как отношения между отцом и сыном, мужем и женой, братьями и интерпретируют свои собственные добродетели в соответствии с принципами иерархической основы, такими как «отец – руководитель детей (отцовское слово является законом, который детям надо соблюдать)», «муж – руководитель жены», «старший брат должен быть добрым, а младший – почтительным» и т.д. Семейные интересы имеют приоритет и первенство. От семьи до этнической группы и даже общества то, как люди должны вести себя, регулируется патриархальной системой, такой как система прямых сыновей, система храмов и система сект, связанные кровными узами.

В традиционном обществе по своей сути социализация индивидов является продолжением модели семейной этики. В обществе индивид либо является чиновником, либо работает в других отраслях. Те, кто являются чиновниками, играют свои роли в соответствии со своим политическим рангом, такими как император, князь, сановник (высшее чиновничество), служилое сословие и т.д. Те, кто занят в других отраслях промышленности, играют свои роли в соответствии с отраслевыми стандартами, например «чиновники делятся на девять классов, а люди делятся на несколько категорий». «Доброжелательность, праведность, вежливость, мудрость и вера», которые люди используют для регулирования межличностных отношений, таких как отношения между отцом и сыном, братьями, супругами и друзьями, также являются продолжением и конкретизацией верности и сыновнего благочестия, подчеркивая, что «сын наследует отцу», «соблюдать субординацию в отношениях между поколениями», «справедливость между государем и его подданными», «вера среди друзей» и т.д. Таким образом, характеристики изоморфизма семьи и страны и модели этики крови в традиционном обществе определяют, что гражданская этика должна руководствоваться «верностью и сыновним благочестием» с такими концепциями, как «абсолютная власть государя над подданным, отца над сыном, мужа над женой» и «доброжелательность, праведность, вежливость, мудрость и вера» в качестве конкретного содержания нормы поведения.

1.3. Путь «совершенствования личности, налаживания отношений в семье, наведения порядка в стране и мира в Поднебесной»

С точки зрения приоритизации интересов изоморфизм семьи и страны по своей сути является структурным выражением коллективизма, в то время как модель этики крови является конкретным проявлением традиционного коллективизма. Исходя из предпосылки, что групповые интересы имеют приоритет, гражданская этика берет за основу патриархальный коллективизм, основанный на семье, принимает этику крови и ее продолжение «три устоя и пять незыблемых правил» в качестве конкретных этических норм и ограниченных условий, принимает концепцию «внутреннее святомудрие и внешняя царственность» (постигнув учение, станешь совершенномудрым, а применив его на практике, станешь совершенным правителем) в качестве личных ценностей и высоко ценит путь этической реализации «самосовершенствования, воспитания, гармоничной семьи, управления страной и выравнивания мира», подчеркивая, что гармоничная семья может управлять страной и выравнивать мир, и экстраполирует этику семейной группы на общество, также подчеркивая, что исходя из клановой, семейной «благожелательности и любви», «доброжелательность, праведность, вежливость, мудрость и вера» оказывают позитивное влияние на общество.

Характеристики изоморфизма семьи и страны в традиционном обществе, модель этики крови и путь этической реализации культивирования гармоничной семьи и управления миром определяют гражданскую этику традиционного общества и в целом представляют традиционные коллективистские характеристики, такие как верховенство семейных коллективных ин-

тересов, верховенство национальных интересов и верховенство групповых интересов. «Три устоя и пять неизблемых правил», пропагандируемых традиционным обществом, являются специфическим содержанием гражданской этики, которые определяют содержание и направление развития гражданской этики.

2. ГРАЖДАНСКАЯ ЭТИКА ПЛАНОВОГО ОБЩЕСТВА И ПУТЬ ЕЕ ПОСТРОЕНИЯ

Так называемая «плановое общество» относится к периоду от образования КНР до третьего пленарного заседания Одиннадцатого Центрального комитета. Поскольку экономической характеристикой этого периода является плановая экономика, автор называет его «плановое общество».

2.1. Изоморфизм единицы и страны и верховенство коллективных интересов

В плановом обществе демонстрируются типичные характеристики изоморфизма единицы и страны. «Единица» в плановом обществе реализует функции управления производством, потреблением, распределением, обменом и сообществом в качестве инструмента для реализации политических идеалов диктатуры. Формально единицы планового общества функционально аналогичны семьям традиционного общества, однако на практике их природа иная. От традиционного общества до планового общества основа социальной организации также превратилась из семьи в единицу. Такое революционное изменение представляет собой трансформацию традиционной экономической и социальной модели изоморфизма семьи и страны в соответствии с руководством марксистской теории классового государства – модель политической организации была преобразована из «сын (министр) – отец (монарх)» в «классовую конструкцию – диктатуру». С точки зрения социального управления, такая трансформация привела к тому, что семья перестала выполнять функции социального управления, а превратилась в чистую единицу воспроизводства и потребления, которая мало влияет на социальное выживание, социальное производство и социальный образ жизни.

Политическая функция единичной организации в плановом обществе занимает видное положение. Кризис единицы может не только привести к возникновению экономического кризиса, но также может спровоцировать политический кризис. Таким образом, социальные характеристики изоморфизма единиц и страны в плановом обществе определяют принцип приоритизации единичных и национальных интересов. Люди должны глубоко понимать такую истину «большие реки поднимаются, а малые реки полны, большие реки безводны, а малые реки пересыхают» и активно интегрировать индивидуальные интересы в коллективные. Поэтому гражданская этика в плановом обществе берет верховенство над коллективными интересами в качестве основного содержания.

2.2. «Классовая этика» и «самоотверженная преданность»

После образования КНР ячейки социальной организации больше не являются семьями как в традиционном обществе, а превратились из семей в единицы.

У каждого человека есть единица, к которой он принадлежит, и им управляют на основе единиц. Даже фермеры являются членами единиц, то есть членами команды или членами коммуны. Поэтому в плановом обществе индивиды существуют в форме «единичных людей». «Единичные люди» в плановом обществе отличаются от «семейных людей» традиционного общества. «Единичные люди» – это не «позиционирование человеческой природы» в кровном родстве, а модель человеческой природы, сформированная после трансформации классовой организации семьи в традиционном обществе. Такая человеческая модель сохраняет только функции производства населения традиционных социальных семейных организаций и объединяет различные социальные организации, основанные на классовых интересах, формируя различные социальные организации, уникальные для планового общества, такие как правительств, партии, политические партии, рабочие и группы, а также предприятия и школы. Это определяется в организационной форме объединенного управления.

Следовательно, в плановом обществе индивиды, независимо от того, в какой единице (организации) они находятся, их существование основано на разделении труда по классам. Например, в плановом обществе подчеркивается, что сами рабочие места не имеют различия между высокими и низкими, и все они способствуют «революции» и так далее. Ролевое позиционирование индивида зависит от разделения труда единицей, то есть организацией. Индивид определяет свою позицию в соответствии с разделением труда, принимает управление и осознает ценность жизни с самоотверженностью.

2.3. Путь построения «равенства, взаимопомощи и самоотверженности»

В плановом обществе принимают классовые интересы в качестве основного содержания и высоко ценят модель товарищества социальной этической жизни, отличающейся взаимной заботой и помощью. С одной стороны, в плановом обществе модель близости китайского традиционного общества заменяется моделью товарищества, подчеркивается ценностная концепция равенства, считается, что отличается только разделение труда по должностям, и нет различия между высокими и низкими. Традиционные экономические и социальные приоритеты ранга, уважения и социального положения трансформируются в ценности равенства, разделения труда и взаимопомощи. С другой стороны, используется традиционная китайская социальная ориентированная на людей мысль для понимания демократии моральной личности и таким образом, определяется идеологическая основа планового экономического и социал-демократического (ориентированного на людей) управления [7: 102–103].

Вместе взятое, в плановом обществе принимается коммунизм в качестве своей цели, коллективизм в качестве основы этики и морали, классовые интересы в качестве критерия оценки личных ценностей и подчеркивается социальная ценностная ориентация самоотверженной преданности. Что касается пути построения гражданской морали, есть три ключевых слова. Одно из них «равенство», то есть нет различия между высокими и низкими должностями на рабочем месте; другое – «взаимопомощь», то есть люди нахо-

дятся в отношениях революционного товарищества, с одинаковым стремлением к идеалу, взаимопомощь является его логической неизбежностью; третье – «преданность», то есть личные интересы и коллективные интересы имеют одинаковую идентичность, классовые интересы имеют приоритет, и самоотверженная преданность становится осознанной.

3. ГРАЖДАНСКАЯ ЭТИКА ОБЩЕСТВА С РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ И ПУТЬ ЕГО ПОСТРОЕНИЯ

Так называемое рыночное общество относится к периоду китайского общества с начала политики реформы и открытости с точки зрения промежутка времени. Реконструкция предприятий и правительства является основной характеристикой этого общества, и индивиды существуют в модели социального человека.

3.1. Перестройка отношений между предприятиями и правительством и взаимная выгода и взаимная любовь

Перестройка отношений между предприятиями и правительством является типичной чертой общества, организованного по принципу рыночной экономики. В рыночном обществе предприятия превратились из прямых политических организаций (единиц в плановом обществе) в реальные и чистые экономические организации. Отношения между предприятиями и страной больше не являются изоморфными отношениями между «классовой организацией – государственной диктатурой» в плановом обществе, а реконструированными отношениями между «предприятием–рынком–правительством», то есть отношениями между доверителем-агентством «юридического лица (предприятия) – рынка – государственного агентства по управлению активами», регулированием рынка и государственным регулированием. Предприятия принимают различные экономические решения в рамках принципа «рынок руководит предприятием, а правительство регулирует рынок». Структура интеграции «предприятия–правительство (страны)» в плановом обществе была преобразована в двойную институциональную модель экономической структуры «предприятие–рынок–правительство (страна)», а также структуру интересов «личность–коллектив–страна».

В рыночном обществе «органическое сочетание большого числа разумных факторов и идеологических инновационных факторов социалистической рыночной экономики усиливает этическую значимость, эффективности, времени, эффективности, способностей и вклада на начальном уровне и может вести диалог с позитивными ценностями и убеждениями в мировой системе экономической этики. На промежуточном уровне это укрепило баланс интересов страны, коллектива и личности. В конфликте интересов между ними личность подчиняется коллективу, а коллектив подчиняется стране. На высоком уровне этические ценности различных уровней должны быть совместимы с идеалами и убеждениями коммунизма.[8] Поэтому при координации эффективности и справедливости гражданская этика должна поддерживать ценностную концепцию «эффективность превыше всего, с учетом справедливости», с концепцией «взаимная выгода и взаимная любовь» в качестве ее основного содержания.

3.2. Баланс между рыночной этикой и правами, обязанностями, выгодами и рисками

Рыночная этика высоко ценит способность. Это означает, что в рыночном обществе существование индивидов принимает способность в качестве основного показателя. Потому что, как важная организация в рыночном обществе, предприятие является не только хозяйствующим субъектом, но и субъектом ограниченной ответственности². Точнее говоря, неограниченная ответственность правительства перед предприятием и неограниченная ответственность предприятия перед частным лицом превратились в ограниченную ответственность. Функции социального управления предприятиями были переданы правительству, в то время как некоторые функции правительства были переданы обществу. На предприятии отношения между участниками – это экономические отношения, отношения интересов, договорные отношения, регулирующие отношения и т.д. Участники соблюдают принцип баланса прав, обязанностей, выгод и рисков, основанный на четком разделении функций [8]. В рыночном обществе структура интересов «личность–коллектив–страна» сосуществует с экономической структурой «предприятие–рынок–страна». Существование индивида больше не привязано к предприятию, он является социальной личностью, то есть индивид, в первую очередь, субъект с экономическими интересами, строящий социальные отношения через сеть экономических интересов. Экономические отношения, отношения интересов, договорные отношения и регулирующие отношения составляют основное содержание этических отношений между людьми. Рыночная этика высоко ценит способность, и люди несут неограниченную ответственность за свои действия в течение своей собственной жизни. Поэтому гражданская этика должна соответствовать принципу баланса прав, обязанностей, интересов и рисков.

3.3. Путь к реализации разумных личных интересов

«Рыночная этика», «способность», «эффективность превыше всего, с учетом справедливости» и «взаимная выгода и взаимная любовь» – все это подчеркивает социальную ценностную ориентацию разумного личного интереса. В рыночном обществе в основном существуют два режима: социалистическая рыночная экономика и капиталистическая рыночная экономика. В данной статье в качестве примера для анализа рассматривается только социалистическая рыночная экономика. Социалистическая рыночная экономика, с одной стороны, признает механизм эквивалентного обмена, а отношения между людьми характеризуются четким разделением функций, сбалансированными экономическими отношениями между правом, обязанностью, выгодой и риском и отношениями интересов, договорными отношениями, регулирующими отношениями и т.д. С другой стороны, она подчеркивает, что интересы людей, коллективов и стран

² В обществе рыночной экономики предприятие или подразделение несет неограниченную ответственность, то есть правительство несет неограниченную ответственность перед подразделением, а подразделение или предприятие несет неограниченную ответственность перед физическим лицом; в современном обществе предприятие является субъектом ограниченной ответственности, то есть правительство несет ограниченную ответственность перед предприятием, а предприятие несет ограниченную ответственность перед физическим лицом.

Chu Defeng

в высшей степени согласованы. Другими словами, модель существования «социальных людей» в социалистической рыночной экономике совместима с характеристиками «экономических людей» и «нравственных людей». Следовательно, социалистическая рыночная экономика должна признать законность мотивов и поведения экономических людей для получения прибыли (инструментальная рациональность, научная рациональность и даже рациональность капитала), но не может быть отвергнута вовсе из-за нехарактерного поведения определенных людей. Также необходимо признать его двойные роли и положительные, и отрицательные. Необходимо настаивать на принятии целенаправленных контрмер против них и руководствоваться ими с точки зрения ценностных норм, стандартизировать экономическое поведение экономических людей с точки зрения этики и морали, повышать мораль в стандартизированных экономических обменах, то есть воспитывать «этических экономических людей».

Вообще говоря, для рыночного общества есть два ключевых слова, а именно рыночная деятельность и рыночные правила. Нет сомнений в том, что рыночная деятельность движима мотивацией личных интересов, но рыночные правила не основаны на мотивации личных интересов [9]. Во-первых, необходимо опираться на ряд институциональных механизмов, обеспечивающих рыночное функционирование товарной экономики; Во-вторых, необходимо опираться на моральную самодисциплину и самосознание людей как экономических субъектов в обменах. Вышеуказанное первое является правильным значением вопроса о механизме зрелой рыночной экономики, а второе отличается между капиталистической рыночной экономикой и социалистической рыночной экономикой. Капиталистическая рыночная экономика в основном опирается на мораль личности и подчиняется приоритетной логике индивидуализма; социалистическая рыночная экономика подчиняется принципу приоритета верховенства страны, то есть демонстрирует (социалистическую) рыночную этику как основную ценность социализма и воспитывает «этических экономических людей». Следовательно, содержание гражданской этики в современном китайском обществе, то есть в обществе, ориентированном на рынок, не является ни «сыновним благочестием и доброжелательностью», подчеркиваемыми иерархическим стандартом в традиционном обществе, ни «бескорыстной преданностью», которая ставит во главу угла коллективные интересы, основанные на разделении труда в плановом обществе, но «экономика плюс мораль», то есть разумный личный интерес.

Статья проверена программой Антиплагиат

Статья поступила в редакцию 25.02.2022, принята к публикации 30.03.2022

The article was received on 25.02.2022, accepted for publication 30.03.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чу Дефен, доктор юридических наук, доцент; директор Китайской ассоциации по исследованию диалектического материализма; научный руководитель магистров; заместитель генерального секретаря Института марксизма Шанхайского политико-юридического университета. Шанхай, Китай. ORCID: 0000-0001-5052-7466; E-mail: chdfeng1208@163.com

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенного выше диахронического исследования китайской гражданской этики видно, что гражданская этика, как экономическая основа социальной экономики, она является концентрированным моральным отражением общества и экономики. С одной стороны, ее ценностная ориентация, основное содержание и путь построения будут продолжать меняться с заменой социальных форм, и она всегда будет поддерживать высокую степень согласованности и однородности с экономической основой социальной формы; с другой стороны, независимо от того, как меняется социальная форма, превосходная традиционная моральная культура своей страны и нации всегда может быть передана без отказа. Это означает, что построение гражданской этики в стране должно не только идти в ногу со временем, начиная с социальной формы или экономической основы общества, исследовать теоретическую логику построения гражданской этики и ее практического пути, но и придерживаться превосходных традиционных моральных генов своей страны и нации. Только таким образом можно найти путь, наиболее подходящий для построения гражданской этики в своей стране и нации в динамическом балансе изменений и традиций, повысить актуальность и эффективность построения гражданской этики и повысить уровень счастья людей и социальной гармонии. В этом заключается общее значение данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менциус Ли Лу Шан.
2. Шэнь Юнфу. Социальная основа традиционной китайской целостности // Этика и цивилизация. 2017. № 06.
3. Фэй Сяотун. Местный Китай. Пекин: Народное издательство, 2008. С. 5–7.
4. Ма Цзюньфэн, Бай Чуньян. Исторические изменения модели социального доверия // Журнал социальных наук. 2005. № 02.
5. Цянь Му. Национальность и культура. Пекин: Кюсю, 2011. С. 13–15.
6. Ван Лининг. Изоморфизм между странами – это модель управления // Пекин Дейли. 06.03.2017.
7. Ян Цзюньи. Введение в современную социальную философию. Материалистический взгляд на историю, трансформацию и развитие. Шанхай: Изд-во Шанхайского ун-та, 2014. С. 102.
8. Ян Цзюньи. Изменения в корпоративной системе и трансформация социальной структуры // Академия. 2001. № 01.
9. Мао Юши. Моральные перспективы китайского народа. Гуанчжоу: Изд-во Цзинаньского ун-та, 2008. С. 252.

ABOUT THE AUTHOR

Chu Defeng, Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Director at the China Association for the Study of Dialectical Materialism; academic supervisor of Masters; Deputy Secretary General at the Institute of Marxism of the Shanghai University of Political Science and Law. Shanghai, China. ORCID: 0000-0001-5052-7466; E-mail: chdfeng1208@163.com

Влияние Соединенных Штатов Америки на военно-политическую ситуацию в Восточной Азии во втором полугодии 1941 г.: историко-политологический анализ

Д.Н. Ермаков^{1, 2, 4, а} ©, Г.Г. Попов^{2, 3, б} ©,
О.Ю. Казенков^{1, 2, 4, с} ©

¹ Институт Дальнего Востока Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация

² Научно- исследовательский институт «Полюс» имени М.Ф. Стельмаха,
г. Москва, Российская Федерация

³ Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

⁴ Инженерная академия Российского университета дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация

^а E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

^б E-mail: GGPopov2009@mail.ru

^с E-mail: o.kazenzov@gmail.com

Аннотация. Авторы, опираясь на ранее не изученные и мало изученные материалы, анализируют причины отказа высшего руководства Японии от вооруженной агрессии против СССР и поворот экспансии милитаристской Японии в зону Южных морей. Авторы приходят к выводу, что знаменитое решение отказаться от атаки советских территорий было продиктовано всем ходом японо-китайской войны, которая забирала у Японии много ресурсов и, к тому же, требовала захвата владений в Юго-Восточной Азии. Именно из-за оккупации Южного Индокитая между Японией и США резко осложнились отношения во второй половине лета 1941 г., что привело к эмбарго со стороны Союзников по отношению к Японии и нападению последней на Перл-Харбор.

Ключевые слова: война на Тихом океане, Вторая Японо-китайская война, Вторая мировая война, международная политика в годы Второй мировой войны, японский милитаризм, геополитика в период Второй мировой войны

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ермаков Д.Н., Попов Г.Г., Казенков О.Ю. Влияние Соединенных Штатов Америки на военно-политическую ситуацию в Восточной Азии во втором полугодии 1941 г.: историко-политологический анализ // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 106–118. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-106-118

The Influence of the United States of America on the Military-political Situation in East Asia in the Second Half of 1941: Historical and Political Analysis

D.N. Ermakov^{1, 2, 4, a} ©, G.G. Popov^{2, 3, b} ©,
O.Yu. Kazenkov^{1, 2, 4, c} ©

¹ Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

² M.F. Stelmakh Polyus Research Institute,
Moscow, Russian Federation

³ Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

⁴ Engineering Academy of the Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

^a E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

^b E-mail: GGPopov2009@mail.ru

^c E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Abstract. The authors, relying on previously unexplored and little-studied materials, analyze the reasons for the refusal of the top leadership of Japan from armed aggression against the USSR and the turn of the expansion of militaristic Japan into the zone of the South Seas. The authors conclude that the famous decision to abandon the attack on Soviet territories was dictated by the entire course of the Sino-Japanese war, which took a lot of resources from Japan and, moreover, required the seizure of possessions in Southeast Asia. It was precisely because of the occupation of Southern Indochina that relations between Japan and the United States became sharply complicated in the second half of the summer of 1941, which led to an embargo by the Allies against Japan and the latter's attack on Pearl Harbor.

Key words: Pacific War, Second Sino-Japanese War, World War II, international politics during World War II, Japanese militarism, geopolitics during World War II

FOR CITATION: Ermakov D.N., Popov G.G., Kazenkov O.Yu. The Influence of the United States of America on the Military-political Situation in East Asia in the Second Half of 1941: Historical and Political Analysis. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 106–118. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-106-118

ВВЕДЕНИЕ

Япония и японо-советские отношения в начале Второй мировой войны недостаточно полно изучены, с точки зрения введения в оборот новых для российских историков архивных материалов, а также если судить с позиции постановки научных проблем. Вопрос, почему Япония не атаковала СССР во втором полугодии 1941 г., предпочтя экспансию в зоне Южных морей, не является новым для отечественной историографии. Однако, на наш взгляд, он недостаточно глубоко проработан до сих пор из-за обозначенной выше проблемы с архивными документами. Ниже мы попробуем рассмотреть эти вопросы через призму японских документов, имеющих отношение к нападению на Перл-

Харбор. Данный комплекс был переведен на английский язык и выпущен в США в середине 1970-х гг. Интересна также коллекция документов из архива Мак-Артура, которая была опубликована в США в начале 1950-х гг. (затем была переиздана), в этой коллекции также содержатся сведения, проливающие свет на решение японского высшего руководства нанести удар по США и Британии. Помимо этого, мы также привлекаем документы из других корпусов, в частности, отчеты военного атташе Германии в Японии из фонда № 500 Центрального архива Министерства обороны РФ, которые практически не изучены в историографии. Кроме того, мы обращаемся к не известному в России источнику – подготовленному в исследовательских структурах Пентагона научному анализу на основе собранных

японских материалов о подготовке Квантунской армии к агрессии против СССР в начале 1940-х гг. [19].

История японских армии и внешней политики в 1930-е – первой половине 1940-х гг. усложнена тем важным обстоятельством, что многие важные документы были уничтожены японскими военными перед капитуляцией в 1945 г. Японские и американские военные историки реконструировали многие сюжеты Второй мировой войны в Восточной Азии и на Тихом океане по отдельным отрывочным документальным сведениям и свидетельствам очевидцев, включая сведения, полученные на допросах японских военных (источник не самый надежный). Мы опираемся на архивные документы японских вооруженных сил, доставшиеся американцам и опубликованные еще в годы Холодной войны в США, ряд этих документов до сих пор не привлек должного внимания российских историков.

Разумеется, помимо архивных документов, нас интересуют и аналитические исследования историков из США, Японии и России. Надо признать, что российская историография не столь богата на анализ Войны на Тихом океане. Эта тематика стала разрабатываться в России относительно недавно, что связано во многом с вызванным кризисом в стране и науке, который имел место в 1990-е гг. и имел последствия для практически всех двух последних десятилетий.

На наш взгляд, сам термин «война на Тихом океане» не применим к событиям в Китае, Бирме (современная Мьянма) и в ряде других регионов Азии в целом, где имели место столкновения с японской армией вооруженных сил различных государств. И вопрос здесь не только географический, но и политико-правовой. Китай никак не вписывается в Войну на Тихом океане, так как китайская армия начала боевые действия против Японии задолго до Перл-Харбора, и сам этот конфликт рассматривался официальным Токио практически до марта-апреля 1942 г. как главный для Японии театр военных действий; в силу внешнеполитических осложнений, связанных с японо-китайской войной 1937–1945 гг.¹, Япония напала на США, Британию и Нидерланды. В этой связи Война на Тихом океане явилась следствием большой войны в Восточной Азии, отсюда стоит рассматривать японо-американский вооруженный конфликт в контексте Войны в Восточной Азии.

Актуальность настоящего исследования обусловлена дискуссией, разгоревшейся в США в годы «холодной войны». Значительная часть американских исследователей считает, что решение Токио о повороте агрессии в Юго-Восточную Азию было вызвано политикой Ф. Рузвельта в Тихоокеанском регионе [10–12; 17; 22; 23; 28], в частности, введением нефтяного эмбарго против Японии в связи с захватом последней Южного Индокитая. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые японские авторы [20]. В Японии, особенно среди правых интеллектуалов, до сих пор ведется дискуссия по поводу вступления СССР в войну на Дальнем Востоке в августе 1945 г. [16]. Советский Союз обвиня-

ют в нарушении Пакта о ненападении от апреля 1941 г. и незаконной оккупации четырех островов Курильской гряды (проблема «Северных территорий»). Однако в действительности, Советский Союз еще 5 апреля 1945 г., за год до истечения срока действия договора о нейтралитете с Японией (как это и было оговорено в документе) заявил о его денонсации в одностороннем порядке. 26 июля 1945 года союзные державы опубликовали Потсдамскую декларацию, в которой содержалось требование безоговорочной капитуляции Японии и определялись принципы согласованной политики трех держав в отношении Японии после завершения военных действий. Токио не ответило на этот документ, и 8 августа в 17:00 часов по московскому времени народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов принял японского посла в Москве Н. Сато, которому от имени Советского правительства сделал заявление о том, что СССР с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. 10 августа советский посол Я.А. Малик в Токио был принят японским премьер-министром Х. Того, где он сделал заявление о вступлении СССР в войну с Японией.

Как видно, в современной американской историографии «война на Тихом океане» зачастую представляется как «второй фронт», что в разы увеличивает значение участия США во Второй мировой войне и позволяет парировать замечания о двусмысленном поведении в отношении Советского Союза. Отметим, что на наш взгляд данная позиция вряд ли уместна. Если обратиться к переписке лидеров «большой тройки», легко понять, что И.В. Сталин с первых месяцев Великой Отечественной войны настаивал на открытии «второго фронта» именно в Европе, а не где-либо еще. Более того, аргумент о решающем вкладе США в разгром оси Берлин-Рим-Токио на Тихоокеанском ТВД несколько померкнет, если сопоставить военные потери Японии и ее сателлитов от действий западных союзников по Антигитлеровской коалиции и в результате Дальневосточной кампании Красной армии. Так, потери японской сухопутной армии в войне на Тихом океане составили 2,28 млн человек². В то же время потери противника вследствие советского наступления на Дальнем Востоке погибшими и попавшими в плен составили около 624 тыс. человек³ – около четверти от того количества, которое было выведено из строя в ходе боевых действий западных союзников СССР.

Мы фокусируем внимание в статье на японской историографии, так как, во-первых, она недостаточно изучена в России. Во-вторых, с середины 1990-х гг. в японской историографии активно ведется дискуссия о роли Японии во Второй мировой войне. Эта дискуссия была открыта ревизионистами, которые продолжают бросать упреки в адрес СССР за Южные Курилы и август 1945 г. В центре дискуссии находятся также атомные бомбардировки японских городов, и здесь присутствует мнение не только ревизионистов из правых и ультраправых, но также и представителей других политико-идеологических течений Японии. В Японии давно ставится вопрос об оправданности данных бомбардировок. Упомянутая выше дискуссия позволила

¹ В зарубежной историографии в отношении данного конфликта применяется термин «вторая Синская война», выделяя ее от противоборства 1894–1895 гг. Вторая Сино-Японская война хронологически охватывает события с 7 июля 1937 г. по 9 сентября 1945 г.: с «инцидента на мосту Марко Поло» и до капитуляции японских войск в Китае.

² Подсчитано нами на основании [1: приложения, табл. 1]

³ Подсчитано нами на основании [3: 374].

японским историкам выйти к более расширенным горизонтам познания Второй мировой войны в Восточной Азии и Войны на Тихом океане, и это, в принципе, должно быть интересно и полезно российским историкам.

Цель настоящей статьи заключается в анализе причин отказа Японии от нападения на СССР в пользу войны против США и Британии, а также в прослеживании самого процесса принятия этого решения японским высшим руководством. На данный момент ведущей в отечественной историографии является точка зрения профессора А.А. Кошкина, который рассматривает в качестве ключевого события здесь – совещание в императорской ставке 6 сентября 1941 г., по итогам которого была принята «Программа операций императорской армии». Этот документ предусматривал начало подготовки боевым действиям на юге. При этом указывалась необходимость сохранить 16 дивизий в Маньчжурии и Корее, готовых к выступлению против СССР, а также продолжать (сократив интенсивность) проведение операций в Китае. Квантунская группировка, по мнению японских стратегов, должна была использоваться в качестве «нажима» при дипломатических переговорах с Москвой или, в случае ее поражения к весне 1942 г., в качестве оккупационных войск для территории советских Дальнего Востока и Сибири [2: 196–197].

Из цели статьи вытекают следующие задачи: рассмотреть отношение высшего политического руководства Японии к вопросу конфликта с СССР в контексте нападения нацистской Германии на Советский Союз, изучить влияние американской политики по отношению к Японии на выработку правительством последней решения о нападении на США и Британию, выявить этапы подготовки несостоявшейся японской агрессии против СССР в Маньчжурии (проблема Квантунской армии), рассмотреть вопрос, какое имело значение американо-британское направление в военно-стратегическом планировании японского высшего руководства. Для решения поставленных задач в статье применяются следующие методы: историко-генетический, хронологический и ретроспективный.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ

Само создание Квантунской армии в 1919 г. было обусловлено опасениями удара РККА по владениям Японии на континенте, так как в победу армии А.В. Колчака в Токио к весне 1919 г. перестали верить. Китайская угроза стояла на втором месте. Русско-японская война и ее предыстория научили японских военных, что для защиты японских интересов в Корее (Корея в 1940–1905 гг. еще была независимой, но под влиянием Японии) необходимо контролировать территории в Маньчжурии, не допуская русских в зону южнее реки Мукден. Начавшееся в 1928 г. активное вмешательство Квантунской армии, вопреки мнению МИДа Японии, во внутренние дела Маньчжурии, являвшейся тогда фактически независимым (непризнанным государством) вылилось в итоге в оккупацию этого региона Китая осенью 1931 г. – зимой 1932 г.

Разумеется, заговор против Китая зрел давно в самом Токио и среди чинов Генерального штаба Японии. У него было несколько причин, во-первых, богатые

природные ресурсы Маньчжурии, во-вторых, опасения, что СССР способен укрепиться в регионе и оттуда оказывать помощь китайским коммунистам, которых японские военные считали врагами для себя более опасными, нежели китайских националистов и даже американцев, в-третьих, вероятность возвращения Маньчжурии в состав Китая, так как в 1926 г. Чан Кайши начал войну за освобождение от мятежных генералов всех северных провинций своей страны.

В Токио прекрасно понимали, что Китай никогда не смирится с потерей Маньчжурии, но, несмотря на китайскую угрозу для Квантунской армии, которую командование последней, как и Генеральный штаб, считали крайне незначительной, в правящих кругах Японии обсуждался вопрос военного столкновения с Советским Союзом. На специальной встрече представителей правящих кругов Японии в апреле 1933 г., где присутствовали такие известные в японской политике 1930-х гг. лица, как Кидо Коичи, Коноэ Фуминаро, Харада Кумао, Сузуки Теиичи, СССР был назван абсолютным врагом Японии, врагом экзистенциальным для Страны восходящего Солнца [18: 75]. По мнению историка Сануго Йенаги, это собрание было вехой в том, что он назвал «Крестовым походом против коммунизма».

Опасения, что Шаньси достанется в итоге американскому капиталу и, соответственно, будет, с разрешения Чан Кайши, под политическим контролем США, подтолкнули командование Квантунской армии при попустительстве правительства и Генерального штаба провести серию военных акций в 1935–1936 гг. в Северном Китае уже за пределами непосредственно Маньчжурии. Правда, сами японские военные участвовали в этих акциях ограниченно, сражались за японские интересы в основном коллаборационисты из разных народов, проживавших на оккупированных территориях. В этой связи в 1935–1936 гг. происходит временное примирение Гоминдана с коммунистами, что стало причиной роста агрессивности Токио по отношению к режиму Чан Кайши, в связи с чем принц Коноэ принимает решение о переброске трех дивизий в Северный Китай, что лишает агрессию Японии в этом регионе видимости интервенции в гражданскую войну в Китае, конфликт переходит окончательно в стадию Японо-китайской войны в результате инцидента на мосту Марко Поло в Пекине в июле 1937 г. Тем не менее, Токио пытается сохранить за этим конфликтом статус интервенции, всячески делая акцент на антикоммунистической миссии, Гоминдану предлагается даже альянс, в котором Китаю принадлежала бы подчиненная роль, альянс должен был быть направлен против СССР.

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА И АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ КИТАЮ ДО ПЕРЛ-ХАРБОРА

Изначально в массовом сознании американцев сформировалась идея, что США вступили в войну против Японии из-за Китая, так как очищение китайских территорий от японских захватчиков фигурировало в качестве американского условия прекращения эмбарго по отношению к Японии. Этот пункт в ультиматуме Белого дома действительно был, но это не значит, что

США готовы были воевать с Японией с 1937 г. До «инцидента на мосту Марко Поло» США поставляли в Китай вооружения, но это прекратилось после июля 1937 г. В конце 1930-х гг. Китаю помогал в основном СССР. США ограничились в период с 1938 по 1941 гг. предоставлением Китаю кредитов в размере 247 млн долларов, которые пошли на закупки американских товаров [4], но китайцы почти не закупали в этот период американские вооружения. Правда, и СССР предоставлял Китаю помощь тоже не на безвозмездной основе.

В июне-июле 1941 г. американцы стали отправлять своих инженеров и оказывать финансовую и материальную помощь Китаю в расширении Бирманской дороги, по которой в дальнейшем шли поставки ГСМ и прочих материалов китайцам. Но все это произошло уже задолго после перестрелки на мосту Марко Поло. Почему?

Ф. Рузвельт имел сильную оппозицию со стороны изоляционистов, поэтому помощь Китаю не могла быть оказана американским правительством в крупных объемах и в прямой форме, как и непосредственно оказание давления на Японию посредством демонстраций военной силы вблизи ее границ. Например, отправка в феврале 1939 г. четырехдюймовых орудий через Французский Индокитай осуществлялось при посредничестве американцев, но частной французской фирмой при согласовании с французскими властями, которые запретили использовать для поставок Юаньскую железную дорогу, поэтому орудия пришлось отправлять на грузовиках [13]. Правда, в конце февраля 1939 г. Париж официально отказался от ограничений на перевозку военных грузов по Юаньской железной дороге [Там же].

В марте 1939 г. в Китай через Французский Индокитай начались поставки горюче-смазочных материалов в счет инициированного Ф. Рузвельтом кредита на 25 млн долларов США [Там же]. Планировались и другие поставки, в частности боевых самолетов. Но были противоречия с французскими властями, так как кабинет Даладьё и его министр иностранных дел Бонне заняли позицию в пользу ограничений на использование Индокитая как транзитной зоны для военных товаров в Китай [13]. Кроме того, французское правительство закрыло Марсель для отправки вооружений в Китай, закупки даже старого стрелкового оружия во Франции были запрещены китайцам, поэтому оружие приобреталось китайским представителем генералом Янг Чи (Yang Che) в Бельгии, Швейцарии, Чехословакии, Германии и даже в Литве, эти вооружения отправлялись через порты Северной Европы, что вело к росту стоимости поставок в Китай [Там же].

После оккупации Японией о. Хайнань отношение Франции к Китаю изменилось, поэтому американцы и другие западные страны получили разрешение на отгрузку вооружений и другой продукции через Индокитай. Но к тому времени для этих целей китайцы широко использовали порт Рангун и Бирманский путь. Китайский экспорт также осуществлялся к июню 1939 г. преимущественно тоже через Рангун [Там же]. Но к сентябрю 1939 г. поставки по Бирманскому пути резко снизились, что было связано с общей ситуацией в мире и особенно в Европе, государства которой сами нуждались в вооружениях, в августе – первой половине

сентября 1939 г. Китай получил небольшое количество винтовок из Бельгии и пулеметов из Дании [Там же]. Была и другая причина снижения поставок – начало сезона дождей в Бирме. Китайцы надеялись на транзит через Индокитай, но тщетно, французские власти снова ввели жесткие ограничения на реэкспорт через эту свою колонию [Там же]. Однако, мы не видим, чтобы американские вооружения в 1939 г. в большом количестве поступали либо через Рангун, либо через Индокитай в Китай, США почти не участвовали в оружейном экспорте в Китай в тот год.

Зимой 1939–1940 гг. вопрос с транзитом товаров для Китая через Индокитай решился помимо воли Франции и других государств, японская армия перерезала коммуникации в приграничных китайских районах. Это привело к бензиновому кризису в Китае, на помощь (разумеется, не за даром) пришли США, расширив поставки ГСМ через Рангун [14].

К концу 1940 г. в США было немало пилотов, желавших сражаться за Китай, но они не ехали в эту страну, опасаясь уголовного преследования у себя на родине за незаконное участие в боевых действиях. В этой связи глава военно-морского ведомства США Ф. Нокс просил 19 октября 1940 г. у госсекретаря разъяснений по данному вопросу [Там же]. Это означает, что Белый дом не хотел, чтобы американцы воевали в Китае. У Белого дома были определенные политические соображения – американское правительство стремилось избежать конфликта с Японией. Поэтому до принятия Закона о ленд-лизе поставки вооружений и военных материалов в Китай юридически и политически были затруднены [9: 66].

20 октября 1940 г. американский посол в Китае Джонсон писал госсекретарю, что помощь США Китаю была все это время недостаточной, чтобы изменить военную ситуацию, поэтому он рекомендовал значительно увеличить кредиты Чунцинскому правительству и начать оказывать прямую военную помощь Китаю по линии ВВС [14]. В конце своего письма Джонсон прямо пишет, что военной помощи со стороны США фактически нет [14].

Несмотря на агрессивную риторику японского парламента в китайском вопросе, после поездки в мае 1940 г. императора Хирохито в Китай японская армия стала проводить ограниченные операции, нацеленные в основном на изоляцию Гонконга, как главного «моста» между Китаем и Западом, откуда режим Чан Кайши получал оружие и военные материалы. Японских военных в конце июня 1940 г. стала беспокоить ситуация на границе Китая с Французским Индокитаем, так как с территории последнего по специально построенной дороге потоком пошли поставки вооружений и прочих военных грузов режиму Чан Кайши. В этой связи японцы добились от французских властей права на поездку своей специальной комиссии из 40 офицеров и гражданских в Индокитай⁴. За этой поездкой последовало несанкционированное из Токио вторжение японских военных во Французский Индокитай и оккупация последнего.

⁴ ОКХ – отдел «Иностранные армии Востока»/служба атташе: отчеты и донесения германского военного атташе в Японии о военно-политическом и экономическом развитии Японии, о японо-китайском конфликте ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 258. Л. 241.

Под давлением армии рухнул в конце июня 1940 г. кабинет Йонаи. Несмотря на изменения во внутренней политике в сторону ультраправого радикализма, наступление в Китае в июле 1940 г. велось японскими военными ограниченно. За три года войны, как определил японский генеральный штаб, японским военным удалось оккупировать 16% территории Китая⁵. Были, наконец, опубликованы близкие к реальным потери японских войск убитыми – 85 800 человек⁶. По мнению японских военных, к июлю 1940 г. общие китайские потери составили около трех миллионов человек⁷.

В августе 1940 г. японские войска проявляли еще более слабую наступательную активность в Китае, то же самое имело место в сентябре 1940 г. Произошедшая в сентябре – начале октября 1940 г. японская оккупация Французского Индокитая имела целью лишить китайскую армию снабжения с Запада.

Если германский военный атташе в Токио пересказывал официальные сводки Военного министерства Японии, то германское посольство в Пекине видело ситуацию в Китае в ином свете. По мнению немецких дипломатов, японские военные в Китае смогли взять под контроль несколько городов и железнодорожных станций, но вся остальная страна находилась под контролем почти миллиона партизан, большинство которых было представлено коммунистами⁸.

В январе 1940 г. Мао Цзедун заявил, что, несмотря на оккупацию Японией территорий Китая с населением в 120 млн человек, Китай не побежден, и его ждет победный триумф [18: 87]. Мнение лидера китайских коммунистов отражало общий взгляд китайцев на войну – японцы сильно уступали по численности населения, что давало Китаю преимущества, о чем китайские националисты говорили еще до инцидента на Мосту Марко Поло [Там же].

В мае 1941 г. происходит малоизвестное сегодня историкам событие: оборона Китая была признана американским правительством жизненно важной для безопасности США [9: 66]. Однако оказание помощи после этой декларации шло очень медленно. Разработанная для Китая военная программа предусматривала в первую очередь переоснащение 30 сухопутных китайских дивизий до современного на то время уровня, но завершение этой программы должно было произойти в конце 1942 г. [Там же: 67]. Эта помощь предусматривалась в рамках «ленд-лиза». Но возникла сложность: Ф. Рузвельт в марте 1941 г. объявил экономическую поддержку Великобритании и Греции как самые важные направления для программы «ленд-лиза» [Там же: 73], в мае 1941 г. ситуация изменилась, но 22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на СССР, и приоритеты в программе помощи странам, борющимся с фашизмом, сместились в Вашингтоне в пользу России [Там же: 73].

⁵ ОКХ – отдел «Иностранные армии Востока»/служба атташе: отчеты и донесения германского военного атташе в Японии о военно-политическом и экономическом развитии Японии, о японо-китайском конфликте ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 258. Л. 251.

⁶ Там же.

⁷ ОКХ – отдел «Иностранные армии Востока»/служба атташе: отчеты и донесения германского военного атташе в Японии о военно-политическом и экономическом развитии Японии, о японо-китайском конфликте ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 258. Л. 250.

⁸ Там же. Л. 267.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ЗОНУ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Практически до начала 1941 г. Имперский генеральный штаб (ИГШ), как и вся армия, колебался в вопросе – куда направить удар, на юг или на север, против СССР. В связи с неопределенностью ситуации с дальнейшим направлением экспансии ИГШ наращивал силы Квантунской армии, доведя ее до 350 000 человек в составе тринадцати дивизий к февралю-марту 1941 г. Когда Германия напала на СССР, ИГШ стал настаивать перед правительством Японии на увеличении Квантунской армии до численности, при которой японцы могли противостоять дальневосточным войскам РККА. Правительство позитивно отреагировало на инициативы ИГШ, который запланировал на июль-август 1941 г. особые учения Квантунской армии, в Маньчжурию отправились дополнительно две дивизии – 51 и 57, – с ними – еще порядка сотни малых армейских частей. Поэтому Квантунская армия быстро возросла до 700 000 человек при поддержке 600 самолетов. Пока шли большие маневры в Маньчжурии (фактически интенсивная подготовка к нападению на СССР), в Токио имели место заседания правительства, на которых выработывалось центральное решение – нападать на СССР или идти на конфликт с США из-за южных территорий. Министр иностранных дел Мацуока настаивал на войне с Советским Союзом, что называлось дипломатично «разрыв с Россией», когда командование флота выступало за фактически войну с США.

15 июля 1941 г. произошло важное событие – нота правительства США по поводу японской инициативы «улаживания конфликта на Дальнем Востоке», под чем понимались уступки со стороны США в китайском вопросе Японии. Ф. Рузвельт ответил категорическим отказом. Выступающий до этого за улучшение отношений с США Мацуока подал в отставку, для него, как и для большинства представителей кабинета, такой шаг Белого дома стал неожиданностью. В отставку ушло все правительство принца Канозэ (последний сохранял свой пост до середины октября 1941 г., надеясь удержать Японию от войны с США), что означало изменение вектора японской экспансии на юг. К тому же, в июле 1941 г. правительство Голландской Индии наложило эмбарго на торговлю нефтью с Японией, что означало одно – Япония долго не смогла бы продолжать войну в Китае без оккупации нефтеносных районов Индонезии [18: 131].

Известный американский военный историк Марк Стилли утверждает, что решение о нападении на Западных союзников правительство Японии приняло уже 2 июля 1941 г. [25: 52–56], что указывает на то, что подготовка нападения на СССР шла безотносительно экспансии в зоне Южных морей на начальном этапе планирования военных операций. Как пишет японский историк Нобуо Тайма, решение о вооруженной экспансии в Южные районы Французского Индокитая было принято на гос. совете уже 25 июня 1941 г. [26: 57]. Но решение от 2 июля 1941 г. было связано все-таки с давлением на императора Хирохито со стороны военных, когда МИД Японии и принц Канозэ стремились избежать войны с США.

После Второй мировой войны высокопоставленный офицер японской разведки Fuijwara Iwaichi (Фудживара Ивайчи) сообщил на допросах, что планы атаковать англичан в Юго-Восточной Азии были у высшего командования императорской армии уже до середины 1941 г. С его слов, подготовка к нападению на СССР была прекращена в июне-июле 1941 г., и именно тогда японское командование задумалось о вторжении непосредственно в Индию, но план захвата Бирмы был разработан уже за год до этого [15: 316].

18 сентября 1941 г. Фудживара Ивайчи получил задание выйти на контакт через военного атташе Японии в Сиаме (Таиланд) с представителями движения за независимость Индии [Там же: 317]. Это был достаточно рискованный шаг, который мог спровоцировать после неминуемой утечки информации усиление подозрений англичан на предмет подготовки Японии атаки на британские владения. Для Лондона это должно было стать сигналом, что Токио сворачивает диалог по урегулированию мирным путем возникшего между Японией и западными демократиями конфликта.

Как указал Нобуо Тайяма, подготовка к войне с СССР была одобрена на имперском совете 2 июля 1941 г., но нападение на Советский Союз ставилось при этом в зависимость от развития военно-политической ситуации, в связи с чем не исключалось, что атаке подвергнутся все-таки британские владения в Азии [26: 57]. Как определил Нобуо Тайяма, большинство представителей кабинета принца Каноз было за экспансию в зону Южных морей, к середине июля 1941 г. в этой связи в правящих кругах Японии созрел план смещения сторонника войны с СССР Мацуоки с его поста министра иностранных дел [Там же]. Правда, речь шла об ограниченной экспансии с целью занятия Южного Французского Индокитая, что японские военные и сделали 28 июля 1941 г., в ответ сначала Британия, а затем США ввели нефтяное эмбарго, что стало окончательным фактором, побудившим японский кабинет инициировать подготовку к войне с Западными союзниками 6 сентября 1941 г. [Там же]. Окончательное решение по поводу вступления Японии в войну с США, Британией и их союзниками было принято 5 ноября 1941 г. после провала дипломатических переговоров с Белым домом [Там же].

Таким образом, в правящих кругах Токио летом 1941 г. сомневались, будет ли большая война с западными демократиями в зоне Южных морей, либо ограниченная экспансия будет «прощена» Японии. В этой связи вполне понятно, почему в июле 1941 г. японский кабинет министров увеличил ассигнования на подготовку к войне с СССР с 200–300 млн йен в год до 1 миллиарда⁹ (это стало следствием решений в императорской ставке 25 июня 1941 г.). Однако из планов финансирования военных мероприятий в Маньчжурии следует, что Квантунская армия была в то время недостаточно подготовлена к борьбе с таким серьезным противником, как Красная армия. Например, численность личного состава дивизий Квантунской армии не со-

ответствовала предвоенному состоянию, количество дивизий рассматривалось как недостаточное, 13 единиц, в ИГШ решили увеличить их до 15. Было сочтено недостаточным количество артиллерийских, саперных, снабженческих частей и подразделений связи. Словом, численность армии в 340 000 солдат и офицеров была сочтена недостаточной для войны против СССР, поэтому Квантунскую армию было принято решение довести до 600 000 человек. Помимо этого, ИГШ собирался перебросить из Японии в Маньчжурию 20 дивизий, поскольку оперативный план войны с СССР подразумевал мобилизацию в общей сложности 35 дивизий¹⁰.

Все подготовительные мероприятия, как следует из протокола допроса бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикосабуро, были выполнены японцами в Маньчжурии к декабрю 1941 г.¹¹ Численность Квантунской армии была доведена до уровня предвоенной готовности к сентябрю 1941 г.¹² У ряда офицеров Квантунской армии были сомнения, что целесообразно начинать боевые действия с Советским Союзом зимой¹³.

15 ноября 1941 г. состоялся новый государственный совет, на котором было принято решение воевать с Британией во взаимодействии с Германией и Италией, поражение Британии было названо на совете главной целью войны. СССР, как считал японский кабинет, мог заключить мир с Германией и в таком случае даже стать союзником «оси», в связи с чем строилось предположение, что Красная армия вторгнется в Индию и Иран [26: 58]. Очевидно, имелось в виду, что СССР в таком случае вытеснит британские войска из Южного Ирана. Таким образом, японский кабинет перестал к середине ноября 1941 г. рассматривать Советско-германскую войну, как конфликт, в ходе которого СССР в скором времени рухнет, вероятно, такое мнение японские политические круги сформировали еще в октябре 1941 г., если не раньше.

На знаменитом военном совете 6 сентября 1941 г. был сделан набросок будущего плана войны. В дальнейшем этот набросок усовершенствовался. 1 ноября 1941 г. вице-начальник ИГШ Тсукада Исао высказал распространенное среди высшего японского командного состава мнение, что наступление в Юго-Восточной Азии способно привести Британию к поражению, что заставит США сесть за стол переговоров и приведет к капитуляции Китая и крушению Советского Союза [Там же: 139], так как Британия, как считали японские штабисты, оттягивала немалые ресурсы нацистской Германии и фашистской Италии от Восточного фронта (учитывая, что государства «оси» в Северной Африке и Эфиопии потеряли более миллиона солдат и офицеров за период 1940–1943 гг., японские военные планировщики были не так далеки от истины). Нанесение США сокрушительного поражения изначально не входило в цели ИГШ, планировалось только

¹⁰ Там же. С. 394.

¹¹ Там же. С. 395.

¹² Там же.

¹³ Протокол допроса бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикосабуро. 28 февраля 1946 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1070. Л. 192–205. Подлинник. Машинопись. Оpubл.: Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. С. 390–396. С. 396.

⁹ Протокол допроса бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикосабуро. 28 февраля 1946 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1070. Л. 192–205. Подлинник. Машинопись. Оpubл.: Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. С. 392.

нейтрализовать на время американские военно-морские силы на Тихом океане, так как завоевание США не представлялась в ИГШ выполнимой задачей [26: 138–139].

Столкновения Японии с Британией желал и Гитлер, в связи с чем приказал В. Кейтелю в начале марта 1941 г. через военного атташе в Токио подтолкнуть японских военных к нападению на Сингапур [Там же: 56]. 29 марта 1941 г. И. Риббентроп настаивал перед министром иностранных дел Японии Мацукой, чтобы японцы атаковали Сингапур, не обращая внимания на советскую угрозу с севера [Там же].

Садао Асада в своей знаменитой монографии про генезис Войны на Тихом океане высказал концептуальную идею, что японское высшее морское командование, осознавая высокие риски в случае нападения на США, все-таки надеялось на победу, так как ситуация на Тихом океане рассматривалась им именно в 1941 г. как наиболее благоприятная, когда в 1943 г., как считали японские адмиралы, у их флота такого шанса уже не будет [8]. По С. Асада, нападение на США было уже детерминировано военно-морской политикой Японии.

Как считает историк Гуо Шаухай, решение напасть на США и Британию было предопределено всем ходом Второй Японо-китайской войны и вмешательством СССР, который помогал Китаю. По его мнению, Япония уже к 1941 г. имела два фронта – китайский и советский – она вынуждена была держать в Маньчжурии большую группировку войск, ожидая столкновения с Красной армией, что было обусловлено вооруженным конфликтом в Китае. В этих условиях Японии стало сильно не хватать ресурсов, особенно стратегического сырья, что и толкнуло Токио к агрессии против США и Британии [24]. Поворотными моментами в японской внешней политике стали военные операции в Китае в 1938 г. и Халхин-Гол, последний показал бесперспективность северного направления экспансии, что привело к победе в японских правящих кругах фракции военно-морского флота, выступавшей за агрессию в зоне Южных морей [Там же].

Как считает японский историк Киоши Айзава, император Хирохито блокировал 6 сентября 1941 г. на совещании глав ведомств с участием начальника ИГШ решение о вступлении в войну с США, точнее он его «заморозил», поэтому у японской армии не оказалось к моменту атаки на Перл-Харбор никакого плана ведения войны [7: 35]. Но это может означать также, что Хирохито все-таки склонялся к «северному решению», не соглашаясь с мнением ИГШ. Однако Киноши Айзава указывает, что в 1938 г. высшие командования армии и флота Японии пересмотрели свою военную доктрину в связи с войной с Китаем, пересмотр свелся к тому, что предполагалось теперь вести войну сразу против СССР, Британии и США, которые могли выступить на стороне Китая. Таким образом, война против США и Британии, в принципе, не исключала в планах японских милитаристов столкновение с Советским Союзом. Однако в ежегодном военном плане Японских вооруженных сил на 1941 г. СССР не фигурирует как вероятный противник (надо понимать, как сторона, которая может вмешаться в Синскую войну). Но 27 июля 1940 г. японское военное руководство несколько скорректировало свой план, расставив приоритеты в пользу Южных мо-

рей, тем не менее, отрицания перспективы конфликта с Советским Союзом не произошло, СССР должен был стать следующим объектом агрессии. 6 июня 1941 г. ИГШ выпустил соображения своих планировщиков в реферативном виде, согласно им, ведение войны против Британии и США было экономически крайне нецелесообразным, поэтому Японии рекомендовалось добиваться своих целей в Южных морях дипломатическим путем. Поэтому японские военные решили ограничиться только вторжением в Южный Индокитай, не ожидая столь резкой реакции США, как полное нефтяное эмбарго. По мнению, Киоши Айзава, отношение Белого дома к Японии изменилось в конце июня 1941 г. в связи с нападением Германии на СССР. В этой связи командующий Японским флотом Исороку Ямамото был категорически против Тройственного пакта (Германия, Италия и Япония), так как он мог резко осложнить отношения с США [Там же: 35–40].

В заключенном 13 апреля 1941 г. советско-японском договоре о ненападении каждая из сторон видела свои преимущества. Для СССР это был способ обезопасить свои дальневосточные рубежи, а для Японии – продлить разработку нефтяных и угольных месторождений на Сахалине и Курилах концессии [26: 57]. На решение нападать или нет на СССР этот договор в Токио однозначно повлиять не мог.

Оккупация Южного Индокитая спровоцировала «замораживание» японских счетов в американских, английских и голландских банках в конце июля 1941 г. 1 августа 1941 г. США ввели нефтяное эмбарго против Японии. Тогда же глава департамента экономического планирования Сузуки Тейчи признал, что Япония должна вступить в войну, потому что ей не хватает ресурсов (имелась ввиду экспансия в зону Южных морей). Начальник департамента снабжения при Морском министерстве Оказакэ Эйкото высказал схожее мнение – Япония не могла продолжать войну в Китае без нефти. Тем временем в Вашингтоне начались переговоры, которые вел посол Японии Намура. За примирение с США выступал принц Каноэ, который после провала переговоров был вынужден подать в отставку 16 октября 1941 г. с поста премьер-министра. Каноэ считал, что ведение войны на два фронта – и против Китая, и против США – очень рискованное предприятие, поэтому он требовал от дипломатов найти формулу примирения с Америкой. Может быть, позиция принца Каноэ взяла бы верх, но вмешался морской министр Шимада Шигетаро, он категорически выступил против эвакуации японской базы с острова Хайнань, чем поставил японскую дипломатию в крайне сложную ситуацию. Но решающим было слово министра финансов Кайя Окинори, который явно дал понять, что вывод войск из Китая (но не Маньчжурии) приведет к потере всего, что японская экономика инвестировала в эту страну [18: 132–134].

Была еще и другая причина решения японского правительства атаковать силы Западных союзников – мероприятия Мак-Артура на Филиппинах, американцы успешно проводили в жизнь десятилетнюю программу усиления обороны этого государства, поэтому японская разведка пришла к выводу, что необходимо не откладывать нападение на США, иначе Филиппины будут очень сложно взять. Этот архипелаг являлся

ключом к Голландской Вест-Индии и ее нефти. По мнению японских военных планировщиков, штурм Филиппин становился невыполнимым при наличии там у американцев группировки ВВС из 400–500 самолетов, фактически там их было вдвое меньше [21: 2, 6]. Таким образом, успей США лучше подготовиться к войне, – и им удалось бы избежать нападения Японии, но в таком случае японская военная машина с большой степенью вероятности повернула бы в 1941 г. против СССР.

Десант на Гавайских островах не рассматривался ИГШ, причиной чему было то, что атака на Перл-Харбор была проектом исключительно Военно-морского генерального штаба, который в свою очередь не был уверен, что американцы тут же после атаки их базы с воздуха не нанесут удар по японским авианосцам своими военно-морскими силами. Правда, главный разработчик этой операции – Исороку Ямамото – был уверен, что американцы не смогут оказать действенное сопротивление, но его взгляды не разделяли многие в высшем военно-морском командовании [25: 49]. Практически в тылу у японской эскадры, атаковавшей Перл-Харбор, был Сайпан, где находилась сильная американская военно-морская база, только после ее захвата японцы могли думать о более глубоких десантных операциях на Тихоокеанском ТВД.

2 августа 1941 г. разведка Квантунской армии сообщила в Токио, что советские силы на Дальнем Востоке вступили в режим радио-тишины [19: 14], что означало одно – СССР вступил тоже в активную фазу подготовки к войне с Японией. Военным атташе в Европе было дано указание – собрать побольше сведений о ситуации на советско-германском фронте, и отправленная в Токио информация содержала данные, отличавшиеся от того, что сообщал нацистский режим японским военным насчет развития наступления против СССР – Германия стояла по-прежнему далеко от победы над Красной армией.

Правда, как следует из обнаруженных после войны американской разведкой документов, японские военные атташе стали активно собирать информацию об СССР еще до начала операции «Барбаросса». 26 мая 1941 г. из японского посольства в Финляндии была послана зашифрованная телеграмма, где указывалось, что, по активно распространяющимся в Финляндии слухам, Германия готовится напасть на СССР в обозримом будущем, но японский военный атташе считал вероятность нападения низкой; при этом указывалось, что из-за малого количества самолетов (финны передали японцам информацию о наличии у РККА 6000 военных самолетов) победа над Германией станет для СССР нелегким делом [27: 5, 26, 25].

Японская разведка была хорошо осведомлена о стратегических мероприятиях Советского Высшего командования на Дальнем Востоке. 13 сентября 1941 г. японский военный атташе в Венгрии сообщал о том, что РККА значительно ослабла в ходе летней кампании, и это практически единственное ставшее после войны доподлинно известное сообщение от японского военного атташе в малой европейской стране о положении Красной армии, которое было явно не в пользу СССР.

6 августа 1941 г. военный атташе Японии в Хельсинки отправил в Токио скупые сведения о положении на советско-финском фронте, о развитии ситуации

на советско-германском фронте практически ни слова [Там же: 27], что указывает на то, что финские военные на то время уже отказывались делиться с японцами той информацией, какую они получали от вермахта.

9 августа 1941 г. ИГШ решил отложить нападение на СССР и сконцентрировать усилия на подготовке к войне с Англо-американским альянсом. Правда, ИГШ видел эту войну только как столкновение с войсками Британии и США в Юго-Восточной Азии. В сентябре 1941 г. ИГШ развернул дополнительно 20-ю армию в Маньчжурии [19: 14–15]. Но при этом в МИДе Японии были убеждены даже в конце сентября 1941 г., что СССР может «рухнуть» в обозримом будущем, поэтому предполагалось, что в таком случае японская армия все-таки двинется на север. В конце августа 1941 г. японский МИД вполне всерьез опасался появления третьей силы в дальневосточных регионах СССР, имелись ввиду США, в Токио тогда предполагали, что американцы под видом поставок военных грузов для СССР введут в регион свои войска. 4 сентября 1941 г. японская резиденция в США получила задание выяснить – насколько действительно американские военные всерьез занимаются вопросом переброски бомбардировочных соединений ВВС США на территорию СССР для удара оттуда по Японии. В то же время, когда ИГШ принял решение прекратить подготовку к нападению на СССР, из Вашингтона в Токио пришла очередная депеша японского посла, в которой сообщалось, что к экономической блокаде Японии присоединяется Британия, это означало оформление в Азии англо-американского анти-японского альянса, с чем в японском посольстве в Вашингтоне связывали намеченную встречу У. Черчилля и Ф. Рузвельта (встреча в Нью-Фаундлэнде). В этом сообщении говорилось о предпринятых американскими военными мерах на Аляске в случае возникновения необходимости оказания прямой военной помощи СССР на Дальнем Востоке, что подразумевало ввод американских войск в регион, так как, по мнению японского посла, США не были готовы допустить оккупацию Советского Дальнего Востока ни Японией, ни Германией. 9 августа 1941 г. японский посол в Вашингтоне прямо намекнул вице-командующему Генерального штаба о том, что Японии следовало бы атаковать СССР, потому что затягивание Советско-германской войны угрожает образованию тройственной коалиции против Японии на Дальнем Востоке [27: 168, 196] (СССР, США и Британия).

15 августа 1941 г. японский посол в США сообщал в свой МИД, что у американских военных и высшего руководства нет уверенности, что СССР выстоит, поэтому поставки самолетов из США в СССР придерживаются, чтобы американские модели не попали в руки немцев в случае коллапса Красной армии. 20 августа 1941 г. МИД Японии сообщил в свое посольство в США, что нет уверенности в каком-либо определенном исходе Советско-германской войны, но ИГШ дал приказ (очевидно, до 20 августа 1941 г.) начать усиление Квантунской армии на тот случай, если Красная армия потерпит поражение от немцев, при таком сценарии в Токио предполагали вторжение американских войск на Советский Дальний Восток, чего японские военные не хотели допустить [Там же: 202, 205] (как официально значителся в японских дипломатических депешах).

Таким образом, ИГШ изменил сам характер подготовки вторжения на Дальний Восток СССР 9 августа 1941 г., но не «заморозил» его.

В планах ИГШ появились новые установки: коллапс Красной армии на советско-германском фронте (только при таком условии Квантунская армия атаковала Советский Союз) и появление на Советском Дальнем Востоке американских военных, в первую очередь речь шла о ВВС США, японцы опасались развертывания американских авиационных баз в регионе. При этом японские военные предполагали, что появление американских баз может произойти не обязательно в случае поражения Красной армии в войне с Германией, но такие события могут предшествовать этому, в связи с чем ИГШ считал нужным до 20 августа 1941 г. направить в Маньчжурию дополнительные силы: в случае появления американских военных формирований на Советском Дальнем Востоке нападение на СССР должно было состояться. ИГШ рассматривал такой сценарий, что после крушения РККА на советско-германском фронте режим Сталина потерпит политическое поражение внутри СССР [27: 205], после чего в Сибири возникло бы проамериканское правительство. В таком случае США брали на свое обеспечение более миллиона советских военнослужащих на Дальнем Востоке и в Забайкалье, в случае отхода на Восток разбитых в Европейской части СССР советских войск количество красноармейцев в Сибири могло вырасти в разы. В данной ситуации возрастала вероятность, что США и Британия объявляли войну Японии, и американцы развертывали в таком случае свои базы ВВС на Советском Дальнем Востоке. Оснащенные и снабжаемые американцами советские войска в сочетании с частями ВВС США на Дальнем Востоке могли создать тяжелое военное положение для Японии в Маньчжурии и Корее.

Ряд соединений Квантунской армии в течение осени 1941 г. был перебросен в Южный Китай и Вьетнам, откуда японцы планировали наступать против британских владений. Были отправлены на юг 51-я дивизия и много малых частей, но нельзя сказать, что к 1 декабря 1941 г. из Маньчжурии в другие регионы империи были передислоцированы крупные силы. Наиболее чувствительными для потенциала Квантунской армии были изъятия авиационных соединений – 5-й авиагруппы, а также 10-й и 12-й авиационных бригад. 8–15 ноября 1941 г. на юг были перебросены принадлежавшие Квантунской армии 45-й полк легких бомбардировщиков и 24-й полк истребителей. Многие отправленные на юг части должны были вернуться в Маньчжурию при благоприятном развитии событий в войне против Англии и США [19: 20, 22, 23].

3 декабря 1941 г. командующий Квантунской армии Томокадзу Матсумура получил в Токио новые инструкции в связи с изменением общей политической ситуации, согласно инструкциям, роль Квантунской армии значительно снижалась в общей системе вооруженных сил Японской империи. ИГШ также решил избежать войны с Советским Союзом, прилагая максимум усилий, пока не будет достигнута победа в войнах с Китаем, США и Британией. Другой причиной решения отложить нападение на СССР было ограничение бюджета, Японская империя бросила большую часть экономических ресурсов на подготовку к войне против Британии

и США. Но в начале 1942 г. в связи с улучшением экономического положения Японии ИГШ вернулся к Маньчжурии, где стали проводиться мероприятия по повышению качества войск. В этой связи в первой половине 1942 г. в Маньчжурию вернулись многие части, отправленные в конце 1941 г. на юг, но они понесли потери в материальной части, которые не могла восполнить военная экономика Японии, так как приоритеты в распределении вооружений были в пользу действующей армии. Кроме того, из авиационных соединений в Маньчжурии была возвращена только основная часть 10-й бригады [Там же: 30].

Тот факт, что 71-я пехотная дивизия была сформирована в первой половине 1942 г. из гарнизонных частей в самой Маньчжурии, указывает на то, что, помимо экономических сложностей, связанных с усилением Квантунской армии, у Японии на то время имелся дефицит личного состава, рекруты и молодые офицеры отправлялись в основном в действующую армию. К 1942 г. Японии удалось сформировать в Маньчжурии две танковые дивизии (фактически зимой этого года они еще находились в стадии формирования), но их основу составили уже бывшие в боях более малые бронетанковые формирования, для чего из Южного Китая были специально перебросены к июню 1942 г. два танковых полка ветеранов. Качество этих дивизий было низким, так как они имели на вооружении старые танки, командование Квантунской армии рассматривало эти дивизии фактически в качестве учебных [Там же 30, 32].

В сентябре 1942 г. в связи с поражениями в Войне на Тихом океане началась переброска частей Квантунской армии на усиление воевавших формирований. В общей сложности только сухопутных войск было отдано Квантунской армией с сентября по декабрь 1941 г. почти 1,3 расчетной дивизии, авиации было отдано меньше, примерно половина бригады. Наиболее болезненной для Квантунской армии была передача в действующую армию частей ПВО, к январю 1943 г. система ПВО Маньчжурии оказалась очень ослабленной [Там же: 33].

Снижение угрозы нападения Японии на СССР в 1941–1942 гг. было также связано с изменением характера войны в Китае. К концу осени 1941 г. армия Китая завершила очередную стадию реформ. К тому же, кардинальным образом изменилась военная ситуация на фронтах Китая, центра тяжести борьбы сместился на юго-запад этой страны в связи со стремлением японского командования отрезать режим Чан Кайши от Бирмы, откуда шли поставки британских вооружений и военных материалов, что потребовало отвлечения значительных ресурсов японской армии от Маньчжурии и приготовлений к нападению на СССР.

Из «Информационной сводки ОКХ о положении войск в японо-китайской войне, стратегический план «Дальний Восток», стратегические задачи следует, что японцев с 7 мая по конец сентября 1941 г. больше занимал Китайский ТВД, нежели подготовка к войне с Советским Союзом, так как стратегические операции японских сил не привели к перелому в войне, и китайская армия оказалась даже в состоянии контрнаступления¹⁴.

¹⁴ ОКХ – отдел «Иностранные армии Востока», отдел III: оперативные сводки ОКХ о японо-китайской войне; стратегический план «Дальний Восток», стратегические задачи. ЦА МО. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 286. Л. 4.

ВЫВОДЫ

Решение Ф. Рузвельта о введении эмбарго было спровоцировано в основном оккупацией японскими военными Южного Индокитая. Помощь со стороны США Китаю не была значительной, чтобы спровоцировать даже летом 1941 г. осложнения в отношениях между Белым домом и Токио. В этой связи Ф. Рузвельт больше руководствовался тем обстоятельством, что Япония менее, чем за год до введения нефтяного эмбарго вступила в Тройственный пакт. Это означает, что политика Белого дома в 1941 г. по отношению к Японии была некоторым образом опосредована нападением Германии на СССР, но не определялась этим фактом напрямую.

Советский фактор занимал одно из центральных мест в японской внешней и военной политике, можно сказать, до 22 июня 1941 г. он являлся для Токио экзистенциальным. СССР оказывал значительную помощь Китаю в его борьбе с японской агрессией. Кроме того, Япония была вынуждена держать в Маньчжурии Квантунскую армию против ВС СССР.

Отказ Японии от нападения на СССР после 22 июня 1941 г. был обусловлен несколькими факторами: неожиданный для официального Токио характер нападения нацистской Германии на Советский Союз, сложная ситуация в японской экономике, вызванная эмбарго со стороны США и их союзников по Антигитлеровской коалиции, давняя тенденция подготовки к вооруженному конфликту с Британией и США, особенно это касается политики военно-морского ведомства Японии.

Сам факт вмешательства США в дела Восточной Азии обусловил нарастание напряженности между Вашингтоном и Токио, что и привело на фоне образования «оси» Рим-Берлин-Токио к вооруженному конфликту между США и Японией.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, на встрече с лауреатами премий в области культуры и искусства 25 марта 2022 года, отметил: американские фильмы и японские учебники истории искажают факты о Второй мировой войне, например, называя США единственными победителями нацизма или стыдливо умалчивая подробности о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Глава Российского государства подчеркнул: «Это началось не вчера». «Как известно – мы хорошо знаем об этом – в Голливуде, например, раз за разом выходили фильмы, в которых единственным победителем нацизма назывались Соединенные Штаты. При этом мужество и героизм, победу Красной армии, которая внесла решающий вклад, – достаточно посмотреть просто на цифры воинских подразделений, которые воевали на восточном фронте, у Германии, – просто взяли и “отменили”». Путин также обратил внимание, что в Японии, например, в день памяти о жертвах атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки «или стыдливо молчат о том, кто же сбросил бомбы на их города, или пишут совсем уже очевидную чушь, мол, это сделали некие абстрактные союзники»¹⁵.

¹⁵ https://tass.ru/obschestvo/14185679?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 12.04.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. История войны на Тихом океане. В 5 тт. / под общ. ред. У. Сэйдзио, Э. Бокуро, Т. Сигэки, Н. Сиро, М. Эйити; под ред. Б.В. Поспелова; пер. с яп. Л.З. Левина, В.И. Родионова, В.И. Шипаева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. Т. IV. Второй период войны.
2. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. М.: Вече, 2011.
3. Кривошеев Г.Ф. и др. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010.
4. Рагозин Д.В. Американо-китайское экономическое сотрудничество во время войны с Японией // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 403. С. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/403/18.
5. ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 258.
6. ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 286.
7. Aizawa K. Japanese strategy in the first phase of the Pacific War // International Forum on War History. Eighth Forum. Tokyo, 2009.
8. Asada S. From Mahan to Pearl Harbor: The imperial Japanese navy and the United States. Annapolis (Md.): Naval Institute Press, 2006.
9. Babb J.G.B. The harmony of Yin and Yank: The American military advisory effort in China, 1941–1951. PhD dis. USA: University of Kansas, 2012. 305 p.
10. Burtness P.S., Ober W.U. Provocation and angst: FDR, Japan, Pearl Harbor, and the entry into war in the Pacific // The Hawaiian Journal of History. 2017. No. 51. Pp. 91–114.
11. Cohen W. American leaders and East Asia, 1931–1938 // American, Chinese, and Japanese perspectives on wartime Asia 1931–1949. Wilmington (Del.): A Scholarly Resources Imprint, 1989.
12. Feis H. The road to Pearl Harbor. Princeton, 1950.

REFERENCES

1. History of the Pacific War. In 5 vols. U. Seidziro, E. Bokuro, T. Sigeki, N. Siro. M. Eiithi (gen. eds.). B.V. Pospelov (ed.). Transl. from Japanese by L.Z. Levin, V.I. Rodionov, V.I. Shipaev. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1958. T. IV. Second period of the war.
2. Koshkin A.A. “Kantokuen” – “Barbarossa” in Japanese. Moscow: Veche, 2011.
3. Krivosheev G.F. et al. The Great Patriotic War without the stamp of secrecy. The book of losses. Moscow: Veche, 2010.
4. Ragozin D.V. American-Chinese economic cooperation during the war with Japan. *Tomsk State University Bulletin*. 2016. No. 403. (In Rus.) Pp. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/403/18
5. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. F. 500. Inv. 12451. Case 258.
6. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. F. 500. Inv. 12451. Case 286.
7. Aizawa K. Japanese strategy in the first phase of the Pacific War. *International Forum on War History. Eighth forum. Tokyo, 2009*.
8. Asada S. From Mahan to Pearl Harbor: The imperial Japanese navy and the United States. Annapolis (Md.): Naval Institute Press, 2006.
9. Babb J.G.B. The harmony of Yin and Yank: The American military advisory effort in China, 1941–1951. PhD dis. USA: University of Kansas, 2012. 305 p.
10. Burtness P.S., Ober W.U. Provocation and angst: FDR, Japan, Pearl Harbor, and the entry into war in the Pacific. *The Hawaiian Journal of History*. 2017. No. 51. Pp. 91–114.
11. Cohen W. American leaders and East Asia, 1931–1938. In: American, Chinese, and Japanese perspectives on wartime Asia 1931–1949. Wilmington (Del.): A Scholarly Resources Imprint, 1989.
12. Feis H. The road to Pearl Harbor. Princeton, 1950.

13. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939. The Far East. Vol. III. Washington (DC): Government Printing Office, 1955. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1939v03/ch8>
14. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1940. The Far East. Vol. IV. Washington (DC): Government Printing Office, 1955. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1940v04/ch3subch5>
15. *Hall S.* Blinded by the rising sun. Japanese military intelligence from the First Sino-Japanese war to the end of World war two. PhD Theses. Australia. University of Adelaide. 2016. 412 p.
16. *Hasegawa T.* Soviet policy toward Japan during World War II // *Cahiers du monde Russe*. 2011. Vol. 52. No. 2-3. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/9333>; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.9333>.
17. *Herzog J.H.* Influence of the United States navy in the embargo of oil to Japan, 1940–1941 // *Pacific Historical Review*. 1966. Vol. 35. No. 3.
18. *Ienaga S.* Japan's last war. World War II and the Japanese, 1931–1945. Canberra: Australian national university press, 1979.
19. Japanese preparations for operations in Manchuria (prior to 1943). Tokyo: Office of the Chief of Military History, Dept. of the Army, 1954. 67 p.
20. *Nakagawa R.* Japan–U.S. Trade and rethinking the point of no return toward the Pearl Harbor // *Ritsumeikan Annual Review of International Studies*. 2010. Vol. 9. Pp. 101–123.
21. Reports of General MacArthur. The campaigns of MacArthur in the Pacific. Vol. I. Washington (DC): Harold K. Johnson, 1966. [CMH Pub. 13-3].
22. *Russett B.M.* No Clear and present danger: A skeptical view of U.S. entry into World War II. New York: Harper and Row, 1972.
23. *Sagan S.D.* The origins of the Pacific war // The origin and prevention of major wars. R.I. Rotberg, T.K. Rabb (eds.). New York: Cambridge University Press, 1989.
24. *Shaohai G.* Japan's War on three fronts prior to 1941 // *Bound Away: The Liberty Journal of History*. 2020. Vol. 3. Iss. 1. URL: <https://digitalcommons.liberty.edu/ljh/vol3/iss1/2>
25. *Stille M.* Yamamoto Isoroku (Command). Osprey Publishing. 2012.
26. *Tajima N.* Tripartite Pact between Japan, Germany and Italy // *International Forum on War History: Proceedings*. 2016.
27. The “Magic” background of Pearl Harbor. Vol. 5. Washington (DC): Government Printing Office, 1977.
28. *Wohlstetter R.* Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford (CA): Stanford University Press, 1962.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 87,58%

Рецензент: Шулу А.А., доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры экономики, управления и права Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт международных экономических связей»

Статья поступила в редакцию 20.03.2022, принята к публикации 27.04.2022

The article was received on 20.03.2022, accepted for publication 27.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермаков Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, магистр технических наук; главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Дальнего Востока Российской академии наук. Москва, Российская Федерация. Author ID 56610014800; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0811-0058>; РИНЦ 319114; E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

Попов Григорий Германович, кандидат экономических наук; ведущий научный сотрудник отдела аспирантуры АО «НИИ «Полус» имени М.Ф. Стельмаха»; старший

ABOUT THE AUTHORS

Ermakov Dmitry Nikolaevich, Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Polit.); Cand. Sci. (Hist.), Professor, Master of Technical Sciences; chief researcher at the Center for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. Author ID 56610014800; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0811-0058>; РИНЦ 319114; E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

Grigory Germanovich Popov, Cand. Sci. (Econ.); senior researcher at the Postgraduate Department JSC “M.F. Stelmakh Polyus Research Institute”; senior researcher at the Center for the Study of Military

научный сотрудник Центра изучения военной экономики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3060-5030>; E-mail: GGPopov2009@mail.ru

Казенков Олег Юрьевич, почетный работник сферы образования РФ; помощник генерального директора по стратегическим коммуникациям АО «Научно-исследовательский институт «Полюс» имени М.Ф. Стальмаха»; заместитель руководителя Центра НТИ «Фотоника» Инженерной академии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8893-4443>; E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Economics of the School of Actual Humanitarian Studies of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under the President of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3060-5030>; E-mail: GGPopov2009@mail.ru

Kazlenkov Oleg Yuryevich, Honorary Worker of Education of the Russian Federation; assistant to the General Director for Strategic Communications at the JSC “M.F. Stelmakh Polyus Research Institute”; Deputy Head at the Center of NTI “Photonics” of the Engineering Academy of the Peoples’ Friendship University of Russia. Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8893-4443>; E-mail: o.kazenkov@gmail.com

23.00.05

Политическая регионалистика. Этнополитика
Political Regional Studies. Ethnic Policy

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-119-126

Конфликт в Сирии в контексте немецких цифровых изданий

П.Ю. Гурушкин^a ©, Е.И. Титовнина^b ©

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

^a E-mail: gurupavel@yandex.ru

^b E-mail: titovnina@toagentstvo.ru

Аннотация. Освещение в прессе военных конфликтов направлено на непосредственное информирование о боевых и конфликтных действиях: войнах, религиозных и этнических конфликтах, специальных операциях. Однако военный конфликт затрагивает все сферы общества, в том числе и медиа, меняя медийный дискурс. Поэтому значительную роль играет то, каким именно образом СМИ представляют проблему конфликта. Военные и политики используют СМИ для распространения тех идей, которые им могут быть выгодны. СМИ превращаются не просто в средство информирования и коммуникации, а становятся полноценными механизмами и инструментами политики. Особенно на это нужно обращать внимание в условиях военного конфликта, ведь большинство средств массовой информации находятся в собственности политической и экономической элиты. Конфликт в Сирийской Арабской Республике являлся одним из основных направлений во внешней политике Германии. Немецкая дипломатия высоко ценит свой вклад в организацию уничтожения химического оружия, финансовой помощи пострадавшему государству. На сегодняшний день, ФРГ на постоянной основе является организатором конференций и переговоров на тему войны в Сирии. **Целью данной работы** является определение смыслового и эмоционального содержания повестки немецких цифровых изданий в контексте военного конфликта в Сирии. Исследование позволило определить ключевые темы, социально-экономические и политические проблемы вокруг конфликта в Сирии, которые посредством СМИ оказали существенное воздействие на общественную повестку Германии.

Ключевые слова: конфликт в Сирии, Башар Асад, медиатизация, цифровые медиа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гурушкин П.Ю., Титовнина Е.И. Конфликт в Сирии в контексте немецких цифровых изданий // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 119–126. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-119-126

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-119-126

The Conflict in Syria in the Context of German Digital Publications

P.Yu. Gurushkin^a ©, E.I. Titovnina^b ©

Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications" of the St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation.

^a E-mail: gurupavel@yandex.ru

^b E-mail: titovnina@toagentstvo.ru

Abstract. Press coverage of military conflicts is aimed at directly informing about combat and conflict actions: wars, religious and ethnic conflicts, special operations. However, the military conflict affects all spheres of society, including the media, changing the media discourse. Therefore, a significant role is played by the way in which the media present the problem of the conflict. The military and

politicians use the media to spread the ideas that may be beneficial to them. The media are becoming not just a means of information and communication, but become full-fledged mechanisms and instruments of politics. It is especially necessary to pay attention to this in the conditions of a military conflict, because most of the media are owned by the political and economic elite. The conflict in the Syrian Arab Republic was one of the main directions in German foreign policy. German diplomacy highly appreciates its contribution to the organization of the destruction of chemical weapons, financial assistance to the affected state. Today, Germany is the organizer of conferences and negotiations on the topic of the war in Syria on a permanent basis. *The purpose of this work* is to determine the semantic and emotional content of the agenda of German digital publications in the context of the military conflict in Syria. The study made it possible to identify key topics, socio-economic and political problems around the conflict in Syria, which through the media had a significant impact on the public agenda in Germany.

Key words: conflict in Syria, Bashar al-Assad, mediatization, digital media

FOR CITATION: Gurushkin P.Yu., Titovnina E.I. The Conflict in Syria in the Context of German Digital Publications. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 119–126. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-119-126

ВВЕДЕНИЕ

Средства массовой информации как один из главных инструментов ведения информационной войны может применяться для манипулирования фактами и создания образов сторон конфликта. При этом, пресса может применять различные приемы, которые формируют представление о военном конфликте, конструируют образ сторон и участников конфликта, в частности широко применяются прайминг и фрейминг, концепция формирования повестки дня и языковые стили. Так, применение различных языковых стилей во время представления темы войны включает:

- 1) *обвинение* – инструмент информационной борьбы, заключающийся в изображении негативного образа противников, указании на их недостатки (например, неуважение к человеческим ценностям; равнодушие к событиям, проблемам гражданского населения и военных; поддержка террористических группировок и тому подобное);
- 2) *добродетели* – используется прессой для представления действий своей страны в зоне конфликта (например, поддержка местного населения; оказание гуманитарной помощи; действия, направленные на урегулирование конфликта и возвращение к мирной жизни, и др.);
- 3) *героизация* – создание в прессе образа стороны конфликта, которую они поддерживают, как героя и освободителя (успешные действия армии; гордость за военных; амнистия боевикам, которые добровольно сдадутся);
- 4) *демонизация* – используется для освещения действий противоположной стороны конфликта, создание образа жестокого убийцы, который не ценит жизни людей и преследует только свои цели (экстремисты; террористы или их союзники и тому подобное);
- 5) *сострадание* – применяется для описания положения мирного населения, используется, чтобы подчеркнуть жестокости противника (обстрелы, в результате которых гибнут люди, в частности дети; страдания населения).

Данные стили широко применяются воюющими сторонами в информационной войне с целью создания позитивного имиджа своей страны и дискредитации противника в глазах граждан и международного сообщества.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения цели исследования был проведен контент-анализ с элементами структурного и содержательного типа, рассмотрена проблема освещения конфликта в Сирии немецкими цифровыми изданиями. В качестве объекта исследования были отобраны публикации, включая статьи, обзоры, заметки и интервью в немецких электронных СМИ *Süddeutsche Zeitung*, *Der Spiegel* и *Handelsblatt* за три основных периода:

- 1) 20.02.2011–20.04.2011 – характер публикаций за несколько недель до конфликта и во время начала восстаний граждан в Сирии;
- 2) 01.03.2016–01.04.2016 – характер публикаций спустя пять лет с начала войны, когда стороны договорились о прекращении боевых действий, а правительственная армия смогла вернуть город Пальмира;
- 3) 01.03.2021–01.04.2021 – характер публикаций спустя десять лет после начала конфликта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Süddeutsche Zeitung

В первый период исследования, с 20 февраля по 20 апреля 2011 г., в *Süddeutsche Zeitung* было опубликовано 50 статей с упоминанием Сирии. С 23 февраля по 24 марта страна лишь упоминалась в материалах, связанных с арабской весной и войной в Ливии. Примечательно, что 15 марта, в день начала протестов, в издании не было ни одной статьи, посвященной этому. Публикации, связанные с начавшимся сирийским конфликтом, появились только спустя девять дней.

Большинство материалов содержали в себе оценку деятельности президента Сирии Башара Асада, правительства и национальной армии. Информация об этом содержалась в 42 публикациях, из которых 26 (61,9%) с негативной тональностью, 14 (33,3%) – с нейтральной, 2 (4,8%) – с позитивной (рис. 1). В 20 статьях имя Башара Асада иногда заменялось словом «диктатор», а рассуждения о его решениях сопровождалась следующими фразами: «Assads Regime treibt Proteste im Blut» («Режим Асада топчет протесты в крови», нем.) [1], «In den Fängen des Assad-Clans» («В лапах клана Асадов», нем.) [2].

Гурушкин П.Ю., Титовнина Е.И.

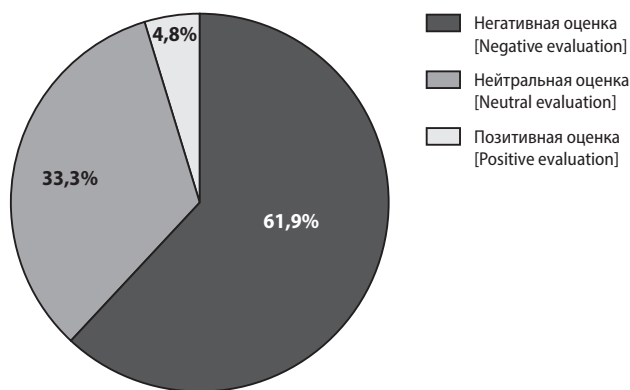

Рис. 1. Оценка деятельности президента Сирии Башара Асада, правительства и национальной армии (публикации в *Süddeutsche Zeitung* в первый период исследования)

Fig. 1. Evaluation of the activities of Syrian President Bashar al-Assad, the government and the national army (publications in the *Süddeutsche Zeitung* in the first study period)

В 38 публикациях содержались данные о количестве жертв за первый месяц протестов.

Далее по частоте упоминаний следует оценка действий оппозиции. Информация об этом содержалась в 30 публикациях, из которых 17 (56,7%) имели нейтральную тональность, 13 (43,3%) – позитивную и 0 – негативную. Чаще всего в материалах освещалось, что оппозиционеры хотят добиться справедливости, уважения со стороны власти к себе и сделать все возможное для комфортной жизни в своей стране «без диктаторского режима». В 10 материалах за выбранный период упоминалась деятельность террористических организаций, преимущественно Аль-Каиды¹. В 5 публикациях содержалась информация об образовании в Сирии, по 6 публикаций затрагивали проблему безработицы и запасы продовольствия. Все материалы имели негативную тональность.

Во второй период исследования, с 1 марта по 1 апреля 2016 г., спустя пять лет после начала войны, в *Süddeutsche Zeitung* было опубликовано 186 материалов, связанных с Сирией. На первый план в статьях выходят темы договоренности конфликтующих сторон о прекращении огня, решения Владимира Путина о выводе российских войск из Сирии, проблемы беженцев и победы сирийской национальной армии над войсками ИГИЛ² с возвращением Пальмиры.

Большинство материалов (109) содержали в себе информацию о беженцах, а немного меньше (71) данные о их количестве. Из 109 публикаций 66 (60,6%) имели нейтральную тональность, 34 (31,2%) – негативную, включая следующие фразы: «Merkel hat keine Flüchtlinge eingeladen» («Меркель не приглашала беженцев», нем.) [3], «Flüchtlingsschmuggel ist zu einer milliardenschweren Branche geworden» («Контрабанда беженцев стала многомиллиардной отраслью», нем.), и 9 публикаций (8,3%) имели позитивную тональность, освещая то, как беженцы приезжают в Германию и становятся врачами или инженерами.

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация.

² Запрещенная в РФ террористическая организация.

Возросло количество материалов, в которых содержалась информация о деятельности террористических группировок. В 68 статьях упоминалась организация ИГИЛ³ ввиду ее разгрома сирийской национальной армией на территории Пальмиры.

Примерно одинаковое количество (28 (52,8%) с негативной тональностью и 25 (47,2%) с нейтральной тональностью) материалов было опубликовано про деятельность Башара Асада и правительственной армии. Президент продолжает критиковаться со стороны немецкого издания, на этот раз в том, что подчинил еще один город своей власти. Статей про оппозицию вышло значительно меньше, 19, из которых 17 (89,5%) с нейтральной тональностью и 2 (10,5%) – с позитивной.

Количество упоминаний о деятельности США также возросло, но стало вдвое меньше, чем о России. Из 40 материалов 6 (15%) имели позитивную тональность, информируя о том, что все силы США направлены на помощь сирийцам и борьбу с ИГИЛ⁴, 3 (7,5%) – негативную, 31 (77,5%) – нейтральную. С их стороны были выдвинуты обвинения о применении химического оружия – 10 упоминаний.

В вопросе образования в Сирии было 25 негативных упоминаний, как и с проблемой безработицы – 39 негативных упоминаний. Освещение информации о запасах продовольствия по-прежнему осталось в публикациях с негативной тональностью, которых было 26.

Упоминание об оказываемой гуманитарной помощи содержалось в 2 статьях (6,5%) с позитивной тональностью, в 15 (48,4%) с негативной, включая информацию, что помощь уходит преимущественно на содержание национальной армии, в 14 (45,2%) с нейтральной тональностью. Лишь в 19 материалах была опубликована информация о количестве жертв.

В третий период, с 1 марта 2021 года по 1 апреля 2021 года, спустя 10 лет после начала конфликта, в *Süddeutsche Zeitung* было опубликовано 47 материалов с упоминанием Сирии. Стоит отметить, что 15 марта, в день десятилетия с момента начала протестов в стране, на эту тему материалов опубликовано не было.

В большинстве публикаций упоминалась тема беженцев. Из 36 статей 3 (8,3%) имели позитивную тональность, говоря о работе сирийских беженцев врачами в Германии, 16 (44,4%) – негативную, поскольку участились случаи убийств жителей Германии беженцами (к примеру, смертельный удар ножом в немца в Дрездене), 17 (47,2%) – нейтральную. Данные о количестве беженцев приводились в 17 материалах.

Статьи про Башара Асада продолжили носить преимущественно негативную тональность в 8 публикациях, нейтральную – в 1. Статьи характеризуются резкими высказываниями в сторону сирийского президента: «Assads teuflisches Kalkül» («Дьявольское исчисление Асада», нем.) [4], «Der Diktator verdankt seine Macht Putins Bomben» («Диктатор обязан своей властью путинским бомбам», нем.). Деятельность оппозиции тоже упоминалась, но всего в 4 (100%) статьях с нейтральной тональностью.

³ Запрещенная в РФ террористическая организация.

⁴ Запрещенная в РФ террористическая организация.

В ходе исследования было выявлено по 9 статей с негативной тональностью по проблемам образования, безработицы и количества запасов продовольствия. Из 10 статей с упоминанием гуманитарной помощи 5 (50%) были с позитивной тональностью, 2 (20%) – с негативной и 3 (30%) – с нейтральной.

Публикации в издании *Süddeutsche Zeitung* в первом исследуемом периоде были преимущественно связаны с деятельностью Башара Асада и национальных войск, с деятельностью оппозиции и содержали данные о количестве жертв.

С самого начала в статьях содержалась жесткая критика по отношению к президенту Сирии, а ключевым словом стало «диктатор».

Тенденция сохранилась и во втором, и в третьем исследуемых периодах, однако эта и приведенные темы стали менее упоминаемы в немецком издании.

На первый план вышла проблема беженцев, поскольку их количество значительно выросло, в том числе на территории Германии.

Во втором периоде участилось количество упоминаний о Владимире Путине и России преимущественно с негативной тональностью, поскольку выдвигались обвинения о помощи Асаду в убийстве мирных жителей, установлению диктатуры в стране, поставке оружия.

Оценка деятельности США приводилась с нейтральной и позитивной тональностью, поскольку усилия страны были направлены на установление справедливости и борьбе с террористическими организациями.

Der Spiegel

В первый период исследования, с 20 февраля по 20 апреля 2011 г., в издании *Der Spiegel* было опубликовано 28 статей, связанных с протестами в Сирии. Стоит отметить, что до 15 марта вообще не было статей с упоминанием Сирии, а в период с 15 по 23 марта выходило по одной краткой новости в день о начавшемся конфликте.

Большинство упоминаний за заданный период было у президента Башара Асада, правительства и правительственной армии. Из 25 статей 17 (68%) имели негативную тональность, 8 (32%) – нейтральную (рис. 2). Журнал критикует Асада, называя его режим «кровавым», а его самого «диктатором» [5]. В одной из статей была размещена информация об осуждении Асада со стороны Барака Обамы.

В 23 материалах сообщалось о количестве жертв за первый месяц протестов и четыре негативных упоминания об образовании в Сирии. Из 14 упоминаний о деятельности сирийской оппозиции 9 материалов имели нейтральную тональность, 5 – позитивную.

Во второй период, с 1 марта по 1 апреля 2016 г., в *Der Spiegel* было опубликовано 94 статьи. Они освещали проблему беженцев, информацию о режиме прекращения огня, выводе российских войск из Сирии и захвате Пальмиры национальной армией Сирии.

Деятельность Башара Асада осталась одной из самых упоминаемых тем – было сделано 59 публикаций. Из них 37 (63,8%) с негативной тональностью, 21 (36,2%) – с нейтральной. В тот момент Германия обвинила Асада в нарушении перемирия, а в журнале появились статьи с заголовками: «Schlimmster Vorfall

in Syrien seit Beginn der Waffenruhe» («Худший инцидент в Сирии с момента начала перемирия», нем.) [6]. Деятельность оппозиционных войск упоминалась 13 раз (2 (15,4%) с положительной тональностью, 11 (84,6%) с нейтральной).

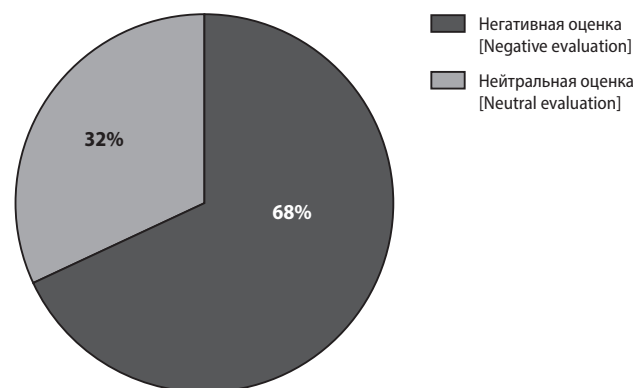

Рис. 2. Оценка деятельности президента Сирии Башара Асада, правительства и национальной армии (публикации в *Der Spiegel* в первый период исследования)

Fig. 2. Evaluation of the activities of Syrian President Bashar al-Assad, the government and the national army (publications in *Der Spiegel* in the first period of the study)

Деятельность США оценивалась с положительной и нейтральной тональностями – 12 (54,5%) и 10 (45,5%) материалов соответственно. 62 материала содержали информацию о террористической организации ИГИЛ⁵, войска которой были разгромлены национальной армией Сирии под Пальмирой.

Информация о беженцах содержалась в 34 статьях, из них 2 (5,9%) с позитивной тональностью и информацией о помощи Германии беженцам, обеспечением их продуктами, 8 (23,5%) с негативной тональностью и осуждением поведения некоторых беженцев, 24 (70,6%) с нейтральной. Данные о количестве беженцев были приведены в 33 материалах, о количестве жертв – в 34.

За данный период было выпущено 19 материалов с негативной тональностью про образование в Сирии, в некоторых из которых местные жители делились, что занятия для учеников проводились в разгромленных школах, а дойти до них бывало опасным для жизни. 32 упоминания в журнале было про проблему безработицы – 27 (84,4%) с негативной тональностью и 5 (15,6%) с нейтральной. Жители делились, что им было тяжело прокормить семью и одним из вариантов спасения было стать беженцами. О запасах продовольствия было опубликовано 19 материалов, из которых 14 (73,7%) – с негативной тональностью и 5 (26,3%) – с нейтральной.

В третий период, с 1 марта по 1 апреля 2021 г., в *Der Spiegel* было опубликовано 32 материала, в которых упоминается война в Сирии.

Снова большинство материалов было связано с критикой деятельности Башара Асада. 20 статей, из которых 18 (90%) имели негативную тональность и 2 (10%) – нейтральную, обвиняли Асада в разжигании кровопролитной войны, несколько статей содержали

⁵ Запрещенная в РФ террористическая организация.

Гурушкин П.Ю., Титовнина Е.И.

фраза: «Bashar wird so viel töten, wie die Welt es zulässt» («*Башар позволит убить столько, сколько мир позволит*», нем.) [7]. 13 раз в текстах статей было упомянуто слово «диктатор» по отношению к президенту, а его режим оценивался как «преступный» [8]. В четырех статьях было 1 (25%) упоминание деятельности оппозиции с позитивной тональностью и 3 (75%) упоминания – с нейтральной.

В 19 публикациях преимущественно с негативной тональностью была затронута проблема беженцев, поскольку в Германии к тому времени участились случаи убийств. Было опубликовано 12 (63,2%) статей на эту тему. 1 (5,3%) материал имел положительную тональность, 6 (31,6%) – нейтральную. Данные о их количестве содержались в 11 статьях, о количестве жертв – в 18. Всего в 2 публикациях из 32 упоминалось о деятельности США, все сообщения имели нейтральную тональность.

В ходе исследования было выявлено по 9 статей с негативной тональностью по проблемам образования и количества запасов продовольствия. Из 9 статей с упоминанием гуманитарной помощи 5 (55%) были с негативной тональностью и 4 (45%) – с нейтральной. Приводились сообщения со словами: «Eine ganze Generation wächst in der Welt der Gewalt» («*Целое поколение растет в мире насилия*», нем.) [9].

Handelsblatt

В первый период в Handelsblatt было опубликовано 46 материалов, затрагивающих конфликт в Сирии. До 23 марта статей о начавшихся протестах не было.

Чаще всего в статьях были упоминания о деятельности Башара Асада, правительства и сирийской национальной армии. Из 36 статей 1 (2,8%) имела позитивную тональность, 15 (55,6%) – негативную и 10 (41,7%) – нейтральную (Рисунок 3). Общая тональность сообщений показывала несогласие издания с позицией Асада, но острых замечаний в его адрес не было. Критика именно президента или правительства приводилась в качестве отсылки на другой источник или на высказывания конкретного человека.

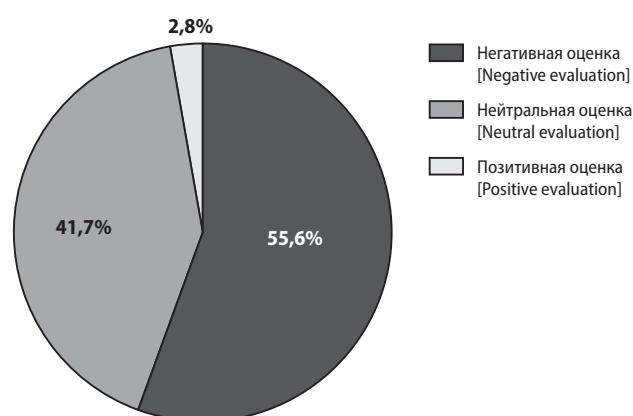

Рис. 3. Оценка деятельности президента Сирии Башара Асада, правительства и национальной армии (публикации в Handelsblatt в первый период исследования)

Fig. 3. Evaluation of the activities of Syrian President Bashar al-Assad, the government and the national army (publications in the Handelsblatt in the first period of the study)

Деятельность оппозиционеров упоминалась в 23 материалах издания, из которых 5 (21,7%) имели позитивную тональность, 1 (4,3%) – негативную и 17 (73,9%) – нейтральную.

В Handelsblatt уже в первый период начались упоминания США. В 9 статьях, 3 (33,3%) из которых имели положительную тональность, а 6 (66,7%) – нейтральную, содержалась критика сирийского руководства американскими политиками.

В 35 материалах были опубликованы данные о количестве жертв.

Во второй период в Handelsblatt было опубликовано 80 материалов, связанных с гражданской войной в Сирии. Издание посчитало пятый год конфликта худшим на тот момент, поскольку воюющие страны продолжали наносить разрушительный ущерб, блокируя все больше регионов Сирии [10]. Статьи, как и за первый период, продолжили иметь преимущественно нейтральную тональность, в них были приведены факты без острой критики участников конфликта, часто в заголовках использовалось наречие «offensichtlich».

Больше всего в статьях упоминалось о деятельности террористических группировок, ИГИЛ и Джебхат ан-Нусра, поскольку силы США и России были направлены на их уничтожение. Также в 2016 г. возросло количество терактов, как в Сирии, так и в странах, которые принимали беженцев. Всего было опубликовано 37 материалов на эту тему.

Возросло количество публикаций о беженцах. В тот момент политика США была направлена на ужесточение правил на их въезд и выезд в другие страны. Также во многих статьях освещалось о тяжелом положении сирийских беженцев на территории Турции, об ожесточенных столкновениях в лагерях, их желании вернуться обратно в Сирию. Из 34 статей 15 (44,1%) имели негативную тональность, 19 (55,9%) – нейтральную. Данные о их количестве были приведены в 15 материалах.

В данном издании, в отличие от предыдущих, позитивных упоминаний о России было примерно столько же, сколько негативных. Было освещено, что не только США усиленно боролись с терроризмом, а еще и Россия: «Russland und USA einigen sich auf gemeinsame Vertreibung des IS aus Syrien» («*Россия и США договариваются о совместном изгнании ИГИЛ⁶ из Сирии*», нем.) [11]. Публикации содержали информацию о высокой оценке госсекретарем США Джоном Керри сотрудничества с Москвой, говоря об их работе как равноправном партнерстве, следствием которого стало снижение насилия на 85–90% [12]. Из 18 упоминаний 4 (22,2%) имели позитивную тональность, 5 (27,8%) – негативную и 9 (50%) – нейтральную.

США упоминались в материалах с преимущественно нейтральной тональностью, были отмечены их успехи в захвате главы ИГИЛ⁷ по химическому оружию. Информация об это содержалась в 16 статьях, из которых 4 (25%) имели позитивную тональность, а 12 (75%) – нейтральную.

⁶ Запрещенная в РФ террористическая организация.

⁷ Запрещенная в РФ террористическая организация.

Количество упоминаний о Башаре Асаде уменьшилось – 4 (37%) публикации имели негативную тональность, 7 (63%) – нейтральную. Упоминания о деятельности оппозиции встречались в статьях, посвященных курдам, желавшим создать свое отдельное государство. Из 8 публикаций 2 (25%) имели негативную тональность, и 6 (75%) – нейтральную. Сократилось число статей, в которых содержались данные о количестве погибших – их было 10. Проблемы запасов продовольствия и безработицы были затронуты в четырех статьях с негативной тональностью. 5 статей содержали данные о том, что Сирия – самое опасное место для детей в мире, а их образование не обеспечивается должным образом.

Спустя десять лет после начала протестов в Сирии, за третий период, в *Handelsblatt* было опубликовано всего четыре материала, связанных с этой темой. Три публикации из четырех лишь косвенно затрагивали сирийский конфликт.

Две статьи были посвящены переговорам России, Франции и Германии, где было упомянуто, что главы государств обсудили Сирию, не приводя конкретной информации, что именно рассматривалось. В третьей статье было упомянуто о переговорах Германии и Турции о новом пакте о беженцах.

Лишь один материал был напрямую связан с войной в Сирии. В ней освещалась информация о намерениях ООН организовать гуманитарную помощь для Сирии в размере 6,4 миллиардов долларов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во всех германских изданиях Сирия за месяц до начала конфликта упоминалась редко, но и после этого активно события начали освещаться только спустя неделю с момента первых протестов жителей. гражданская война в Сирии на протяжении десяти лет является актуальной темой для освещения в немецких СМИ.

Обобщая полученные результаты, можно распределить совокупность тем преобладающих в информационной повестке Германии на две основные группы: политические и социальные.

К политической группе мы отнесли статьи, которые были посвящены отношению к деятельности Башара Асада и правительства, его сторонников, и противников.

Отношение к деятельности Башара Асада и правительства во всех периодах и во всех изданиях было негативным. Вместе с этим и к деятельности России за помощь президенту Сирии. Издания *Süddeutsche*

Zeitung и *Der Spiegel* наиболее резко давали свою оценку сирийскому президенту, обвиняя его в установление диктаторского режима в стране, убийстве мирных жителей и использовании химического оружия. Словом, которым чаще всего называли Асада, было диктатор, а его режим упоминался как кровопролитный, жестокий и беспощадный.

Деятельность оппозиции так же была освещена в материалах изданий. Однако единой позиции по поводу нее в публикациях не было. Большинство статей имели нейтральную тональность. Упоминания о США носили позитивную и нейтральную тональность. В их деятельности часто освещалась помощь в борьбе за прекращение использования химического оружия правительством Сирии и России и с террористическими группировками.

К социальной группе мы отнесли статьи, которые были посвящены в первую очередь проблемам беженцев (Германия находит в пятерку стран по числу приняты беженцев из Сирии), жертвах конфликта и различных социально-гуманитарных проблемах которые возникли и усугубляются в процессе продолжающегося конфликта в Сирии.

Во втором и третьем периодах нашего исследования значимость приобрела проблема сирийских беженцев. Эта тема часто упоминалась в изданиях преимущественно с нейтральной тональностью. Также были приведены данные об их количестве, в третий период таких публикаций стало меньше.

Данные о количестве жертв встречались в большинстве материалов первого периода. Во втором и третьем их стало меньше в обзорах о пятилетии или десятилетии с момента начала конфликта.

Негативную тональность имели публикации на тему образования детей. Они содержали информацию о том, что детям приходится рисковать жизнью по дороге в школу, учиться в разрушенных зданиях или вовсе не учиться из-за боевых действий. Безработица и запасы продовольствия в стране так же были отражены в публикациях с негативной тональностью. Также в них продолжают присутствовать темы, раскрывающие отношение самих сирийцев к войне, их переживания и трудности за время конфликта.

Исследование показало, что для правительства Германии крайне важно было сформировать общественное мнение о политических и дипломатических возможностях, поэтому немецкие ведущие СМИ акцентировали внимание на двух основных направлениях: миротворческие усилия по деэскалации конфликта и положению беженцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lode S.* Regime erstickt proteste in blut // *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/unruhen-in-syrien-scharfschuetzen-positionieren-sich-auf-deraas-daechern-1.1076918> (дата обращения: 01.03.2022).
2. *Chimelli R.* Chimelli in den Fängen des Assad-Clans // *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/syrien-in-den-faengen-des-assad-clans-1.1085541> (дата обращения: 01.03.2022).
3. *Hoben A.* Von der Kanzlerin geehrt, von Vermietern verschmäht // *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/muenchen/wohnungssuche-fuer-fluechtlinge-von-der->

REFERENCES

1. *Lode S.* Regime erstickt proteste in blut. *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/unruhen-in-syrien-scharfschuetzen-positionieren-sich-auf-deraas-daechern-1.1076918> (data of accesses: 01.03.2022).
2. *Chimelli R.* Chimelli in den Fängen des Assad-Clans. *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/syrien-in-den-faengen-des-assad-clans-1.1085541> (data of accesses: 01.03.2022).
3. *Hoben A.* Von der Kanzlerin geehrt, von Vermietern verschmäht. *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/muenchen/wohnungssuche-fuer-fluechtlinge-von-der->

- von-der-kanzlerin-geehrt-von-vermietern-verschmaecht-1.3442214 (дата обращения: 01.03.2022).
4. *Brössler D.* Assads teuflisches Kalkül // *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/meinung/syrien-eu-geberkonferenz-1.5251668> (дата обращения: 02.03.2022).
 5. *Crossland D.* Assad has proven his regime is incapable of reform // *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/the-world-from-berlin-assad-has-proven-his-regime-is-incapable-of-reform-a-759024.html> (дата обращения: 02.03.2022).
 6. Deutschland wirft Assad schweren Bruch der Waffenruhe vor // *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/syrien-berlin-wirft-baschar-al-assad-schweren-bruch-der-waffenruhe-vor-a-1085124.html> (дата обращения: 02.03.2022).
 7. *Reuter Ch.* Reuter looking back at a decade of violence in Syria // *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/syria-ten-years-of-war-looking-back-at-a-decade-of-violence-a-1df451c6-1083-400d-800f-9080ad9a66a8> (дата обращения: 02.03.2022).
 8. Syriens First Lady Asma al-Assad könnte britische Staatsbürgerschaft verlieren // *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/asma-al-assad-syrische-first-lady-koennte-britische-staatsbuergerschaft-verlieren-a-247b2fd0-404b-4482-b4e7-4ae964782e1f> (дата обращения: 02.03.2022).
 9. Zeugnisse aus zehn Jahren Krieg // *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/syrien-zeugnisse-aus-zehn-jahren-krieg-a-72c3210e-e70d-44a3-86ce-4c39bec3cd2b> (дата обращения: 02.03.2022).
 10. Trotz Abzugs bringt Russland mehr Ausrüstung nach Syrien // *Handelsblatt*. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/militaerpraesenz-bleibt-trotz-abzugs-bringt-russland-mehr-ausruestung-nach-syrien/13380354.html> (дата обращения: 02.03.2022).
 11. *Röhlig M.* USA und Russland einigen sich über Syrien. Das sind jetzt ihre Hausaufgaben // *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/syrien-usa-und-russland-einigen-sich-auf-waffenruhe-doch-das-ist-nicht-alles-a-00000000-0003-0001-0000-000000850837> (дата обращения: 02.03.2022).
 12. US-Außenminister Kerry lobt Zusammenarbeit mit Russland // *Handelsblatt*. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/krieg-in-syrien-us-aussenminister-kerry-lobt-zusammenarbeit-mit-russland/13365614.html> (дата обращения: 02.03.2022).
 13. Информация об издании «Süddeutsche Zeitung» (Зюддойче Цайтунг) // *MrTranslate*. URL: <http://mrtranslate.ru/smi/germany/suddeutsche-zeitung/> (дата обращения: 22.01.2022).
 14. *Спицын П.А.* Влияние сирийского конфликта на политические процессы в ближневосточном регионе // *Социально-политические науки*. 2018. № 6. С. 91–96.
 15. *Der Spiegel* // *ИноСМИ*. URL: https://inosmi.ru/spiegel_de/ (дата обращения: 22.01.2022).
 16. Guide to the Syrian opposition // *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218> (дата обращения: 15.01.2022).
 17. *Handelsblatt* // *ИноСМИ*. URL: https://inosmi.ru/handelsblatt_com/ (дата обращения: 22.01.2022).
 18. *Heistein A.* Syria's other foreign fighters: Iran's Afghan and Pakistani mercenaries // *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/syrias-other-foreign-fighters-irans-afghan-pakistani-14400> (дата обращения: 15.01.2022).
 19. Syrian rebels reject interim government, embrace Sharia // *CNN*. URL: <https://edition.cnn.com/2013/09/25/world/meast/syria-rebels/index.html> (дата обращения: 15.01.2022).
 20. The regime digs in // *The Economist*. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56320994> (дата обращения: 15.01.2022).
 21. Using Women to Win in Syria // *Al-Monitor*. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/tr/originals/2013/09/women-fighters-syria-rebels-regime.html> (дата обращения: 15.01.2022).
 22. *Yassin A.S.* The Syrian shabiha and their state – statehood & participation // *Kalamon Magazine*. 2014. No. 5. P. 9.
 - kanzlerin-geehrt-von-vermietern-verschmaecht-1.3442214 (data of accesses: 01.03.2022).
 4. *Brössler D.* Assads teuflisches Kalkül. *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/meinung/syrien-eu-geberkonferenz-1.5251668> (data of accesses: 02.03.2022).
 5. *Crossland D.* Assad has proven his regime is incapable of reform. *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/the-world-from-berlin-assad-has-proven-his-regime-is-incapable-of-reform-a-759024.html> (data of accesses: 02.03.2022).
 6. Deutschland wirft Assad schweren Bruch der Waffenruhe vor. *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/syrien-berlin-wirft-baschar-al-assad-schweren-bruch-der-waffenruhe-vor-a-1085124.html> (data of accesses: 02.03.2022).
 7. *Reuter Ch.* Reuter looking back at a decade of violence in Syria. *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/syria-ten-years-of-war-looking-back-at-a-decade-of-violence-a-1df451c6-1083-400d-800f-9080ad9a66a8> (data of accesses: 02.03.2022).
 8. Syriens First Lady Asma al-Assad könnte britische Staatsbürgerschaft verlieren. *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/asma-al-assad-syrische-first-lady-koennte-britische-staatsbuergerschaft-verlieren-a-247b2fd0-404b-4482-b4e7-4ae964782e1f> (data of accesses: 02.03.2022).
 9. Zeugnisse aus zehn Jahren Krieg. *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/syrien-zeugnisse-aus-zehn-jahren-krieg-a-72c3210e-e70d-44a3-86ce-4c39bec3cd2b> (data of accesses: 02.03.2022).
 10. Trotz Abzugs bringt Russland mehr Ausrüstung nach Syrien. *Handelsblatt*. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/militaerpraesenz-bleibt-trotz-abzugs-bringt-russland-mehr-ausruestung-nach-syrien/13380354.html> (data of accesses: 02.03.2022).
 11. *Röhlig M.* USA und Russland einigen sich über Syrien. Das sind jetzt ihre Hausaufgaben. *Der Spiegel*. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/syrien-usa-und-russland-einigen-sich-auf-waffenruhe-doch-das-ist-nicht-alles-a-00000000-0003-0001-0000-000000850837> (data of accesses: 02.03.2022).
 12. US-Außenminister Kerry lobt Zusammenarbeit mit Russland. *Handelsblatt*. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/krieg-in-syrien-us-aussenminister-kerry-lobt-zusammenarbeit-mit-russland/13365614.html> (data of accesses: 02.03.2022).
 13. Information about the publication of the Süddeutsche Zeitung. *MrTranslate*. URL: <http://mrtranslate.ru/smi/germany/suddeutsche-zeitung/> (data of accesses: 01/22/2022).
 14. *Spitsyn P.A.* The influence of the Syrian conflict on political processes in the Middle East region. *Socio-Political Sciences*. 2018. No. 6. Pp. 91–96.
 15. *Der Spiegel*. *InoSmi*. URL: https://inosmi.ru/spiegel_de/ (data of accesses: 22.01.2022).
 16. Guide to the Syrian opposition. *BBC News*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218> (data of accesses: 15.01.2022).
 17. *Handelsblatt*. *InoSmi*. URL: https://inosmi.ru/handelsblatt_com/ (data of accesses: 22.01.2022).
 18. *Heistein A.* Syria's other foreign fighters: Iran's Afghan and Pakistani mercenaries. *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/syrias-other-foreign-fighters-irans-afghan-pakistani-14400> (data of accesses: 15.01.2022).
 19. Syrian rebels reject interim government, embrace Sharia. *CNN*. URL: <https://edition.cnn.com/2013/09/25/world/meast/syria-rebels/index.html> (data of accesses: 15.01.2022).
 20. The regime digs in. *The Economist*. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-56320994> (data of accesses: 15.01.2022).
 21. Using Women to Win in Syria. *Al-Monitor*. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/tr/originals/2013/09/women-fighters-syria-rebels-regime.html> (data of accesses: 15.01.2022).
 22. *Yassin A.S.* The Syrian shabiha and their state – statehood & participation. *Kalamon Magazine*. 2014. No. 5. P. 9.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 98,92%

Рецензент: *Курюкин А.Н.*, кандидат политических наук; старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований ИС ФНИСЦ РАН

Статья поступила в редакцию 14.03.2022, принята к публикации 26.04.2022

The article was received on 14.03.2022, accepted for publication 26.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурушкин Павел Юрьевич, кандидат политических наук; доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: gurupavel@yandex.ru

Титовнина Елизавета Ильинична, студентка Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: titovnina@toagentstvo.ru

ABOUT THE AUTHORS

Pavel Yu. Gurushkin, Cand. Sci. (Polit.); associate professor at the Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: gurupavel@yandex.ru

Elizaveta I. Titovnina, student at the Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: titovnina@toagentstvo.ru

Лю Сяо, Лю Чжаои

5.5.4

Международные отношения
International Relationships

5.4.5

Политическая социология
Political Sociology

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-127-133

Мягкая сила Китая: культура и спорт

Лю Сяо^a ©, Лю Чжаои^b ©Санкт-Петербургский государственный Университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация^a E-mail: 1298054443@qq.com^b E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

Аннотация. Авторы данного исследования ставят цель выделить особенности мягкой силы именно для современной политики Китая. В качестве примеров анализируется культурная политика и ее специфика, характерная именно для Китая, а также успехи в спортивном направлении, в частности реализация крупнейших спортивных соревнований. Конечно, это только составные части политики мягкой силы, которая проводится государством в последние годы, но именно эти отличия позволяют Китаю добиться целого ряда преимуществ в современном мире и улучшить имидж страны в мире. Эти особенности составляют неповторимость Китая и основываются на уникальном переплетении истории, философии, экономики, устойчивого развития и конечно, культуры и спорта. Выводы, к которым приходят авторы, свидетельствуют о том, что Китай уникальным образом сочетает гуманистическую философию древности и современную экономику и технологию. Так, конфуцианство прекрасно сочетается с современными технологиями и экономическим развитием и высокоуровневым проведением спортивных игр, в организации которых также отражается традиции и современные достижения.

Ключевые слова: мягкая сила, Китай, культурная политика, Олимпийские игры, Конфуцианская культурная политика, спортивные мероприятия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лю Сяо, Лю Чжаои. Мягкая сила Китая: культура и спорт // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 127–133. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-127-133

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-127-133

China's Soft Power: Culture and Sports

Liu Xiao^a ©, Liu Zhaoyi^b ©St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation^a E-mail: 1298054443@qq.com^b E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

Abstract. The authors of this study aim to highlight the features of soft power specifically for China's modern politics. As examples, the cultural policy and its specifics, characteristic of China, as well as successes in the sports field, in particular the implementation of major sports competitions, are analyzed. Of course, these are only components of the soft power policy pursued by the state in recent years, but it is these differences that allow China to achieve a number of advantages in the modern world and improve the country's image in the world. These features make up the uniqueness of China and are based on a unique interweaving of history, philosophy,

economics, sustainable development and, of course, culture and sports. The conclusions reached by the authors indicate that China uniquely combines the humanistic philosophy of antiquity and modern economics and technology. Thus, Confucianism is perfectly combined with modern technologies and economic development and high-level sports games, the organization of which also reflects ambitions and modern achievements.

Key words: soft power, China, cultural policy, Olympic Games, Confucian cultural policy, sports events

FOR CITATION: Liu Xiao, Liu Zhaoyi. China's Soft Power: Culture and Sports. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 127–133. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-127-133

ВВЕДЕНИЕ

Возрастающая экономическая и политическая сила Китая говорит о том, что государство определенно имеет сильное влияние на мировые политические процессы. Не вызывает сомнения, что КНР активно сотрудничает, как с международными организациями, так и государствами. Широкий круг международного сотрудничества говорит о том, что государство «преследует цель не только стать полноценным участником в системе международных отношений, но и быть одним из полюсов многополярного мира [Бажанов, 2007]. Вполне очевидно, что для этого нужно использовать более широкий диапазон инструментов для разработки внешней политики. В этом контексте можно отметить факт, что мягкая сила стала важной частью китайской современной политики и нашла отражение в правительственных программных документах, академических дискуссиях и популярных средствах массовой информации. Еще в 2007 г. на конференции в Сингапуре «Подъем Китая и его мягкая сила» исследователи пришли к выводу, что в Китае «мягкая сила» стала одной из наиболее часто используемых фраз среди политических лидеров, ведущих ученых и журналистов [Mingjiang, 2009]. В отличие от жесткой силы, которая часто включает угрозу и принуждение, мягкая сила применяет притяжение, убеждение и сотрудничество, находя свои источники в культуре, политических ценностях и внешней политике. Рассмотрим эти вопросы с акцентом на две стороны мягкой силы – культуру и спорт и посмотрим, что же создает ту уникальную мягкую силу, которая создает привлекательность государства.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Начнем с вопросов культуры. Следует подчеркнуть, что акцент на культурной политике совершенно не случаен, поскольку Китай обладает большими ресурсами для ее осуществления, включая богатую историю, философию и культуру. И главное, огромный интерес мирового сообщества к этим сторонам развития КНР. Испанский исследователь С.М. Гонсалес Фернандес, говоря о Китае, отмечала, что «культура связана с культурной дипломатией и мягкой силой из-за необходимости сосуществования различных сообществ, территорий и наций в нашей глобальной деревне. Новые технологии и коммуникации делают их ближе с каждым днем. Анализ культурной дипломатии и мягкой дипломатии дает нам инструмент для улучшения международных отношений и достижения целей стран». Культурные

и креативные индустрии формируют массовую модель, которая будоражит сознание с помощью своих коммуникационных моделей и каналов. Культура показывает обществу реалии через истории и выступления. Она выражает проблемы, конфликты и идеологии общества» [González Fernández, 2021]. Очевидно, что подобная политика легла в основу активной роли Китая в принятии 20 октября 2005 года Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (Принята Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры). Согласно документу «Участники стремятся укреплять свое двустороннее, региональное и международное сотрудничество в целях создания условий, способствующих поощрению разнообразия форм культурного самовыражения» [Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, 2005]. Эта конвенция была также принята для того, чтобы узаконить права государств на принятие политики в культурном и творческом секторах, и не только.

Посмотрим, какими активами обладает Китай для реализации своего культурного потенциала. Ряд российских исследователей, в частности А.М. Бобыло, предполагают, что вести отчет мягкой силы Китая следует с древнейших времен и она «была разработана еще древними китайскими мыслителями – Лао-Цзы, Конфуцием, Сунь Цзы – и применялась в области военной мысли, управления государством и воздействия на другие народы более двух тысяч лет. Так, в трактате Сунь Цзы «Искусство войны» содержатся следующие ее стратегемы: «используй мягкие средства, чтобы победить силу», «избегай сильных сторон противника, используй его слабости» [Бобыло, 2014].

Конечно, это хороший базис для мягкой силы, но стоит признать, что теоретические и концептуальные ресурсы, «мягкая сила» получила не только благодаря историческим предпосылкам, но и формированием политической идеи. Последняя была оформлена во многом благодаря деятельности Ван Хунин, который, по мнению ряда экспертов, является «вдохновителем» политических идеологий трех последовательных президентов Китая – Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина. Профессор и политик Ван Хунин отметил, что продвижение позитивного имиджа, культуры, ценностей и идеологии Китая усилит его мягкую силу [Tin Yau, Suyan, 2021]. Об этом, в целом, была его статья «Культура – «мягкая власть» государственной мощи», которая вышла еще в 1993 в Китае [Ван Хунин, 1993]. А в 2007 г. на 17-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая (КПК) Ху Цзиньтао (2007)

Лю Сяо, Лю Чжаою

официально выдвинул необходимость усиления мягкой силы Китая для укрепления его основной конкурентной мощи в глобальном масштабе. В 2014 г. Си Цзиньпин заявил, что Китаю необходимо усилить свою мягкую силу для реализации «китайской мечты», то есть великого возрождения китайского «цивилизационного государства» [Tin Yau, Suyan, 2021].

Важно отметить, что вопросы культурной политики прекрасно сочетаются с разработанной внешнеполитической доктриной, отвечающей необходимым требованиям и продолжает ее совершенствовать, поставив акцент на невоенные методы. Эту доктрину Китая можно назвать платформой для реализации политики «мягкой силы»: она включает в себя ценности, разделяемые мировым сообществом. Китай хочет поставить себя сильным мировым игроком и пытается войти в систему международных отношений в качестве полноценного участника [Гревцова, 2012].

В отличие от Джозефа Ная, большинство китайских ученых считают, что «жесткая сила и мягкая сила неделимы и связаны между собой, тем самым развивая идею о том, что нынешняя китайская модель развития является «источником национальной мягкой силы», с одной стороны, способствующая распространению древней китайской культуры, которая включает в себя народные традиции и конфуцианские морально-этические ценности, а с другой может помочь понять сущность социализма с китайской спецификой.

Эта «китайская особенность» может играть сразу двойную роль – проецировать китайские ценности за рубеж и сохранить свою специфику внутри страны. Российские исследователи В.С. Ким, Я.А. Бохан полагают, что «опираясь на преимущества «мягкой силы», Китай стремится углубить отношения со всеми регионами мира, особенно с развивающимися странами Африки, Южной Америки, Ближнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии» [Ким, Бохан, 2012].

Такие амбициозные планы, несомненно, требуют правильное использование своего потенциала. Даже основоположник концепции Джозеф Най считает, что «наибольшее действие возымеет мягкая сила Китая, лежащая в культурной сфере. Традиционная культура Китая всегда обладала особой притягательностью» [Най, 2013]. По его словам, «На Западе уже давно с интересом относятся к традиционной культуре Китая, а в будущем влияние современной культуры последнего возрастет еще больше. К примеру, Нобелевская премия по литературе в прошлом году досталась китайскому автору, это определенно положительное воздействие. По мере развития современной культуры повышается и значение мягкой силы» [Най, 2013].

Поскольку мы говорим о «Китайских особенностях», то следует отметить, что специфика концепции «мягкой силы» Китая заключается в том, что она базируется на культуре и традициях. Как отмечает бывший премьер Госсовета КНР Вэ Цзябао: «Культурные традиции олицетворяют собой дух государства. Сила государства не может основываться лишь на экономическом потенциале, должны быть учтены уровень культурного развития и также моральные принципы» [Xiaoling, 2021].

Итак, говоря о полной поддержке правительством выбранной модели проведения культурной политики, важно отметить, что же стало ее ключевой особенностью.

Именно конфуцианская культура, являясь мостом распространения международной культурной коммуникации между Китаем и другими странами по всему миру, может похвастаться значительным положением и уникальным преимуществом, а также демонстрирует историческую особенность китайской культуры, моральный кодекс и идеологию благожелательности, сдержанности. Ядро конфуцианской культуры значительно способствует миру во всем мире и создает культурный образ гармонии и доброжелательности государства [Xiaoling, 2021].

Хотелось бы выделить некоторые особенности, которые позволяют именно Конфуцианской составляющей продвигать культуру как мягкой силы Китая. Согласно китайскому исследователю Хиаолингу Лиу можно выделить несколько важных моментов.

1. Большая часть конфуцианской культуры демонстрирует гармонию между человеком и природой, в которой уделяется большое внимание как равному сосуществованию человека и природы, так и равенству между человеком и любым существом. Теория о том, что человек является неотъемлемой частью природы, является конечной целью, которую приобретает конфуцианская культура.
2. Представление о пользе конфуцианской культуры для развития современной экономики. В настоящее время многозначности, эгоизм уже стал системой ценностей, широко принятой обществом, что может привести к упадку этики и морали и феномену извлечения выгоды для себя за счет других. Однако то, что отстаивает взгляд на пользу конфуцианской культуры, заключается в том, чтобы приносить пользу себе, не причиняя никому вреда, например, как мы говорим, «любовь джентльмена к деньгам возвращается с помощью даосизма». Представление о пользе конфуцианской культуры создает прекрасную и здоровую среду для построения гармоничного общества и установления взаимосвязи между пользой и моральным принципом.
3. Ценности жизни конфуцианской культуры для улучшения качества нации. Это воплощение идеологии доброжелательности, которая окажет большую помощь людям, когда они будут иметь дело с межличностными отношениями. Более того, с помощью этого можно улучшить поведение людей и качество жизни всего народа [Xiaoling, 2021].

Таким образом, послание китайской культуры говорит о природе, о гармоничном развитии общества и позитивных сдвигах в экономике. Все это составляет особенность китайской культуры и мягкой силы Китая и не может не быть принятым в западном обществе с подобным набором ценностей.

СПОРТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЯГКОЙ СИЛЫ КИТАЯ

Но не только конфуцианское начало улучшает имидж Китая. Рассмотрим еще один инструмент мягкой силы Китая – спорт. Уже признанный факт, что международные спортивные мероприятия в средствах массовой информации, и особенно Олимпийские игры, можно рассматривать как инструмент по формированию положительного имиджа, Олимпийские игры 2008 г. и Олимпийские игры 2022 г. в Пекине позволили

Китаю продемонстрировать остальному миру свое быстрое экономическое развитие и завоевать уважение и расположение на международном уровне. Они сыграли свою роль и в достижении определенных политических целей и способствовали завоеванию влияния в мировой политике. Нельзя недооценивать роль Олимпийских игр. В какой-то мере, это аналог объединенных наций, но только в спорте. Проанализировав исследования китайских ученых, можно выделить несколько важных элементов проведения крупных международных соревнований, которые улучшают имидж Китая на международной арене.

1. Проведение Олимпийских игр дает шанс продемонстрировать быстрое экономическое развитие остальному миру, завоевать уважение и благосклонность на международном уровне, а также возможностью создать благоприятное освещение в средствах массовой информации по всему миру.
2. Олимпийские игры дают возможность апробации новой стратегии международной коммуникации для Китая.
3. Это способ завоевания международного авторитета и возможность разговора с Западом на его языке.
4. Крупное событие в мировых средствах массовой информации, направленно на то, чтобы донести до всего мира тщательно выстроенный образ Китая. Кроме того, поскольку они представляют собой одно из немногих действительно глобальных медиа-событий, Игры использовались для демонстрации новых технологий и методов производства [Chen, Colapinto, Luo, 2012].

В этом контексте можно согласиться с Сьюзан Браунелл, что «Олимпийские игры стали крупнейшим в мире событием по производству национальной культуры для международного потребления» [Chen, Colapinto, Luo, 2012].

Таким образом мы можем утверждать, что спорт, и в частности, международные спортивные мероприятия можно рассматривать как инструмент стратегии мягкой силы и международных коммуникаций, которую Китай проводит в последние годы. Олимпийские игры являются выражением современной популярной культуры [Chen, Colapinto, Luo, 2012].

Китайский исследователь Цинру Си полагает, что участие в спортивных мероприятиях также связано и еще с одним инструментом мягкой силы – туризмом. Для Китая, пишет он, «индустрия спорта и туризма, по оценкам, представляют собой современные отрасли промышленности, обладающие потенциалом роста и вносящие большой вклад в экономическое развитие, что указывает на то, что развитие индустрии спорта и туризма является неизбежной тенденцией будущего развития» [Qinru, 2014]. Цинру Си также отмечает, что «было установлено, что развитие доходов от туризма и индустрии спорта является важным фактором, влияющим на экономический рост» [Qinru, 2014].

Но не только туризм, является важной составляющей спортивного успеха мягкой силы. Европейский исследователь Вольфрам Манзенрейтер, анализируя Олимпийские игры в Китае делает вывод о том, что «собрание мировых лидеров и высокопоставленных лиц по случаю церемонии открытия в Пекине полностью удовлетворило стремление китайского наро-

да к международному признанию своих достижений и прогресса. Успешные и зрелищные игры стали доказательством не только способностей Китая в организации и управлении «крупнейшим и наиболее сложным, глобальным событием», но и его надежности и незаменимости как члена международного сообщества. Эта оценка перекликается с широко распространенными ожиданиями в Китае и за рубежом перед Пекинскими играми о том, что их проведение окажет сильное влияние на социальные, политические и экономические события в Китае» [Manzenreiter, 2010].

Но также Олимпийские игры опять вернули нас к вопросу о том, что особенная культура Китая является стержнем его мягкой силы. После игр были проведены исследования, которые показали, что «культура составляет основу национального имиджа, ставя идею «Культурного Китая» в центр диалога с международной аудиторией в олимпийском дискурсе» [Manzenreiter, 2010].

Так же Китай проводя международные спортивные мероприятия, может показать миру, что они являются хранителями универсальных норм, и, таким образом, могут привлечь внимание, освещая такие истины, как честная игра, которые имеют универсальную привлекательность [Grix, Lee, 2013]. Еще даже до Игр 2008 г. «отражая общее признание влияния Пекинских игр на формирование имиджа Китая, 61% респондентов участвовавших в компьютерном телефонном опросе среди взрослых немцев за неделю до церемонии открытия, полагали, что Олимпийские игры будут способствовать формированию положительного имиджа Китая» [Manzenreiter, 2010]. Поэтому не удивительно, что когда летом 2008 г. в Пекине состоялись Олимпийские игры, за которыми последовали Паралимпийские игры, то слова президента Международного олимпийского комитета Жака Рогге отразили реальное положение дел. Так, «в своем выступлении на церемонии закрытия Олимпийских игр он заявил, что это мероприятие способствовало укреплению международного взаимопонимания между принимающими странами и другими обществами: «Благодаря этим играм мир узнал больше о Китае, а Китай узнал больше о мире» [Giulianotti, 2015]. Рана Миттер, преподающая китайскую историю и политику в Оксфордском университете, говоря о проведении вторых игр в 2022 г. сказала: «Китай захочет, чтобы Олимпийские игры заложили новую основу для того, чтобы страна снова открылась миру» [Crossley, 2021]. А Ван Хуэйяо, президент Центра «Китай и глобализация», пекинского аналитического центра, сказал, что «демонстрация контроля над вирусом при одновременном предоставлении глобальных развлечений поможет другим странам увидеть прошлые идеологические различия и улучшить имидж Китая» [Crossley, 2021]. Возвращаясь к 2008 г. следует отметить, что он стал переломным моментом во внешней политике Китая и распространения китайской культуры. Мы можем говорить, о том, что игры стали крупной победой мягкой силы. И в их проведении, эмблемах, церемониях открытия и закрытия, мы видим все тот же ключевой компонент мягкой силы Китая, которым «является возрождение китайских традиционных культурных ценностей, основанных на конфуцианстве; и центральное место в наследии конфуцианства занимает ценность гармонии. Гармония рассматривается

Лю Сяо, Лю Чжао

как основополагающая для отношений между людьми и природой, а также между индивидом, семьей и обществом. И с начала 2000-х гг. концепция гармонии использовалась китайским руководством для изменения имиджа Китая как внутри страны, так и за ее пределами» [Chen, Colapinto, Luo, 2012].

Согласно английскому аналитику Сиддхант Хира: «Китай доказал всему миру, что он способен провести экологичное и высокотехнологичное мероприятие, инвестировав 40 миллиардов долларов за четыре года. <...> После игр новое послание Китая звучало так: «теперь мир должен следовать за нами». В то время Олимпийские игры были инструментом спортивной дипломатии для укрепления ее статуса развивающейся сверхдержавы» [Hira, 2021].

Китайские исследователи отмечают, что «наряду с миром и гармонией Олимпийские игры стали демонстрацией научной мощи Китая, продемонстрировав его технологии, талант и мощь для мировой аудитории. Инновационное световое шоу создало прецедент для будущих церемоний открытий» [Chen, Colapinto, Luo, 2012].

Итак, мы можем говорить, что именно проведение крупных спортивных соревнований, не только способствовало распространению и признанию китайской культуры, но и отметило необыкновенную стойкость Китая в период пандемии. Если мы снова обратимся к Сиддхант Хиру, то он отмечал, что «Зимние Олимпийские игры 2022 года в Пекине станут первыми, на которые будут допущены иностранные гости в мире после Covid. Это, безусловно, будет желанным развлечением, как внутри страны, так и во всем мире. Внутри страны это воспринимается как потенциальный крупный успех: 14-й Пятилетний план Китая (2021–2025) предусматривает превращение страны в спортивную державу к 2025 г. в качестве одной из ее долгосрочных целей. Китай хочет использовать Игры, чтобы сфабриковать дипломатическую победу после COVID-19, пригласив мир стать свидетелем из первых рук китайской экономической и мягкой силы на местах. Сегодня Китай сталкивается с кризисом доверия в преддверии Олимпийских игр, который является не только экономическим, но и сочетает в себе военные, политические, правозащитные и демократические проблемы. Китай еще не является глобальной сверхдержавой, но он намного сильнее, чем в 2008 г.; однако теперь у него другая повестка дня зимних Олимпийских игр 2022 г.: перезагрузка его глобального восприятия и восстановление авторитета на фоне COVID-19» [Hira, 2021]. Ситуация с COVID-19 достаточно тяжело отразилась на государстве и стоял вопрос сможет ли Китай восстановить свой имидж до эпохи, предшествовавшей Covid. Успех игр признали и те, кто пытался критиковать Китай. Директор Азиатской программы Института исследований внешней политики Жак Делиль, неоднократно критиковавший Китай, отметил, что «безусловно, Китай вложил значительные материальные и политические ресурсы в Игры 2022 г. Ведется масштабная многолетняя работа по подготовке группы китайских спортсменов, способных преуспеть и побороться за медали в зимних видах спорта. Китай вновь предпринял масштабные строительные проекты для подготовки к Играм, в первую очередь путем

строительства горнолыжных объектов в засушливых и не очень привлекательных районах на периферии принимающего города. Официальные заявления неоднократно связывали Зимние игры 2022 г. с основной целью эпохи Си Цзиньпина – «великим возрождением китайской нации»» [deLisle, 2022].

Конечно, для мягкой силы Китая вторые игры стали большим вызовом. Российские аналитики, подводя итоги игр, отмечали, что «Олимпиада-2022 прошла с коронавирусными ограничениями, а спортсмены и журналистов с положительными тестами изолировали в специальных гостиничных номерах. Дополнительной ложкой дегтя для Китая стал дипломатический бойкот, объявленный рядом государств (США, Великобританией, Австралией, Канадой, Японией, Литвой, Бельгией, Данией и Косово). Официальных представителей этих стран не было на Играх, но их спортсмены все равно принимали участие в соревнованиях» [Егоров, 2022]. Но тем не менее, именно Пекин стал первым городом в мире, где проходили и летние и зимние игры. Он Китай в очередной раз смог представить миру уникальную китайскую культуру. Так, «Эмблема Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 г. в Пекине берет начало из китайской письменности, каллиграфии и образа зимних видов спорта. Китайская нация существует уже 5 тыс. лет. Иероглифы можно назвать генами, которые несут в себе весь культурный код, накопленный за это время. Каллиграфия – тот вид искусства, который идеально представляет Китай. «Зимняя мечта» вдохновлена иероглифом «зима». Он представлен в художественной форме китайской каллиграфии и интегрирован в международный современный стиль. Это выражение обновленного Китая в новую эру – новый образ, новая мечта» [Частичка китайской души, 2022].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги анализу мягкой силы современного Китая хочется отметить, что государство явно следует внешнеполитической доктрине, которая соответствует необходимым требованиям и постепенно совершенствуется, делая акцент на невоенных методах. Данная доктрина Китая – база для реализации политики «мягкой силы», основанная на ценностях, которые разделяет мировое сообщество. Китай хочет заявить о себе как о сильном мировом игроке и пытается войти в систему международных отношений в качестве полноценного участника. Для реализации этой стратегии Китай разработал свою модель своей «мягкой силы», распространяя китайские культурные ценности, а также делая ставку и на других инструментах мягкой силы (в данном исследовании мы также делали акцент и на крупные международные соревнования). Современная китайская модель развития является «источником национальной мягкой силы», что способствует распространению народных традиций и конфуцианских морально-этических ценностей, а также помогает понять сущность Китая и его специфику. Мы также можем говорить о сочетании традиционных конфуцианских ценностей с необыкновенным экономическим и техническим развитием, которые позволяют Китаю реализовывать крупные международные проекты, в частности Олимпийские игры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, говорить о полноценном наборе инструментов, которые использует государство для реализации политики наращивания «мягкой силы» достаточно сложно, но можно выделить те, которые представляют его особенность, и все равно подогревают огромный интерес к Китаю. Таким образом, в Китае это акцент на то, что мягкая сила относится к способности государства получить что-то путем привлечения, но не принуждения, в то время как культурная мягкая сила страны означает, что страна может пользоваться уважением других

благодаря своей долгой истории и особой философии, а также развитой системой которая может продемонстрировать мощь государство и его способность справляться с ситуацией и проводить впечатляющие мир мероприятия, в том числе и спортивные. Все это дает Китаю возможность получить преимущество в международной конкуренции, которое не будет завоевано с помощью гегемонии и вооруженной силы. Иными словами, именно китайские особенности и привлекательность страны помогут ей играть ведущую роль на международной ситуации и вызывать огромный интерес у международной общественности к развитию страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов Е.П. Китай: от Средней империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. 350 с.
2. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №14. С. 129–135.
3. Ван Хунин. Культура – «мягкая сила» государственной мощи // Вестник Фуданьского университета. 1993. № 3. С. 23–28.
4. Гревцова А.Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 313–315.
5. Най Дж. Мягкая сила Китая в китайской мечте // Вэнь Вэй По: Гонконг. 21.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20131221/215796739.html> (дата обращения: 26.02.2022).
6. Егоров Г. Чем запомнилась зимняя Олимпиада в Пекине: главные скандалы и все победы России // Мировое обозрение. 20.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://tehnovar.ru/339254-Chem-zapomnilasy-zimnyaya-Olimpiada-v-Pekine-glavnye-skandaly-i-vse-pobedy-Rossii.html> (дата обращения: 26.02.2022).
7. Ким В.С., Бохан Я.А. Трансформация стратегии «мягкой силы» КНР в современных условиях // Вестник Челябинского гос. ун-та. Политические науки. Востоковедение. 2012. № 12. С. 17–20.
8. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Принята 20 октября 2005 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 26.02.2022).
9. Частишка китайской души. // Известия. 11.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1290029/chastichka-kitaiskoi-dushi> (дата обращения: 26.02.2022).
10. Chen C.C., Colapinto C., Luo Q. The 2008 Beijing Olympics opening ceremony: Visual insights into China's soft power // Visual Studies. 2012. Vol. 27. Issue 2. Pp. 188–195.
11. Crossley G. China looks to Winter Olympics as chance for rare soft power win amid COVID-19, rights concerns // Reuters. Sports news. 03.03.2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-olympics-2022-beijing-idUSKB-N2A30C6> (дата обращения: 26.02.2022).
12. Giulianotti R. The Beijing 2008 Olympics: Examining the interrelations of China, globalization, and soft power // European Review. 2015. Vol. 23. Issue 2. Pp. 286–296.
13. González Fernández S.M. The role of the cultural and creative industries in cultural diplomacy and soft power between China and the European Union // Janus.Net: e-Journal of International Relations. 2021. Vol. 12. Issue 1. Pp. 31–61.
14. Grix J., Lee D. Soft power, sports mega-events and emerging states: The lure of the politics of attraction // Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations. 2013. Vol. 27. Issue 4. Pp. 521–536.

REFERENCE

1. Bazhanov E.P. China: From the Middle Empire to the superpower of the XXI century. Moscow: Izvestia, 2007. 350 p.
2. Bobylo A.M. “Soft power” in international politics: features of national strategies. *Bulletin of the Buryat State University*. 2013. No. 14. Pp. 129–135. (In Rus.)
3. Wang Huning. Culture – the “soft power” of state power. *Bulletin of Fudan University*. 1993. No. 3. Pp. 23–28.
4. Grevtsova A.N. China's soft power as a way to expand its political influence on the ASEAN countries. *Young Scientist*. 2012. No.3. Pp. 313–315. (In Rus.)
5. Nye J. China's soft power in the Chinese dream. *Wen Wei Po: Hong Kong*, 21.12.2013 [Electronic resource]. URL: <https://inosmi.ru/20131221/215796739.html> (date of accesses: 02/26/2022).
6. Egorov G. What the Winter Olympics in Beijing were remembered for: the main scandals and all the victories of Russia. *World Review*. 20.02.2022 [Electronic resource]. URL: <https://tehnovar.ru/339254-Chem-zapomnilasy-zimnyaya-Olimpiada-v-Pekine-glavnye-skandaly-i-vse-pobedy-Rossii.html> (data of accesses: 02/26/2022).
7. Kim V.S., Bohan Ya.A. Transformation of the PRC's “Soft Power” strategy in modern conditions. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Political Sciences. Oriental Studies*. 2012. No. 12. Pp. 17–20. (In Rus.)
8. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Forms of Cultural Expression. Adopted on October 20, 2005 by the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (data of accesses: 26.02.2022).
9. A piece of the Chinese soul. *Izvestia*. 11.02.2022 [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/1290029/chastichka-kitaiskoi-dushi> (data of accesses: 26.02.2022).
10. Chen C.C., Colapinto C., Luo Q. The 2008 Beijing Olympics opening ceremony: Visual insights into China's soft power. *Visual Studies*. 2012. Vol. 27. Issue 2. Pp. 188–195.
11. Crossley G. China looks to Winter Olympics as chance for rare soft power win amid COVID-19, rights concerns. Reuters. Sports news. 03.03.2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-olympics-2022-beijing-idUSKB-N2A30C6> (date of accesses: 26.02.2022).
12. Giulianotti R. The Beijing 2008 Olympics: Examining the interrelations of China, globalization, and soft power. *European Review*. 2015. Vol. 23. Issue 2. Pp. 286–296.
13. González Fernández S.M. The role of the cultural and creative industries in cultural diplomacy and soft power between China and the European Union. *Janus.Net: e-Journal of International Relations*. 2021. Vol. 12. Issue 1. Pp. 31–61.
14. Grix J., Lee D. Soft power, sports mega-events and emerging states: The lure of the politics of attraction. *Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations*. 2013. Vol. 27. Issue 4. Pp. 521–536.

Лю Сяо, Лю Чжаою

15. *de Lisle J.* Beijing's Olympic moments, 2008 and 2022: How China and the meaning of the games have, and have not, changed // Foreign Policy Research Institute. 03.02.2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/02/beijings-olympic-moments-2008-and-2022-how-china-and-the-meaning-of-the-games-have-and-have-not-changed/> (дата обращения: 24.02.2022).
16. *Hira S.* The Beijing Winter Olympics 2022: China's soft reset? // ICS Blog. 23.06.2021 [Electronic resource]. URL: <https://icsin.org/blogs/2021/06/23/the-beijing-winter-olympics-2022-chinas-soft-reset/> (дата обращения: 28.02.2022).
17. *Manzenreiter W.* The Beijing Games in the Western imagination of China: The weak power of soft power // Journal of Sport & Social Issues. 2010. Vol. 34. Issue 1. Pp. 29–48.
18. Soft power: China's emerging strategy in international politics. Mingjiang Li (ed.). Lanham: Lexington Books. 2009. 284 p.
19. *Qinru S.I.* The coordinated development of sports industry and tourism under the perspective of soft power: A case study of Henan Province // Asian Agricultural Research. 2014. Vol. 6. Issue 2. Pp. 39–43.
20. *Tin Yau J.L., Suyan P.* The internationalisation of China's higher education: soft power with "Chinese characteristics" // Comparative Education. 2021. Vol. 57. Issue 2. Pp. 227–246.
21. *Xiaoling L.* How to apply confucian culture to enhance China's cultural soft power based on the analysis of Big Data // Journal of Physics: Conference Series. 2021. Vol. 1744. Issue 4. Art. 042028.

Статья проверена программой Антиплагиат

Рецензент: Маркушина Н.Ю., Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 19.02.2022, принята к публикации 30.03.2022

The article was received on 19.02.2022, accepted for publication 30.03.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лю Сяо, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: 1298054443@qq.com

Лю Чжаою, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Liu Xiao, postgraduate student at the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: 1298054443@qq.com

Liu Zhaoyi, postgraduate student at the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: liuzhaoyie@gmail.com

Институт Конфуция в Санкт-Петербурге как инструмент «мягкой силы» в контексте инициативы «Один пояс, один путь»

Цюй Чан ©

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: st073275@student.spbu.ru

Аннотация. В современном мире процесс глобальной экономической интеграции ускорился, а интеграция стран мира в политической, экономической и культурной областях еще более углубилась. Язык – это не только инструмент общения, позволяющий странам понимать друг друга, но и важный компонент национальной «мягкой силы». Сегодня «мягкая сила» все чаще включается во внешнеполитические стратегии государств, что позитивно воздействует на их внутреннее развитие и способствует распространению своего влияния на другие страны. По мере того, как китайский язык и культура становятся все более популярными за рубежом, интерес к китайскому языку растет и среди россиян. Популяризация китайской культуры и китайского языка в Санкт-Петербурге, втором по величине городе России и центре западной части страны, особенно важна. Для данной работы был выбран Институт Конфуция в Санкт-Петербурге. Основываясь на теоретическом анализе концепции мягкой силы, статья начинается с Института Конфуция как инструмента развития мягкой силы. В ней анализируются возможности и проблемы, с которыми сталкивается Институт Конфуция в Санкт-Петербурге, с помощью методов кейсов, сравнительного анализа и поиска литературы, а затем предлагаются контрмеры для межкультурной коммуникации Института Конфуция в странах вдоль «Один пояс, один путь». Из этого автор делает вывод, что успех Института Конфуция в Санкт-Петербурге неотделим от политической, экономической и культурной поддержки России и Китая, но его развитие также сопровождается проблемами в системах политики и планирования.

Ключевые слова: концепция «мягкой силы», традиции Запада и Востока, ценности Запада и Востока, проблемы межкультурной коммуникации, возможности создания системы мягкой силы в мировой практике, инициатива «Один пояс, один путь», Институт Конфуция, условия и статус, поддержки, предложения по улучшению

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цюй Чан. Институт Конфуция как инструмент «мягкой силы» в Санкт-Петербурге в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 134–148. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-134-148

Confucius Institute in St Petersburg as a Soft Power Tool in the Context of the “One Belt, One Road” Initiative

Qu Chang ©

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: st073275@student.spbu.ru

Abstract. In today's world, the process of global economic integration has accelerated, and the integration of the world's countries in the political, economic and cultural fields has further deepened. Language is not only a tool of communication that allows countries to understand each other, but also an important component of national “soft power”. Today, “soft power” is increasingly included in the foreign policy strategies of states, which has a positive impact on their internal development and contributes to the spread of their influence on other countries. As the Chinese language and culture become more and more popular abroad, interest in the Chinese language is growing among Russians as well. The promotion of Chinese culture and language in St. Petersburg, Russia's second largest city and the center of the western part of the country, is especially important. The Confucius Institute in St. Petersburg was chosen for this work. Based on a theoretical analysis of the concept of soft power, the article begins with the Confucius Institute as a tool for developing soft power. It analyzes the opportunities and challenges facing the Confucius Institute in St. Petersburg through case method, comparative analysis, and literature search, and then suggests countermeasures for the Confucius Institute's intercultural communication in countries along the “One Belt, One Road”. From this the author concludes that the success of the Confucius Institute in St. Petersburg is inseparable from the political, economic and cultural support of Russia and China, but its development is also accompanied by problems in systems and politics.

Key words: the concept of soft power, traditions of the West and the East, values of the West and the East, problems of cross-cultural communication, possibilities of creating a system of soft power in world practice, the “One Belt, One Road” initiative, Confucius Institute, environment and status, support, suggestions for improvement

FOR CITATION: Qu Chang. Confucius Institute as a Soft Power Tool in St Petersburg in the Context of the “One Belt, One Road” Initiative. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 134–148. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-134-148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современных глобализационных условиях значительные изменения происходят в системе межкультурного взаимодействия. Современный культурный диалог характеризуется стиранием пространственно-временных, культурных, языковых барьеров, происходит формирование глобального культурного пространства. В этой связи, с одной стороны, наблюдается обогащение национальных культур, с другой – их унификация. Все это требует применения новых эффективных стратегий. Поэтому особую роль начинает играть использование такого инструмента, как «мягкая сила».

Внедрение «мягкой силы» позволяет достигать поставленных целей, основанных на симпатии к государству и привлекательности технических, научных и культурных достижений. Сегодня «мягкая сила» все чаще включается во внешнеполитические стратегии государств, что позитивно воздействует на их внутреннее развитие и способствует распространению своего влияния на другие страны. «Мягкая сила» активно применяется с целью реализации своих наци-

ональных интересов такими государствами, как США, Китай, Россия и др.

В современном мире процесс глобальной экономической интеграции ускорился, а интеграция стран мира в политической, экономической и культурной областях еще более углубилась. Язык – это не только инструмент общения, позволяющий странам понимать друг друга, но и важная часть национальной «мягкой силы», и сила или слабость языковых навыков станет симптомом силы или слабости страны.

В результате, все большее количество стран уделяет внимание содействию международному распространению своих языков. Национальные профессиональные учреждения по распространению языка и культуры, такие как Гете-Институт, Альянс Франсез, Британский Совет и Центр русского языка, играют все более важную роль в тенденции глобализации.

В последние годы, по мере роста всеобъемлющей национальной мощи Китая, «лихорадка китайского языка» продолжает подниматься по всему миру, и Институты Конфуция, важный институт распространения китайского языка и культуры, постепенно развиваются и растут.

Основной целью данной работы, направленной на Институт Конфуция в Санкт-Петербурге, Россия, является изучение истории и текущей ситуации его развития как одного из средств экспорта «мягкой силы» под руководством Канцелярии Китайской национальной ведущей группы по международному продвижению китайского языка. Она также объединена с китайской инициативой «Один пояс, один путь», а с помощью полевых исследований и поиска в Интернете подробно анализируется основа ее развития и даются рекомендации по ее оптимизации.

Научная новизна статьи заключается в том, что большинство исследований российских и китайских ученых были посвящены только российским Институтам Конфуция, в то время как развитию Института Конфуция в Санкт-Петербурге было посвящено меньше исследований. Автор использовала поиск литературы и другие методы исследования, чтобы понять текущее состояние преподавания в Институте Конфуция в Санкт-Петербурге, включая основу его создания, когда он был основан, область его работы и преподавательский состав. В нем также обобщена и проанализирована имеющаяся информация, представлены преимущества Института Конфуция в Санкт-Петербурге для развития культурной «мягкой силы» в преподавании китайского языка, определены различные ограничения для развития трудностей преподавания в Институте Конфуция и сделаны предложения по оптимизации существующего формата.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Информационная база работы включает разнообразные источники.

В качестве основных источников были использованы двусторонние российско-китайские соглашения, совместные коммюнике и другие материалы, отражающие достигнутый консенсус и очерчивающие новые перспективы российско-китайского сотрудничества. Во-вторых, существуют официальные сайты и социальные сети различных учебных заведений, преподающих китайский язык в Санкт-Петербурге. Автор рассматривала и анализировала статьи экспертов по преподаванию китайского языка, статьи о преподавании китайского языка как иностранного и подробно ознакомилась с книгой Джозефины «Мягкая сила».

Также был проведен поиск литературы, чтобы узнать об основных курсах китайского языка, предлагаемых в школах, используемых учебных материалах и мероприятиях, организуемых в школах, а также изучить развитие преподавания китайского языка в школах. Имеющаяся информация была обобщена и проанализирована, после чего были сделаны выводы.

В статье в основном используются методы кейсов, сравнительного анализа, поиска литературы и методом конкретных ситуаций. Через понимание теоретической основы концепции мягкой силы, исследование фокусируется на представительном Институте Конфуция в Санкт-Петербурге, раскрывая его текущий статус развития, его собственные сильные стороны и проблемы в продвижении мягкой силы, а также возможности и проблемы, с которыми он сталкивается в строительстве «Один пояс, один путь» и распространении китайского языка, чтобы предоставить рекоменда-

ции для устойчивого развития Института Конфуция в Санкт-Петербурге и других Институтах Конфуция вдоль «Один пояс, один путь» в России.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В начале 1990-х гг. профессор Гарвардского университета Джозеф Най разработал концепцию «soft power» или «мягкой силы». Най разделил государственную силу на два вида: hard power («жесткая/твердая сила») и soft power («мягкая сила»). «Жесткая сила» характеризуется навязыванием своего мнения и воли другим странам с учетом применения средств и механизмов экономического и военного плана [1]. Она опирается на использование традиционных ресурсов: территории государства, населения, природных ресурсов, экономики, вооруженных сил.

Развитие теории «мягкой силы» происходило постепенно, начиная с введения концепции мягкой силы в период 1977–1990 гг., который разделяется явным введением концепции «мягкой силы» Наем в 1990 г.; впоследствии Джозеф Най опубликовал книгу «Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике» (2004), которая представляет собой систематическую интеграцию концепции мягкой силы, предложенной в 1990 г., взаимоотношения между мягкой и жесткой силой и т.д., в 2006 г. Най опубликовал статью «Мягкая сила переосмыслена», отвечая на некоторые критические замечания.

С приходом администрации Обамы в США Джозеф Най опубликовал в 2008 г. книгу «The Powers to Lead», в которой он систематически излагает идею «умной силы», разница между «умной» (smart) и «мягкой» (soft) – это слово, но Джозеф Най постоянно размышляет и углубляет идею «мягкой силы»; в 2011 г. Джозеф Най опубликовал книгу «Будущее власти», которая считается «конечным продуктом размышлений Джозефа Наея о власти»; за ней в 2012 г. последовала книга Джозефа Наея «Меняющаяся природа мировой власти», а в 2015 г. – «Закончился ли американский век?» в 2015 г. Но эти работы не сделали большого вклада в развитие идеи «мягкой силы», и большинство из них просто анализируют текущие международные отношения с ранее разработанных идеологических позиций.

«Мягкая сила» представляет собой способность одного государства достигать своих целей, оказывая влияние на действие других и заставляя их действовать в желательном направлении, посредством привлекательности и/или убеждения, а не с помощью принуждения или подкупа» [2]. Она опирается на использование нематериальных ресурсов, культуры, убеждения, образования, привлекательности политической системы. Можно сказать, что «мягкая сила» используется для развития позитивного образа страны за рубежом.

Анализируя текущую мировую ситуацию, Най приходит к выводу, что мировая политика становится все более сложной, в связи с чем «мягкая сила» приобретает гораздо большее значение, в то время как традиционные источники власти становятся менее важными. Ученый говорит, что в век информационно-технологической революции не следует полагаться только на использование методов «жесткой силы».

Цюй Чан

«Мягкая сила» государства включает три главных компонента:

- 1) культура страны (наиболее привлекательные моменты);
- 2) политические ценности, доминирующие в данном обществе (следование этим ценностям во внутренней и внешней политике);
- 3) внешняя политика, осуществляемая данным государством (законность и соответствие морали) [3].

Государства могут использовать «мягкую силу» с помощью материальных или нематериальных средств, например: памятники, книги, храмы, обычаи, законы, знания, языки, книги, фильмы, музыка и образование.

Однако понятие «мягкой силы» остается дискуссионным и неоднозначным. Наибольшие трудности вызывает вопрос поиска методов и способов для ее измерения. Поскольку в настоящее время не существует единой методологии, в каждом конкретном рейтинге используются различные компоненты для анализа мягкой силы.

Например, в рейтинге, составленном независимой благотворительной организацией The Institute for Government, при оценке soft power учитывались такие компоненты, как: культура, политика, бизнес и инновации, политическая система, дипломатия и образование [4].

Таким образом, в основе концепции «мягкой силы» лежит идея о том, что государства могут достигать своих целей не только силовыми методами, но и с помощью привлекательности своей культуры, идеологии, системы ценностей [5]. Впервые данный термин был введен Дж. Наем в 1990 г., однако до сих пор остается дискуссионным. Наибольшие трудности вызывает измерение индекса «мягкой силы». Рассмотрим применение «мягкой силы» в международных отношениях и в Китае в отдельности.

«МЯГКАЯ СИЛА»: ПРИМЕНЕНИЕ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современные исследователи условно делят «мягкую силу» на два компонента: пассивная «мягкая сила» – привлекательность государства с целью понравиться другим странам и активная или деятельная:

- 1) «мягкая сила» как средство продвижения государством своих национальных интересов за рубежом или на международной арене без сопряжения с агрессивными разрушительными действиями в отношении других суверенных государств и угрозами их стабильности и их публичным порядкам;
- 2) «мягкая сила» как средство дестабилизации и дисфункционализации государственного управления и государства в целом, неконституционной смены власти, нанесения необратимого фатального ущерба публичному порядку государства, разрушения государства, превращения государства в дисфункциональное или несостоятельное [6].

Применения «мягкой силы» иногда носит деструктивный характер. Отметим, что механизмы воздействия «мягкой силы» употребляются с нарушением норм международного права. Применение «мягкой силы» включает информационную обработку сознания и манипулирование им, направленные на дестабилизацию

политических режимов. Деструктивный характер применения «мягкой силы» состоит в поддержке политической оппозиции под предлогом защиты прав человека и создании враждебных неправительственных организаций. «Мягкая сила» в данном случае осуществляется с помощью лоббирования губительных законов, негативного воздействия на выборные процессы, применения деструктивных политических технологий.

Явный лидер в политике «мягкой силы» – Соединенные Штаты Америки. Кроме того, сегодня за счет высоких темпов экономического развития актором «мягкой силы» становится Китай. Остановимся на каждом из государств, более подробно. Как известно, политика «мягкой силы» США проводится по двум направлениям: официальному и неофициальному [7].

1. Официальный уровень политики «мягкой силы» – культурная и образовательная экспансия американских ценностей посредством стандартного механизма – регулирование культурной сферы внешней политики. К таким механизмам относятся негосударственные институты: частные филантропические фонды, спонсорские организации, общественные организации.
2. Неофициальное направление политики «мягкой силы» – массовая американская культура как основной источник формирования имиджа Соединенных Штатов – голливудский кинематограф, телепродукция, музыка, СМИ, Интернет и т.п. [8].

В наши дни американскими экспертами понятие «мягкая сила» используется не часто, последние администрации Соединенных Штатов используют так называемую «умную силу» (smart power) – сочетание «жесткой» и «мягкой силы». Данный вектор, как это видно, применялся в отношении таких стран, как Ливия и Сирия.

Далее обратимся к анализу феномена «мягкой силы» стран ЕС. Активное экономическое развитие стран Европейского союза служит основой формирования благополучного имиджа этих стран на Ближнем Востоке. Также особая привлекательность Европы символизируется с приверженностью к демократическим принципам.

Страны ЕС обладают сильной культурной привлекательностью, выраженной в идее пост расового развития общества, что в свою очередь сильно притягивает расположение людей из арабо-исламских стран. Важная роль в этом процессе принадлежит европейскому искусству, литературе, музыке, моде, языку и т.д.

Использование «мягкой силы» ЕС может осуществляться по двум направлениям: в противовес США и напротив, подкреплять американскую «мягкую силу», давая им возможность добиваться своей цели. Как показывает современная ситуация «мягкая сила» ЕС стремится к союзу с военной мощью США.

Вслед за США страны Европейского Союза (ЕС) применяют «мягкую силу» в комбинации с «жесткой силой» с целью достижения своих внешнеполитических целей. Яркий пример применения «жесткой силы» с элементами «мягкой» в странах Ближнего Востока, например, вмешательство НАТО, осуществленное в Ливии в 2011 г. Франция и Англия явились инициаторами этого вмешательства.

Применение «мягкой» и «жесткой силы» ЕС в отношении стран арабо-мусульманского мира, в сущности,

стало поддержкой радикально-исламистских группировок, что вылилось в угрозу для самих стран ЕС [9].

И на протяжении более двух тысячелетий концепция «мягкой силы» последовательно формировалась и развивалась китайскими мыслителями. «Мягкая сила» гармонично вписывается в систему традиционной китайской культуры.

Древняя история Китая и его богатая культура рассматривается большинством китайских экспертов в качестве ценного источника «мягкой силы». Они могут способствовать привлечению не только стран Восточной Азии, с которыми Китай объединяет конфуцианское наследие, но и более широкого международного сообщества [10]. Некоторые исследователи полагают, что традиционные китайские ценности, такие как приоритет человека, гармония между человеком и природой, представления о гармоничном обществе и гармоничном мире, могут обеспечить альтернативу западным ценностям [Там же].

Достаточно легко обнаружить идею «мягкой силы» в работах древних китайских философов. Например, Конфуций считал, что правители не должны прибегать к насильственным методам для достижения своих целей [11]. Кроме того, в конфуцианстве, буддизме и даосизме, учениях, оказавших колоссальное влияние на формирование китайского культурного кода, существуют принципы, провозглашающие превосходство «мягкого» над «жестким». Система ценностей этих религиозно-философских учений основана на представлениях о гармоничном существовании человека.

Книга «Искусство войны», трактат китайского стратега Сунь Цзы, также является «важным шагом в укреплении мягкой силы Китая». Мыслитель считает, что победа в войне, без участия в сражениях, является вершиной воинского искусства. Сунь Цзы утверждал, что «Лучше атаковать разум противника, чем его укрепленные города». Он изображает возможность не силового воздействия на противника.

Джозеф Най также видел связь между мягкой силой и Сунь-Цзы. В 2008 г. он провел связь между мягкой силой и «Искусство войны» Сунь-Цзы в своей новой книге «Сила лидерства», цитируя слова Сунь-Цзы о том, что «война – это провал политики».

Таким образом, китайские исследователи считают, что истоки «мягкой силы» лежат в древнекитайских философских учениях: конфуцианстве, даосизме, буддизме. Если одни авторы считали, что истоки теории лежат в культурных традициях и идеологии, то другие эксперты полагали, что в основе политики «мягкой силы» должны лежать политическая система, политические ценности, политическая мощь государства.

Рассмотрим применение «мягкой силы» КНР. Китай использует различные политические, экономические и культурные инструменты в реализации политики «мягкой силы». Сегодня Китай значительно расширил географию применения данной концепции: от стран Юго-Восточной Азии до Латинской Америки.

Применение политики «мягкой силы» было закреплено в документах Коммунистической партии Китая. Первое официальное заявление о начале реализации концепции «мягкой силы» было сделано на XVII съезде КПК в докладе Ху Цзиньтао в 2007 г. Важным политиче-

ским инструментом китайской внешней политики «мягкой силы» является публичная дипломатия. Используя публичную дипломатию, правительство КНР стремится воздействовать на международное сообщество с целью создать благоприятный образ страны. Стремясь преодолеть негативные последствия идеи «китайской угрозы», КНР стремится показать, что является ответственным членом международного сообщества.

Следует отметить, что США видит риски своим национальным интересам в связи не только с усиливающейся военной и экономической мощью Китая, но и с применением Китаем «мягкой силы».

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОНФУЦИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И СТАТУС

Инициатива «Один пояс, один путь» – это важное стратегическое решение, принятое Центральным комитетом партии с товарищем Си Цзиньпином во главе, в свете глубоких изменений в глобальной ситуации и общей международной и внутренней обстановки. «Один пояс, один путь» не только помогает построить новую систему открытой экономики и сформировать новую модель всестороннего открытия для внешнего мира, но и следует новой тенденции мира во всем мире, развития, сотрудничества и беспроигрышной ситуации, а также отвечает потребностям развития стран и регионов вдоль маршрута, что имеет важнейшее стратегическое значение. Однако, по мере реализации китайского плана «Один пояс, один путь», большинство стран смотрят на инициативы Китая с подозрением, поскольку сталкиваются с угрозами и вызовами со стороны собственной недостаточной культурной силы, культурного империализма и культурной гегемонии.

Для того чтобы преодолеть эту настороженность, необходимы культурные обмены для продвижения «контактов между людьми». По сравнению с осязаемыми политическими контактами, экономическим и торговым сотрудничеством, сила и широта продвижения культурного обмена далека от адекватной. С другой стороны, при строительстве «Один пояс, один путь» необходимо большое количество специалистов и информации, наиболее важными из которых являются переводчики для обеспечения языковой коммуникации, а также источники информации для связи между двумя сторонами для инвестиций и строительства.

Как учебное заведение, представляющее общественный интерес и имеющее миссию преподавания китайского языка и распространения китайской культуры, Институт Конфуция является важной структурой для инициативы и концепции «Один пояс, один путь». Его развитие может обеспечить гуманитарную поддержку «Один пояс, один путь», способствовать контактам между людьми и снижению транзакционных издержек в странах вдоль маршрута посредством распространения языка и культуры, и играет важную роль.

Наряду с китайской инициативой «Один пояс, один путь», обмены между Китаем и Россией в экономической, торговой и культурной областях постепенно усиливаются.

Цюй Чан

С момента подписания Договора о добрососедских отношениях и сотрудничестве в 2001 г. российско-китайские отношения развиваются быстрыми темпами, демонстрируя беспрецедентную волну экономической и торговой зависимости, причем российско-китайское сотрудничество наблюдается в нефтегазовой отрасли, атомной энергетике, транспорте, металлургии, сельском хозяйстве и других основных секторах.

В 2008 г. объем двусторонней торговли между Россией и Китаем достиг 5,5 млрд долларов США [12], а в 2021 г. российско-китайская торговля товарами достигла 146,87 млрд долларов США, впервые в истории превысив отметку в 140 млрд долларов США, увеличившись на 35,9% по сравнению с предыдущим годом, Китай остается главным торговым партнером России 12-й год подряд.

С тех пор структура торговли была еще более оптимизирована: в 2021 г. объем китайско-российской торговли электромеханической продукцией составит 43,4 млрд долларов США, увеличившись на 40,7%, что на 4,8 процентных пункта выше, чем рост двусторонней торговли. Российская компания по онлайн-рекрутингу HeadHunter отмечает, что с 2011 по 2021 г. количество вакансий, связанных с китайским языком, увеличилось в четыре раза [13].

Количество учебных заведений, преподающих китайский язык, также растет, и в будущем будет большой спрос на изучение китайского языка в детских садах, говорит Кондрашевский, заместитель заведующего кафедрой преподавания китайского языка в Московском государственном институте международных отношений. Санкт-Петербург, второй по величине город России, не является исключением [9].

По словам бывшего мэра Санкт-Петербурга Полтавченко, Китай является для Санкт-Петербурга и Северо-Западного федерального округа партнером номер один в области торговли, туризма и недвижимости, а его инвестиционный проект в сфере недвижимости «Балтийская жемчужина» является крупнейшим за всю историю Санкт-Петербурга [7].

В интервью спутниковому информационному агентству мэр Полтавченко сказал, что Санкт-Петербург хочет привлечь китайских инвесторов для участия в транспортных, научных, образовательных, инновационных и других проектах, как, например, предложение мэра Промышленно-коммерческому банку Китая инвестировать в экспресс аэропорта Пулково. Градоначальник подчеркнул позитивное развитие отношений Санкт-Петербурга с Китаем: «Он может быть использован в качестве важного узла для экономической интеграции России и Китая» [14].

В Санкт-Петербурге ежегодно проводится международный экономический форум, который каждый раз привлекает внимание политиков, бизнесменов и исследователей из более чем 100 стран, и Китай стал одним из главных игроков: председатель КНР Ху Цзиньтао, вице-премьер Чжан Гаоли, председатель совета директоров Alibaba Group Джек Ма, председатель Федерации промышленности и торговли Ван Цинмин, директор ICBC Чжан Хунли и вице-президент КНР Ван Цишань приняли участие в мероприятиях форума, а китайско-российское сотрудничество стало неизменной темой форума в Санкт-Петербурге.

Вслед за достижениями высшего уровня взаимодействия не отстает и сотрудничество в других областях: в этом году резко возросло число совместных проектов, реализуемых университетами обеих сторон, включая студенческие обмены, совместное обучение, научные исследования и другие проекты. На этом фоне возникли различные центры обучения китайскому языку, а государственные учебные заведения поспешили предложить курсы китайского языка, китаеведения и т.п.

Министерство образования России сообщает, что в 2011 г. только в государственной школе № 652 города Санкт-Петербурга в качестве первого иностранного языка в средних школах преподавался китайский язык [15]. Китайский язык является обязательным предметом в школе со второго по последний одиннадцатый класс.

В сентябре 2019 г. Алексей Маслов, директор Школы востоковедения Школы мировой экономики и мировой политики ВШЭ, заявил на видео мосте, посвященном 70-летию дипломатических отношений Москва–Пекин: «У нас сегодня в России более 180 университетов преподают китайский язык – это почти 20% университетов России. У нас, по разным подсчетам, от 60 до 80 тысяч человек изучают китайский язык. Изучают, потому что есть огромный интерес и к культуре Китая, и к истории, и, конечно, к деловому взаимодействию с Китаем».

В 2016 г. заместитель директора департамента образования Санкт-Петербурга Дмитриев предложил, что для расширения преподавания китайского языка учащиеся начальной и средней школы Санкт-Петербурга должны иметь возможность изучать этот язык. Ниссенбан, преподаватель китайского языка в средней школе Санкт-Петербурга, считает, что китайский язык не только полезен в бизнесе и туризме, но и может развивать языковые навыки детей, тренировать их память и расширять кругозор [16].

Институт Конфуция стремится удовлетворять потребности людей во всем мире в изучении китайского языка, углублять их понимание китайского языка и культуры, укреплять образовательные и культурные обмены и сотрудничество между Китаем и другими странами мира, развивать дружественные отношения между Китаем и зарубежными странами, содействовать мульти культурному развитию в мире и строить гармоничный мир.

Институт Конфуция осуществляет свою деятельность в следующих областях:

- проведение занятий по китайскому языку;
- подготовка преподавателей китайского языка и предоставление ресурсов для обучения китайскому языку;
- проведение экзаменов по китайскому языку и сертификация преподавателей китайского языка;
- предоставление информации и консультаций по вопросам китайского образования и культуры;
- мероприятия по китайскому и иностранному языку и культурному обмену.

Образование на китайском языке продолжает процветать в России с созданием в 2006 г. первого в России Института Конфуция при Санкт-Петербургском государственном университете. В настоящее время существует 19 институтов Конфуция, 4 класса Конфуция,

а также множество школ, колледжей и университетов, где преподается китайский язык. Институты (классы) Конфуция и другие учебные заведения по изучению китайского языка внесли выдающийся вклад в углубление понимания русскими людьми китайского язы-

ка и культуры и в развитие дружественных отношений между Россией и Китаем. (Приложение: Статистическая таблица сайтов Институтов Конфуция (классов) и экзаменационных центров по китайскому языку по всей России).

Таблица 1

**Система государственных и частных университетов в рамках развития института Конфуция в России
[System of Public and Private Universities in the Development of the Confucius Institute in Russia]**

Принадлежность (консульство) [Affiliation (consulate)]	Институт Конфуция (класс) [Confucius Institute (classroom)]	Официальный сайт [Official site]	Экзамены [Exams]
Генеральное консульство в Москве [Consulate General in Moscow]	Институт Конфуция РГГУ [Confucius Institute RSUH]	https://www.confucius-institute.ru	
	Институт Конфуция при МГУ [Confucius Institute at the Moscow State University]	https://ci-msu.ru	
	Институт Конфуция при Московском государственном лингвистическом университете [Confucius Institute at the Moscow State Linguistic University]	https://ci.linguanet.ru/ https://vk.com/public135811618	HSK HSKK
	Класс Конфуция в средней школе № 1948 г. Москвы [Confucius class at a high school 1948 in Moscow]	https://sch1948uz.mskobr.ru	
	Институт Конфуция при Томском государственном университете [Confucius Institute at the Tomsk State University]	http://confucius.tsu.ru/ https://vk.com/confucius_tsu https://www.instagram.com/confucius_tsu/	HSK HSKK
	Институт Конфуция при Рязанском государственном университете [Confucius Institute at the Ryazan State University]	https://vk.com/ryazanchineseclub	
	Институт Конфуция Волгоградского государственного социально-педагогического университета [Confucius Institute of the Volgograd State Social and Pedagogical University]	http://confucius-vspu.ru https://vk.com/civspu https://www.facebook.com/groups/confucius.vspu/ instagram@civspu	HSK HSKK УСТ
	Институт Конфуция при Калмыцком государственном университете [Confucius Institute at the Kalmyk State University]	https://www.instagram.com/ci_kalmsu https://vk.com/ci_kalmsu	HSK HSKK
Генеральное консульство в Екатеринбурге [Consulate General in Yekaterinburg]	Институт Конфуция при Уральском федеральном университете [Confucius Institute at the Ural Federal University]	https://ci.urfu.ru/ru/	HSK HSKK
	Институт Конфуция при Новосибирском государственном техническом университете [Confucius Institute at the Novosibirsk State Technical University]	https://confucius.nstu.ru https://vk.com/confuciusnstu	HSK HSKK
	Институт Конфуция при Новосибирском государственном университете [Confucius Institute at the Novosibirsk State University]	https://www.nsu.ru/n/chinese-center/ https://vk.com/ccnsu	
	Трансляция «Класса Конфуция» Управлением культурного обмена Национального университета профессионального образования [Broadcast "Confucius Class" by the Office of Cultural Exchange of the National University of Vocational Education]	http://china-ekb.ru/	HSK

Принадлежность (консульство) [Affiliation (consulate)]	Институт Конфуция (класс) [Confucius Institute (classroom)]	Официальный сайт [Official site]	Экзамены [Exams]
	Институт Конфуция Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева [Confucius Institute of the Krasnoyarsk State Pedagogical University after named V.P. Astafieva]	confucius.kspu.ru https://vk.com/confucius_kspu	
Генеральное консульство в Казани [Consulate General in Kazan]	Институт Конфуция при Казанском федеральном университете [Confucius Institute at the Kazan Federal University]	https://kpfu.ru/ci	
	Институт Конфуция при Нижегородском государственном лингвистическом университете [Confucius Institute at the Nizhny Novgorod State Linguistic University]	https://lunn.ru/page/institut-konfuciya https://vk.com/confucius_lunn	HSK HSKK
	Класс Конфуция в средней школе № 2 г. Перми [Confucius class in secondary school No. 2 in Perm]	http://himnasy2.perm.ru/east_center/news/	HSK HSKK
Генеральное консульство в Санкт-Петербурге [Consulate General in St. Petersburg]	Институт Конфуция при Санкт-Петербургском государственном университете [Confucius Institute at the St. Petersburg State University]	https://www.ci.spbu.ru	HSK HSKK
	Класс Конфуция в Институте восточных языков и культур «Конфуций» в Санкт-Петербурге [Confucius class at the Institute of Oriental Languages and Cultures “Confucius” in St. Petersburg]	http://schoolconfucius.ru/	HSK
Генеральное консульство в Иркутске [Consulate General in Irkutsk]	Институт Конфуция при Иркутском государственном университете [Confucius Institute at the Irkutsk State University]	http://www.confuci.irkutsk.ru http://www.confuci.baikal.ru	HSK HSKK
	Институт Конфуция при Бурятском государственном университете [Confucius Institute at the Buryat State University]	https://ci-bsu.ru/	HSK HSKK
Генеральное консульство в Хабаровске [Consulate General in Khabarovsk]	Институт Конфуция при Благовещенском государственном педагогическом университете [Confucius Institute at the Blagoveshchensk State Pedagogical University]	http://sinocenter.ru	HSK
	Институт Конфуция при Амурском государственном педагогическом гуманитарном университете [Confucius Institute at the Amur State Pedagogical Humanitarian University]	http://ciamgpgu.ru.chinesecio.com/	HSK
Генеральное консульство во Владивостоке [Consulate General in Vladivostok]	Институт Конфуция при Дальневосточном федеральном университете [Confucius Institute at the Far Eastern Federal University]	http://www.confucius.dvfu.ru	HSK HSKK

Развитие Институтов Конфуция в России и Китае не осталось без внимания в разгар бушующей эпидемии коронавируса. 29 октября 2021 года успешно прошел онлайн-совет Института Конфуция при Санкт-Петербургском государственном университете

в России, среди российских участников были проректор Санкт-Петербургского государственного университета профессор Сергей Андрушин, заведующий восточным факультетом, китайский и зарубежный директора Института Конфуция.

На заседании совета Сергей Андрушин высоко отозвался о развитии Института Конфуция в Святом университете в 2020 г., подтвердил усилия обоих университетов в этом процессе и выразил благодарность Столичному нормальному университету за многолетнюю поддержку. Кроме того, стороны обсудили стратегии будущего развития Института Конфуция и провели углубленный обмен мнениями о других возможностях сотрудничества на межшкольном уровне, таких как разработка совместных китайско-иностранных образовательных программ и совместная подготовка дипломированных специалистов по китайскому языку.

Совет Института Конфуция как платформа для общения и обмена мнениями призван дать возможность членам Совета понять прогресс, достижения и проблемы работы Института Конфуция в текущем году, а также обсудить приоритеты и направления работы на следующий год. Эта конференция имеет большое значение для бесперебойной работы Института Конфуция в Санкт-Петербургском государственном университете после его передачи и для устойчивого развития Института Конфуция в новую эпоху.

Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета является базой для строительства Института Конфуция. Преподаватели Института Конфуция в Санкт-Петербурге – это преподаватели восточного факультета Государственного университета, все они являются знатоками китайского языка и синологами. Это основная причина, по которой студентов из Санкт-Петербурга привлекает обучение в Институте Конфуция. В Институте Конфуция работают в общей сложности 19 преподавателей, из которых 4 китайца и 15 русских.

Институт Конфуция уникален тем, что одной из его главных особенностей является то, что в нем преподают в основном российские преподаватели. Институт Конфуция – это трехлетняя программа. На первом и втором курсах занятия ведут русские преподаватели, а на последнем курсе – преподаватели-носители китайского языка.

На сегодняшний день обучение китайскому языку в России организовано следующими учреждениями: общеобразовательные школы, университеты, частные школы китайского языка, а также институты Конфуция и классы Конфуция. Ситуация в Санкт-Петербурге такая же, как и с учебными заведениями, изучающими китайский язык.

Однако следует отметить, что Санкт-Петербург относится к западной части России и преподавание китайского языка здесь не так развито, как на востоке, что связано с близостью к Китаю. В западной части России, где китайский язык является относительно новым иностранным языком, существует нехватка квалифицированных преподавателей в петербургских учебных заведениях китайского языка.

Именно поэтому Институты Конфуция и классы Конфуция обладают выдающимся преимуществом в преподавании китайского языка в Санкт-Петербурге. В Санкт-Петербурге, как крупном городе, высок спрос на изучение китайского языка, поэтому здесь также появилось большое количество частных школ китайского языка. Частные школы китайского языка, с другой стороны, страдают от нестабильного преподавательского

состава, отсутствия талантливых людей, недостатка преподавателей-носителей китайского языка, отсутствия возможностей для обучения студентов за рубежом и отсутствия юридически действительных сертификатов – все это неизбежные проблемы для частных школ китайского языка. Однако у него, несомненно, есть свои преимущества, поэтому многие петербургские китайские школьники сегодня также выбирают частные китайские школы.

УСЛОВИЯ ПОДДЕРЖКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОНФУЦИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Рассмотрим некоторые условия развития института в России.

1. Условия политической поддержки

Политика является одним из ключевых элементов, составляющих «мягкую силу». В политике открытости внешнему миру основным проявлением мягкой силы является политика публичной дипломатии, которая включает в себя международное видение, отстаиваемое государством, и конкретную внешнюю политику. Грамотная внешняя политика может значительно усилить «мягкую силу» страны. Например, реализация инициативы «Один пояс, один путь», которая включает в себя большое количество беспроигрышных для всех видов сотрудничества, продемонстрировала искренность и усилия Китая и завоевала признательность и поддержку стран, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь».

Многолетняя внешняя политика Китая, основанная на принципах мира, честности и дружбы, сделала многое, чтобы развеять любые сомнения международного сообщества в отношении подъема Китая. Поэтому внешняя политика не только оказывает значительное влияние на экономическую обстановку, международную политику и популярность Китая в международном сообществе, но и призвана «непосредственно влиять на внутривластную обстановку, экономическое развитие и социальный прогресс страны».

Поддержка политики является основной гарантией развития. Сильная поддержка национальной политики является основной гарантией гуманистического международного обмена и развития зарубежной экономики.

С резким развитием Китая в последние десятилетия и усилением его влияния на международной арене китайские руководители ставят на повестку дня вопрос о «мягкой силе» страны. Отмечается, что IV Пленум ЦК КПК (Центральный комитет коммунистической партии Китая) 16-го созыва (сентябрь 2004 г.) поставил задачу проекции китайской культуры вовне: «Укреплять комплексную силу культуры Китая. Продвигать китайскую культуру, еще лучше выходить в мир, повышать ее международное влияние». Отмечалось упоминание термина «мягкая сила» в докладе ЦК 17-го съезда КПК. Для реализации политики «мягкой силы» с 2002 г. Китай начал создавать за рубежом центры по продвижению китайского языка и культуры, с 2004 г. получивших название Институты Конфуция. В России первый Институт Конфуция появился в 2007 г. [17].

Цюй Чан

В последние несколько лет идет активное продвижение русского языка и культуры в Китае, и китайского языка и культуры на территории РФ. В 2003 г. было подписано «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации» [1: 67]. Стороны поощряют повышение качества преподавания русского языка в Китае и китайского языка в России и увеличению числа изучающих эти языки, учитывая при этом пожелания родителей, школьников и студентов. Данное Соглашение отвечает целям дальнейшего повышения важности изучения китайского языка в России и русского языка в Китае. Данное соглашение является важным межгосударственным документом, который регламентирует обучение китайскому и русскому языку на современном этапе, а также придает новый импульс изучению русского языка в Китае.

Санкт-Петербургский институт Конфуция открылся на базе Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, главой института стал декан факультета Евгений Зеленев. Китайская сторона инвестирует в проект \$150 тыс. [18]. И проект «Институт Конфуция в Санкт-Петербургском государственном университете» реализуется при содействии Китайского государственного комитета по распространению китайского языка за рубежом (штаб-квартиры Институтов Конфуция).

Во второй половине 1990-х гг. китайско-российские отношения поднялись от статуса «взаимно дружественных стран» до «конструктивного партнерства». К «стратегическому партнерству на основе равенства и доверия в XXI в.». Позиции Китая в российской внешней политике растут с начала века. Подписание Договора о добрососедских отношениях и сотрудничестве между Россией и Китаем ознаменовало новый этап в отношениях между двумя странами. Очевидно, что политическое взаимное доверие между Китаем и Россией растет, и Институт Конфуция в России, безусловно, будет полностью обеспечен, что закладывает прочную основу для будущего развития Института Конфуция.

2. Условия культурной поддержки

Культура является одним из основных элементов национальной «мягкой силы». Культура – это весь менталитет региональной группы, культурные образования, идеологии, ценности и способы поведения, созданные и разделяемые группами, живущими в данном регионе. Культурная мягкая сила – это своего рода невидимое и мягкое влияние, притяжение, убеждение и проникновение, которое может произвести сильное чувство идентичности и привлекательности, культурная дипломатия – это распространение и передача культурных ценностей и убеждений, Страна может выйти на мировой уровень и влиять на других через свою культуру. В новом веке экономическое развитие все больше зависит от поддержки культуры, и культурный фактор в экономической конкуренции становится все более заметным. После введения концепции «мягкой силы» развитые страны и регионы сформулировали национальные стратегии культурного развития и среднесрочные и долгосрочные идеи развития, скорректировали свою культурную политику, сформулировали

политику культурной дипломатии, которая перекликается с политической, экономической и военной дипломатией, и активно продвигают соревнование за культурную «мягкую силу».

С ростом политического доверия между Россией и Китаем и постепенным расширением экономического и торгового сотрудничества в различных областях, обмена между людьми между двумя странами также растут, особенно участились гуманитарные обмены на высоком уровне.

Во-первых, серия масштабных культурных мероприятий на национальном уровне. Например, «Год государства», «Год языков», «Год туризма», «Год дружественных молодежных обменов», «Год СМИ», «Год культуры», «Год литературы», «Год кино» и т.д. Мероприятия по гуманитарному обмену «государство-общество» сыграли важную роль в развитии культурных обменов между двумя странами и укреплении дружественных отношений между народами.

Во-вторых, деятельность по обмену народной культурой постепенно углублялась и диверсифицировалась. Например, Российско-китайский конкурс народного квадратного танца, Российско-китайский фестиваль танца и костюма национальных меньшинств, Российско-китайская программа молодежного культурного обмена, Российско-китайский кулинарный конкурс, Российско-китайская программа ледовых и снежных видов спорта и культурного обмена, программа художественного обмена «Наследуя красоту китайской живописи и каллиграфии, укрепляя дружбу между Россией и Китаем». Широкий спектр обменов между людьми способствовал развитию контактов «от сердца к сердцу» и «от человека к человеку» между двумя странами.

В-третьих, растет число иностранных студентов из обеих стран. В 2021 г. вице-премьер правительства РФ Татьяна Голикова сообщила, что в 2020 г. в России обучалось более 42 000 китайских граждан, а также заявила, что в Китае растет интерес к изучению русского языка. К 2020 г. китайские студенты в России будут составлять значительную часть иностранных студентов в России. Известно, что только в 2017–2018 гг. в России обучалось около 30 000 китайских студентов. Это по сравнению с чуть более 270 000 иностранных студентов из других стран, обучавшихся в российских вузах в то время.

После объявления о чрезвычайном «закрытии штата» в марте прошлого года в связи с новой вспышкой коронавируса в 2021 г., большое количество китайских студентов, заинтересованных в обучении в России, либо были вынуждены выбрать обучение в других странах, либо отказались от своих учебных планов, либо были вынуждены посещать занятия онлайн. А после того, как в июне 2021 г. президент России Владимир Путин подписал новый законопроект, объявляющий границу открытой для граждан Китая, китайские студенты, обучающиеся в России, постепенно начинают набирать обороты. Хотя в краткосрочной перспективе будет трудно достичь показателя в 36 000 китайских студентов в Россию в 2019 г., все же можно ожидать, что это число вернется к уровню 2019 г. в течение двух лет.

Расширение обменов в области образования позволит взрастить большое количество семян дружбы между двумя странами и будет способствовать установлению контактов и взаимопонимания между людьми.

3. Условия экономической и торговой поддержки

Китай является крупнейшей торговой страной России, и две страны осуществляют многоуровневое, широкомасштабное и всестороннее сотрудничество. В частности, с момента внедрения «Одного пояса, одного пути» сотрудничество между двумя странами продолжает углубляться, и было установлено стратегическое партнерство по всем направлениям.

Например, подписание Совместного коммюнике двадцатой регулярной встречи премьер-министров России и Китая в 2015 г.; подписание более 30 документов о сотрудничестве в области финансов, высоких технологий, инвестиций, таможи, образования, туризма и т.д.; подписание контракта на проведение изысканий и проектирование проекта высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань; В 2017 г. Китай и Россия подписали соглашение во время Международного арктического форума «Арктика – единый диалоговый регион»: China Poly Group инвестирует 300 миллионов долларов США в строительство угольного терминала в Мурманске.

В контексте инициативы «Один пояс, один путь» Китай и Россия начали всестороннее стратегическое сотрудничество в различных областях, таких как энергетика, строительство инфраструктуры, финансы, гражданская авиация и военное дело. Сотрудничество между двумя странами в различных областях будет основано на обменах, и Институты Конфуция необходимы для того, чтобы обеспечить платформу для обменов и публичности, предоставить языковые услуги и поддержку талантов, а также создать благоприятную атмосферу для иностранного сотрудничества. Важная роль, которую институты Конфуция могут играть в содействии «Один пояс, один путь», также обеспечивает новую динамику для их собственного здорового и устойчивого развития.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ИНСТИТУТА КОНФУЦИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Чтобы улучшить использование «мягкой силы» в России, нужно обратить внимание на следующие предложения.

1. Использование внешней политики и общественного мнения

Выход из колеи системы требует, прежде всего, поддержки макрополитики. Институты Конфуция все еще находятся на стадии развития в России и могут процветать только при политической поддержке. В процессе «Один пояс, один путь» для Китая и России очень важно обмениваться и сотрудничать в области высшего образования.

Политика «Один пояс, один путь» привела к росту взаимного политического доверия, углублению экономического и торгового сотрудничества и более тесным гуманитарным обменам между двумя странами, обеспечивая благоприятные внешние условия для развития Института Конфуция.

Политика «Один пояс, один путь» поддерживает гуманитарные обмены и сотрудничество между Китаем и Россией на более высоком уровне, поддерживая взаимовыгодное и беспроигрышное сотрудничество, ис-

пользуя сильные стороны каждой дисциплины и укрепляя научно-исследовательское сотрудничество между университетами; дальнейшее создание университетских альянсов и содействие развитию университетского сотрудничества. Поддерживать разработку средние и долгосрочных планов сотрудничества.

С точки зрения общественного мнения, освещение деятельности Института Конфуция в России было в основном положительным, СМИ пропагандировали "бум китайского языка", а заголовки новостей отражали поддержку продвижения китайского языка и Института Конфуция. В то же время, СМИ используют конкретные данные, чтобы объективно показать принятие Института Конфуция в России.

Кроме того, положительное освещение получают российско-китайские отношения и другие уровни национального взаимодействия. Все это создало благоприятные условия в общественном мнении для развития Института Конфуция в России.

2. Трансформация мышления из институциональных дилемм для достижения устойчивого развития

Чтобы решить бедственное положение российских Института Конфуция, недостаточно полагаться на внешнюю политику и общественное мнение, а необходимо провести их собственную трансформацию и модернизацию для достижения устойчивого развития.

В России существует огромный недостаток в количестве Института Конфуция, а также в количестве преподавателей, а правовая система затрудняет назначение иностранных преподавателей, поэтому есть способ решить эту дилемму. Локализация – лучший вариант для России. Предпринимаются усилия по превращению учителей-экспатриантов в «тренеров» китайского языка, обеспечению многоуровневой и целенаправленной подготовки учителей, а также реализации функции саморазвития российских преподавателей китайского языка. Подготовка местных учителей может быстро восполнить недостаток в количестве и качестве учителей, а также уменьшает юридические трудности, связанные с назначением иностранных учителей.

В 2013 г. штаб-квартира Института Конфуция впервые упомянула в своем ежегодном отчете о развитии о своих усилиях по усилению подготовки местных учителей и поддержке иностранных университетов в создании программ подготовки учителей китайского языка. Сейчас Институт Конфуция в России должен воспользоваться политикой интернационализации российского образования и политикой гуманитарных обменов и сотрудничества «Один пояс, один путь» для активного развития международного сотрудничества между университетами, особенно в области подготовки преподавателей китайского языка, чтобы интегрировать Институт Конфуция в местную систему образования и избежать дилеммы независимых учреждений и дублирования функций [19].

3. Использование ресурсов социальных сетей для продвижения китайской культуры

Проблемы с распределением ролей и функций и управления средствами из-за юридических вопросов сделали Российский Институт Конфуция «робким»

Цюй Чан

в своей культурно-просветительской деятельности и недостаточно инновационным в содержании мероприятий, которые он организует самостоятельно. Институт Конфуция в России может использовать ресурсы социальных сетей для продвижения китайской культуры.

4. Корректировка и оптимизация схемы распределения в соответствии со строительством «Один пояс, один путь»

Развертывание международного обучения китайскому языку должно соответствовать экономическому и дипломатическому развитию страны. После более чем десяти лет развития Институт Конфуция сформировал глобальное присутствие, но его распространение нуждается в корректировке и оптимизации в соответствии со стратегией «Один пояс, один путь». С 2004 г. Китай строит Институты Конфуция по всему миру с целью обучения китайскому языку и распространения китайской культуры, на сегодняшний день в 162 странах (регионах) созданы 541 Институт Конфуция и 1170 классов Конфуция [20].

В России было создано 17 Институтов Конфуция, От Владивостока, самого важного города Дальнего Востока, через Иркутск, Новосибирск, Екатеринбург, Москву и другие важные города, до Санкт-Петербурга, окна в Европу, и Волгограда, «житницы Юга», на северо-западе России. Институт Конфуция в основном достиг охвата в важных городах и регионах, но он все еще нуждается в дальнейшей корректировке и оптимизации, чтобы соответствовать строительству «Одного пояса, одного пути».

Во-первых, создание Институтов Конфуция в ключевых областях строительства «Один пояс, один путь» в Китае и России. Например, корпорация China Poly Group строит угольный терминал в Мурманске, крупнейшем транспортном узле на севере России, но в регионе нет Института Конфуция. А ближайший – Институт Конфуция при Санкт-Петербургском университете, но расстояния между двумя городами велико, поэтому Институт Конфуция должен быть создан в Мурманске.

Во-вторых, увеличить количество Институтов Конфуция в ключевых регионах для российско-китайского сотрудничества. Например, Роснефть подписала рамочное соглашение о сотрудничестве с компанией Sinopet. Дальний Восток, Сибирь, а также северо-запад и юг европейской части являются для Роснефти стратегическими зонами развития. Следует рассмотреть возможность увеличения количества Институтов Конфуция в этих регионах и активно сотрудничать с крупными проектами в обеих странах.

Одним словом, Институты Конфуция должны быть стратегически расположены в соответствии с ключевыми регионами торговли «Один пояс, один путь», и через торговое и промышленное сотрудничество они должны способствовать распространению языка и контактам между людьми, чтобы лучше продвигать «Один пояс, один путь».

5. Спрос и предложение на двух фронтах для стимулирования трансформации и модернизации Институтов Конфуция

Чтобы способствовать устойчивому развитию Институтов Конфуция в контексте «Одного пояса, одного

пути», мы должны сосредоточиться на трансформации и модернизации Институтов Конфуция, один из ключевых аспектов которой – начать с отношений между спросом и предложением, повысить адаптивность и гибкость предложения Институтов Конфуция к местному спросу, а также направлять и создавать местный спрос посредством повышения качества и эффективности и инновационного развития.

С одной стороны, в соответствии со спросом на профессиональные продукты китайского языка и культуры в странах, расположенных вдоль маршрута, будут созданы специальные Институты Конфуция для целенаправленного развития и удовлетворения спроса.

Например, после начала российско-китайского Года туризма проекты сотрудничества в области туризма были расширены и стали важной частью гуманитарного, экономического и торгового сотрудничества между Россией и Китаем. Институт Конфуция для туризма – это мощный способ продвижения развития самого Института Конфуция с учетом потребностей туризма.

С другой стороны, Институты Конфуция должны преобразовать и оптимизировать себя в соответствии со стратегией «Один пояс, один путь», внедрить инновации в предоставление услуг, культивировать новые формы межкультурной коммуникации и получить новые преимущества в развитии своих регионов.

Например, Москва, столица России, является местом строительства таких крупных проектов, как китайско-российский газопровод и высокоскоростная железная дорога, которые невозможно построить без языковых талантов и языковых услуг. Институт Конфуция сможет воспользоваться ситуацией и предложить профессиональные курсы китайского языка, чтобы обеспечить необходимые языковые услуги и кадровую поддержку, чему неизбежно будут отдавать предпочтение предприятия и местные жители, создавая новую ситуацию для собственного развития.

6. Использовать возможность большой коммуникации для продвижения межкультурного обмена

С момента основания Нового Китая Китай проводил разнообразные мероприятия по культурному общению с зарубежными странами и достиг определенных результатов. В частности, развитие современных технологий сократило разрыв между нашей страной и развитыми странами в области коммуникационных технологий, а в некоторых областях мы опережаем весь мир.

В последние годы распространение кино- и телекультуры, обмен книгами и журналами, а также обмен международными событиями приобрели первоначальную форму, создавая хороший импульс открытости и способствуя обмену и интеграции китайской и мировой цивилизаций. Наша культура вышла на мировую платформу культурного обмена, а обмены с культурными аспектами мира вступили в период процветающего развития. В контексте культурной глобализации и массовой коммуникации Институт Конфуция имеет много возможностей для межкультурной коммуникации, но также и много проблем.

Межкультурная коммуникация является более трудной и затруднительной, чем однородная культурная

коммуникация, а отсутствие всестороннего понимания иностранных культур может привести к формированию стереотипов или стереотипных представлений, которые легко могут вызвать негативные эмоции, чтобы избежать и преодолеть эти заблуждения восприятия, необходим равноправный, всесторонний и глубокий межкультурный обмен.

Негостеприимная среда может в определенной степени подорвать эффективность культурного обмена, а культурная коммуникация может сыграть важную роль в преодолении недопонимания и барьеров между культурами. С точки зрения устава Институтов Конфуция, они являются не только учебными заведениями для преподавания и продвижения китайского языка в зарубежные страны, но и важным каналом распространения культуры и культурного обмена с зарубежными странами. Содержащиеся в нем культурные символы, послания и смыслы являются важными источниками вдохновения и моделями для нашего культурного общения и обмена с внешним миром.

Поэтому в процессе межкультурной коммуникации следует приложить усилия для поиска культурных общностей и ценностных универсалий, чтобы еще больше расширить пространство для обмена смыслами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инициатива «Один пояс, один путь» с развитием все более тесного стратегического партнерства между Китаем и Россией, одной из самых важных стран на этом маршруте, дала положительный импульс распространению китайского языка и культуры в России.

Институт Конфуция, который является непосредственным поставщиком китайского языка и культуры, был создан и развивается, чтобы обеспечить хорошую платформу для распространения китайского языка и культуры в России.

Инициатива «Один пояс, один путь» также демонстрирует положительную тенденцию в распространении китайского языка и культуры, но она также открывает новые возможности для распространения китайского языка и культуры в России.

«Один пояс, один путь» был впервые предложен президентом Си Цзиньпином в 2013 году в качестве стратегической инициативы по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

Это не только расширение коммерческого маршрута, но и границ национальных интересов. С момента появления «Один пояс, один путь» Россия, как один из важных торговых партнеров Китая и важный участник «Один пояс, один путь», придерживается принципов общего бизнеса, общего строительства и совместного использования.

Инициатива «Один пояс, один путь» фокусируется на укреплении политической связи, связности объектов, бесперебойной торговле, финансовой интеграции и контактах между людьми.

По мере продвижения инициативы «Один пояс, один путь» отношения между Россией и Китаем становятся все более тесными с более тесным сотрудничеством в области политики, экономики, энергетики, торговли и гуманитарных наук.

Предпосылкой для расширения общения между Россией и Китаем в области политики, объектов, торговли и капитала является гуманистическое общение, поэтому все более тесное сотрудничество между Россией и Китаем стало важной движущей силой для распространения китайского языка и культуры.

Поскольку «мягкая сила» часто появляется на международной арене, Китаю необходимо максимально использовать возможности брендинга Институтов Конфуция в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Институт Конфуция сделал формирование имиджа страны и повышение ее культурной привлекательности руководящим принципом своего создания.

Пусть Институт Конфуция станет эффективным способом распространения китайской культуры, привлечения внимания мировой общественности и улучшения ее международной репутации и авторитета.

В это же время, Институты Конфуция должны придерживаться своего собственного позиционирования, и хотя они стремятся распространять суть конфуцианской культуры, им также следует обратить внимание на то, вписывается ли их брендинг в местную культуру, и со временем скорректировать и усилить степень адаптации самого бренда.

В контексте «Один пояс, один путь» Институты Конфуция являются не только средством распространения китайской культуры, но и окном для продвижения экономического и торгового сотрудничества между различными сторонами, и их потенциальная ценность неизмерима.

Таким образом, в статье представлен краткий теоретический анализ концепции «мягкой силы» на примере Института Конфуция в Санкт-Петербурге. По сравнению с «жесткой силой», «мягкая сила» медленнее, более сложна в реализации.

Но закон притяжения заключается в том, что такой «круг друзей», однажды созданный, может передавать эмоции, стимулировать сотрудничество и продолжать привлекать более широкое внимание и вклад, и на него стоит рассчитывать. Как только строительство мягкой силы осуществится, это будет длительный, но постоянно продуктивный процесс.

Как средство дипломатии, Институт Конфуция обеспечивает прочную основу для национального развития, и его развитие сейчас стало горячей темой для академических исследований.

Растущее политическое доверие, стратегическое сотрудничество и гуманистические обмены между Россией и Китаем открыли новые возможности для развития Институтов Конфуция, а здоровое и устойчивое развитие Институтов Конфуция может способствовать строительству «Один пояс, один путь».

Результаты исследования показывают, что успех Института Конфуция в Санкт-Петербурге не мог бы быть достигнут без политической, экономической и культурной поддержки России и Китая. Однако не стоит забывать, что его развитие также сопровождалось проблемами в плане системы, политики и планирования.

В работе сделана попытка предложить стратегии развития с различных точек зрения, основанные на понимании условий, которые лежат в основе местной «мягкой силы»:

Цюй Чан

- 1) использовать внешнюю политику и общественное мнение для формирования благоприятных условий для развития;
- 2) изменить образ мышления, чтобы избавиться от институциональных дилемм и добиться независимости и автономии агентств по продвижению устойчивого развития, чтобы не быть скованными различными национальными условиями, которые ограничивают развитие;
- 3) совершенствовать использование ресурсов социальных сетей для продвижения китайской культуры, стремление интегрировать социальные ресурсы и в полной мере использовать собственные силы и ресурсы;
- 4) нужна корректировка и оптимизация схемы распределения в соответствии со строительством «Один пояс, один путь», тем самым способствуя ре-

- ализации инициативы «Один пояс, один путь», обе стороны будут способствовать развитию друг друга;
 - 5) Институты Конфуция должны быть модернизированы как с точки зрения предложения, так и с точки зрения спроса, чтобы способствовать развитию за счет увеличения культурного экспорта, а также создать условия для укрепления спроса и открытия новых возможностей.
 - 6) нужно использовать возможность большой коммуникации для продвижения межкультурных обменов, избавления от иностранных стереотипов о Китае и уменьшения влияния теории китайской угрозы.
- Подводя итог, можно сказать, что развитие международного общения на китайском языке не может быть достигнуто одним махом, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», необходимо развивать это дело научным и эффективным способом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костырев А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как фактор международной политики // Полис. 2013. № 2. С. 144.
2. Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта» // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 108.
3. Най Дж.С., мл. Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2014.
4. McClory J. The new persuaders: An international ranking of soft power // The Institute for Government. P. 3.
5. Ким В.С., Бохан Я.А. Трансформация стратегии «мягкой силы» КНР в современных условиях // Вестник Челябинского гос. ун-та. Политические науки. Востоковедение. 2012. № 12. С. 17–20.
6. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014.
7. Фролова О.А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013.
8. Пай Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Тренды, 2006. С. 34.
9. Долгов Б.В. «Мягкая» и «жесткая» сила Европы на Ближнем и Среднем Востоке // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 3. С. 21.
10. Glaser B.S., Murphy M.E. Soft power with Chinese characteristics the ongoing debate. In: Chinese soft power and its implications for the United States. P. 14.
11. Sheng Ding. Soft power and the rise of the China: An assessment of China's soft power in its modernization process // The State University of New Jersey. P. 87.
12. Сунь Минсин. Состояние развития и противодействия развитию торговли между Китаем и Россией // Colloquium Journal. 2020. № 8-5 (60). С. 35–37.
13. Ван Тин, Идрисов Ш.А. Российско-китайская трансграничная электронная торговля в системе координат «Один пояс, один путь» // Финансовая экономика. 2019. № 11. С. 223–229.
14. 俄罗斯卫星通讯社. 圣彼得堡市长: 圣彼得堡与华合作迈向全新水平. URL: <http://sputniknews.cn/economics/201805241025471799> (дата обращения: 22.01.2022).
15. Арефьев А. Изучение китайского языка в школах России // Центр социологических исследований Минобрнауки Росси. 2013. С. 78.
16. 圣彼得堡通报. Нужен ли петербургским школьникам китайский язык. URL: <https://spbdtv.ru/news/2016-04-27/nuzhen-li-peterburgskim-shkolnikam-kitayskiy-yazyk> (дата обращения: 01.02.2022).

REFERENCES

1. Kostyrev A.G. “Reasonable force”, public diplomacy and social networks as a factor in international politics. *Polis*. 2013. No. 2. P. 144. (In Rus.)
2. Pestsov S.K., Bobylo A.M. “Soft power” in world politics: The problem of operationalization of the theoretical concept. *Bulletin of the Tomsk State University. History*. 2015. No. 2 (34). P. 108. (In Rus.)
3. Nye J.S., Jr. The future of power. Transl. from English. V.N. Verchenko. Moscow: AST, 2014.
4. McClory J. The new persuaders: An international ranking of soft power. *The Institute for Government*. P. 3.
5. Kim V.S., Bohan Ya.A. Transformation of the PRC’s “Soft Power” strategy in modern conditions. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Political Sciences. Oriental Studies*. 2012. No. 12. Pp. 17–20. (In Rus.)
6. Ponkin I.V. Technologies of “soft power” as a means of dysfunctionalization and destruction of the state. *Law and Education*. 2014. (In Rus.)
7. Frolova O.A. “Soft Power” of US Foreign Policy: Institutions and formation mechanisms. *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2013. (In Rus.)
8. Pai J.S. Flexible power. How to Succeed in World Politics. Novosibirsk; Moscow: Trends, 2006. P. 34.
9. Dolgov B.V. “Soft” and “hard” power of Europe in the Near and Middle East. *Actual Problems of Europe*. 2014. No. 3. P. 21. (In Rus.)
10. Glaser B.S., Murphy M.E. Soft power with Chinese characteristics the ongoing debate. In: Chinese soft power and its implications for the United States. P. 14.
11. Sheng Ding. Soft power and the rise of the China: An assessment of China's soft power in its modernization process. *The State University of New Jersey*. P. 87.
12. Sun Mingxing. The state of development and counteraction to the development of trade between China and Russia. *Colloquium-Journal*. 2020. No. 8-5 (60). Pp. 35–37.
13. Wang Ting, Idrisov Sh.A. Russian-Chinese cross-border e-commerce in the coordinate system “One Belt, One Road”. *Financial Economy*. 2019. No. 11. Pp. 223–229.
14. Mayor of St. Petersburg: Cooperation between St. Petersburg and China takes on a whole new level. *RIA Novosti*. (In China) URL: <http://sputniknews.cn/economics/201805241025471799> (data of accesses: 22.01.2022).
15. Arefiev A. Learning Chinese in Russian schools. *Center for Sociological Research of the Ministry of Education and Science of Russia*. 2013. P. 78. (In Rus.)
16. Do St. Petersburg schoolchildren need Chinese. *St. Petersburg Bulletin*. (In China) URL: <https://spbdtv.ru/news/2016-04-27/nuzhen-li-peterburgskim-shkolnikam-kitayskiy-yazyk> (data of accesses: 01.02.2022).

17. Самойлова М.П., Лобанова Е.А. Правовое регулирование деятельности Институтов Конфуция в России // *Juvenis Scientia*. 2017. № 6. С. 29–31.
18. Институт Конфуция открывается в Петербурге // *Деловой Петербург*. ISSN 1606-1829. (Online) со ссылкой на пресс-службу Санкт-Петербургского университета. 28 августа 2007 г.
19. 孔子学院总部/国家汉办. 孔子学院 2013 年度发展报告[R]. 2013.
20. 于伟, 张华. 海内存知己天涯若比邻—记国务院参事、原国家汉办主任、孔子学院总部总干事许琳 [J]. *美文*(上半月), 2020 (1): 124–130.
17. *Samoilova M.P., Lobanova E.A.* Legal regulation of the activities of Confucius Institutes in Russia. *Juvenis Scientia*. 2017. No. 6. Pp. 29–31. (In Rus.)
18. Confucius Institute opens in St. Petersburg. *Delovoy Petersburg*. ISSN 1606-1829. (Online) with reference to the press service of St. Petersburg University. August 28, 2007.
19. Confucius Institute Headquarters / China Hanban. *Confucius Institute Annual Development Report*. 2013. (In China)
20. *Yu Wei, Zhang Hua.* Beautiful article (first half of the month). 2020. No. 1. Pp. 124–130. (In China)

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 86,59%

Рецензент: *Маркушина Н.Ю.*, Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 22.03.2022, принята к публикации 21.04.2022

The article was received on 22.03.2022, accepted for publication 21.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цюй Чан, аспирант факультета международных отношений и мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: st073275@student.spbu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Qu Chang, postgraduate student at the Department of International Relationships and World Politics of the St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: st073275@student.spbu.ru

5.7.7. Социальная и политическая философия
Social and Political Philosophy

5.4.1. Теория, методология и история социологии
Theory, Methodology and History of Sociology

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-149-156

Construction of the Eurasian Symbolic System in the Context of Disintegration/Integration and Disconnection/Connection with the Soviet Symbols

Yu.P. Ten ©

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

E-mail: YPTen@fa.ru

Abstract. The author offers the symbolic approach to understanding the nature of the construction of the Eurasian identity in the framework of the EAEU as the result of (dis-)integration and (dis-)connection with the Soviet symbols. The goal of the research is to provide the interdisciplinary analysis of shaping the EAEU's symbolic identity. The symbolic and dialectic approaches are used. The main idea consists in the suggestion that the symbols are social technology of creating EAEU's identity. The article argues that EAEU's symbolic system is shaping on the logic of (dis-)connection and (dis)integration with the meanings of the symbolic system of the USSR. The dialectic logic of integration and connection means greater interaction of Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia and Russia. A logic of history of integration and connection is determined on the attempt to revive the Soviet symbols which can be the basis for the construction of common symbolic system. The inner strength of such integrative process lies in the fact that the new phenomenon of the EAEU is not seeking the reincarnation of the old symbols of the Soviet era, serving the expression of utopian ideas. The *key findings* of the research can be the basis for the practical recommendations in terms of the Eurasian cultural policy.

Key words: Eurasian Economic Union, symbol, symbolic system, Eurasian identity, symbolic system of EAEU

FOR CITATION: Ten Yu.P. Construction of the Eurasian Symbolic System in the Context of Disintegration/Integration and Disconnection/Connection with the Soviet Symbols. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 149–156. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-149-156

Построение евразийской символической системы в контексте дезинтеграции/интеграции и разъединения/связи с советскими символами

Ю.П. Тен ©

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: YPTen@fa.ru

Аннотация. Автор предлагает символический подход к пониманию природы конструирования евразийской идентичности в рамках ЕАЭС как результата (дис-)интеграции и (дис-)связи с советскими символами. Цель исследования – провести междисциплинарный анализ формирования символической идентичности ЕАЭС. Автор использует системный и диалектический подходы. Ключевая идея состоит в предположении, что символы можно рассматривать как социальную технологию создания идентичности ЕАЭС. В статье утверждается, что символическая система ЕАЭС формируется по логике разобщения/связи и дезинтеграции/интеграции со значениями символической системы СССР. Диалектическая логика интеграции и связи означает более тесное взаимодействие Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Армении и России. Логика истории интеграции и соединения определяется попыткой возродить советские символы, которые могут стать основой для построения общезначимой символической системы. Внутренняя сила такого интеграционного процесса заключается в том, что новое объединение стран ЕАЭС не стремится к реинкарнации старых символов советской эпохи, служащих выражению утопических идей. **Выводы** исследования могут быть положены в основу практических рекомендаций с точки зрения евразийской культурной политики.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, символ, символическая система, евразийская идентичность, символическая система ЕАЭС

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тен Ю.П. Построение евразийской символической системы в контексте дезинтеграции/интеграции и разъединения/связи с советскими символами // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 149–156. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-149-156

INTRODUCTION

In November 1989 with the fall of the Berlin wall began the collapse and the Eastern Bloc. August 2021 marks the 30th anniversary of the fall of the USSR. “The iron curtain” was the vividly symbol of the barriers between peoples, socio-economic socialist and capitalist systems. The symbolic approach allows us to present the history of the particular Post-Soviet state as the historical shift of its symbolic systems. The global change of system of symbols occurs in the time of transition from one type of state to another. In such time the ruling elite is searching the sings and symbols that will reflect the key ideals, concepts and values of the new political thinking, to serve the ideas, values and values of the new type of political community. In order to understand the logic of integration of the Eurasian regions and states, it is necessary to understand the dialectic logic of (dis-)integration and (dis-)connection with the Soviet symbolic system. The relevance of the research lies in the fact that in 2020 humanity was faced the challenge of a pandemic. All countries have started a policy of forced isolation and restrictive measures. This can lead to regional localization, to the growth of new barriers and walls, to the creation of authoritarian regimes, and to the restriction of human rights and freedoms. But the Berlin wall should not be built

again. It has to go into the past as a mythological symbol that separates and isolates peoples from each other. In order to prevent the rehabilitation of symbolic or real walls between peoples, Russia and all countries can jointly seek common technologies for effective international communication. I assume that the symbols can be seen as the effective technology for constructing regional identity. It is important to identify and analyze specific symbols (images, signs, emblems, allegories, metaphors, etc.) that public and political leaders could use to form socio-cultural policies for the integration of different societies and international unities.

From the end of the XX century to current time one of the consequences of the globalization towards Eurasia has been became political and economic integration of some Post-Soviet states in the face of the Eurasian Economic Union (EAEU). Today EAEU is a macro-bloc of strategic regional partnership of Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia. In the context of creation of a geo-economic center S. Karaganov develops the concept “Greater Eurasia” as “a space of civilization cooperation, which is being restored after centuries of oblivion and which was previously embodied in the cultural aspects of the Great Silk Road that incorporated and connected civilizations in China, East Asia, India, Persia, and the Arab Near East with Europe” [Karaganov, 2018: 90]. Therefore,

a concept of “Greater Eurasia” refers us to the old symbol of “Great silk road” which embodied not only trade but also cultural links between Europe and Asia [Atanov, 2018]. The appeal to this ancient symbol for shaping the symbolic form for Eurasian identity model that arose as the result of inter-civilizational interactions in past that be the powerful support for the ideological construction of the collective interstate identity in the new time. The purpose of the research is to provide interdisciplinary analysis of the construction of the Eurasian symbolic identity in the framework of the Eurasian economic union.

The establishment of a Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan in 2010, which was transformed into the Eurasian Economic Union in 2015 attracted substantial attention and debates of academics, political authorities, public leaders, researchers and experts. The Eurasian integration is the subject of analysis from different perspectives: Economics, Political Studies, International Affairs, Logistics, Geography, Sociology, etc. Academic interest to Eurasian integration reflects the evolution of the discussions about the role of Russia in the geo-political area and constructing the bipolar [Lukin, 2016; Karaganov, 2018] and multipolar world order [Chebankova, 2017]. Another trend of research interest is economic benefits of participation of the states in this union [Dzarasov, 2017; Kirkham, 2016; Knobel, 2017; Li 2018; Lukin, Yakunin, 2018]. At the same time the socio-philosophical analysis of the issues of socio-cultural bonds of the Eurasian integration is not still sufficiently developed in the contemporary studies. Meantime in order to examine ideas, concepts, values and patterns which are shaping the supranational identity of the EAEU’s peoples it is necessary to turn to the multidisciplinary approach.

Since the USSR’s collapse the Post-Soviet states have been going through the period of the total identity’s transformation. The Soviet ideological model of shaping “the universal Soviet people”, implying the disappearance of ethnic identities among nations of the USSR [Arutyunyan, 2003] were rejected. Each Post-Soviet country and region dealt with construction of its collective identity appealing to its historical, socio-politic, ethno-cultural and religious backgrounds. So, the Baltic countries have become the members of the European Union accepting the European Union’s symbolic system of values, norms and patterns and they totally refused from the Soviet symbols. Contrarily, the states of EAEU is partly trying to construct collective identity using historical-economic and socio-cultural backgrounds of the USSR. However, not everything is so clear. The year 2020 has thrown the EAEU countries a number of serious challenges that threaten integration (the political crisis in Belarus after the election of the President, the military conflict in Nagorno-Karabakh, etc.). Therefore, how the dialectical logic of the symbolic integration model of Eurasian identity will develop can only made predictions. Despite the fact that in international discourse there are two opposite views on the reality and utopian nature of the future of the EAEU, in connection with the threat and unknown consequences of the pandemic, as well as internal and external political contradictions and conflicts between the member countries of that union, the author can not give an accurate forecast of the viability of this union.

1. METHODS AND HYPOTHESIS

The study is interdisciplinary in nature. The research involves the concepts, theories, approaches, methods from Philosophy, Political Studies, History of Civilization. The dialectic and system approaches are applied. Author uses the concepts, approaches and methods of Symbolic Interactionism [Blumer, 1969; Charon, 1979], Russian scholars of semiotics [Lotman, 1990] and French poststructuralism [Baudrillard, 1981; Barthes, 1977; Deleuze, 1990].

The study of the academic papers reveals that research into symbols as the means of social technology of constructing collective identity highlights their importance both for elites and academics. Symbols are the universal non-verbal means of international communication [Cassirer, 1955; Lotman, 1990]. Symbol is embodied ideas, concepts, beliefs which can be valuable for socio-cultural identity of civilizations [Shengler, 1991] and integrative union [Laffan, 1996; Fornäs, 2012; Kolstun, 2016].

The author’s hypothesis consists in the suggestion that analysis of the identity model of the EAEU uncovers that symbols are potentially conserving particular meanings of different periods of the history of the Eurasian civilizations. The revival of symbols from the national memory rooted in the common past of countries as members can have the impact on the consciousness of the modern populations of the EAEU. The construction of a symbolic model of collective identity has different tracks. Meantime in the modern interpretation of the symbolic model by the EAEU’s authorities the relevant role belongs to the Soviet symbols.

Section 2 is examined that the breakdown of the USSR social, economic and cultural bonds of the peoples could not be broken so rapidly. The strongest bonds of international relations of the Post-Soviet peoples are the Russian language, educational backgrounds in the framework of the Soviet Union past, social relationship and the phenomenon of historical memory. The fact of birth and growing of the Eurasian Economic Union serves as an illustration that some ideas, concepts, values, norms and patterns of the Soviet past may be regarded as the elements for construction of collective Eurasian identity. The symbols can be one of the effective technologies of exposing ideas, concepts, values, norms and patterns which are shaping the supranational identity of the contemporary integrative entity [Manners, 2011].

Section 3 focuses on the symbolic approach to understanding the nature of shaping the Eurasian identity. It should be noted that in every society and culture the individuals and social groups are connected with each other by means of coding/decoding system [Barthes, 1977; Lotman, 1990; Hall, 1997]. Each socio-cultural system weaves certain thinking, perceptive and behavioral patterns, accepted among the members of this society. The meaning of symbol has the conventional nature [Charon, 1979]. That is why the interpretation of each symbol by different peoples can be controversial [Gadamer, 1994].

The meanings of the particular symbols (in our case it is the Soviet symbolic system) are preserved in the historical memory of the nations as subjects of the shared civilization’s history. Symbols are the universal means for providing nonverbal communication

among different nations. The Post-Soviet people keep in their historical memory meanings of the symbols from previous socio-cultural periods (first of all the Soviet time). Therefore, the ruling elites of the EAEU actively revive the Soviet symbols for the shaping the feeling of the common collective identity [Malinova, 2015; Evgen'eva, Selezneva, 2016]. The main result of study consists in the assumption that the dialectic logic of the categorical couples "disintegration–integration" and "disconnection–connection" reveals that symbols are the basis for integration and connection among individuals, social groups and societies for accepting meanings of the particular symbolic system. Vice versa simulacra¹ are the basis of disintegration and disconnection in interpretation of the meanings of the symbolic system of integrative union. Therefore, the inner strength of EAEU's integration lies in the fact that it should not seek for the reincarnation of that symbols of the Soviet epoch which serve the expression of utopian ideas and false values. Due to the objective historical reasons the majority of symbols of the Soviet era have lost their ideological force of influence on the masses, becoming simulacra. The rehabilitation of these simulacra of the Soviet era can only weaken functioning of the EAEU [Ten, 2017].

2. THE ESTABLISHMENT OF THE EAEU AS A RESPONSE TO THE CHALLENGES OF CONTEMPORARY HISTORY

In terms of "law challenge-and-response" by famous historian A.J. Toynbee [Toynbee, 1987] civilization as the largest unit of social organization is forced to give the practical responses to the challenges of external and internal environments. From the end of the 1980s to the beginning of the 1990s a huge civilization based on Socialist ideology could not cope with the "challenge" of the capitalist system. M. Mozaffari writes: "The fall of the Soviet Empire was not simply the fall of an empire ... It was also the end of a civilization which possessed all the necessary elements of a great civilization: a powerful and sophisticated ideology (Marxism) constituting a complete world vision; a well-defined project for a historical formation (communism); an immense and rich geographic territory; and an empire to which a number of countries in Eastern Europe and elsewhere were subjugated" [Mozaffari, 2003: 64].

Since breakdown of the USSR political, economic, cultural bonds between fifteen republics have been disintegrated under the impacts of the economic and legal policy of the ruling elites of Post-Soviet countries and regions. However, despite the collapse of the Soviet Union, the underlying ties of the Eurasian civilization could not be destroyed in swift pace. The populations of the Soviet Republics were concurrently the subjects and the objects of Soviet history, ideology, statehood, socio-economic system, education and culture. The generations

born until the middle of the 1980s went through the main stages of socialization in the Soviet society under total pressing of the Communistic ideological regime. In this regard the Russian language has played the role "metropolitan language" which was "essential for social mobility and avoiding identity-based discrimination" [Marquardt, 2017: 832]. It is important to emphasize that the Russian language as a verbal mean of international communication has played key role in the construction of the Soviet identity's model [Ibid]. After emergence new Post-Soviet states, the Russian language has begun losing its position of the primary element of shaping identity outside of Russian Federation. In this shadow socio-cultural and linguistic gaps among the Post-Soviet states began to develop. As M. Golam and M. Monowar argue that the strategy for closer integration of the EAEU by "adopting one currency (ruble) and one language (Russian) is very controversial and faces serious challenges from the ethnically diversity population of the region" [Golam, Monowar, 2018: 169]. Therefore, the appeal to Russian language in the construction of the EAEU identity model can be not the successful response to the challenge of the loss of the Russian language international status.

At the beginning of XXI century from the creation of the Customs Union of Russian Federation and the Republic of Belarus to current format of the Eurasian Economic Union is one of the attempts to give answer on the different external challengers. For example, M. Bajdurin considers that the formation of common Eurasian economic space is accompanied by convergence of the countries and the growth of their economic and technical level, interweaving structures of their national economies and increasing foreign trade [Bajdurin, 2017]. And "it develops the ability to resist risks and threats to economic security arising through the use of the Western countries as financial and trade-economic groupings for the purposes of economic pressure...on the countries competitors to limit the competitiveness of their national economies to world markets" [Bajdurin, 2017: 3]. Thus, Bajdurin underlines the necessity of the first attempt at creating the collective Eurasian security system in the Post-Soviet world. As the social institution EAEU has been constructed to support logistic visions of the most perspective strategy for international marketing and trade policy in the Eurasian region in the whole [Lukin, 2016].

In a more global perspective the states of the EAEU will be jointed to the Chinese initiative logistic vision of the "One Belt, One Road" [Li, 2018] and Silk Road Economics [Atanov, 2018; Gordienko, 2019]. Obviously, Russia seeks to be one of the leaders of the new globalizing Eurasian world [Karaganov, 2018; Kirkham, 2016]. Therefore, it needs the political partnership and economic cooperation with some Post-Soviet countries [Dzarusov, 2017; Golam, Monowar, 2018; Sergi, 2018]. There is the point of view that the EAEU is attempting to reconstruction of the common economic zone in the shape of the USSR [Rotaru, 2018]. The EAEU authorities declaims that the key EAEU economic aim is restoring economic integration in the former Soviet territories through free movement of goods, labour and capital. V. Fedorenko insightfully notes that "Russian-led Eurasian integration process, which has

¹ Simulacrum is neoclassical interpretation the symbol concept which was used by the Post-Structuralism. According to J. Baudrillard simulacra are not based in a reality nor do they hide a reality, they simply conceal the fact that anything like reality is relevant to our current understanding of our lives [Baudrillard, 1981].

included Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan so far, aims to establish a mechanism of intergovernmental cooperation focusing predominantly on economic partnership. With the establishment of supranational institutions in collaboration with the post-Soviet republics, Russia aims to reestablish its influence, foster economic ties and strengthen trade relationships in the region” [Fedorenko, 2015: 1].

Meantime today Eurasia is not region representing the integrity due to close mentality. Along with that Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia, Belarus and Russia have common and long history, influence the Russian language in international communication, a multitude of economic ties across countries within the Post-Soviet area. Therefore, the advancement of the Eurasian integration idea into practical implementation should have new objective suppositions as well. These are defined by the contemporary economic, political, and ethno-cultural processes in the Post-Soviet space.

It should be note that Russia’s political, economic, and cultural activity has focused on the Western part of the country for many long centuries – or at least dating from the time of the policy by tsar Peter the Great. And, despite the fact that the majority part of its territory lay in Asia, Russia’s Asian policy was seen as ancillary to its European policy [Lukin, Yakunin, 2018: 100–101]. Currently the Russian Greater Eurasian partnership and Chinese Belt and Road are important initiatives for further international economic cooperation that provide a response to the challenge of world economic under press of globalization [Lukin, 2016]. Y. Li considers that “Russian pivot to the East” [Lukin, 2016] means to more close cooperation with China, Japan, South Korea and the whole Asian countries [Li, 2018: 96]. Russia, China and ASEAN and EAEU become “very important economic entities” [Li, 2018: 97].

Shaping the EAEU is a reflection of the dawn of a more complex stage in the Post-Soviet integration and it involves actively deepening interaction of the participating countries in the major areas of production and investment activities in the labor and capital markets, enhancing the exchange of goods and services and spending. In fine among all Post-Soviet countries the logic of the categorical opposition integration and connection couple implies greater interaction of the five famous countries.

In the time of the real and potential political, financial, social crisis nations and countries are able to give the “responses” to the external “challenges” of the XXI century. The EAEU’s members are “states that are building their nations while facing substantial challenges in separating from their Soviet past” [Golam, Monowar, 2018: 169]. At the same time in the prism of a symbolic approach to shaping of EAEU’s collective identity can be revealed the Soviet symbols represented the ideas, ideals and values which can be forced the function of collective integration. Remarkably, symbols serve as the markers of differences between societies and civilizations from each other’s. Turning to symbols as the important tool of social technologies for constructing supranational identity is a necessary step to bond the populations of the member states of the EAEU on the basis of common ideals, values and traditions of the historical memory.

3. THE SYMBOLIC MODEL OF EURASIAN ECONOMIC UNION

In order to generate a collective identity, the Eurasian Economic Union’s institutions revert to various identity’s technologies. Symbols can be served as the effective instrument of social technology for shaping a collective identity of the international organization. Symbols embody ideas, concepts, beliefs which can be valuable for socio-cultural being of international political and economic union [Laffan, 1996; Theiler, 2005; Foret, 2009; Fornäs, 2012; Bottici, Challand, 2013; Kolstun, 2016].

The Eurasian Economic Union can be seen as the symbolic system which is concluded several subsystems. These are the following:

1. Official symbols are symbolized ideas of integration and solidarity of the social groups of the EAEU (emblem² and flag).
2. Political symbols are expressed an official policies of the states. They includes signs, emblems of different official political parties, associations and unions.
3. Social symbols are aimed at shaping identities and consolidating different individuals, social and ethnic groups classified according to various criteria.
4. System of the mythological and religious symbols, embodying the most common religious beliefs, norms and values among the peoples of the EAEU.
5. System of the cultural symbols indicating main ideas, ideals, norms and values of the society as a creator and holder of a particular culture.
6. System of economic symbols is included the brands and emblems of the companies, organizations and brands³.

In the whole structure of the symbolic system these subsystems are interrelated and interact within the limits of their interpretations. It should be noted that the same symbol has different semantic interpretations, depending on the context. It would be of use to remember that a symbol has a deeply dialectic nature which implies interrelation of the form and the matter, the material and the spiritual, the quotient and the general.

The EAEU’s symbolic systems can be seen on the three basic levels:

- 1) the global level of the EAEU’s integration as an organization;
- 2) the national level of the separate states of the EAEU (the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Republic of Armenia);
- 3) the regional level of various regions of the national states (for example, the Republic of Dagestan as a federal subject of the Russian Federation);
- 4) the individual level [Ten, 2017].

In the context of the EAEU it is very important to search for social technologies for agreement and concordance of the Eurasian symbolic model by majority of the state members. It is significant that the ruling

² The official emblem of the EAEU symbolizes the desire for economic cooperation of the member-states. Blue color is a symbol of Europe. The gold color is a symbol of Asia. Circle reflects the common interests of the two continents (Europe and Asia).

³ In this connection important symbol is the trade mark “Made in EAEU” for goods produced in the states of the Eurasian economic union.

elites use the particular symbols from the previous time of the common existence in the space of the Eurasian civilization (the Russian empire and the USSR). Such symbols are continuing to live in the national memories of the peoples of the former USSR. And the political elites understand that the common Soviet symbols provide strong bonds for integration for the Post-Soviet peoples.

Within the framework of the construction of the Eurasian Economic Union it is relevant to search for such symbols rooted in the local social and cultural traditions of member states that would express the common ideas, concepts and values of shaping the modern EAEU's identity. As K. Kirkham considers "the formation of a Eurasian identity is in its initial stage. The EAEU authorities should work hard on the construction of a common identity by launching cultural projects to battle Russo-phobia" [Kirkham, 2016: 125].

It is worth to note that the measure of common interpretation of the meanings of the symbols is depended of the level of cultural distances between communicator and recipient in the process of international communication. Therefore, the subjects of interstate interaction in the format of the EAEU should develop a strategy of cultural policy for the creation and wide implementation of educational programs and multimedia information portals aimed at the formation in the mass consciousness of the conventionality of the meanings of the symbolic model of the Eurasian identity. At the same time, in terms of the historical dynamics of the change of generations, it is important that the Soviet symbols will be able to represent such meanings which can be accepted. Therefore, in the construction of the model of the Eurasian economic union, it is advisable to look for such symbols, rooted in the local cultural traditions of all member states, which would express common ideas, concepts and values in the format of contemporary interpretation.

Remarkably, in the modern Eurasian economic union there are various local communities (including diasporas) which share the traditional systems of the values, religious beliefs, social patterns and norms of their cultures and religions. In the framework of the process of the EAEU integration under the idea of shaping a common Eurasian identity, the key question arises: is it possible to construct the modern collective identity by creating the symbolic model in which the meanings of the official symbols do not confront with the meanings of the traditional symbols of different social groups? This issue is not in the scope of this paper and it needs further research.

The EAEU's identity strategy at forming a positive image of the union should be aimed at the revival of such symbols of the Soviet era, which can cause positive associations among the majority of recipients. In this case, they will become effective social technologies for the formation of collective identity. In this connection it can be note that one of the most powerful elements of the construction of national identity is the concept of patriotism. The feeling of patriotism can be seen as a basis for the interstate integration process [Habermas, 2003]. The feeling of common identity and strong connection with Russia (Russian language, culture, social ties, etc.) among the representatives of other countries help in getting support for Russian international politics. International public movement to preserve the personal

and family memory of the generation of the Second world war become one of the power symbols for the current generations which are keeping historical memory. Vividly example is the fact that with 2010s the significant symbolic ties all the former Soviet Republics is the action "Immortal regiment", devoted to the Victory Day.

RESULTS

Although the Eurasian Economic Union is the new phenomenon in the contemporary history, the emergence of this organization is deeply rooted in the past of the Eurasian history. The countries of the EAEU have had contacts and communications in trade, politics, science, education, art, etc. for centuries. We can see some hidden determinants of the development of the supranational identity by symbols. Firstly, construction of the symbolic model of the EAEU is based on the common and long shared historic contacts and connections of Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia. Secondly, at least for last century the Russian language has played a dominant role as the international language of these countries. Thirdly, the EAEU is reconstructing trade contacts, economic ties, logistic lines among the countries within the Post-Soviet territory. Therefore, one of the popular symbols of the current political and economic discourse has become the symbol of bridge. the EAEU will be play the role of the link between Europe and Asian. It means that the Eurasian economic union's policy creates and transmitters the particular symbols as the instrument of social technology forming links among Eurasian citizens and shaping common collective identity. These symbols are adopted with the hope that common EAEU's identity will be created in the future [Ten, 2017].

The dialectical logic of the categorical couples "disintegration-integration" and "connection-disconnection" reveals that the symbols can be considered as the basis for communication among social groups and communities in the context of integration. On the contrary, the insufficiency of the degree of conventionality among the members of social groups and communities in understanding of common values of the EAEU's symbols leads to their transformation into simulacra. It results in loss of conventionality in the interpretation of the meanings of the Soviet symbols among members of social groups and communities. The practical implication of the research is that it points to the need to search for such symbols of the Soviet symbolic system or symbolic system of older cultural epochs which could perform integration-identification function for social communities of the members in terms of particular meanings and values.

The symbolic approach using categorical couples disconnection/connection disintegration/integration offers insights into transformation of the symbolic systems of the states of the Post-Soviet time. The logic of disintegration and disconnection (the collapse of the USSR) can be represented as the loss by the former Soviet Republics of shared perception, understanding and attitudes towards the USSR system of symbols (primarily political and state symbols). In the extreme, it is expressed in the law of ban of using the Soviet symbols (for example, the Baltic countries and the Ukraine). The history of the more than thirty years brightly illustrates

strengthening of the gap and the loss of meanings of the Soviet ideology in several countries of the former Soviet Union as the consequence of the state policies.

In the context of the formation of the EAEU the logic of integration and connection is based on the attempt of “revival” of the meanings that can be the basis for the formation of a system of universally valid symbols of this economic union. The inner strength of such integrative process lies in the fact that the new economic union should not seek for the reincarnation of that symbols of the Soviet epoch which serve the expression of utopian ideas and false values. Due to the objective historical reasons the majority of symbols of the Soviet era have lost their potential force of emotional influence on the masses, becoming simulacra [Ten, 2017].

The formation of a common system of meanings of official and unofficial symbols of the EAEU will help social groups and communities to feel part of the model of Eurasian identity. Through the media, the education system, the Institute of religion and other institutions of socialization, the ruling elite, engaged in the symbolic construction of the EAEU as a long-term integration union, should provide information support and constant broadcasting in the media, through various channels of mass communications of various types of symbols that form the collective identity of the EAEU countries.

The historical and cultural heritage of the peoples of the former USSR and their historical-political, industrial, social contacts play a key role in reaching agreement and validity in the new system of symbols formed during the EAEU construction and development. The Eurasian identity arises in particular political and economic contexts or situations and receives mostly a socio-cultural interpretation. “Russian’s pivot to the East is giving a strong boost to the creation of the Eurasian geopolitical, geo-economic, and cultural community” [Karaganov, 2018: 90]. We will see results of this pivot in the future.

The study of symbols of Eurasian integration is important to understanding of how the EAEU authorities are building the collective identity. In general, this research may serve as one of the perspectives for the further analysis of the international policy dealing with the issues of the Eurasian identity.

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu.V. Transformation of post-Soviet nations. Based on the materials of ethnosociological studies. Moscow: Nauka, 2003. (In Rus.)
2. Atanov N.I. Russian-Eurasian transit in the economic zone of the Great Silk Road. *Problems of Economic Transition*. 2018. Vol. 60, No. 1-3. Pp. 210–219.
3. Bajdurin M.S. Baidurin M.S. Ensuring economic security of the EAEU on the basis of the development of economic integration of the CIS countries. PhD Theses dis. ... Dr. Sci. (Econ.). Moscow, 2017.
4. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. University of Michigan Press, 1981. 164 p.
5. Blumer H. *Symbolic interactionism. Perspective and method*. Berkeley: University of California press, 1969.
6. Bottici C., Challand B. *Imagining Europe: Myth, memory, and identity*. Cambridge University Press, 2013. 224 p.
7. Barthes R. *Rhetoric of the image. Image – Music – Text*. New York: Hill and Wang, 1977.
8. Bruter M. On what citizens mean by feeling “European”: Perceptions of news, symbols and borderless-ness. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2003. No. 30 (1). Pp. 21–39.
9. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen*. Vol. 1: Language. New Haven: Yale University Press, 1955.
10. Charon J.M. *Symbolic interactionism: An introduction, an interpretation, an integration*. New York, 1979. 323 p.
11. Chebankova E. Russia’s idea of the multipolar world order: Origins and main dimensions. *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. No. 3. Pp. 217–234.
12. Deleuze G. *The logic of sense*. Columbia University Press, 1990.
13. Dzarasov R.S. Russian neo-revisionist strategy and the Eurasian project. *Cambridge Journal of Eurasian Studies*. 2017. No. 1. Pp. 1–16.
14. Evgeneva T.V., Selezneva A.V. Soviet past in the value and figurative-symbolic space of Russian identity. *Polis*. 2016. No. 3. Pp. 25–39. (In Rus.)
15. Fornäs J. *Signifying Europe*. Chicago: The University of Chicago Press, 2012. 353 p.
16. Fedorenko V. *Eurasian integration: Effects on Central Asia*. Washington: Rethink Institute, 2015.
17. Foret F. Symbolic dimensions of EU legitimization. *Media, Culture and Society*. 2009. No. 31 (2). Pp. 9–14.
18. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. No. 9. Pp. 163–172.
19. Gordienko D. The Strategy of the Silk Road economic belt and ensuring Russia’s economic security. *Problems of Economic Transition*. 2019. Vol. 61. Pp. 354–376.
20. Habermas J. Making sense of the EU – toward a cosmopolitan Europe. *Journal of Democracy*. 2003. Vol. 14. No. 4. Pp. 86–100.
21. Hall S. The work of representation/presentation. In: *Cultural representations and signifying practices*. S. Hall (ed.). London: Sage, 1997. Pp. 13–74.
22. Karaganov S. The new Cold War and the emerging Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. No. 9. Pp. 85–93.
23. Kirkham K. The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? *Journal of Eurasian Studies*. 2016. No. 7. Pp. 111–128.
24. Knobel’ A. The Eurasian Economic Union: Development prospects and possible obstacles. *Problems of Economic Transition*. 2017. Vol. 90. Pp. 335–360.
25. Kolstun P. *Strategies of symbolic Nation-building in South Eastern Europe*. Routledge, 2016. 300 p.
26. Laffan B. The politics of identity and political order in Europe. *Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34. No. 1. Pp. 81–102.
27. Li Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road initiative: Can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies*. 2018. No. 9. Pp. 94–99.
28. Lotman J.M. *Universe of the mind: A semiotic theory of culture*. London & New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 1990.
29. Lukin A. Russia’s pivot to Asia: Myth or reality? *Strategic Analysis*. 2016. Vol. 40 (6). Pp. 573–589.
30. Lukin A. Russia in a post-bipolar world: Survival. *Global Politics and Strategy*. 2016. No. 58 (1). Pp. 91–112.
31. Lukin A., Yakunin V. Eurasian integration and the development of Asiatic Russia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. No. 9. Pp. 100–113.
32. Malinova O. *Actual past: The symbolic policy of the ruling elite and the dilemma of Russian identity*. Moscow: Political Encyclopedia, 2015.
33. Manners I.J. Symbolism in European integration. *Comparative European Politics*. 2011. No. 9 (3). Pp. 243–268.
34. Marquardt K.L. Identity, social mobility and ethnic mobilization: Language and the disintegration of the Soviet Union. *Comparative Political Studies*. 2017. Vol. 51 (7). Pp. 831–867.
35. Mozaffari M. *Globalization and Civilizations*. London: Routledge, 2003.
36. Rotaru V. The Eurasian Economic Union – a sustainable alternative for the former soviet space? *Journal of Contemporary European Studies*. 2018. Vol. 26 (4). Pp. 425–442.
37. Sergi B.S. Putin’s and Russian-led European Union: A hybrid half-economics and half-political “Janus Biifrons”. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. No. 9. Pp. 52–60.

38. *Shengler O.* The decline of the West. Oxford: Oxford University Press, 1991.
39. *Theiler T.* Political symbolism and European integration. Manchester: Manchester University Press, 2005.
40. *Ten Yu.P.* The shaping of a symbolic model of the Eurasian economic union as basis for marketing strategy. *Humanities and Socio-economic Sciences*. 2017. No. 3 (94). С. 110–113. (In Rus.)

Статья проверена программой Антиплагиат

Рецензент: *Тюриков А.Г.*, доктор социологических наук; профессор департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ

Статья поступила в редакцию 18.03.2022, принята к публикации 26.04.2022

The article was received on 18.03.2022, accepted for publication 26.04.2022

ABOUT THE AUTHOR

Julia P. Ten, Dr. Sci. (Philos.); Professor at the Department of Management and Innovation of the Faculty of Higher School of Management; associate professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2387-6243; SPIN: 3745-3928; E-mail: YPTen@fa.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тен Юлия Павловна, доктор философских наук; профессор Департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления»; доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-2387-6243; SPIN: 3745-3928; E-mail: YPTen@fa.ru

5.7.8 Философская антропология, философия культуры
Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

5.7.9 Философия религии и религиоведение
Philosophy of Religion and Religious Studies

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-157-163

Удивление (admiratio) как критерий аутопойезиса искусства (на примере различий античных мыслителей)

М.С. Лютаева ©

Владимирский государственный университет,
г. Владимир, Российская Федерация

E-mail: liutaeva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен admiratio (удивительного) как критерий искусства. Удивительное представлено с точки зрения системной теории Никласа Лумана как фактор активации социального аутопойезиса, медиа (средство) успешности коммуникации и относится немецким социологом к «традиционным» теориям искусства, истоки которых обнаруживаются в философской и литературной рефлексии начиная с античной Греции. В сфере описания искусства удивительное фигурирует в поэмах Гомера, маркируя сферу искусной деятельности (технэ) и ее произведений, которые рассматриваются как один из способов приобретения славы для автора-создателя. В философской мысли классического периода Древней Греции (в трудах Платона, Аристотеля), далее в трактатах Цицерона и письмах Горация, удивительное раскрывается многопланово: ключевой аспект эпистемологической программы; источник удовольствия, в связи с чем получает противоречивую оценку; феномен, имеющий сильное и непредсказуемое воздействие на аудиторию. Отмечается изначальное ориентирование данного концепта на наблюдение и фигуру наблюдателя, позволяя определять искусство в терминах коммуникативной теории, учитывать ожидания, направлять внимание на рефлексии воспринимаемого.

Ключевые слова: admiratio, удивление, искусство, Н. Луман, аутопойетические системы, философия античности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лютаева М.С. Удивление (admiratio) как критерий аутопойезиса искусства (на примере различий античных мыслителей) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 157–163. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-157-163

Admiration (*admiratio*) as a Criterion for the Autopoiesis of art (on the Example of the Distinctions of Ancient Thinkers)

M.S. Liutaeva ©

Vladimir State University,
Vladimir, Russian Federation

E-mail: liutaeva@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to the phenomenon of *admiratio* (admiration, wonder, marvelous) as a criterion of art. The methodological basis of the study is the system theory of Niklas Luhmann. Admiration is presented as a factor in the activation of social autopoiesis, the media of successful communication. The German sociologist refers it to the “traditional” theories of art, the origins of which are found in philosophical and literary reflection starting from ancient Greece. In the sphere of describing art, admiration (wonder) appears in Homer’s poems, marking the sphere of skillful activity (*techne*) and its works, which are considered as one of the ways of achieving fame for the author. In the philosophical thought of the classical period of Ancient Greece (in the works of Plato, Aristotle), further in the treatises of Cicero and the letters of Horace, admiration is revealed in many ways: the key aspect of the epistemological program; a source of pleasure, in connection with which it receives a controversial assessment; a phenomenon that has a strong and unpredictable effect on the audience. The initial orientation of this concept to observation and the figure of the observer is noted, allowing art to be conceptualized in terms of communicative theory, taking into account the expectations of the audience, directing attention to the reflection of what is perceived.

Key words: *admiratio*, wonder, art, N. Luhmann, autopoietic systems, philosophy of antiquity

FOR CITATION: Liutaeva M.S. Admiration (*admiratio*) as a Criterion for the Autopoiesis of art (on the Example of the Distinctions of Ancient Thinkers). *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 157–163. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-157-163

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о критериях выделения того феномена, который именуют «искусством», позволяющих отличать его от других явлений социальной жизни, является одним из актуальных и дискуссионных направлений на протяжении тысячелетий. Проблема дефиниции, т.е. уверенного различения, как его формулирует, например, Р. Коллингвуд, утверждавший, что «вот это и вот это – искусство, а вот это и вот то – не искусство» [14: 13], была осознана в XIX в. В настоящее время традиционно классифицируют все такие определения по трем направлениям – сущностный, функциональный и кластерный [17]. Проблема идентификация искусства как социального феномена обострилась, с одной стороны, в связи с тенденцией глобальной эстетизации гуманитарного дискурса [21], с другой, на фоне концепций «конца искусства» (А. Данто), «умирания искусства» (В. Вейдле), а также из-за возникновения новых направлений, например, сайнс-арт (Science Art), видео-арт, «искусство» искусственного интеллекта и т.п. Наряду с этим, внутри проблемы определения данного термина можно выделить и частный вопрос критериев. Как заметил В. Вейдле (1895–1979) в статье

«Об иллюзорности эстетики и о жизненной полноте искусства» (1953), «если бы в искусстве вопрос о предпочтении решался так же, как относительно кофе и чая, то согласно о том, что в нем ценно и важно, не на чем было бы держаться, кроме как на большинстве голосов» [10: 304]. Некоторые исследователи называют в числе критериев искусства его способность вызывать удивление. Так А. Йорн (A. Jorn) настаивает, что теория искусства должна строиться не на понятии красоты, а на концепте удивительного (*wonder*) [4: 60]. В этом контексте Л. Загзевски (L. Zagzebski) отмечает недостаточное внимание исследователей истории философии к концепту *admiratio* (удивление)¹, и рассматривает его во взаимосвязи с моральной сферой, с чувством зависти [6]. Т. Ирвин (T.H. Irwin) исследует становление концепта *admiratio* от гомеровского эпоса до эпохи эллинизма и отмечает, с одной стороны, его обособленность от моральных коннотаций, с другой, неразрывную связь с ними [3: 248]. Большое количество исследований посвящено эпохе Возрождения, когда «теория удивительного» разрабатывается подробно и позволяет

¹ Петрученко О. Латинско-русский словарь. М.: В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых, 1914. С. 14.

впоследствии обособится в сфере художественной литературы от моральной и религиозной доминанты [2]. Обширный материал по рецепции термина «*admiratio*» в эпоху чинквеченто (XVI в.) предлагает Е.В. Лозинская [15]. В качестве традиционного критерия системы искусства выделяет *admiratio* известный немецкий социальный теоретик Никлас Луман (1927–1998). В нашем исследовании предложен анализ семантических различий, маркирующих удивительное в отношении к проблемно-тематической области искусства в эпоху античности (от поэм Гомера до трактатов Цицерона). Предлагается анализ данного феномена с точки зрения концепции Н. Лумана.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В теории социальных систем Н. Лумана критерии принадлежности феноменов к специфической коммуникативной области (науке, религии, политике, образованию, искусству и т.п.) являются уникальными формами или различиями, позволяющими самой этой системе отобрать необходимый контент для продолжения своего аутопойезиса (самовоспроизводства). Теория аутопойезиса в применении к социальным процессам стала результатом рецепции немецким социальным философом ряда идей биологов У. Матураны и Ф. Варелы, согласно которым социальные системы описываются в единой логике биологической эволюции как автономные, операционно замкнутые единства, самонаблюдающие и создающие описания в языковом поле [18: 195, 241]. По их словам, «аутопойетическая система вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды посредством собственной динамики» [Там же: 53]. Аутопойетическая динамика циркулярно конструируется самой системой, окружающая среда (к которой относятся и другие системы) может лишь «запускать» внутренние системные процессы, выступая в качестве возмущений или ирритаций [Там же: 112]. Способ описания искусства в терминах аутопойезиса представлен в специальных работах Н. Лумана [5].

Теория Лумана построена на принципах дистанцирования от традиции поиска ответа на вопрос о «бытии и сущности» искусства и фундируется на понятиях «различение», «медиум», «форма», «наблюдатель» [Там же: 2]. Акцентируется зависимость искусства от восприятий, являющихся его медиумом (материалом, средством, ресурсом, сферой слабосвязанных элементов) и способность искусства преобразовывать восприятия (относящиеся к аутопойезису нервных / психических систем) для смыслового оперирования в сети коммуникации. Система искусства регулируется бинарным кодом «красивый/уродливый» (*schön/hässlich*) [Там же: 191]. Функциональный вклад этой системы заключается в дублировании реальности, создании вообразимых миров (миров художественных произведений), что исторически выступает ранней практикой наблюдения второго порядка, позволяющей критически относиться к принятым стереотипам и шаблонам описания реальности, создавая дополнительные возмущения (ирритации) для социального развития в целом. Искусство, как и другие социальные системы, конструирует собственную семантическую область, сферу ожиданий коммуникации, критерии успешности, про-

граммы принятия. Согласно Луману, искусство обладает эффектом «*admiratio*», т.е. оно одновременно побуждает чувства удивления, изумления (*Verwunderung*) и восхищения, преклонения, восторга (*Bewunderung*) [Там же: 145]. Удивительное как критерий искусства относится автором к «традиционным» признакам, присутствующим в памяти системного описания, начиная с древнегреческих мыслителей, которые «первыми начали рефлексировать об артобъектах как независимых реальностях» [Там же: 144–145]. С.С. Аверинцев отметил феномен обособления художественной коммуникации как «самозаконной формы человеческой деятельности» в античной Греции на основе возникновения «специальной теории литературы, поэтики, литературной критики и филологии» [7: 15–16]. А.А. Глухов показывает преэминентность современных теорий искусства с античными, отмечая, их близость к платоновским рассуждениям [11].

ФЕНОМЕН УДИВИТЕЛЬНОГО В РАЗЛИЧИЯХ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Феномен удивления, происходит от греческого глагола *θαυμάζειν* (удивляться) и существительного *θαῦμα* (чудо). На русский язык *θαῦμα* переводится как 1) чудо, диво; нечто невиданное, нечто неслыханное; невероятное; 2) чудо ловкости, фокус; 3) удивление, изумление; при этом глагол *θαυμάζειν* имеет значения: 1) удивляться, поражаться, изумляться; 2) дивиться, разглядывать с удивлением, смотреть с интересом; 3) восторгаться, восхищаться; 4) недоумевать, задаваться вопросом, не понимать². Существует целый комплекс терминов [2: 58], которым переводят это слово на английский язык: *wonder* (изумление, восхищение, чудо), *miracle* (чудо, удивительная вещь), *admiration* (восхищение), *astonishment* (удивление), *marvel* (чудо), *awe* (благоговение, трепет), *stupor* (оцепенение), *the unusual* (необычное), *the perfect* (идеальное, безупречное, совершенное), *the sublime* (возвышенный, великолепный)³. М. Поленц указывает, что слово *θαυμάζειν* в исконном смысле означает «внимательно разглядывать, с интересом наблюдать что-либо» и связано этимологически со словом *θέασις* – созерцание [20: 11].

Исследователи древнегреческой культуры А.И. Зайцев и С.С. Аверинцев отмечают среди важнейших аспектов ее уникального развития возникновение авторской точки зрения, «авторского самосознания» [7: 27], «притязания на авторство» [12: 129] соединенного с агональной тенденцией («агон» от др.-гр. *ἄγων* – соревнование, борьба) и претензией на публичную славу [Там же: 130]. Авторство фиксируют как мудрецы, так и скульпторы, живописцы, вазописцы, поэты, историографы, философы [Там же: 137–138]. Практика атрибуции авторства распространялась и на легендарное (мифологическое) прошлое, когда «появляется стремление приписать чужь ли не всем достижениям человеческой цивилизации какого-то изобретателя, часто мифологического» [Там же: 139]. Фактором констелляции (объединения,

² Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М.: ГИС, 1958. С. 771.

³ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/immediate> (дата обращения 16.03.2022).

оформления) проблемной области искусства выступает наличие описаний предметов искусства, литературных сочинений, экфрасисов. В таком контексте удивление просматривается как необходимый элемент творческой практики, один из способов успешности ожиданий в сфере (с оговоркой, что это теория искусства как ремесла-технэ). Так в сюжете о приготовлениях Гефеста к созданию щита для Ахилла, мы находим намерение: «изготовить доспехи, которым каждый от смертных бесчисленных будет дивиться (θαυμάσεται)»⁴ (Hom. Il., 18.465). В экфрасисе изображенной на щите сцены на агоре, когда «почтенные жены» ей «дивуются» (θαύμαζον), слушая «лир и свирелей веселые звуки»⁵ (Hom. Il., 18.495). Множество примеров в Илиаде, когда люди «дивятся» знаменам богов (Hom. Il., 2.320), подвигам воинов, пылающим огням стана троянцев (Hom. Il., 10.10). Яркие примеры удивления искусными предметами, созданными людьми, приводит Геродот, описывая, к примеру, как вызывают восхищение поражающие размерами каменные сооружения Египта, колоссальные статуи и огромные сфинксы (Hdt., 2.175). Он же, начиная свою «Историю», в качестве цели труда отмечает желание сохранить в памяти поколений «великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров»⁶ (Hdt., 1.1), маркируя значимость запечатленных фактов и их выдающийся характер.

Концепция удивления как начала философского поиска встречается у Платона. Например, в диалоге «Теэтет» читаем: «ведь удивляться есть свойство особенно философа; ибо начало философии не иное, как это, и тот, кто Ириду назвал порождением Тавманта (удивляющегося) не худо знает ее генеалогию»⁷ (Pl. Tht., 161c–d). В рамках концепции воспоминания / припоминания чувственно-воспринимаемые предметы лишь вызывают желание дальнейшего рационального изучения, а красота рассматривается в контексте эроса-любви [10: 300; 14: 46–47]. Эрос, единственный философствующий бог – гений, даймонион (δαίμονιον) (Pl. Tht., 204a), выполняет роль посредника между богами и смертными, «им связуется все» (Pl. Tht., 202e). Деятельность Эроса – «рождение в прекрасном» (Pl. Symp., 206a), стремление философствовать, «любовь красоты», «любовь мудрости» (Pl. Symp., 204b), творчество в любом его проявлении (Pl. Symp., 205bc). Часто в ходе диалогов Платона, Сократ «удивляется» людям, называющим себя мудрыми, латентно обнаруживая оппозицию: человеческая мудрость как заблуждение / божественная мудрость как истина, как бы продолжая парадигму гимнов Пиндара «и дивному вера есть, коль вершитель – бог»⁸ (Pind. Pyth., 10.45).

Неоднозначное и дифференцированное отношение Платона к поэзии и музыке было отмечено многими исследователями [11; 14: 52; 19: 228–229], имея место в связи с отнесением их к подражательной деятельности (μίμησις). Однако, по мысли М.М. Позднева, своей критикой поэтов, Платон скорее «противостоит

оскудению вкуса», когда место ἀλάτη (обман, мошенничество, уловка) в эстетической теории занимает свободная от нравственных коннотаций теория μίμησις, а «вместо почтенной σοφία философия творчества оперирует однозначно механистической τέχνη» [19: 228], когда воспитательные функции искусства уступают место удовольствию, нездоровой эмоциональности. Так, например, «Менада» («Вакханка») Скопаса описывается в античных эпиграммах, хотя и более позднего периода, в образе мрамора, в котором воплощены экстаз, безумие, стремительность («Нет, не природа создала нам эту Вакханку в экстазе, создал художник ее, в мрамор безумье вложив»⁹, Павел Силенциарий). По Платону, произведения искусства отдаляют познающего от созерцания истины, т.е. привязывают «обывателей» к миру теней. Любопытный комментарий к знаменитому «Мифу о пещере» предлагает А. Гараджа, обращая внимание на людей, которые проносят предметы за ширмой и их уподобление с θαυματοποιοῦς, т.е. фокусниками (Pl. Resp., 514b), «кукловодами» (puppeteers, в англоязычной литературной традиции), которые показывают зрителям фокусы, чудеса (θαῦμα) [1: 79]. Комментируя этот диалог А. Гараджа, вслед за Дж. Уилбердингом (J. Wilberding), относит к ним законодателей, политиков, поэтов, живописцев, музыкантов, а также софистов и ораторов, которые формируют общественное мнение, создавая ложные шаблоны восприятия и мышления, т.е. «манипулируют» [Там же]. Платон не доверяет удивлению/ восхищению, оно не может служить целям познания и критерием истины, блага, красоты. Ошибки людей в объектах восхищения, какими выступают для современников Платона богатство и роскошь, являются свидетельством человеческого заблуждения: «когда в городе уважаются богатство и богатые, тогда добродетель и люди добродетельные находятся в унижении» (Pl. Resp., 551ab, 553d). Т. Ирвин (T.H. Irwin) указывает на ненадежность для Платона удивления/ восхищения в вопросах добродетели и ценностных приоритетов [3: 235]. Несмотря на то, что поэты представляются вестниками богов, получают свое вдохновение от муз, становясь буквально наполненными божественным (ἔνθεος) или боговдохновенными «восторженниками» (ἐνθουσιαστικός), «свои мелодии черпают из источников, текущих медом в каких-то садах и на лугах муз, и несут их нам как пчелы, летая подобно им»¹⁰ (Pl. Ion. 534b), если искусство не учит благу, оно бесполезно и даже опасно, так как связано с сильным эмоциональным воздействием, безумием или удовольствием, которое, по Платону, есть «величайшая приманка зла» (Pl. Ti., 69d; Pl. Phlb., 44c) [19: 237]. Как отмечает А. Бронников, теоретизирование Платона об искусстве есть «попытка построения педагогического канона, согласно которому воспитываются “стражи” справедливого государства», а несовершенство «подражательной» поэзии – в невозможности воспользоваться ею для целей воспитания [8].

А.А. Глухов анализируя влияние поэтов на аудиторию, их популярность, исполнительский успех,

⁴ Гомер. Илиада / пер. с др.-гр. Н. Гнедича. М.: Правда, 1984. С. 301.

⁵ Там же.

⁶ Геродот. История. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 5.

⁷ Платон. Теэтет. пер. с др.-гр. В.Н. Карпова. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Теэтет_\(Платон;_Карпов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Теэтет_(Платон;_Карпов)) (дата обращения: 16.03.2022).

⁸ Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука. 1980. С. 110.

⁹ Античные поэты об искусстве. СПб.: Алетейя, 1996. С. 46–47.

¹⁰ Ион // Сочинения Платона. В 6 т. / пер. В.Н. Карпова. СПб.: типогр. духовн. журнала «Странник», 1863. Т. 4. С. 366–386. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Ион_\(Платон;_Карпов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Ион_(Платон;_Карпов)) (дата обращения: 16.03.2022).

роскошную жизнь и престижное положение в обществе, отмечает, «что магнетическая власть, которой обладает рапсод над слушателями, обходится без использования искусства, *technè* ... Поэт или рапсод, охваченный вдохновением, оказывается вне себя... Поэт не творец, не господин речи, но ее переводчик», искажающий оригинал божественного послания. В этом смысле, поскольку искусство привлекает внимание, заставляет удивляться, становится объектом восхищения, оно несет угрозу государству, а особенно воздействует на яростную душу стражей [11].

Развернутую характеристику получает удивление в текстах Аристотеля. Доминирующей сферой удивления, вслед за своим учителем, философ считает когнитивную [15: 429], что нашло отражение в размышлении о мудрости (*σοφία*) из «Метафизики». В заключительной части этого фрагмента Аристотель, объясняя причины, побуждающие людей познавать, сообщает, что «удивление побуждает людей философствовать»¹¹ (Arist. *Metaph.*, 982b, 10). Взаимосвязаны между собой в концепции Аристотеля незнание и удивление, пробуждающие философствование как стремление понимать, а не извлекать пользу (Arist. *Metaph.*, 982b, 15–20). Удивление как качественная характеристика проявляется в рассуждениях об этике, гражданских образцах поведения, достойных восхищения (Arist. *EN.*, 1095a, 25), но также характеризует и тех, кто намеренно нарушает меру для привлечения внимания. (Arist. *EN.*, 1123a, 20–25). Через желание познания, присущее человеку от природы и доставляющее удовольствие, Аристотель связывает удивление со сферой живописи, поэзии, скульптуры: «Раз приятно учение и восхищение, необходимо будет приятно и все подобное этому, например, подражание, а именно: живопись, ваение, поэзия и вообще всякое хорошее подражание, если даже сам объект подражания сам по себе не представляет ничего приятного»¹². Философ добавляет критерии новизны, «внезапных перемен»¹³ (Arist. *Poet.*, 1452a), как источников удивления и последующего наслаждения, также изображение немислимого (*ἄλογος*) (Arist. *Poet.*, 1460a) как вызывающие удивление.

Римская теория красноречия, представленная, в первую очередь, в трудах Цицерона, продолжила развивать теорию удивительного. По замечанию Г.С. Кнабе, Цицерон и его творчество важны не только как свидетельства видного политика и оратора Римской республики, он был «теоретиком красноречия», «знатоком философии, автором стихотворных произведений, переводчиком, эпистографом», «человеком античного склада и античной культуры», его сочинения «важная веха в истории эстетики» [13: 395]. Цицерон, фиксируя свои наблюдения об искусстве красноречия (*artificiosa eloquentia*), пишет трактат «Брут» (46), посвященный его истории, и отмечает, что знаменитые ораторы всегда выступали объектом восхищения слушателей (*admiratio*) (Cic. *Brut.*, 43.159,

53.198, 53.327). Восхищение – атрибут славы (Cic. *Off.*, 2.31, 2.36), достичь которой можно в том числе искусными ораторскими речами (Cic. *Off.*, 2.48), когда «снискивают хорошие ораторы дань восторгов и рукоплесканий»¹⁴, – замечает Цицерон. (Cic. *de Orat.*, 1.151). Акцентируя внимание на формальной, технической стороне выстраивания речи оратора, а также обращаясь к феномену комического, Цицерон обращается к роли двусмысленности. Последнюю он определяет как «уменье придать слову иной смысл, чем обычно принятый», она вызывает большее восхищение, чем простая шутка или острота¹⁵ (Cic. *de Orat.*, 2.254). В более поздней литературной традиции один из способов выражения остроты и двусмысленности получит название оксюморон. В речи Цицерона против Катилины представлен знаменитый пример оксюморона – *cum tacent clamant* (Cic. *Catil.*, 1.8.21) – «храня молчание, громко говорят»¹⁶, источник перешедшего во все языки фразеологизма «красноречивое молчание». В. Вейдле переводит слово оксюморон, происходящее из древнегреческого языка от сочетания слов *ὀξύς* «острый» и *μωρός* «глупый», «тупой», как «острая тупость» [10: 13] и характеризует его значение следующим образом: «умно заостренное упразднение рассудка, выход, пусть и ненадолго, из-под его опеки». Оксюморон «ставит особенно резкую преграду тем готовым – рассудком изготовленным – значениям и сочетаниям значений, без которых нельзя обойтись в обыденной речи, но с которыми в поэзии делать нечего» [10: 14], то есть противостоит шаблонным и обыденным высказываниям. У Цицерона «возникает мотив, который будет тщательно разрабатываться ренессансными теоретиками романа: декоративная роль удивительного, основой которого выступают “вещи” – сверхъестественные элементы (предсказания, оракулы и т. п.), а также действия божественных сил или судьбы (“De partitione oratio”, 73)» [15: 430]. Исследователи отмечают тесную взаимосвязь в творчестве Цицерона красноречия и философии, а также неотделимость ораторского искусства и нравственности [13: 396], от понятия *humanitas* [9: 113], поэтому любые средства успешности ораторской речи соотносятся у него с высокими нравственными принципами и нормами, стремлением к внутреннему самосовершенствованию и достойной жизни [9: 114]. По Цицерону, «прекраснее всего широта души и высота души»¹⁷ (Cic. *Tusc.*, 2.64). Сомнительность и ненадежность чувства восхищения прозвучит в послании к Нумицию Горация, которое в оригинале и переводе русский представлено так:

Nil admirari prope res est una, Numici,
solaque, quae possit facere et servare beatum.¹⁸

¹⁴ Цицерон М.Т. Об ораторе. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1423777001> (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Цицерон М.Т. Первая речь против Луция Сергия Катилины. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1267350009#8> (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁷ Цицерон М.Т. Тускуланские беседы. Кн. II. О преодолении боли. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1422368002> (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁸ Quintus Horatius Flaccus. *Epistularum. Liber I. 6.* URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/horatius/epist1.htm> (дата обращения: 16.03.2022).

¹¹ Аристотель. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 69.

¹² Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 129.

¹³ Там же.

Один, Нумиде, почти способъ насъ блаженны
И здѣлать и сохранить; всему не дивиться¹⁹.

(1788: 82)

Удивительное выступает причиной потери «душевного покоя», тогда как крайности способны сделать «глупцом» любого мудреца и добродетельного гражданина, отдавшего дань восхищения богатству, «мраморамъ и мѣди древнимъ», «бисеру», «Тирейскому цвету», «художѣства отмѣнному дѣлу»²⁰.

Дальнейшая рецепция концепции удивительного требует отдельного рассмотрения и может быть детально прослежена в трудах средневековых авторов, в эпоху Ренессанса и Нового времени, когда, по словам Лумана, сущность «*admiratio*» была прекрасно описана Декартом в «Страстях души» (*Les Passions de l'âme*, 1649) и обозначена как первая из «страстей души», вызываемая новым, «отличающимся», «поражающим», «неожиданным»²¹. По Декарту, удивление «полезно, заставляя нас замечать и хранить в нашей памяти то, на что мы раньше не обращали внимания»²², это первая ступень, стимулирующая рациональное познание. Рецепция удивительного прослеживается и в понятиях возвышенного, выразительной формы, эстетике перформативности, аффективной теории искусства и многих других концепциях, подтверждая свою «традиционность» и укорененность в теоретическом дискурсе об искусстве. «*Admiratio*» как первичная и всем доступная «душевная страсть» легла в основу представления о функции искусства, как подготавливающего почву для дальнейшего бинарного кодирования в сфере религии и науки. Оно приводило душу в созерцательное, оторванное от будничных рутинных забот состояние и перенаправляло для дальнейших сущностных поисков или размышлений [5: 145].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные «теории удивительного», как они осмыслились в античности, с точки зрения теории

Н. Лумана, могут привести к интересным выводам в социально-философском описании искусства. В любой социальной ситуации Луман выделяет «тройное различие»: «присоединение» в контексте ожидаемого, присоединение на основе «отклоняющихся структур ожиданий», «прекращение». При этом «различие этих различий определяет матрицу помех и изменчивости структур» [16: 458]. Феномен удивительного в теории Лумана выполняет роль ирритаций/дестабилизаций в системе, стимулирующих ее самоизменение за счет повышения сложности (сложности) системы. Удивительное в коммуникативной сфере тесно взаимосвязано с контекстом ожиданий, оперируя различием ожидаемое/неожиданное, объединяющее в себе комплекс частных различий, таких как «искусно выполненное / обыкновенное», «подражающее (воспроизводящее) действительность / искажающее ее»; «обыденный смысл / парадоксальный», «выдающийся моральными качествами / посредственный» и т.п. Также удивление может быть рассмотрено как средство достижения успешности коммуникации, вызывая на различных уровнях (эмоциональном, познавательном) чувство удовольствия и способствуя принятию коммуникации, включению предложенной ситуации в аутопоиетическую область, ее рефлексии и запоминание системой. Дискуссионность удивительного в философской и литературной рефлексии (Платон, Цицерон, Гораций) маркирует рискованность коммуникации с помощью искусства и его медиума восприятий, так как оно не поддается социальному контролю и выходит за рамки моральных норм, воспитательных стандартов, его эффект часто непредсказуем даже для самого автора. Так А. Йорн отмечает, что в феномене удивительного скрыто «желание быть удивленным (*desire to be inspired*)», которое в более обобщенном виде может быть представлено как стремление к новизне, но «расстояние от чуда до восхищения редко бывает большим, чем дистанция от чуда до презрения» [4: 60]. Интересным представляется и то, что концепт удивительного изначально был обращен к наблюдателю. Наблюдение – одно из центральных понятий лумановской теории, как и современной науки в целом. Удивление способствует возникновению рефлексии о воспринимаемом феномене [5: 14] и различению восприятия и коммуникации [5: 15], поиск смысла [5: 24]. Артикуляция удивительного направлена на постановку и решение вопросов об ожидаемых переживаниях адресатов художественного произведения в результатах коммуникации в такой форме.

¹⁹ Квинта Горация Флакка. Десять писем первой книги. Переведены с латинских стихов на русские примечаниями, изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложеннии русских стихов. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук 1788 года. URL: <https://www.litres.ru/kvint-goracij-flakk/desyat-pisem-pervoy-knigi-533475/> (дата обращения: 16.03.2022).

²⁰ Там же.

²¹ Декарт Р. Избранные произведения. М.: Государственное издание политической литературы, 1950. С. 624–625.

²² Там же. С. 629.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Garadja A.* Praestigiae Platonis: The cavernous puppetshow. *СХОЛН*. 2019. Vol. 13. No. 1. Pp. 78–82.
2. *Hathaway B.* *Marvels and commonplaces.* Renaissance literary criticism. New York: Random House, 1968.
3. *Irwin T.H.* Nil Admirari? Uses and abuses of admiration // *Proceedings of the Aristotelian Society.* 2015. Supplementary vols. Vol. 89. Pp. 223–248.
4. *Jorn A.* Wonder, admiration, enthusiasm. 2012. Vol. 141. Pp. 59–69.
5. *Luhmann N.* *Art as a social system.* Stanford, California: Stanford University Press, 2000. 422 p.

REFERENCES

1. *Garadja A.* Praestigiae Platonis: The cavernous puppetshow. *СХОЛН*. 2019. Vol. 13. No. 1. Pp. 78–82.
2. *Hathaway B.* *Marvels and commonplaces.* Renaissance literary criticism. New York: Random House, 1968.
3. *Irwin T.H.* Nil Admirari? Uses and abuses of admiration. *Proceedings of the Aristotelian Society.* 2015. Supplementary vols. Vol. 89. Pp. 223–248.
4. *Jorn A.* Wonder, admiration, enthusiasm. 2012. Vol. 141. Pp. 59–69.
5. *Luhmann N.* *Art as a social system.* Stanford, California: Stanford University Press, 2000. 422 p.

Лютаева М.С.

6. Zagzebski L. *Admiration and the admirable* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2015. Supplementary vols. Vol. 89. Pp. 205–221.
7. Аверинцев С.С. *Риторика и истоки Европейской литературной традиции*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.
8. Бронников А. *Платоновская идеальность текста* // *Платоновские исследования*. 2014. Вып. 1. URL: <http://pinvestigations.ru/content/Archive/issue.aspx?isid=14> (дата обращения: 16.03.2022).
9. Быстрова С.П. *Истоки философии культуры: Цицерон*. СПб.: Алетейя, 2010. 133 с.
10. Вейдле В. *Эмбриология поэзии: статьи по поэтике и теории искусства*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с.
11. Глухов А.А. *Философия о власти искусства*. // *Художественная культура*. 2014. № 1 (10). URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2014-1/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/831.html> (дата обращения: 16.03.2022).
12. Зайцев А.И. *Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 208 с.
13. Кнабе Г.С. *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*. М.: Индрик. 1993. 528 с.
14. Коллингвуд Р. *Принципы искусства: Теория эстетики. Теория воображения. Теория искусства*. М.: Языки русской культуры, 1999. 328 с.
15. Лозинская Е.В. *Удивление. Admiratio как эстетическая категория в поэтиках эпохи Чинквеченто* // *Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель*. М.: Изд-во Кулагиной-INTRADA, 2010. С. 429–437.
16. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука, 2007. 640 с.
17. Лютаева М.С. *Сущность или конвенция. Место теории Н. Лумана в контексте проблемы определения искусства* // *Религии в России и мире: диалог, веротерпимость и конструирование идентичности*. Владимир: Аркаим, 2020. Т. 36. (Серия «Свеча – 2020»). С. 267–274.
18. Матурана У., Варела Ф. *Древо познания: биологические корни человеческого понимания*. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. 320 с.
19. Позднев М.М. *Психология искусства. Учение Аристотеля*. М., СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 816 с.
20. Полец М. *Стоя. История духовного движения*. СПб.: Издательский проект «Quadrivium», 2015. 1040 с.
21. Сидоров А.М. *Эстетический поворот: от Канта и романтизма к современной философии* // *Кантовский сборник*. 2011. № 2. С. 52–59.
6. Zagzebski L. *Admiration and the admirable. Proceedings of the Aristotelian Society*. 2015. Supplementary vols. Vol. 89. Pp. 205–221.
7. Averintsev S.S. *Rhetoric and origins of the European literary tradition*. Moscow: School “Languages of Russian culture”, 1996. 448 p.
8. Bronnikov A. *Platonov’s ideality of the text. Platonic studies*. 2014. Issue 1. URL: <http://pinvestigations.ru/content/Archive/issue.aspx?isid=14>
9. Byistrova S.P. *The origins of the philosophy of culture: Cicero*. St. Petersburg: Aletheia. 2010. 133 p.
10. Veidle V. *Embryology of poetry: Articles on poetics and theory of art*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002. 456 p.
11. Glukhov A.A. *Philosophy about the power of art. Art Culture*. 2014. No. 1 (10). (In Rus.) URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2014-1/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/831.html>
12. Zaitsev A.I. *Cultural upheaval in ancient Greece VIII–V centuries BC*. Leningrad: Leningrad University Press, 1985. 208 p.
13. Knabe G.S. *Materials for lectures on the general theory of culture and the culture of ancient Rome*. Moscow: Publishing House “Indrik”, 1993. 528 p.
14. Collingwood R. *Principles of art: Theory of aesthetics. Theory of imagination. Theory of art*. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 328 p.
15. Lozinskaya E.V. *Astonishment. Admiratio as an aesthetic category in the poetics of the Cinquecento*. In: *European poetics from Antiquity to the age of enlightenment: Encyclopedic guide*. Moscow: Kulagina-INTRADA Publishing House, 2010. С. 429–437.
16. Luhmann N. *Social systems. Essay on the general theory*. St. Petersburg: Nauka, 2007. 640 p.
17. Lyutaeva M.S. *Essence or convention. The place of N. Luhmann’s theory in the context of the problem of defining art*. In: *Religions in Russia and the world: Dialogue, tolerance and identity construction*. Vladimir: Arkaim, 2020. Vol. 36. (Series “Candle – 2020”). Pp. 267–274.
18. Maturana H., Varela F. *The tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. Moscow: URSS: LENAND, 2019. 320 p.
19. Pozdnev M.M. *Psychology of art. Aristotle’s teaching*. Moscow, St. Petersburg: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2010. 816 p.
20. Polents M. *Stoicism. History of spiritual movement*. St. Petersburg: Publishing project “Quadrivium”, 2015. 1040 p.
21. Sidorov A.M. *Aesthetic turn: From Kant and romanticism to modern philosophy. Kant’s Collection*. 2011. No. 2. Pp. 52–59.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 82,51%

Рецензент: Аринин Е.И., доктор философских наук; заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета

Статья поступила в редакцию 18.03.2022, принята к публикации 21.04.2022

The article was received on 18.03.2022, accepted for publication 21.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лютаева Мария Сергеевна, кандидат философских наук; преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета. Владимир, Российская Федерация. E-mail: liutaeva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria S. Liutaeva, Cand. Sci. (Philos.); lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies of the Vladimir State University. Vladimir, Russian Federation. E-mail: liutaeva@yandex.ru

5.7.6.

Философия науки и техники
Philosophy of Science and Technology

23.00.01

Теория и философия политики,
история и методология
Theory and Philosophy of Politics,
History and Methodology

DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-164-177

Гуманитарное знание в предпринимательском университете: стратегии «оправдания»

Л.Н. Биньковская^а ©, К.Г. Мальцев^б ©, А.В. Мальцева^с ©

Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова,
г. Белгород, Российская Федерация

^а E-mail: larisa.bankovskaya@yandex.ru

^б E-mail: maltsevaannav@mail.ru

^с E-mail: pavic69@mail.ru

Аннотация. Гуманитарное знание и «либеральное образование» в последние пятьдесят лет являются проблемой для современного инновационного/ предпринимательского университета как коммерческой фирмы: «импакт» как императив публичного дискурса университета в либеральных демократиях и университетской политики видимо противоречит утверждениям о «самоценности» или «бесполезности» гуманитарного знания. Целью статьи является рассмотреть основные направления «оправдания» «гуманитарной составляющей» университета, способы его *политизации* (термин У. Бека): апелляции к ценностям (культуры), к общественному благу, гражданскому воспитанию, к методологической функции философии и гуманитарных наук, предпринимаемые в этой связи. Демонстрируется *отсутствие оснований* для того, чтобы названные способы политизаций имели *значение*: как в связи с собственной несостоятельностью подобных ценностей, так и в качестве аргумента для господствующего публичного дискурса университета. Делается вывод, что господствующая либеральная трактовка гуманитарного знания *необходимо* предусматривает его преобразование в *продукт*, цена которого определяется *рынком: действительная* «проблемная ситуация» связана не с «природой гуманитарного знания», а с «борьбой за статус», то есть является *вопросом о власти* и престиже в связи с их перераспределением в предпринимательском университете как *коммерческой фирме*.

Ключевые слова: гуманитарное знание, либеральное образование, предпринимательский университет, политизации, дискурс совершенства, публичный дискурс университета, человеческий капитал

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Гуманитарное знание в предпринимательском университете: стратегии «оправдания» // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 164–177. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-164-177

Humanitarian Knowledge at the Entrepreneurial University: Strategies of «Justification»

L.N. Binkovskaya^a ©, K.G. Maltsev^b ©, A.V. Maltseva^c ©

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russian Federation

^a E-mail: larisa.bankovskaya@yandex.ru

^b E-mail: maltsevaannav@mail.ru

^c E-mail: pavic69@mail.ru

Abstract. Humanitarian knowledge and “liberal education” have been a problem for the modern innovative/entrepreneurial university as a commercial firm for the last fifty years: “impact” as an imperative of the university’s public discourse in liberal democracies and university policy apparently contradicts the statements about the “self-worth” or “uselessness” of humanitarian knowledge. The purpose of the article is to consider the main directions of the “justification” of the “humanitarian component” of the university, the ways of its politicization (the term U. Beck): appeals to values (culture), to the public good, civic education, to the methodological function of philosophy and the humanities, undertaken in this regard. The absence of grounds for the above-mentioned methods of politicization to matter is demonstrated: both in connection with their own inconsistency of such values, and as an argument for the prevailing public discourse of the university. It is concluded that the prevailing liberal interpretation of humanitarian knowledge necessarily provides for its transformation into a product whose price is determined by the market. The actual “problem situation” is not related to the “nature of humanitarian knowledge”, but to the “struggle for status”, that is, it is a question of power and prestige in connection with their redistribution in an entrepreneurial university as a commercial company.

Key words: humanitarian knowledge, liberal education, entrepreneurial university, politicization, discourse of excellence, public discourse of the university, human capital

FOR CITATION: Binkovskaya L.N., Maltsev K.G., Maltseva A.V. Humanitarian Knowledge at the Entrepreneurial University: Strategies of «Justification». *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 164–177. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-164-177

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОД

Гуманитарное знание в современном университете, ставшем инновационным, предпринимательским [Кларк, 2011] «университетом совершенства» [Ридингс, 2010], по общему признанию, находится в «глухой обороне» и вынуждено постоянно оправдываться в своей «полезности» просто для того, чтобы остаться в университетских программах в числе учебных дисциплин; гуманитарные направления подготовки сокращаются, поскольку на них нет «потребительского спроса» со стороны студентов, озабоченных получить в университете профессию, востребованную на рынке труда; набор и содержание гуманитарных дисциплин перманентно «пересматриваются» с целью быть более «практическими», то есть приобрести хотя бы какую-то «рыночную цену» (образование как *продукт* должно продаваться), – можно продолжать, но сказанного вполне достаточно для того, чтобы констатировать как кризис гуманитарного образования, так и кризис статуса гуманитарного знания в университете в целом. Такое обстояние вызывает тревогу не только у самих «гуманитариев»: их настроения вполне понятны и со-

кращение финансирования ведет к сокращению преподавательских и исследовательских «ставок»; однако, все чаще раздаются опасения насчет того, что сам университет, традиционно считавшийся «гуманитарным» в связи с конституирующей его *идеей*, все больше превращается в «техническую школу»; опасения подогреваются тем, что наименование и статус «университета» в последние пятьдесят лет широко присваиваются учреждениям, никогда не рассматривавшимся в качестве такового, в том числе «профессионально-техническим школам» (Коллини приводит множество примеров подобного «присвоения» в Великобритании, начиная с тэтчеровско-блэровской реформы высшего образования [Коллини, 2016]), – это провоцирует обсуждение вопроса о том, что вообще следует понимать под «университетом» и что выделяет его из ряда других исследовательских и профессиональных институтов, то есть, вопреки намерениям большинства авторов, участвующих в обсуждении и нежелающих прибегать к «необоснованным философским спекуляциям», но оставаться на позициях «научного исследования», обсуждать именно *понятие* (и неизбежно в этой связи – *идею*) университета, – более или менее «смутное ощущение»

того, что вместе с изъятием гуманитарного знания *завершится* история западного университета, является достаточно широко распространенным.

Книга Б. Ридингса, названная «Университет в руинах» [Ридингс, 2010], и ее обсуждение свидетельствуют о *наличии оснований* названного «ощущения» и вызванных им «опасений»; мало кто в этой связи вспоминает утверждение М. Хайдеггера: «Университет умер в 1890 году» [Хайдеггер, 2016: 467] и не принимает в расчет, что это значит и к «какому предмету» относится это утверждение; гораздо чаще в современных дискуссиях упоминается доклад Лиотара «Состояние пост-модерна»: написанный в 1979 г. [Лиотар, 1998] и представляющий собой *развернутый диагноз* «университета в состоянии пост-модерна». Настоящая статья является одним из опытов *тематизировать* «идею университета» в горизонте ее *определенности* представлением о «гуманитарном знании», и только в аспекте современного предпринимательского университета; таким образом определенный *предмет* исследования требует *философского истолкования* как *своего* метода.

СПОСОБЫ И ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ». УНИВЕРСИТЕТ КАК ЕГО МЕСТО

Известно множество *идей университета*: «университет разума» Канта [Кант, 1994], «национальный культурный государственный университет» Фихте [Фихте, 2009] (различие между ними могут быть интерпретированы из различия в представлении философии двумя немецкими *философами*), исследовательский университет Гумбольдта [Гумбольдт, 1998] (идея определена в горизонте традиции немецкой философской классики, но из иного представления философии), университет модерна, конституированный в перспективе идеи «либерального образования» (в его представлении, впервые предложенном Ньюменом [Ньюмен, 2006]), наконец, современный предпринимательский «университет совершенства», – не каждая из названных идея стала «метафизическим понятием» [Шмитт, 2016b], то есть смогла соединить *реальное* понятия с действительностью. Но вполне *отчетливо* можно различить *две истории об университете*, рассказывающие о двух *различных его действительностях*. Первая – история немецкого университета, о котором именно и высказался Хайдеггер, что он «умер»: эта история окончена [Биньковская, Мальцев, 2021]. Здесь понятие «гуманитарного знания», то есть *науки о духе*, как их определил В. Дильтей [Дильтей, 2000], имели *существенно философский смысл*. Даже у неокантианцев, полагавших «методологически неверным» определение Дильтея (в основе которого лежало различение *понимания как вчувствования и индивидуализации*, – и *объяснения*, как сведения к *объективированным причинам*), и, например, утверждавших, как Риккерт [Риккерт, 1997], что действительным может быть только такое различение, которое будет «чисто методическим»: *идиографическое* знание имеет предметом *индивидуальное*, номотетическое – *общее и законосообразное*; в терминологии М. Вебера [Вебер, 1990]: индивидуализирующее и генерализирующее познание, идиографическое и номотетическое знание, – горизонтом различения оставалась

кантианская философия и специфически кантианская позиция. Поскольку образование в *философском* университете [Алавердян, Биньковская, Мальцев, 2021], каким был германский, в соответствии с романтической традицией (не отличной в этом от немецкой философской классики: особенности могут быть нами упущены как нерелевантные для решения поставленных нами задач), понималось как «формирование человека в человеке», то вопрос о статусе гуманитарного знания в таком университете *не стоял* (и медики, и юристы, и теологи, и специалисты, выделившиеся на протяжении XIX в. из «низшего философского факультета», и чиновники, которых тоже *непрерывно* готовились университетом, – должны были быть *образованы*, чтобы стать *специалистами*): были «разногласия» и «споры», не выходившие *принципиально* за границы такого понимания образования.

Вторая – история университета модерна, *парадигмально отличная* от первой; она *продолжается* и стала *современностью*, – именно она является предметом нашего рассмотрения. Здесь изначально существует иное понимание того, чем является «гуманитарное знание», которое существенным образом формировалось в горизонте, заданном представлением «либерального образования» Ньюмена [Ньюмен, 2006]. Целью такого образования Ньюмен называет «воспитание и развитие интеллекта»; его символом является джентльмен: «Либеральное образование формирует... Джентльмена. Хорошо быть Джентльменом» [Там же: 113], и определяет качества джентльмена как цель либерального образования: «Хорошо обладать развитым интеллектом, а также – тонким вкусом, прямоотой, беспристрастностью духа, возвышенностью и обходительностью в образе жизни – это все закономерные качественные особенности обширного знания» [Там же] и они «выступают предметами университета, который я отстаиваю» [Там же]. Именно джентльмен является осуществлением классического либерального представления об «идеальном гражданине».

Коллини, характеризуя «образовательный идеал» Ньюмена и образ университета, который ему отвечает, указывает, что «конечно, это не что иное, как утверждение *paideia*, т.е. идеала формирования полноценной личности, первых этапов курса по самовоспитанию и закаливанию характера, продолжающегося всю жизнь. И более того, нам предлагается идеализированная картина определенного типа сообщества, представляющего собой нечто среднее между греческим полисом, аристократическим клубом, философским семинаром и изысканным салоном. На этом этапе рассуждения университет выступает попросту метонимией, местом, которое в каком-то смысле является воплощением всех идеалов человеческой жизни в целом» [Коллини, 2016: 76], – здесь, кстати, обнаруживается одно из основных расхождений между современными либеральными исследователями (либеральными – в смысле «рассуждающими из» «смысловой области», конституированной в «либеральной метафизике» [Шмитт, 2016a] ее «основоположениями», или *принципами*; в указанном отношении С. Коллини [Коллини, 2016], М. Нуссбаум [Нуссбаум, 2014], Б. Кларк [Кларк, 2011], Б. Ридингс [Ридингс, 2010] – *существенно либеральны*, даже если не «присягали на верность» новейшим

изводам либеральной *идеологии*) и М. Хайдеггером, которой утверждал, что к новоевропейскому субъекту никак не может относиться то, что греки называли *paideia*, а новоевропейское образование нечто существенно иное [Хайдеггер, 2018: 498]. Тем не менее, можно согласиться с верностью описания Коллини, когда он пишет: «Снова и снова Ньюмен в своем гладком как шелк тексте характеризует результат либерального образования не в категориях того, что студенты узнают, и не в плане приобретения того или иного набора навыков, а через позицию, которую они начинают занимать по отношению к своему собственному знанию, манеру обхождения с ним, точку зрения на место их знания на более обширной карте человеческих познаний. В своих самых сильных риторических выпадах он заходит еще дальше и описывает результат как способ жизни, как обладание определенным чувством равновесия или выдержкой во всех поступках. Идеал, складывающийся из всего этого, увлекает, но в то же время, как уже отмечалось ранее, он остается странным образом бессодержательным. В структуре аргументации Ньюмена противоположностью образованности оказывается не столько невежество, сколько «односторонность», оковы какого-то частного знания, избыточное усердие и недостаток той спокойной рассудительности, которая является приметой философского воспитания» [Коллини, 2016: 79–80]. «Риторическая избыточность» ньюменовского идеала «либерального образования», считает Коллини, имеет целью «схватить или по крайней мере символизировать качество понимания, которое противоположно всем формам того, что он, пользуясь знакомой ему пространственной метафорой, именовал «односторонностью» [Там же: 88]; и университет, есть место такого образования, в котором «движение от узкого к широкому, от закрытого к открытому, от устойчивого к текучему» [Там же: 89], «где такое движение не только допускается, но и выступает руководящим принципом самого института» [Там же]. В любом случае, сама ссылка на риторику, риторическую избыточность в первую очередь отсылает не к «точным наукам» (которым тоже свойственна, по Коллини, «безграничность исследования», аналогичная «риторической избыточности» и «текучести»), но к гуманитарному знанию как *среде*, в которой только и может появиться то, что старомодно называется «джентльменом», – первая «линия защиты» гуманитарного знания: оно не нуждается в оправдании, так как, по словам Ньюмена, является «самоценным» и «отвечает природе человека, стремящейся к саморазвитию». К этому аргументу экспертный и публичный дискурс рыночных демократий остается безразличным (Хайдеггер как-то сказал о современности: «То, что не зафиксировано в правилах и не стоит в плане, не обладает действительностью» [Хайдеггер, 2018: 275]).

«Гуманитарное знание» в его либеральной трактовке (связанном с «либеральным образованием» Ньюмена) представляется совершенно иначе, чем в «чисто методическом» и существенно философском немецком толковании. Коллини пишет: «Современное издание «Оксфордского словаря английского языка» определяет «гуманитарные науки» следующим образом: «Отрасль знания, включающая историю, литературу, древние и современные языки, право, философию, ис-

кусство и музыку». Такое определение верно указывает на преимущественно академическую привязку термина, а иллюстративный список дисциплин не вызывает какого-то заметного удивления» [Коллини, 2016: 96], и уточняет: «Если выйти за пределы лексикографии, полезно будет сказать, что сегодня наименование «гуманитарные науки» охватывает собрание дисциплин, которые пытаются понять, невзирая на границы времени и культуры, действия и творения других людей, рассматриваемых в качестве носителей смысла, причем акцент ставится на предметы, связанные с индивидуальной или культурной отличительностью, а не на предметы, которые доступны прежде всего для описания в чисто статистических или биологических категориях» [Коллини, 2016: 96]; и еще: «Как однажды верно отметили, гуманитарные науки «изучают то, что значит быть человеком: слова, идеи, повествования, искусства и артефакты, которые помогают нам осмыслить собственные жизни и мир, в котором мы живем; то, как мы создали его и как сами им создаемся»⁶. Формы исследования, объединенные этой рубрикой, представляют собой способы приблизиться к памяти о человеческой деятельности в ее величайшем богатстве и многообразии» [Коллини, 2016: 122]. Следует специально оговорить, что «данная формулировка не допускает жесткого различия между гуманитарными и социальными науками: многие из дисциплин, обычно причисляемых к последним, демонстрируют как интерпретативную или культурную направленность, так и более теоретические или количественные характеристики, и это в разных отношениях относится к таким дисциплинам, как политология, антропология и археология» [Там же: 97]. В общем, «те виды понимания и суждения, которые реализуются в гуманитарных науках, родственны пониманию и суждению, необходимым для проживания жизни» [Там же: 123]. Такая максимально широкая формулировка относительно того, чем занимаются гуманитарные науки и что включает в себя гуманитарное знание, указывает на ряд дополнительных, важных для нас, обстоятельств. Во-первых, на то, что границы здесь определяются не «методически», а «ситуационно»: сам термин, как подчеркивает Коллини, стал использоваться, например, в США только во второй половине XX в., а до этого были в ходу другие названия (в XIX в. – «литература», в «более теоретических или отрефлектированных контекстах» – «моральные науки»; «со временем в британских университетах в качестве удобного организационного антонима «наукам» стали применять наименование «искусства» [Там же: 95], чтобы противопоставить научному естествознанию – все «остальное»). Термин «гуманитарные науки», утверждает Коллини, окончательно утвердился во второй половине XX в. как «ответ на агрессивную форму позитивизма, проповедовавшего методы естественных наук – в его истолковании – в качестве основания любого истинного знания» [Там же]. Во-вторых, ситуация с определением границ все время меняется, а его содержание разнообразно настолько, что не предполагает строгой методологической определенности, ни даже внятного «образа»: «Стоит зайти в гуманитарный раздел хорошей академической библиотеки, чтобы понять, насколько разными, даже в плане типографического оформления, могут быть исследования в этих

областях. Здесь можно найти все, что угодно: пронумерованные тезисы или символичные формулы в коротких журнальных статьях по философии, исчерпывающий компендиум эмпирических данных, снабженный обширной системой сносок, в каком-нибудь 500-страничном труде по истории, но также и сборники изысканных эссе по культурной критике – форма работы в гуманитарных науках почти так же разнообразна, как и культурное и временное многообразие их предметов» [Коллини, 2016: 98].

Отсутствие определенности и методологической строгости позволяет относить к «гуманитарному» вообще все, что «не является естествознанием» и даже вообще «наукой», но почему-то находится в университете. Таким образом, обнаруживается первый, и сегодня самый успешный, способ для «гуманитарного знания» «оправдаться»: нужно просто изменить набор дисциплин таким образом, чтобы максимально отвечать текущей либеральной повестке: в описываемой традиции это сделать достаточно просто, потому что традиционно считается, что университет как «интерпретативное сообщество» которое само «определяет, что считается университетским дискурсом» и «способно анализировать собственные традиции и правила в свете новых типов фраз, появляющихся в университетском дискурсе» [Ридингс, 2010: 135]. Когда М. Нуссбаум перечисляет «необходимые» «для воспитания достойных граждан демократического государства», с ее точки зрения, «гуманитарные дисциплины», она настойчиво и последовательно, *перед* традиционными «философией», «историей» и «литературой», называет «женские исследования», «исследования расовой и этнической принадлежности», «иудаика», «исламоведение» [Нуссбаум, 2014: 69], которые «в системе гуманитарного образования могут лечь в основу курсов, признанных обязательными для всех студентов» (она особенно негодует по поводу того, что «обязательное требование посещать курс, посвященный женским вопросам, порой остается единственным средством, способным сделать эту тему интересной для молодых мужчин и продемонстрировать им социальную приемлемость интереса к ней» [Там же]) и «могут расширить тот вклад, который гуманитарные науки вносят в преподавание других дисциплин, таких, как литература или история» [Там же]. То есть, когда российский читатель слышит сетования западных коллег об «упадке гуманитарного образования в университете», он должен иметь в виду не вполне обычное для нас содержание того, о чем ведется речь.

ПОЛИТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЛИБЕРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Два основных направления приспособления «гуманитарного знания» к либеральной политической повестке привлекают особое внимание своей «очевидной полезностью»: гендерные исследования и мультикультурные исследования (Нуссбаум всерьез полагает, что можно оправдать английскую литературу в английском или американском вузе, если «прочитать» ее «через призму гендерных и национальных проблем»). Оставляя в стороне все, связанное с гендерными исследованиями, продемонстрируем возможности

и границы «самооправдания» «гуманитарного знания» (а соответственно – и его претензий на определенное место в современном предпринимательском университете) на примере «культурных исследований». Около 2000 года, в опубликованной тогда работе «Что такое глобализация», У. Бек [Бек, 2001] определил значение культурных исследований в том, что он называл *политизациями*. Современность, *действительность* представлена в либеральной версии экономической парадигмы (термин Дж. Агамбена [Агамбен, 2018]); *логикой*, то есть принципом *порядка*, здесь выступает «глобальная монокаузальная логика капитала» (У. Бек использует разный «набор терминов» при употреблении этого концепта); однако тотальность такой логики представляет *угрозу* для самого существования *либерального порядка*, так как устраняя препятствия, разрушает *социальное* и то, что по давней традиции называется «человеческим миром», которые, и тоже вполне обычно с XIX в., представляются как *ценности*. Такая логика должна быть *ограничена*; целерациональная деятельность, направленная на ограничение *тотальности* логики капитала от *имени* ценностей и с *позиции* их защиты называется У. Бекем *политизациями*. Он утверждает, что первым (если не по времени, то по значению), «концептуально оформленным», возражением на «линейную» и «монокаузальную» «экономическую логику» глобализации, является *cultural theory*: «если в линейной логике в области культуры просматривается то, что Рицер [Рицер, 2001] назвал «макдоналдизацией», то есть полной культурной гомогенностью, такие исследователи, как Робертсон [Robertson, 1992], Аппадурай [Appadurai, 1996], Олброу [Albrow, 1997], Фезерстоун [Featherstone, 1996], Лэш [Lasch, 1979], Урри [Урри, 2012] и многие другие «предпочитали аргументацию в традициях *cultural theory*. Они решительно возражали против распространенного представления о макдоналдизации мира. Культурная глобализация не означает, что мир в культурном отношении становится более однородным» [Бек, 2001: 61]. Таким образом, включив «культурные исследования» (под этим «именем» также объединено великое многообразие областей, предметов и стилей исследования) в университетское гуманитарное знание, университет может по-прежнему выполнять важнейшую и социально значимую функцию *критики* («специфика университета эпохи модерна... состояла именно в том, что он служил местом критики» [Ридингс, 2010: 17]), а само гуманитарное знание посредством этого приобретает искомую *легитимацию*.

Сбои в механизме подобного «обоснования» демонстрирует Б. Ридингс, причем в то время, когда «новое наполнение» «гуманитарного знания» еще было почти новостью и не вытеснило собой то, вокруг чего «центрировалось» гуманитарное знание в американских университетах – так называемый «канон». Впрочем, изначально этот «канон» структурировался не традицией и собственно культурой, но был «республиканским»: здесь «утверждение культурного содержания – это не реализация имманентной культурной сущности, а акт республиканского волеизъявления: парадоксальный договорный выбор традиции [Там же: 61] и значит «гуманитарные науки в США сохраняют форму европейской идеи культуры, но у этой формы нет внутреннего содержания» [Там же], также, как и в «классической

республиканской» «американской нации» (см. напр.: [Гринфельд, 2012; Ломако, Мальцев, 2020а]). Ридингс ссылается на Хирша, который «описывает культурную идентичность, как если бы она была не исторической традицией, а простой совокупностью обязательных фактов» [Ридингс, 2010: 139]. Таким образом, «культурные исследования» («культурная теория») – это не совсем «исследования культуры»: последняя, по Ридингсу, утратила действительность, и, соответственно, способность *идеологической легитимации* университета как «идеологического института» (он использует также термины «аппарат» и «инструмент»), вместе с «падением национального государства», и именно в связи с тем, что глобализация означает: государство перестало быть «первичной инстанцией самовоспроизводства капитализма» [Там же: 143], – культура больше не выделена из всего, что *является товаром* (собственно, то, что культура и есть по сути товар, знал еще Хайдеггер: в культуре «творение искусства» преобразуется в «культурный артефакт», предназначенный на продажу [Биньковская, Мальцев, 2021], – но об этом позже). Ридингс утверждает, что «институционализация культурных исследований в 1990-е гг. свидетельствует как раз об осознании того, что о культуре как таковой сказать нечего» [Ридингс, 2010: 144]. Когда «содержание культурной традиции» императивно устанавливается «господствующей повесткой», предполагается, что культура организуется «по принципу успешного или неуспешного функционирования» [Ридингс, 2010: 192] и, следовательно, «предполагает существование квазирелигиозной веры в культурные иконы», которая «утрачивает силу, как только система оказывается готовой превратить любую культурную икону в источник экономической прибыли» [Там же: 193]: «Происходит стремительное ниспровержение культурных табу. Мадонна – эта икона Девы – появляется на экране в постели с чернокожим геем, и зритель занимает культурную позицию по отношению к этой сцене в зависимости от того, насколько она шокирует» [Там же: 187], – происходит то, что описывал еще в 60-е гг. XX в. Г. Дебор [Дебор, 2000] как «общество зрелищ»: «переработка того, что находится за рамками системы, во внутренний элемент системы, обладающий “шокирующей ценностью”» [Ридингс, 2010: 187]; «такие практики, как панк-музыка и панк-стиль в одежде, обретают самосознание в академических эссе, но их достоинство определяется не их аутентичностью, а рыночной ценностью» [Там же: 193]. Собственно говоря, если содержания подобных «академических эссе» образуют содержание «гуманитарного знания» в предпринимательском университете, то вопрос о его «оправдании» с точки зрения «окупаемости» можно полагать решенным: *рынку* остается только определить цену.

Но такое «оправдание» не считается достаточным: политизация, как мы сказали, предполагает «апелляцию к ценности», которая по своей природе не может быть «ассимилирована рынком». Нуссбаум претендует на то, чтобы указать именно на такую ценность: гражданственность, воспитание которой традиционно полагалось «делом университета» и на формирование которой было, как считается в либеральной традиции, направлено «либеральное образование»; правда, теперь речь идет не столько о гражданине государства,

сколько о «гражданине мира», – но для либерала здесь нет противоречия: либеральная гражданская лояльность обусловлена «демократическими ценностями» и направлена на либеральный политический порядок, в экономической парадигме представленный именно как глобальный и универсальный: существующие еще *национальные* (по «историческому факту», который должен быть отменен повсеместной реализацией либерального проекта «республиканской нации» [Ломако, Мальцев, 2020b; Мальцев, Алавердян, 2020] государства уже не «суверенные», но для «удобства» и на время, требующееся для установления «всемирной демократии», *опосредуют* этот «истинный объект» лояльности.

Исходные тезисы своего, как Нуссбаум сама его квалифицирует, «манифеста» в защиту гуманитарного знания и образования в университете, формулируются ею в перспективе уверенности в том, что гуманитарное знание играют ключевую роль в истории демократии, – в то же время «демократические государства во всем мире недооценивают, а значит, игнорируют навыки, которые совершенно необходимы для поддержания жизнеспособной, уважительной и ответственной демократии» [Нуссбаум, 2014: 45], и эти «тенденции, которые я подвергаю строгой критике, характерны для всего мира» [Там же: 9]. Она убеждена, что «знание не гарантирует достойного поведения; однако незнание практически всегда становится причиной недостойных поступков» [Там же: 46]. Она полагает, что научное университетское гуманитарное знание способно предоставить «подлинные факты» [Там же: 46], которые, посредством «правильных суждений», способны раскрыть возможность «ответственного поведения»: «Перечислю способности, связанные с гуманитарными науками и искусством: способность к критическому мышлению; способность отвлечься от частных интересов и взглянуть на мировые проблемы с точки зрения «гражданина мира»; и, наконец, способность сочувственно относиться к трудностям другого человека» [Там же: 9]. Однако нацеленность исключительно на «экономический рост» и то, что называется «импактом» (непосредственная экономическая польза), как правительств, так и публичного дискурса рыночных демократий, грозит тем, что «если мы не выступим в защиту гуманитарных наук и искусства, они будут забыты – ведь они не приносят денег» [Там же: 79], в то время, как, утверждает Нуссбаум, «они делают нечто куда более ценное: они создают мир, в котором хочется жить; людей, которые способны видеть в окружающих полноценных членов общества, обладающих собственными мыслями и чувствами и заслуживающих уважение и сострадание, и государства, которые способны преодолеть страх и подозрительность и предпочесть им дискуссию, основанную на взаимном уважении и оперирующую обоснованными доводами» [Там же]. Современные университеты, при всех их «неоспоримых достоинствах», тем не менее «не воспитывают из молодых людей достойных граждан так хорошо, как им следовало бы это делать» [Нуссбаум, 2014: 75]. В этом смысле университетская традиция (особенно в США) дает необходимую «опору» для защиты «гуманитарного знания»; но и в Европейских университетах (которые «отстают» в этом от США) она замечает «положительные тенденции»: «Во мно-

гих странах за пределами США, где университетское образование не предполагало наличия гуманитарной составляющей, сегодня предпринимают попытки создать систему гуманитарного образования, поскольку эти страны понимают значение такого образования для формирования общественного отклика на проблемы плюрализма, страха и подозрительности, с которыми сталкиваются их общества» [Нуссбаум, 2014: 68]. Свое обоснование необходимости «сохранения гуманитарной составляющей университета» Нуссбаум выстраивает в *определенной перспективе*: «Основная альтернатива модели роста, нацеленного на международное развитие, известна как парадигма развития человеческого потенциала (Human Development paradigm), именно ее последовательницей являюсь и я. В рамках этой парадигмы особую важность имеют возможности или тот потенциал, которым каждый человек обладает в ключевых областях бытия, определяющих его жизнь, здоровье, физическую неприкосновенность, политическую свободу, участие в политической жизни и политическое просвещение» [Там же: 18], – именно в этой перспективе выстраивается ее представление о целях, методах и содержании гуманитарного знания и гуманитарного образования в университете: «Воспитание граждан мира – это часть базового гуманитарного курса, независимо от того, изучают ли студенты предпринимательство, инженерное дело, философию или физику» [Там же: 51].

Задачей гуманитарного знания и его преподавания Нуссбаум считает «развитие способности к гражданственному мышлению и корректному политическому взаимодействию» [Там же: 34]; при этом *принципиальный либеральный индивидуализм* требует, чтобы эти способности в своей *основывались* на «культуре индивидуального инакомыслия» [Там же: 33]. «Ответственная гражданская позиция» требует от «гражданина мира» «понимания исторических событий, использования экономических принципов и критического обдумывания, ценить социальную справедливость, говорить на иностранном языке, иметь представление о сложности мировых религий» [Там же: 52]. В центре внимания «образования, имеющего целью воспитание граждан демократического государства», должны быть «нарциссизм, беспомощность, стыд, отвращение и страдание» [Там же: 26], которые предполагают не только научный анализ, но и «вчувствование», как пишет Нуссбаум, «формирования душевных качеств», – что обуславливает непереносимое включение в состав «гуманитарного образования» не только «знаний», но и «искусств»: «У занятий искусством в школах и колледжах сразу две функции – воспитание способности к игре и сочувствию в целом, а также работа со слепыми зонами конкретной культуры» [Там же: 60], – но при этом обязательным является формирование «нормативного представления о том, как человеческие существа должны взаимодействовать друг с другом» [Там же: 60], и эта «нормативность» императивно предписывается принципиальным либеральным индивидуализмом.

Важнейшее значение придается тому, что Нуссбаум называет «формированием критического мышления», на котором должно быть основано как «познание», так и «воспитание» (Нуссбаум ссылается на Дьюи, который, по ее утверждению, «установил связь между

воспитанием граждан демократического государства и сократическим методом обучения» [Там же: 38]). Она утверждает, что «сократическое мышление – это общественная практика. В идеальном случае оно должно определять работу широкого диапазона социальных и политических институтов. Однако мы говорим об организованном образовании, и потому можем отметить, что это еще и область знания» [Там же: 34]; и что «сократическое мышление важно для любой демократии. Но оно особенно важно для обществ, которым необходимо смириться с присутствием людей иной этнической, кастовой или религиозной принадлежности. Понимание того, что каждый человек должен нести ответственность за собственные суждения и иметь возможность обмениваться мнениями с остальными членами общества в атмосфере всеобщего внимания к доводу» [Там же: 33]. Разумеется, не ставится под малейшее сомнение принцип «коммуникативной прозрачности» (в стиле Хабермаса [Habermas, 1984, 1987], или Ролза [Rowls, 1996]), то есть возможности «коммуницирования» между представителями разных культур, религий, идеологий: «следует разрешать различные вопросы путем разумного, транснационального их обсуждения» [Нуссбаум, 2014: 19]. Таким образом, «гуманистическое начало» представляется одновременно как «образное, творческое начало и строгое критическое мышление» [Там же: 7].

Чтобы понять, что именно «имеет в виду» Нуссбаум, когда пишет о «критическом мышлении» как единственном способе «двигаться к истине», или «формировать правильное мнение» (поскольку либеральная метафизика «принципиально равнодушна к вопросам истины» и «заменяет истину согласованием мнений» [Шмитт, 2016a] в «прозрачной коммуникации», таким образом, что, например, Ф.Р. Анкерсмит [Анкерсмит, 2014] утверждает, что подлинной целью является не «истина», но «организация истины», – то лучше говорить не об «истинном», но о «правильном», – Нуссбаум часто так и делает, «методически не обращая внимания» на ту *пропасть*, которая здесь обнаруживается), необходимо привести *характерные примеры*.

Никто не отрицает значения преподавания экономики в предпринимательском университете; Нуссбаум в этой связи пишет, что «критический метод» требует, вместе с «изложением принципов», постановки в этой связи вопросов «о неравенстве доступа к власти и различным возможностям, о месте женщин и меньшинств, о достоинствах и недостатках структур, образующих политическую иерархию такого общества» [Нуссбаум, 2014: 50]; поскольку «национальные интересы любого современного демократического государства требуют наличия сильной экономики и развитой деловой культуры» [Там же: 11], то «этот экономический интерес тоже вынуждает нас обращаться к гуманитарным наукам и искусству: они позволяют создать атмосферу ответственного и осмотрительного управления, культуру творческих новаций» [Там же: 11]. Наконец, смысл знаний «об устройстве мировой экономики» позволит студентам «как потребителям и избирателям принимать обоснованные решения» [Там же: 51].

Пример из далекой от экономики области еще более демонстративен. Нуссбаум пишет: «Воспитание граждан мира нацелено на то, чтобы все молодые люди,

в рамках постепенно усложняющегося курса, усвоили основы мировой истории (и с особым вниманием отнеслись к социальной, экономической и политической истории), а также получили богатое и свободное от стереотипов представление об основных мировых религиях» [Нуссбаум, 2014: 50–51]; это особенно важно в связи со сложностью современных обществ: «Образование, отвечающее требованиям жизни в плюралистическом демократическом государстве, должно быть поликультурным, знакомить учащихся с основами истории и культуры множества различных групп, живущих в той же стране, что и они, и подчиняются тем же законам и институтам. Мы говорим здесь о религиозных, этнических, экономических, социальных и гендерно обусловленных группах» [Там же: 51]. Поэтому, считает Нуссбаум, «будет полезно время от времени услышать индуистский или буддистский миф, а не только классическую американскую притчу, прививающую протестантские ценности» [Там же: 47]. Более того, ссылаясь на Тагора, она считает полезной практику, когда «на школьных праздниках прославлялась дружба между индуистами, христианами и мусульманами; дети узнавали об обычаях других народов, готовясь к проведению тех или иных религиозных праздников» [Там же: 48], и «ученикам предлагалось участвовать в ритуалах и церемониях чуждых им религий; таким образом, незнакомое познавалось через воображаемое участие» [Там же: 58], – Нуссбаум называет это «полезной ролевой игрой» для «изучения сложной сферы религиозных различий» [Там же]. То, что подобная практика для *верующего* представляется *кощунственной*, вдвойне – если в нее вовлекаются дети, – является примером «неправильного понимания», правильной здесь будет позиция просвещенного либерального *наблюдателя-эксперта*, или совершенно равнодушного к религиозной сущности, но *любопытного* в отношении «экзотических религиозных обрядов» *западного туриста* (уже верующий католик, протестант едва ли одобрил бы участие своих детей в «колдовских языческих обрядах»). С особым чувством, после утверждений о том, что «одна из причин, по которым в университетскую программу обязательно включены философия и другие гуманитарные науки, заключается в том, что содержание и методика преподавания таких курсов должны научить студентов самостоятельно думать и аргументированно спорить, а не полагаться на общепринятое или авторитетное мнение» [Нуссбаум, 2014: 30], читатель книги Нуссбаум *вынужден* обратить внимание на то, что она пять раз упоминая Тагора, обязательно все пять раз добавляет, что он был «лауреатом Нобелевской премии».

В книге Нуссбаум множество примеров «правильных трактовок исторических событий» и «политических обстоятельств», но «подготовленный читатель» уже знает, что «правильный» и «в интересах мировой демократии», определенных в горизонте «глобальности» «либеральной метафизикой» и, даже более того, господствующей в настоящее время версией либеральной идеологии, – для Нуссбаум *всегда* совпадают.

Собственно говоря, нами рассмотрена следующая «линия» обороны «гуманитарного знания» от нападков «сторонников импакта» в «бесполезности»: если выполнение «критической функции» в условиях со-

временности представляется очень сомнительным, то функция *апологетическая* исправляется весьма эффективно: как инструмент «мягкой силы» гуманитарное университетское знание (вместе с «искусствами», мультикультуралистской и гендерной повестками, и «школами кинематографа» в придачу) и его преподавание *имеют*, в том числе и *рыночную, цену*.

Наконец, особо, как правило, оговаривается «польза философии», вызывающая наибольшее сомнение именно потому, что в нее труднее всего «вставить» «нужную повестку». Если не определять философию также «широко», как определяется «гуманитарное знание» в горизонте либеральной традиции (то есть не приписывать к философии любые «общие рассуждения», признанные «методологически несостоятельными» в дисциплинарно разграниченном и методологически выверенном научном знании; М. Хайдеггер, например, так определял философию в отношении ее отличия от науки: «Философия есть прояснение бытия. – Наука должна стремиться во все более ясное как в знакомое и привычное. Философия возвращается к сокрытому как непонятному и удивительному. – Наука передаст (*vennittelt*) истинное (через правильность). Философия разыскивает (*ermittelt*) истину. – Наука принимает *Das sein* за основу. Философия есть *Da-sein*. – Оказывание (*das Sagen*) науки есть высказывание (*Aussagen*). Оказывание философии есть проговаривание и оповещение (*Ersagen und An-sagen*). Наука подтверждает – философия потрясает. Наука приобретает фактические знания; она выстраивает. – Философия ориентирует на знание; основывает основание» [Хайдеггер, 2016: 274–275], – разумеется, в современных «разговорах по поводу» философии о таком ее понимании не идет речи *никогда*, то «оправдывают» ее обычно двумя способами: философия оправдана как *логика* (вернее, в той части, в какой является философской логикой) и как методология обеспечения междисциплинарного и многодисциплинарного дискурса [Fuller, 2013; O'Rourke, Crowley, 2013; Frodeman, 2013], реже – как «посредник» между науками и публикой [Klein, 1990; Rossini, 1994] (мы специально рассматривали этот аспект проблемы в статье [Жданова, Мальцев, 2020]).

Итак, для современного предпринимательского университета как коммерческой фирмы, производящей для рынка два основных товара: практическое (техническое) знание и человеческий капитал, – обоснование *желательности* (реже – необходимости) сохранения в ее подразделениях и направлениях деятельности «гуманитарного знания» и «гуманистического образования» сводится к следующим основным группам аргументов. Первое. Гуманитарное знание как «самоценное» не нуждается в «оправданиях»; аргумент из ньюменовского определения «либерального образования». Второе. Гуманитарное знание и образование, как и университет, являются «носителями» «социальной ценности»: это «место критики», формирования «критического мышления» и «индивидуальной культуры инакомыслия» и, в этой перспективе, «воспитания гражданственности». Третье. Современное гуманитарное знание, определенное господствующей либеральной идеологией, является эффективным инструментом «мягкой силы», используемым как «внутри» общества так и в международных делах (особенно важно при

продвижении либеральной глобализации). Четвертое. Философия остается необходимой для науки как логика и методология. Значение этих групп аргументов в публичном дискурсе университета в рыночных демократиях всякий раз переоценивается в контексте конкретных обстоятельств: «формирование повестки» иногда бывает прихотливым и непредсказуемым и всегда зависит от момента «электорального цикла».

«СМЕРТЬ УНИВЕРСИТЕТА» В ГОРИЗОНТЕ БЫТИЙНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА

Однако, наше изложение не было бы завершённым, если бы мы не «бросили взгляд со стороны» на описанную в данной статье ситуацию. Мы имеем возможность последовать за М. Хайдеггером и увидеть *бессмысленность* самой «ситуации».

Уже в самом начале 20-х гг. XX в. Хайдеггер видел, что «всякие возможные и невозможные задачи навязывают университету и взваливают сейчас на него» [Хайдеггер, 2016: 143], а «о воспитании к знанию – единственном и главном в этой школе – если и заботятся, то лишь мимоходом» [Хайдеггер, 2016: 143]. Более того, сегодняшние заботы о «культуре», «духовности» и тому подобном, высказываемые защитниками «гуманитарной составляющей» университета, он уже тогда оценивал как «безнадёжно проигравшими», «ибо ничего не ведают о духовном решении, поскольку уже давно уютно устроились в «образованном» обладании «образованием» во всем «истинном, добром и прекрасном» [Там же: 500]. Никакого «духа» в современности не осталось и следа; философия, которая «относится к истории сущего» и которой назначено «поддерживать открытой достоинство вопрошания сущности, утверждать твердую ясность понятия» [Там же 107], сделалась «невозможной и для этой эпохи остается ненужной» [Там же: 431]: «Всякое подлинное понятие философии – как понятие – чреватое решением» [Там же: 280], а современность, которую Хайдеггер называет, помимо прочего, «историографической эпохой», отмечена тем, что «в сущности историографии заложено откладывание решений и уклонение от областей решений» [Там же: 299], поэтому «когда историография захватывает сущность человека (как историографического животного), она являет потребность в длительном затухании «истории» этого человека» [Там же: 299]. Человек стал «историографическим животным», это заложено в самой природе новоевропейского субъекта, – современный человек есть «то, чем он считается. А он считается тем, что подытоживает ответы на многие кружащие над ним формулы, – человек есть результат гигантской, раскинувшейся над ним системы расчетов, жертва картотеки» [Там же: 426]. И, наконец, главный вопрос о современности: «Сможет ли еще этот человек наткнуться на Бога или более четко спросить: хочет ли вообще Бог еще проникнуть в чадную атмосферу этих людей?» [Там же]. Все сказанное нуждается в разъяснении; но главное уже понятно: имеющая фундаментальное для либерализма значение апелляция к «свободе автономного индивида» как «последнему основанию» для любого решения, – сама лишена, по Хайдеггеру, любых оснований; новоевропейский субъект, то есть

этот самый «автономный индивид» – и современность, в которой наука, культура, образование, а затем и университет с его «гуманитарным знанием», становятся *товаром*, есть *наличное единство*, по сути – «одно и то же», а апелляция к чему-то из этого ряда «во имя» «ограничения» этой самой *личности*, есть «самообман», обусловленный «нежеланием мыслить», простым недостатком понимания, а «невежество может достичь такого уровня, при котором оно, ни на что не воздействуя, непосредственно становится разрушением» [Хайдеггер, 2018: 419]. Нам следует кратко определить (разумеется, «схематично» и не выходя за рамки поставленной нами в этой статье задачи), что это *значит*.

«Мыслить человека как субъекта», новоевропейское начинание, означает, по Хайдеггеру, представлять его «всегда исключительно в соответствии с наличным, и уже давно наличным, в соответствии с задатками и условиями» [Хайдеггер, 2016: 535]: «Человека считают наиболее наличным и данным, дабы он окружил себя всем доступным наличным» [Там же]. Начало было положено Декартом: «самодостоверность субъекта» и «удостоверение» как планирующе-рассчитывающее представление, «предоставление в наличное», «готовое к использованию и сосчитанное»; действительность как существенно представленное, «картина мира»; озабоченность субъекта наличным (безопасность и политика безопасности); техническая наука как технология, то есть «осуществленный расчет», – можно дальше продолжать, вслед за Хайдеггером, но сказанного вполне достаточно для того, чтобы обосновать вывод: «Новое время – эпоха, которая тем больше укрепляет свою сущность, чем больше задумывается лишь о том, что она делает. Но «она делает» только то, что должна делать полнота субъективности – самосохранение в отсутствии-осмысления – возможно, вплоть до саморазрушения. Но отсутствие-осмысления не есть простая слепота, напротив: гигантская расчетливость» [Хайдеггер, 2018: 36–37]: «Ежедневно мы получаем сводки растущих гигантских цифровых данных о скоростях машин, о покрытых расстояниях, о преодоленных станциях, количестве посетителей кинотеатров и радиослушателей, – если бы мы когда-нибудь захотели подсчитать – что мы, к счастью, не умеем, – какое удаление от сущего и сущностной силы вещей происходит в закреплении и возрастании тех «потребностей» после возрастания до гигантских величин, какое опустошение сущего тут распространяется, – этот процесс – подготовленный за столетия, охватил все «культуры» и «цивилизации» [Хайдеггер, 2016: 491–492]. Относительно «образования» такого субъекта Хайдеггер ставит ряд вопросов: «Возникнет ли тогда образование (т.е. изначальное формирующее ограничение в только так и достижимой сущности), если образованность «образованных» в соответствующих формах сделают доступным для до сих пор «не-образованных», или тем самым необразованность только превратится в общественное «переживание»? Не истребляется ли тут всякая потребность в осмыслении образования? Почему мы настолько отклонились от того, что искали и набрасывали – в качестве образования – в эпоху немецкого идеализма? По какой причине «образование» и «культура» связаны друг с другом как определение новоевропейского человечества? Почему и в том, и в другой присутствует-и-

менно там, где они мыслятся сущностно сознательно, – оттеснение изначальных решений?» [Хайдеггер, 2018: 326–327], – и отвечает: «Потому что новоевропейская сущность человека уже подготовлена (*vorgebildet*) в его определении как историографически-технического животного» [Там же: 337]. Образование «есть в сущности (выросшее формирование «жизни») и в не-сущности («образованность») не потребность, а явление Нового времени» [Там же: 498], и «греческое слово *παίδεια* не может быть непосредственно внесено в данную взаимосвязь» [Там же: 498–499]. «Образование» сводится к «организации воспитания», «которое в свою очередь определяется целостным планированием организации *Subjektum* (человека) для безусловного овладения сущим в целом в «мероприятиях» и «целесолаганиях» по этому овладению» [Там же: 499]. Образование, таким образом, есть один из способов, если не основной, то во всяком случае ставший «делом» именно нового предпринимательского университета, осуществления «главной мечты» новоевропейского человека «окончательно встроиться в машину»: новоевропейский субъект, как мы уже сказали, «единосущен» идее техники. «Средним термином» здесь выступает то, что в последнее время получило название «цифровизации», – но именно так называл это и сам Хайдеггер в 30-е гг. XX в. [Мальцев, Мальцева, 2020b], а продуктом такого образования является «человеческий капитал» [Мальцев, Мальцева, 2020a].

Хайдеггер констатирует «сущностное непонимание сущностной действительности», о которой «свидетельствуют жалобы «образованных» и представителей «демократических» «культур» на растущее невежество и упадок «культуры» [Хайдеггер, 2018: 500]. Впрочем, суть того, что стало называться культурой («великие эпохи истории никогда не «имели» «культуры» и не «делали» ее, они молча переносили необходимости творчества, сопряженные со страданиями» [Хайдеггер, 2016: 341]), как область действительности, как и вся действительность, определена «идеями техники»: она есть результат того, что Хайдеггер называет «историографическим перерасчетом прошлого» с целью сделать его полезным, то есть ценным для настоящего, то есть – товаром на продажу («культурные артефакты» есть товар). Принципиальным является утверждение Хайдеггера: «Я долго боролся с идеей, забрезжившей в ходе моей постановки вопроса о Бытии, что техника и историография в метафизическом смысле суть одно и то же; ибо еще полагал, будто историография пустила более глубокие корни в самой истории. Но уклониться от этой мысли больше не получится. В тожести историографии и техники заложена причина, почему человек, который ими занимался и в конечном счете возвел их в приоритет, сделался невыносимым для богов и препоручен его несущности, которая теперь полностью помогает сущему достичь исключительного господства над истиной Бытия» [Хайдеггер, 2018: 278]. К сути «историографии» относится, что она есть «полученная в ходе изучения констатация наличного, «настоящего»; историография постигает прошлое лишь задним числом (см. [Там же: 28]); понимать нечто историографически означает поэтому: делать его понятным как сегодняшнее и в доступности для сегодняшнего» [Там же: 120]; историографическое мышление «мыслит

обо всем и в силу этого обладания привносит в человека настрой на богатство и на принадлежность к нему, так что человек – незаметно только через себя самого – утверждает себя как приверженца высших благ человека» [Там же: 131]. Историография «может погубить историю», и современность есть результат этого совершившегося «события»: «конец истории» не случайно одно время был главнейшим лозунгом либеральной идеологии (неважно, что сама идея была взята Фукуямой у Гегеля [Фукуяма, 2010]: она именно что была «историографически перерассчитана» и представлена как товар на рынок). Это является результатом «разворачивания силы историографического человека», то есть либерального индивида как «историографического животного»: произошло «возведение его сущности в само собой разумеющееся» [Хайдеггер, 2018: 330], – ведь Фукуяма открыто говорил, что «история закончилась» именно потому, что в либеральном обществе она достигла своей цели, а либеральный индивид, с его «ценностями» и «правами» есть результат такого завершения и потому есть «собственно человек»: «Крайнее следствие господства историографического человека возвещает о себе тогда, когда он начинает у-становливать свое собственное настоящее время уже «историографически», иными словами: приготавливать как историю и управлять, заранее рассчитав, ее встраиванием в память и в традицию. Последствие этого господства «историографии» над историографическим животным приводит тогда к полному уничтожению возможности борьбы за истоки, золотой век беспрепятственного приоритета здравого человеческого рассудка начинает свою «вечность», историографическому животному, уверившемуся в своем историографическом преимуществе и таким образом лишь завершающему картезианское *ego cogito – ergo sum*, уже не нужно примерять к себе да и вообще вспоминать» [Там же: 330–331], – вспомним написанное ранее: «содержание культуры устанавливается не отнесением к традиции, но республиканским решением».

О культуре следует судить не по тому, чем она «представляется в прошлом», но по ее настоящему как результату свершившегося перерасчета (в этом отношении пример Риддингса с Мадонной приобретает философский смысл): культура просто окончательно стала «самой собой»: «В истории решает не то, что сбывается сначала, а то, что достигается последним и заключает в себе все прежнее и просвечивает через него» [Хайдеггер, 2016: 463]. Современность именно что «культурна», но совсем не «исторична»: «Конец истории раздражает тогда, когда она гибнет из-за себя самой. Это происходит тогда, когда относящееся к истории лицедейство обращается на нее саму. Коварство театральной эпохи (ср. эпоху позднего Рима) состоит не в том, что все обращается в показуху и шумиху, что на пути через это только и делает себя значимым «действительное», – но в том, что на этом пути предусмотрительно заботятся о том, что одно только имеет право оставаться в исторической «памяти» – именно все, что удовлетворяет требованиям этого «театрального действия» [Там же: 319], – «общество спектакля» Дебора, на которое опять же ссылается Риддингс.

Наконец, знание, новоевропейская наука, стали «собой» именно в результате «окончательного

определения» идеей техники – как «практическая наука»: «Все предпринимавшиеся усилия в отношении науки страдали тем, что еще не осознавали сущностную несущность науки» [Хайдеггер, 2016: 499]. Главная претензия к науке со стороны предпринимательского университета (неизменно поддерживаемая публичным дискурсом университета) состоит в том, что она «слишком теоретична», – примечательно, что Хайдеггер отмечает наличие этой претензии тогда же, еще в 30-е гг. XX в., – он категорически возражает: «Нет! Она недостаточно теоретична или совсем не теоретична» [Хайдеггер, 2016: 204], и заключает: «Ибо сделалась бездуховной и лишь чересчур реальной и всецело – политической наукой» [Там же: 204], добавляя: «Американизм обывательской ограниченности и дурного воодушевления» [Там же]. Тезис о том, что наука стала «политической», став «технической» («что наука теперь делается «политической», есть лишь следствие ее глубиннейшей новоевропейской, то есть технической, сущности» [Хайдеггер, 2016: 320]), может быть отправной точкой для интерпретации того, что никакая апелляция к науке как ценности во имя «ограждения университета» от рынка не имеет смысла (при этом, как сказано раньше, это относится как к естествознанию, так и гуманитарным наукам, которые одинаково – политические и технические, в хайдеггеровском смысле).

Суть аргумента о необходимости «связи науки с жизнью» (и посейчас – популярный лозунг политиков, бизнесменов, журналистов) исходит опять же из самой сути новоевропейского субъекта: «Знание» извращено подается как простой инструмент, которым можно оперировать и который должен быть под рукой» [Там же: 242]. Затем «сообразно этому требуют соответствующего освоения этого инструмента и его «близости к жизни». «Жизнь» понимается как понятная суета ближайшей повседневности и осязаемой пользы от той повседневности и ее насущных потребностей» [Там же]. И уже дальше, «производя на основе инструментального извращения знания суету, сопровождаемому восхвалением «новой науки», люди вслепую пытаются странным образом философствовать без философии» [Хайдеггер, 2016: 243], а «публика, которая не знакома с философией и не нуждается в ней, получает представление, будто теперь настал час «истинной философии», что громогласно подтверждают газеты» [Там же]; «если же эта беспочвенная суета замешивается еще с известной сноровкой и рекламой в подлинное политическое сбывание, то все приобретает вид, будто эта детская шумная возня вместе с тем сбыванием действительно относится к сфере знания» [Там же], – собственно, что мы и наблюдаем.

Хайдеггер описывает, «что произошло с наукой», когда она стала современной: «Наука» охватывает здесь науки о природе и о духе. Одни превратились в «технику», с пока еще необходимым дополнением под названием «теория». Другие стали «журналистикой», с пока еще необходимым дополнением под названием «сбор материала». И «техника» и «журналистика» обладают «преимуществом» «близости к жизни», а прежде всего, они больше не ставят всех тех, кто теперь занял руководящие должности, перед каким-либо решением, теперь главное – только погоня за новым и опережение

<его> с помощью самоновейшего. А поскольку обе, «техника» и «журналистика», теперь объединяются, что стало весьма легким делом – ведь у одной отсутствует то, чем обладает другая («душевное переживание» и машинное принуждение), – вырастает новый вид «духовности» [Хайдеггер, 2016: 412], который и выдается за «цель и ценность» «гуманитарной подготовки в университете». Наука стала «веселой наукой», когда «плановность исследований служит оправданием «существования исследователя» [Хайдеггер, 2018: 17], а само исследование, «близкое к жизни», «делает человека «своим» в сущем» [Там же]. Эта «веселая наука» является политической в том смысле, что «близка к жизни», а «приоритетные направления исследований» определяются в связи с пресловутым «импактом», то есть «науки никогда не могут пройти через решения, да вовсе и не нуждаются в этом; решения всегда принимаются о них» [Хайдеггер, 2018: 149]. Современные науки, как никогда прежде, «поддерживаются и стимулируются бесконечными надеждами на все новые открытия; ибо и то, что уже открыто (особенно в «историографических» науках), может быть переоткрыто в ходе изменения «точек зрения», а более раннее может быть объявлено «ложным» [Там же: 462], причем важно, что «эти «точки зрения» никогда не исходят из самих наук – они всегда привносятся в них, – часто в такой форме, что исследователи полагают, будто они сами пришли к этому; отсюда детскость этих людей» [Там же], – это делает «либеральная повестка», каким образом, мы проиллюстрировали на примере рассуждений М. Нуссбаум.

Современный предпринимательский университет не только «достойное», но именно «свое» место для подобного знания и науки. Другое дело, что он мало похож на «прежний»: «Призывом к «науке, близкой к жизни» слепо проводят превращение университета в школу и тем самым разрушение всякого подлинного знания, удушение любого изначального и незатихающего стремления к познанию» [Хайдеггер, 2016: 206–207]. И, таким образом, «судорожные потуги (тем более публично) доказать, будто бы еще существует «университет», не только жалки, это еще можно было бы перенести, но они прежде всего направлены против хода эпохи и ее неудержимого напора развития» [Там же: 529]. Университетские преподаватели «не желают ни начала, ни конца, а прошлого, заслоненного от одного и от другого, и его увековечения. Они желают считаться соответствующими духу времени и вместе с тем притворяются, что в ужасе от «настоящего» «времени». Они не желают заняться осмыслением, но хотят «покоя»; «наука» нуждается в покое, чтобы двигаться. Тут все они единодушны в том же согласии и взаимной лжи, политически благонадежные и обращенные назад, в прошлое. Но эта ложь есть только бессилие памяти» [Там же: 553].

Хайдеггер, конечно, не относится к числу авторов, к которым принято сегодня обращаться за «доказательствами»; но точность его прогнозов, сделанных за пятьдесят лет до того, как Риддингс констатировал, что «университет в руинах», а предпринимательский университет входит в силу, пока наконец не стал *действительностью* в наше время, располагает к тому, чтобы просто прислушаться к сказанному.

ВЫВОДЫ

Все надлежащие выводы сделаны нами по ходу изложения; кратко подытожим сказанное. Предпринимательский университет нисколько не «отторгает» гуманитарное знание, гуманитарные науки и гуманитарную подготовку, – он лишь преобразует все это в соответствии со своим «потребностями»: гуманитарному знанию в университете по существу ничего не «угрожает», особенно если понимать его в горизонте либеральной традиции; но даже и без этого: гуманитарное знание, новоевропейские гуманитарные науки ничуть не меньше «практические», чем естественные, во всяком случае, после соответствующей «обработки», которая давно произошла. Сегодняшняя обработка является косметической, «сменой упаковки» в соответствии с текущей либеральной повесткой и не представляется чем-то «невыполнимым» или «противоестественным», – напротив, сама суть новоевропейского знания *предполагает* преобразования в соответствии с определенностью «идеи техники», предпринимательский университет озабочен лишь надлежащей «упаковкой», «придаванием товарного вида» и своевременной «доставкой потребителю». То, что «преподаватель классической филологии» или «философии» сопротивляется такому представлению своей деятельности и «упаковке» ее результатов в «продукты», исправимо: для этого есть «центральная фигура» современного университета – ее администратор, а в его распоряжении достаточно средств, чтобы произвести указанные действия максимально эффективно и, по возможности, «безболезненно» (всевозможные «рейтинги преподавателей», много-

образные «отчеты» и «самоотчеты» и прочее – формируют определенный «порядок самоописаний», его язык, который, по словам Коллини [Коллини, 2016], уже стал вполне привычным). Спорить, собственно, не о чем: «действительный вопрос» отсутствует и не может быть поставлен (не к чему «апеллировать», нет, «во имя чего» действовать, что отмечал, кстати, Иггтон [Иггтон, 2015]), – речь, таким образом, идет не о «существо», а о «статусе», причем, если верить Хайдеггеру, идет уже сто лет, – но это не имеет отношения к теме настоящего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи со всем сказанным, оправданным представляется вопрос: а в самом ли деле университет настолько изменился, действительно ли университет модерна и современный предпринимательский университет совершенства разделен «руинами» первого? Хайдеггер писал: «Перелом выглядит по историографическим меркам – в соответствии с происшествиями и мероприятиями, – как существенная перемена; по историческим меркам переломы – это, как правило, соединившееся из многих случайностей дальнейшее развитие в направлении, в котором находится и движется эпоха. Переломы не содержат решений, но стирают нерешенное в пользу отсутствия потребности в решении, представляющего как решительность» [Хайдеггер, 2020: 206], – то есть «рекомендует» не «волноваться понапрасну», но, как подобает европейцу и «культурному человеку» «получить удовольствие от переживания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
3. Алавердян А.Л., Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. «Культурная нация» и «университет культуры»: опыт интерпретации онтополитического основания единства // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 13–25.
4. Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
5. Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Современная культура как культурная политика: М. Хайдеггер о культуре как «феномене современности» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 464–470.
6. Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Странная «смерть университета»: опыт философской интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2021. № 4 (84). С. 21–26.
7. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
8. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
9. Гумбольдт В. Фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 3 (6). С. 28.
10. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
11. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 1. Введение в науку о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.

REFERENCES

1. Agamben J. Kingdom and glory. To the theological genealogy of economics and management. Moscow; St. Petersburg: Publishing House of the Gaidar Institute; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2018. 552 p.
2. Ankersmith F.R. Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 432 p.
3. Alaverdyan A.L., Binkovskaya L.N., Maltsev K.G. “Cultural nation” and “University of Culture”: The experience of interpreting the onto political basis of unity. *Society: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 6 (95). Pp. 13–25. (In Rus.)
4. Beck U. What is globalization. Moscow: Progress-Tradition, 2001. 304 p.
5. Binkovskaya L.N., Maltsev K.G. Modern culture as cultural policy: M. Heidegger on culture as a “phenomenon of modernity”. *Eurasian Legal Journal*. 2021. No. 3 (154). Pp. 464–470. (In Rus.)
6. Binkovskaya L.N., Maltsev K.G. The strange “death of the university”: The experience of philosophical interpretation. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2021. No. 4 (84). Pp. 21–26. (In Rus.)
7. Weber M. Basic sociological concepts. In: *Weber M. Selected works*. Moscow: Progress, 1990. Pp. 602–643.
8. Grinfeld L. Nationalism. Five paths to modernity. Moscow: PER SE, 2012. 528 p.
9. Humboldt V. Von. On the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin. *University Management: Practice and Analysis*. 1998. No. 3 (6). P. 28. (In Rus.)
10. Debor G. Performance society. Moscow: Logos, 2000. 184 p.
11. Diltey V. Collected works in 6 volumes. Vol. 1. Introduction to the sciences of the spirit. Moscow: House of Intellectual Books, 2000. 762 p.

12. Жданова И.В., Мальцев К.Г. «Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 5. С. 126–133.
13. Илтон Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. 2015. № 4. С. 19–26.
14. Кант И. Спор факультетов. Сочинения в 8-ми тт. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 57–136.
15. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2011. 240 с.
16. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 264 с.
17. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 160 с.
18. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020а. № 8 (147). С. 430–434.
19. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020b. № 3. С. 273–291.
20. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хьюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472–476.
21. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020а. Т. 10. № 5. С. 242–252.
22. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера. // Человек. Культура. Образование. 2020b. № 4 (38). С. 46–58.
23. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 182 с.
24. Ньюмен Дж.Г. Идея Университета. Минск: БГУ, 2006. 208 с.
25. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2010. 299 с.
26. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
27. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Практикс, 2011. 592 с.
28. Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012. 576 с.
29. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 350 с.
30. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Полиграфиздат, 2010. 588 с.
31. Хайдеггер Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
32. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
33. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
34. Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
35. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современно-парламентаризма / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016а. С. 93–170.
36. Шмитт К. Политическая теология / Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016б. С. 5–59.
37. Albrow M. The global age: State and society beyond modernity. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997. 265 p.
38. Appadurai A. Modernity at large. Cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota, 1996. 244 p.
39. Featherstone M. Localism, globalism and cultural. In: Global/local cultural production and the transnational imaginary. Durham, NC: Duke University Press, 1996. Pp. 46–77.
12. Zhdanova I.V., Maltsev K.G. “Self-justification of philosophy”: “Interdisciplinarity” as a way to “integrate” into the “disciplinary structure” of modern science. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2020. No. 5. Pp. 126–133. (In Rus.)
13. Eagleton T. The slow death of the University. *Council of Rectors*, 2015. No. 4. Pp. 19–26. (In Rus.)
14. Kant I. Dispute of faculties. In: Kant I. Essays in 8 volumes. Vol. 7. Moscow: Choro, 1994. Pp. 57–136.
15. Clark B.R. The creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2011. 240 p.
16. Collini S. Why are universities needed? Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 264 p.
17. Liotard J.-F. The state of postmodernity. Moscow; St. Petersburg: Institute of Experimental Sociology; Aleteya, 1998. 160 p.
18. Lomako L.L., Maltsev K.G. The Constructivist paradigm in the study of the nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks. *Eurasian Law Journal*. 2020a. No. 8 (147). Pp. 430–434. (In Rus.)
19. Lomako L.L., Maltsev K.G. Modernist and constructivist ways of conceptualizing the nation and nationalism: Comparative analysis. *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2020b. No. 3. Pp. 273–291. (In Rus.)
20. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Modern political philosophy and the “myth of the nation” by K. Hubner. *Eurasian Legal Journal*. 2020. No. 10 (149). Pp. 472–476. (In Rus.)
21. Maltsev K.G., Maltseva A.V. “Human capital” as a concept of biopolitics: The experience of philosophical interpretation. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2020a. Vol. 10. No. 5. Pp. 242–252. (In Rus.)
22. Maltsev K.G., Maltseva A.V. Digitalization and “digital fetishism”: Foresight in the existential-historical thinking of M. Heidegger. *Person. Culture. Education*. 2020b. No. 4 (38). Pp. 46–58. (In Rus.)
23. Nussbaum M. Not for profit: Why democracy needs humanities. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 2014. 182 p.
24. Newman J.G. The idea of a university. Minsk: BSU, 2006. 208 p.
25. Reading B. University in ruins. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2010. 299 p.
26. Rikert G. Boundaries of natural science education of concepts. St. Petersburg: Nauka, 1997. 532 p.
27. Ritzer J. McDonaldization of society 5. Moscow: Praxis, 2011. 592 p.
28. Urri J. Mobility. Moscow: Praxis, 2012. 576 p.
29. Fichte I.G. Speeches to the German nation. St. Petersburg: Nauka, 2009. 350 p.
30. Fukuyama F. The end of history and the last man. Moscow: ACT; Polygraphizdat, 2010. 588 p.
31. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka, 2001. 382 p.
32. Heidegger M. Reflections II–VI (Black notebooks 1931–1938). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2016. 584 p.
33. Heidegger M. Reflections VII–XI (Black notebooks 1938–1939). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. 528 p.
34. Heidegger M. Reflections XII–XV (Black notebooks 1939–1941). Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 344 p.
35. Schmitt K. The spiritual and historical state of modern parliamentarism. In: *Schmitt K. The concept of political*. St. Petersburg: Nauka, 2016a. Pp. 93–170.
36. Schmitt K. Political theology In: *Schmitt K. The concept of the political*. St. Petersburg: Nauka, 2016b. Pp. 5–59.
37. Albrow M. The global age: State and society beyond modernity. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997. 265 p.
38. Appadurai A. Modernity at large. Cultural dimensions of globalization. Minneapolis: University of Minnesota, 1996. 244 p.
39. Featherstone M. Localism, globalism and cultural. In: *Global/local cultural production and the transnational imaginary*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1996. Pp. 46–77.

Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г., Мальцева А.В.

40. *Frodeman R.* Philosophy dedisciplined // *Synthese*. 2013. Vol. 190. Pp. 1917–1936.
41. *Fuller S.* Deviant interdisciplinarity as philosophical practice: Prolegomena to deep intellectual history // *Synthese*. 2013. Vol. 190 (11). Pp. 1899–1916.
42. *Habermas J.* Theory of communicative action. Vol. 1: Reason and the rationalization of society. Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.
43. *Habermas J.* Theory of communicative action. Vol. 2: Life-world and system: A critique of functionalist reason. Transl. by T.A. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 463 p.
44. *Lasch C.* The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. New York: Norton, 1979. 296 p.
45. *O'Rourke M., Crowley S.J.* Philosophical intervention and cross-disciplinary science: The story of the Toolbox Project // *Synthese*. 2013. Vol. 190. Pp. 1937–1954.
46. *Robertson R.* Globalization: Social theory and global culture. London: SAGE Publication, 1992. 205 p.
47. *Rowls J.* Political liberalism. New York: Columbia University Press, 1996. 525 p.
48. *Klein J.T.* Interdisciplinarity: History, theory, and practice. Detroit: Wayne State University Press, 1990. 554 p.
49. *Rossini F.A., Porter A.L.* Frameworks for integrating interdisciplinary research // *Research Policy*. 1979. No. 8. Pp. 70–79.
40. *Frodeman R.* Philosophy dedisciplined. *Synthese*. 2013. Vol. 190. Pp. 1917–1936.
41. *Fuller S.* Deviant interdisciplinarity as philosophical practice: Prolegomena to deep intellectual history. *Synthese*. 2013. Vol. 190 (11). Pp. 1899–1916.
42. *Habermas J.* Theory of communicative action. Vol. 1: Reason and the rationalization of society. Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.
43. *Habermas J.* Theory of communicative action. Vol. 2: Life-world and system: A critique of functionalist reason. Transl. by T.A. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 463 p.
44. *Lasch C.* The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. New York: Norton, 1979. 296 p.
45. *O'Rourke M., Crowley S.J.* Philosophical intervention and cross-disciplinary science: The story of the Toolbox Project. *Synthese*. 2013. Vol. 190. Pp. 1937–1954.
46. *Robertson R.* Globalization: Social theory and global culture. London: SAGE Publication, 1992. 205 p.
47. *Rowls J.* Political liberalism. New York: Columbia University Press, 1996. 525 p.
48. *Klein J.T.* Interdisciplinarity: History, theory, and practice. Detroit: Wayne State University Press, 1990. 554 p.
49. *Rossini F.A., Porter A.L.* Frameworks for integrating interdisciplinary research. *Research Policy*. 1979. No. 8. Pp. 70–79.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 62,33%

Рецензент: Чижова Е.Н., доктор экономических наук, профессор; заведующая кафедрой теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

Статья поступила в редакцию 11.03.2022, принята к публикации 23.04.2022

The article was received on 11.03.2022, accepted for publication 23.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Биньковская Лариса Николаевна, старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. Белгород, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-2202-5447; E-mail: larisa.bankovskaya@yandex.ru

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор; профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. Белгород, Российская Федерация. Author ID: 913126; ORCID: 0000-0003-1398-6625; E-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук; доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. Белгород, Российская Федерация. Author ID: 1041682; ORCID: 0000-0002-7287-3113; E-mail: pavic69@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Larisa N. Binkovskaya, senior lecturer at the Department of Design of Architectural Environment of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. Belgorod, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2202-5447; E-mail: larisa.bankovskaya@yandex.ru

Konstantin G. Maltsev, Dr. Sci. (Philos.), Professor; Professor at the Department of Theory and Methodology of Science of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. Belgorod, Russian Federation. Author ID: 913126; ORCID: 0000-0003-1398-6625; E-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva, Cand. Sci. (Polit.); associate professor at the Department of Theory and Methodology of Science of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. Belgorod, Russian Federation. Author ID: 1041682; ORCID: 0000-0002-7287-3113; E-mail: pavic69@mail.ru

Актуальность и противоречия ценностного единства при информационном обеспечении Вооруженных Сил России

С.С. Горбачев ©

Военный университет Минобороны России,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: sergey_gorbachev@mail.ru

Аннотация. *Цель исследования.* В статье обосновывается актуальность ценностного единства при информационном обеспечении Вооруженных Сил России на основе онтологии ценностей. Раскрываются аксиологические противоречия в современном российском обществе, генеалогия данных противоречий и их типология. Показана историческая ориентация России на поиск и утверждение объективно сущих ценностей, раскрывается характер вызовов и угроз аксиологических симуляций и имитаций. **Выводы.** Конфликт ценностей возникает на внешнем уровне по отношению к России, на уровне ценностного противоречия элиты и народа, а также внутри Вооруженных Сил на понятийном уровне. Все это несет угрозу для успешного осуществления информационного обеспечения Вооруженных Сил России, а значит, для решения стоящих перед ними задач по защите государства и народа.

Ключевые слова: информационное обеспечение, связи с общественностью, public relations, PR, вооруженные силы, аксиология, ценностное единство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горбачев С.С. Актуальность и противоречия ценностного единства при информационном обеспечении Вооруженных Сил России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 178–183. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-178-183

Perspectives and Contradictions of Value Cohesion Within the Information Support System of the Russian Armed Forces

S.S. Gorbachev ©

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

E-mail: sergey_gorbachev@mail.ru

Abstract. *Aim of the study.* The study aims to establish the relevance of value cohesion within the information support system of the Russian Armed Forces using the ontology of values. The paper describes axiological contradictions in contemporary Russian society, as well as their origins and types. The study reveals that Russia historically focused on searching for and promoting intrinsic,

Горбачев С.С.

objectively real values. Moreover, it describes the challenges and threats posed by axiological simulations and imitations. **Conclusions.** The author concluded that the Russian Armed Forces experience a series of value clashes, stemming from external political influence, the contradictions between the values of elites and of the common people, as well as the lack of terminology consistency within the Armed Forces themselves. These clashes threaten the success of information support within the Russian Armed Forces, putting their duty to protect the state and its people in jeopardy.

Key words: information support, public relations, Armed Forces, axiology, value cohesion

FOR CITATION: Gorbachev S.S. Perspectives and Contradictions of Value Cohesion Within the Information Support System of the Russian Armed Forces. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 178–183. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-178-183

ВВЕДЕНИЕ

Начальный период проведения специальной военной операции на Украине вскрыл немало противоречий в информационной сфере России, связанных с отсутствием ценностного единства общества. Эти противоречия непосредственным образом сказались на информационном обеспечении Вооруженных Сил России.

Сегодня понятие «информационное обеспечение Вооруженных Сил России» во многом соотносится с такими понятиями, как «маркетинг», «связи с общественностью», public relations (PR). В той или иной степени эти понятия в том числе подразумевают под собой некое взаимодействие с обществом через средства массовой коммуникации (СМИ, социальные сети, мессенджеры, пр.). Однако, если «гражданские» дефиниции носят отчасти абстрактный характер, то понятие «информационное обеспечение Вооруженных Сил России», в силу сферы своего применения, является более конкретным.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И PR: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

В целях анализа данной проблемы достаточно привести дефиницию, используемую авторитетным в профессиональной среде Американским обществом по связям с общественностью (Public Relations Society of America, PRSA). Связи с общественностью, согласно определению PRSA, «являются стратегическим коммуникационным процессом, который строит взаимовыгодные отношения между организациями и их общественностью»¹. Данное определение, в котором присутствует «деятельность», но отсутствует (возможно, намеренно скрывается) результат этой деятельности, декларирующее некую «взаимовыгодность отношений», явно не соотносится с теми целями, которые преследуют все коммерческие организации, – извлечение прибыли. Для некоммерческих организаций такими целями PR является способствование их основной деятельности.

Определение понятия «информационное обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации» впервые было дано в приказе Министра обороны Российской Федерации 2005 г. № 555. В соответствии с ним

¹ Learn About Public Relations // PRSA [Официальный сайт]. URL: <https://www.prsa.org/prssa/about-prssa/learn-about-pr> (дата обращения: 01.03.2022).

«информационное обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации – это деятельность, направленная на реализацию государственной политики в области обороны, проводимая в целях создания благоприятных условий в информационной сфере, способствующих эффективному решению стоящих перед Вооруженными Силами задач» [10: 37].

Ключевым в этом определении является «деятельность в целях создания благоприятных условий в информационной сфере, способствующих эффективному решению задач».

ОТСУТСТВИЕ ЦЕННОСТНОГО ЕДИНСТВА КАК НЕГАТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Благоприятные условия в информационной сфере в случае проведения Вооруженными Силами России специальной военной операции, очевидно, подразумевают под собой преобладание повестки, поддерживающей и одобряющей деятельность военнослужащих. Дефицит такого преобладания внутри России призваны были компенсировать действия государства по срочному внесению 9 марта 2022 г. поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации. Он был дополнен ст. 207.3, предусматривающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. О наличии негативного информационного фона вокруг спецоперации говорят также шаги государства, приведшие в итоге к ликвидации, закрытию или смене редакционной политики ряда оппозиционных СМИ, придерживающихся либеральных ценностей (радиостанция и сетевое издание «Эхо Москвы», радиостанция «Серебряный дождь», телеканал «Дождь», др.).

Эта ситуация во многом обусловлена тем, что в языке политики представлены ценности разного уровня абстрактности и с разной степенью нормативности. Ценности наибольшего абстрактного уровня определяются как «надконституционные, как неформальные правила, выраженные в символическом общественном договоре»: индивидуальная свобода, частная собственность и конкуренция (у американцев); индивидуальная свобода, частная собственность, конкуренция, традиции (у англичан); свобода, равенство, братство (у французов). В отношении российских надконституционных ценностей отмечается, что они «пока не выявлены» [9: 69].

В ряде случаев критическая ценностная ситуация провоцирует на ускоренный и агрессивный выход из ее неопределенности. Создаются новые абстрактные ценности на основе социальной мифологии и инжиниринга. Иногда она воплощается волевым, насильственным способом. В этой ситуации, когда «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления» и «двоемыслия» [14: 11] или открытой конфронтации. Ярким примером в этом отношении является современная Украина, в которой сам феномен украинства является социокультурной технологией по принципу «разделяй и властвуй». Этот аспект украинства всесторонне исследован и раскрыт в коллективной монографии «Украинство – кем и зачем оно сконструировано» [16].

Современное же российское общество существует в ценностной неопределенности и противоречивости с момента развала Советского Союза. Сам развал СССР следует в некоторой степени рассматривать как выражение ценностного конфликта: элита взяла курс на вхождение в ареал «цивилизованных стран», при этом позиция народа была проигнорирована, он во многом остался привержен традиционным ценностям.

Это противоречие наиболее ярко за последние 30 лет проявило себя в контексте начального этапа специальной военной операции на Украине. Можно зафиксировать, что публично наблюдаемая позиция элиты и части обслуживающей ее творческой интеллигенции (в том числе представителей СМИ) говорит об их ориентации на либеральные ценности – структуры глобального управления и общество потребления. Эта часть социума прямо или косвенно отказалась поддерживать спецоперацию. При этом 71% населения, по данным ВЦИОМ на 5 марта 2022 г., поддерживало решение провести спецоперацию, а 84% – доверяло российской армии².

Данная тенденция почти 20 лет назад была детально показана А.С. Панариным в работе «Искушение глобализмом» [11]. Он же показал, что искушение глобализмом приводит к тому, что народ оказывается без элиты [12]: современная российская элита, впитавшая в себя идеи глобализма и либерализма, утратила связь с народом и стала антагонистической субстанцией по отношению к русскому социуму, государству и истории. Это одно из фундаментальных противоречий современной России в аксиологической сфере. И это противоречие объективно ставит вопрос о необходимости формирования новой элиты, которая будет органическим выразителем, носителем органических традиционных духовно-нравственных ценностей России. В.В. Путин квалифицировал этот процесс как «национализацию элит».

Наличие такого противоречия фиксируется и конфликтом, возникшим между двумя интеллектуальными группами при публичном обсуждении в начале 2022 г. проекта Указа Президента России «Об утверждении Основ государственной политики по сохра-

нению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³. Документ под давлением либеральных СМИ и части элиты, зачастую распространявших не соответствующую содержанию документа информацию, был отправлен на доработку. В очередной раз обозначились два лагеря: либерал-глобалистов и национал-традиционалистов. Для первых Россия – средство производства, а ценностным ориентиром реально или символически выступает Запад (некоторые современные авторы выводят в этом контексте феномен Лондонграда⁴). Для национал-традиционалистов же Россия оценивается как единственное и самодостаточное пространство существования.

Выводы А.С. Панарина оказались подтвержденными со стороны субъектов современной доминирующей англосаксонской модели глобализации. В 2015 г. вышел доклад «Русский вызов» организации «Chatham House» – Королевского института международных отношений. В своих оценках этого доклада С.Э. Кургинян утверждает: «Важно, что в докладе «Русский вызов» и Путин, и поддержавшее его российское большинство выступают в роли абсолютных врагов некоего благого начала, каковым для Четем-хауса, безусловно, является западный мир»⁵.

Еще в сентябре 2012 г. кандидат в президенты США Митт Ромни ввел в оборот понятие «ценностный конфликт» и назвал Россию «главным геополитическим врагом» по причине непримиримости России с ценностями Запада: «Конфликт ценностей не останавливает взаимодействие между странами, если оно в их интересах (это может быть коммерческое взаимодействие, ответ на общую угрозу, культурные связи или взаимоотношения между людьми); однако формат стратегического партнерства с посткоммунистической Россией в понимании Западной Европы и Соединенных Штатов подразумевал согласие по широкому спектру ценностей» [1: 9]. И так, сам Запад в лице своих интеллектуальных центров заявил, что Россия и Запад – это разные ценностно-цивилизационные системы.

Указанный «конфликт ценностей» следует определить как внешний по отношению к России. При этом Запад при реализации этого конфликта в своих интересах опирается на существующий внутри России ценностный конфликт элиты и части общества, непосредственно ее обслуживающей, с народом.

Ценностная неопределенность позволяет внешним акторам реализовывать и продвигать свои геополитические, цивилизационные и глобализационные интересы и проекты. Крушение СССР спровоцировало

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проект Указа Президента Российской Федерации. Доступ из Федерального портала проектов нормативных правовых актов Источник: <https://regulation.gov.ru/projects#search=Основы%20государственной%20политики%20по%20сохранению%20и%20укреплению%20традиционных%20российских%20духовно-нравственных%20ценностей-&npr=123967>

⁴ Холлингсворт М., Лэнгли С. Лондонград. Из России с наличными. История олигархов из первых рук. М.: Астрель, АСТ, Харвест, Кладезь, 2010. 416 с.

⁵ Кургинян С.Э. «Русский вызов» или «русский ответ»? // Украинство – кем и зачем оно сконструировано: коллективная монография / под ред. С.Е. Кургиняна. М.: МОФ ЭТЦ, 2017. С. 14.

² Армия и общество на фоне специальной военной операции // ВЦИОМ [Официальный сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 01.03.2022).

Горбачев С.С.

продвижение НАТО на Восток непосредственно к границам Российской Федерации. Уже ряд бывших советских республик стали членами НАТО, а вопрос возможного членства Грузии и Украины стал критическим во внешней политике нашей страны. При этом ценностные противоречия внутри Русской цивилизации ангlosаксами использовались для формирования антиславянского [3], антисоветского [2] и антирусского [4] /антироссийского [7; 17] проектов, тесно взаимосвязанных между собой и переходящих друг в друга или идущих на смену друг другу. Таким проектом была и Украина до 24 февраля 2022 г., которую президент России В.В. Путин в своих публичных выступлениях неоднократно называл «антироссией»⁶.

По всей видимости, комплексное понимание руководством России этих процессов, фиксация формируемых ими угроз во многом и привели к проведению специальной операции на Украине. Об этом говорит тот факт, что в своем обращении в день начала операции Президент России В.В. Путин особое внимание уделил именно ценностному противостоянию с Западом: «До последнего времени не прекращались попытки использовать нас в своих интересах, разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри, те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека», – заявил глава государства⁷.

Как показывает мировая и отечественная история, аксиологическая неопределенность и существующие ценностные противоречия без их разрешения и выхода к ценностному единству создают проблемы в решении всего спектра безопасности общества и государства.

Например, мировоззренческий и ценностный кризис привел к распаду Древней Греции, а ее восстановление было связано с формированием новой ценностной системы на основе философии как новой духовно-интеллектуальной практики. Ценностный кризис предельно выражен тотальным скептицизмом, субъективизмом и агностицизмом софистики, представители которой отрицали объективность знания и акцент делали на тотальном сомнении и субъективизме. Это вело с неизбежностью к противопоставлению всех и вся, к тотальной гражданской войне и ослаблению перед внешними угрозами. Философия стала ответом на эти вызовы и угрозы, провозгласив тезис и представив практику постижения объективно сущих ценностей и смыслов [6]. Квинтэссенцией стал платонизм и его установка на постижение объективно сущих смыслов и ценностей посредством их непосредственного созерцания – феории (θεωρία).

Феория есть сила, онтологическая энергия, возводящая человека к горнему миру [13: 275]. Феория и ее опыт, т.е. опыт непосредственного созерцания Абсолютной Идеи-Логоса, является гносеологическим, а самое главное, и онтологическим основанием органического единства, цельности и единомыслия человека,

⁶ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов // Президент России [Официальный сайт, события, 22.02.2022]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67838> (дата обращения: 10.03.2022).

⁷ Там же.

общества и государства⁸. Философом может стать тот, в ком есть эта познавательная способность и духовное качество – феория. Она же – неотъемлемая характеристика стражей справедливого полиса: посредством феории страж опытным путем постигает объективность идеи справедливости и этим опытом преодолевает соблазн софистики и удерживается от произвола и волюнтаризма. В христианстве эта модель получит свое дальнейшее развитие, укрепившись практикой молитвы – непосредственного диалога с Творцом всего сущего и опыта непосредственного богопознания. На этом принципе базируется практика воинского служения на Руси и «Наука побеждать» А.В. Суворова [5].

Символом объективных смыслов и ценностей универсального характера в «Слове о полку Игореве» является выражение «...звонячи в прадедную славу» [15: 260–262]. Ю.М. Лотман раскрыл смысловое значение данного выражения. Он показал, что «прадедняя слава» – это вечно существующая и единственно реальная «первая слава», воспроизведение которой осуществляется подобно звону в колокол. Подобно тому, как в циклическом времени мифа события непрестанно повторяют исконный порядок вечного Цикла и – одновременно – для того, чтобы каждое событие, единственно предусмотренное в Порядке, осуществилось, требуется магическое вмешательство ритуала, которое его реализует, – для того, чтобы вечный колокол прадедовской славы зазвенел, необходимы героические дела внуков» [8: 108].

Однако князья решают похитить эту «первую славу», чтобы вместо Творца славить себя»: «Но сказали вы “Помужествуем сами: преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами поделим”. Но не диво ли, братия, старику помолодеть!... Но вот мне беда – княжеская непокорность, вспять времена повернули...» [15: 263]. На вопрос, почему это стало возможным, автор «Слова...» отвечает: «Затихала борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: “Это мое, и то мое же”. И стали князья про малое “это великое” молвить и сами себе беды ковать, а поганы со всех сторон приходили с победами на землю Русскую» и «гибло достояние Дажь-Божиих внуков, в княжеских распрях век людской сокращался» [15: 259].

Автор «Слова...» фактически указывает, что в результате междоусобных действий Игоря и Святослава пробуждается Зло [Там же]. Княжеская и боярская вольница на Руси породила феодальную раздробленность и ослабление перед лицом внешней агрессии. Схожая ситуация повторится в Смутное время, при распаде Российской империи, крушении Советского Союза. Может повториться и сейчас.

В условиях продолжающейся ценностной неопределенности – по-прежнему актуальным остается единство России и обеспечение военной безопасности страны. Отсюда и актуальность ценностного единства при информационном обеспечении Вооруженных Сил России, которое, как было отмечено, осуществляется в общей и для элиты, и для народа информационной сфере. Выполнение своего долга и присяги требует от воина внутренней убежденности в праведности своего долга.

⁸ Собственно для греков проблемы противопоставления государства и общества не существовало и то и другое мыслилось единым и выражалось одним понятием «полис».

Ценностное противоречие элиты и народа существенным образом сказывается и на информационной сфере, а значит, и на мотивации военнослужащих, являющихся частью российского общества.

Российские военнослужащие, в том числе высший командный состав, в принципе не ориентированы на западные ценности. В армии и на флоте нашей страны придерживаются идеалов служения, тогда как в военных структурах Европы и США ставка в большей степени делается на наемничество, на личный интерес и выгоду.

Служение и наемничество во многом соотносятся с типами войн, которые на протяжении истории ведут Россия и Запад. Наши Армия и Флот принимают участие исключительно в справедливых войнах, предполагающих отражение неспровоцированной агрессии в защиту своего Отечества, независимости государства, свободы народа (также к справедливым войнам относятся национально-освободительные движения). Страны же Запада, как правило, ведут несправедливые войны, предполагающие захват чужой территории, навязывание своей воли другим государствам, народам, нациям и установление своего политического господства, порабощения и уничтожения определенных народов или с другими агрессивными или реакционными целями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Giles K., Hanson Ph., Lyne R. et al. The Russian challenge.
2. Апрышко П.П. и др. Коммунизм. Антикоммунизм. Русофобия. М.: Мир философии; Алгоритм, 2019. 495 с.
3. Зайцев Е.К. Управление антиславянизмом (школа для славянина). Т. I. Кн. 1. Зарождение антиславянизма. Научно-историческое исследование. М: ООО «Издательство МБА», 2017. 520 с.
4. Конрадов А. Антидот: опыт критики антирусской мифологии. М.: Книжный мир, 2018. 608 с.
5. Курочко М.М. Духовно-религиозные основы «Науки побеждать» А.В. Суворова и их актуальность для современности // Военное наследие А.В. Суворова и его современное значение: сборник материалов межвузовской научной конференции / под общ. ред. В.М. Шевцова. М.: ВУ, 2016. С. 60–67.
6. Курочко М.М. Сущность философии и ее роль в истории и современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 14–22.
7. Лисичкин В.А. АнтиРоссия: крупнейшие операции Запада XX века. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011. 224 с.
8. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. 480 с.
9. Мухарямов Н.М. О символических началах в языке политики (Прагматический аспект) // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН; ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; отв. ред. О.Ю. Малинова. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 54–74.
10. Организация информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. Р.Х. Цаликова, Н.А. Панкова, И.Е. Коначенкова. М.: Редакционно-издательский центр Министерства обороны Российской Федерации, 2018. 392 с.
11. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
12. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 352 с.
13. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. 336 с.

После развала СССР в ходе создания современных Вооруженных Сил вместе с ориентацией элит на западные ценности элементы наемничества были на понятийном и организационном уровне внесены и в среду российских военнослужащих. Примером этому может служить такое понятие, как служба по контракту, которое полностью соответствует наемничеству. Однако на идейном и во многом на символическом уровнях Вооруженные Силы России остались полностью ориентированы на традиционные ценности. Такого рода внутренние противоречия создают дополнительные сложности для информационного обеспечения деятельности Вооруженных Сил России.

ВЫВОД И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, конфликт ценностей возникает на внешнем уровне по отношению к России, на уровне ценностного противоречия элиты и народа, а также внутри Вооруженных Сил на понятийном уровне. Все это несет угрозу для успешного осуществления информационного обеспечения Вооруженных Сил России, а значит, для решения стоящих перед ними задач по защите государства и народа.

REFERENCES

1. Giles K., Hanson Ph., Lyne R. et al. The Russian challenge.
2. Apryshko P.P. et al. Communism. Anti-Communism. Russophobia / Moscow: World of Philosophy, Algorithm, 2019. P. 495
3. Zaitsev E.K. Managing Anti-Slavic sentiments (Lessons for a Slav). Vol. 1. Book 1. The Birth of Anti-Slavic Sentiments. Scientific and Historical Study. Moscow: MBA Publishing House LLP, 2017. P. 520.
4. Konradov A. Antidote: Experience in critiquing Anti-Russian mythology. Moscow: Book World, 2018. P. 608.
5. Kurochko M.M. Spiritual and religious foundations of “The Science of Winning” by A.V. Suvorov and their relevance in the present day. In: Military heritage of A.V. Suvorov and its modern significance: Proceedings of an Interuniversity Scientific Conference. V.M. Shevtsov (ed.), Moscow: Military University, 2016. Pp. 60–67.
6. Kurochko M.M. The Essence of Philosophy and its Role in History and the Modern World // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. No. 2, 2017. Pp. 14–22.
7. Lisichkin V.A. Anti-Russia: West’s greatest operations of the XX century. Moscow: Eksmo; Algorithm, 2011. P. 224.
8. Lotman Yu.M. Selected articles. In 3 vols. Tallinn, 1993. Vol. 3. P. 480.
9. Mukharyamov N.M. On the symbolic foundations in the language of politics (pragmatic aspect). In: Symbolic politics. Collection of studies. Russian Academy of Sciences; Institute of Scientific Information on Social Sciences; Centre for Academic Research and Informational Studies on Science; Department of Political Science. O.Yu. Malinova (ed.-in-chief). Issue 1: Engineered images of the past as a power asset. Moscow, 2012. Pp. 54–74.
10. Information support organisation for the Armed Forces of the Russian Federation: Training manual. R.H. Tsalikova, N.A. Pankova, I.E. Konashenkova (eds.). Moscow: Publishing Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2018. P. 392.
11. Panarin A.S. The temptation of globalism. Moscow: Eksmo Publishing House, 2003. P. 416.
12. Panarin A.S. People without elites. Moscow: Algorithm Publishing House; Eksmo Publishing House, 2006. P. 352.
13. Reale G., Antiseri D. Il pensiero occidentale dalle origini ad oggi (Western philosophy from origins to the present day). Vol. 1. Antiquity. St. Petersburg: TK Petropolis LLP, 1994. P. 336.

Горбачев С.С.

14. Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН; ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; отв. ред. О.Ю. Малинова. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. 334 с.
15. Слово о полку Игореве. // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 254–267.
16. Украинство – кем и зачем оно сконструировано: колл. монография / под ред. С.Е. Кургиняна. М.: МОФ ЭТЦ, 2017. 672 с.
17. Цыганков А. Русофобия: антироссийское лобби в США / [пер. с англ. А.А. Калинина. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
14. Symbolic politics. Collection of studies. Russian Academy of Sciences; Institute of Scientific Information on Social Sciences; Centre for Academic Research and Informational Studies on Science; Department of Political Science. O.Yu. Malinova (ed.-in-chief). Issue 1: Engineered images of the past as a power asset. Moscow, 2012. P. 334.
15. The tale of Igor's campaign. In: Library literature of Ancient Rus'. In 20 vols. St. Petersburg: Nauka, 1997. Vol. 4. Pp. 254–267.
16. Ukrainianness – who engineered it and why: A collective monograph. S.E. Kurginyan (ed.). Moscow: MOF ETC, 2017. P. 672.
17. Tsygankov A. Russophobia: The Anti-Russian lobby. Moscow: Eksmo, 2015. P. 448.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 71,7%

Р е ц е н з е н т: *Горбачев А.И.*, кандидат философских наук, профессор; Военный университет Минобороны России

Статья поступила в редакцию 24.02.2022, принята к публикации 06.04.2022

The article was received on 24.02.2022, accepted for publication 06.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбачев Сергей Сергеевич, соискатель ученой степени кандидата философских наук, преподаватель Военного университета Министерства обороны России. Москва, Российская Федерация. E-mail: sergey_gorbachev@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Gorbachev, applicant for a Cand. Sci. (Philos.), lecturer at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation. E-mail: sergey_gorbachev@mail.ru

Формирование различий «свое-чужое» в вопросе «оправославливания» западных окраин Российской империи в XIX веке

Н.М. Маркова ©

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация

E-mail: natmarkova@list.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса отношения русской богословской и философской мысли к проблеме русификации западных окраин Российской империи в XIX в. Западный край после присоединения Польши стал ареной противостояния католической и православной вер. Этническая, национальная и религиозная дифференциация на западных окраинах формировалась так, что под «католиками» понимались поляки, а под «православными» русские, независимо от реальной этнической, национальной и конфессиональной принадлежности. Представляя собою сильного конкурента по отношению к официальной православной церкви, именуемой «первенствующей и господствующей» в Российской империи, «терпимая» католическая церковь рассматривалась государственной властью, православной церковью, а также философской и богословской мыслью часто как «чужая», «чуждая» и враждебная сила. Ставя задачу сохранения и распространения влияния православной веры на западных окраинах государства Российского, русские религиозные мыслители видели решение проблемы в русификации Западного края. Под русификацией ими в первую очередь понималось «оправославливание» католического населения, в частности белорусов и литовцев, при «ославянивании» польского населения западных окраин России.

Ключевые слова: русификация, «оправославливание», «ославянивание», Западный край, католичество, православие

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФИ, проект №20-511-00008 Бел_а.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Маркова Н.М. Формирование различий «свое-чужое» в вопросе «оправославливания» западных окраин Российской империи в XIX веке // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 184–189.
DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-184-189

Creating of Distinctions “Our-Foreign” in the Issue of “Orthodoxification” of the Western Outskirts of the Russian Empire in the XIX Century

N.M. Markova ©

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (VLSU),
Vladimir, Russian Federation

E-mail: natmarkova@list.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the attitude of Russian theological and philosophical thought to the problem of Russification of the western outskirts of the Russian Empire in the 19th century. After the annexation of Poland, the western region became an arena of confrontation between the Catholic and Orthodox faiths. Ethnic, national and religious differentiation in the western outskirts was formed in such a way that Poles were understood as Catholics, and Russians were understood as Orthodox, regardless of the real ethnic, national and confessional affiliation. Representing a strong competitor in relation to the official Orthodox Church, referred to as “primary and dominant” in the Russian Empire, the “tolerant” Catholic Church was considered by the state authorities, the Orthodox Church, as well as philosophical and theological thought, often as “foreign”, “alien” and hostile strength. Setting the task of preserving and spreading the influence of the Orthodox faith in the western outskirts of the Russian state, Russian religious thinkers saw the solution to the problem in the Russification of the Western Territory. By Russification, they primarily understood the “orthodoxification” of the Catholic population, in particular Belarusians and Lithuanians, while the “slavification” of the Polish population of the western outskirts of Russia.

Key words: Russification, “Orthodoxification”, “Slavification”, Western territory, Catholicism, Orthodoxy

Acknowledgments. The research is supported by a grant of Russian Foundation for Basic Research, project №20-511-00008 Bel_a.

FOR CITATION: Markova N.M. Creating of Distinctions “Our-Foreign” in the Issue of “Orthodoxification” of the Western Outskirts of the Russian Empire in the XIX Century. *Sociopolitical Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 184–189. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-2-184-189

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос русификации окраин Российской империи наиболее остро возникает в XIX в. в контексте «польских восстаний» и формирования особой политики на «оправославление» т.н. «инородческого» населения, проживающего на окраинах государства. В первую очередь это стремление было направлено на т.н. «иноверцев», населяющих западные окраины Российской империи. Западные народы, в частности северо-западные, были представлены в основном белорусами и литовцами, столетиями проживавшими в тесном соседстве и оказывавшими друг на друга языковое, вероисповедное, культурно-просветительское влияние, а при необходимости и объединявшихся перед угрозой внешней опасности. Северо-западные народы на тот период времени были, как тогда выражались, «ополячены», то есть исповедовали католичество, которое в официальной публицистической, богословской и философской литературе могло порой именоваться «латинством».

Под «латинством» на рубеже XIX–XX вв. понимались не только догматические и иерархические особенности римско-католического вероисповедания,

но и вся совокупность нравственных понятий и бытовых отношений «обусловленных римско-католическим воззрением на отношение отдельных лиц к церкви, на веру, благодать и духовный процесс оправдания» [11: 9]. Таким образом, такое «латинство» пронизывало всю жизнь человека, поскольку, как отмечал известный славянофил Ю.Ф. Самарин, вера значительно шире и глубже охватывает внутреннюю, духовную жизнь человека, нежели политико-экономические убеждения [Там же: 11]. Он полагал, что вера сильнее всего воздействует на сознание, формирует мировоззренческую позицию человека, способствуя формированию представлений о себе самом, окружающем мире и отношении личности с этим миром. Сформированные с помощью веры жизненные установки переходят в бытовую часть жизни человека, превращаются в нравственные ценности и устои бытия, сопровождая его на протяжении всей жизни.

Католичество, будучи христианской религией и отличаясь многовековой и успешной миссионерской деятельностью по всему миру, на западных окраинах государства Российского воспринималось как довольно сильный и опасный конкурент для официальной синодальной церкви как веры Православной Кафолической

Восточного исповедания [9: 5]. Будучи «терпимой» религией, то есть второстепенной по отношению к православной церкви, являющейся первенствующей и господствующей «верой» в России в тот период времени, католичество воспринималось как вера «польская» или «панская» [3: 171]. Как отмечает А.Ю. Бендин, связь католичества с польской элитой в западном крае Российской империи придавала этому вероисповеданию особое социально престижное положение по отношению к православию, представленному бедным крестьянством, когда на этих территориях «по своему высокому социальному статусу "терпимая" Римско-католическая церковь фактически выступала в роли господствующей по отношению к местному православию» [Там же]. Таким образом, католичество могло рассматриваться государственной властью и православной церковью как влиятельная религия, порой воспринимаемая как враждебная и оппозиционная официальному православию, которая стремилась склонить в свою веру местное православное население, когда, как отмечают исследователи, «католицизм избрал для себя арену западные русские области, проникся здесь полонизмом, открыл непримиримую вражду против православия» [2: 4].

МЕЖДУ ВЕРОЙ И ОТЕЧЕСТВОМ – СВОЕ/ЧУЖОЕ

Как писал русский церковный историк Г.Я. Киприанович, «внешнею характеристическою особенностью России, как государства, является самодержавие, а внутреннею духовною чертою, как народа – православная вера» [5: 183]. Исходя из этих особенностей и черт должно, по мнению российской государственной власти и согласных с ней православных публицистов, формироваться отношение государства ко всем неправославным исповеданиям, находящимся на территории Российского государства, включая, в частности, и католичество. Последнее могло пользоваться в Российском государстве свободой только в тех пределах, в которых оно в лице папы Римского не посягало на права самодержавной власти и своей пропагандой не наносило вреда господствующей православной церкви. Однако, будучи «чуждой» верой для государственной элиты, католичество, тем не менее, являлось «своим» для большей части населения северо-западных окраин России (3 195 759 последователей в конце XIX в.) [Там же]. Будучи терпимой религией в центральной части Российской империи и «своею» для населения северо-западных ее окраинах, католичество порой рассматривалось как посягающая на интересы православия вера, поэтому оно обычно не могло рассчитывать на поддержку со стороны государственной власти и православной церкви. Сохранение и укрепление позиций православия сочеталось с мерами ограждения населения северо-западных окраин от влияния католической церкви, часто представляясь первоочередными задачами на данных территориях в конце XIX – начале XX в., поскольку, как тогда писали церковные публицисты, «предоставлять католичеству свободу большую значит для России то же, что отказать от себя самой, от своего исторического прошлого и пожертвовать своею духовною самостоятельностью» [5: 183–184].

В этой связи отстаивание приоритетных интересов православия по отношению к католичеству виделось одной из основных задач со стороны православных философов и церковных авторов, не разделявших понятия «отечество» и «православие». Как отмечал епископ Дмитрий (Сперовский) «любовь к отечеству узаконяется и Священным Писанием, а потому, конечно, вполне согласна с христианским учением о любви к ближнему» [4: 195]. Он ссылаясь на Ветхий Завет, согласно которому Бог, обращаясь через пророка Моисея к еврейскому народу, заповедовал ему любить в первую очередь народ еврейский и воздерживаться от общения с иноплемениками и иноверцами [Там же]. В таком контексте, хотя каждый человек и каждый народ стремится в вечное небесное отечество, однако здесь на земле нам дано временное земное назначение – земное отечество. Нет необходимости особо обосновывать причины любви к своей родине, своему отечеству, но при этом, по мнению епископа Дмитрия (Сперовского) существуют крайности, вредящие истинной любви к земному отечеству. С одной стороны, это оголтелый узконациональный, фанатичный патриотизм, исключающий контакты со всем иноземным, не допускающий ничего иностранного, самобытного. Отказ от иностранных, «не своих» влияний и взаимоотношений приводит к полному политическому разложению, и в целом «узко-национальный, эгоистический патриотизм вреден для народов и государств» [4: 197]. Другая крайность по отношению к своему отечеству – это чрезмерная любовь ко всему «чуждому» иностранному, презрение «своего», отечественного, национального. В этом случае любовь к отечеству может исчезнуть в корне, когда расточается все доброе и полезное, чем обладает человек, принося его в жертву чужим целям и идеалам. Избавится от такой зависимости от всего чуждого, иноземного крайне сложно, поскольку даже если человеку или народу удастся справиться с этой зависимостью, то поскольку придется заново учиться любить свое отечество, понимая, что свое является родным в качестве «своего» по рождению.

Чувство любви к отечеству по мнению владыки Дмитрия, складывается из различных привязанностей, одной из которых является отечественная вера. Для русского народа такой отечественной верой является православие, т.е. «Православная вера есть душа нашего народа, св. Церковь есть его мать, учительница и воспитательница» [Там же: 199]. Более того, как утверждал священник Н. Шиманский, превосходство русского народа над всеми остальными народами заключалось именно в его причастности к православию [10: 254]. Сила и мощь государства, таким образом, по его убеждению, заключается в верности вере православной, когда, как полагал епископ Дмитрий, враги государства и веры православной, к которым он причислял немцев, поляков и другие этнические общности, осознавая это, всеми силами стремились отвлечь православный народ от его истинной веры, от церкви православной, распространяя «душевредные ереси и расколы, растлевающие народные нравы» [10: 254].

Согласно древнему церковному вероучению христианину заповедано любить всех людей, независимо от их национальной, этнической и конфессиональной принадлежности. Христианство заповедует любить

Маркова Н.М.

каждого ближнего своего, то есть, как ближнего «своего», так и ближнего «другого», даже ближнего «чужого», поскольку «заповедует любить не только иноземцев, но и даже и врагов наших; оно повелевает нам делать добро всем людям без различия звания, состояния, нации и народности» [1: 173]. Возникла проблема того, как соотнести с точки зрения православных публицистов и богословов заповеданную людям любовь к ближнему и стремление к «оправославлению» окраинных народностей, в первую очередь католического населения. Любовь к иноземному, иноверному, «чужому» предполагает принятие в определенной степени иных традиций и их особенностей. Для этого, как утверждает священник, публиковавшийся под псевдонимом А.Е., «нужно непременно отказаться от всех особенностей своей национальности и полюбить без разбору все иноземное» [Там же: 174]. Это, однако, в силу ограниченности человеческой природы, невозможно, поскольку люди не смогут полюбить всех без ограничений, без различия национальных особенностей. Это – своего рода цель, к которой должен стремиться человек, но достигнуть которую удастся не всем, поэтому, следуя Слову Божьему, человек должен полюбить в первую очередь своих родителей, родственников и близких в том или ином отношении людей.

ОТНОШЕНИЕ К РУСИФИКАЦИИ, «ОПРАВОСЛАВЛИВАНИЮ» И «ОСЛАВЯНИВАНИЮ» В ЗАПАДНОМ КРАЕ

К.Н. Леонтьев полагал, что для спасения души человека, не важно будь то православный или представитель иной конфессии, «земной руссизм» [6] не нужен, более того, национальность вступает в явный антагонизм с религией, поскольку, по мнению этого мыслителя, истинно верующий человек не может колебаться в выборе между верой и отчизной. Выбор в данном случае очевиден – это вера: «вера должна взять верх, и отчизна должна быть принесена в жертву, уже по тому одному, что всякое государство земное есть явление преходящее, а душа моя и душа ближнего вечны» [Там же]. В этой связи распространение православия на окраины Российской империи, слияние государства со всем окружающим его миром как на западе, так и на востоке лишит Россию «всякого резонного права на дальнейшее обособленное историческое существование» [Там же].

Однако, по мнению этого философа, русификация окраин Российского государства принесет ему большей вред, нежели чем сохранение самобытных национально-конфессиональных особенностей этого края. Для государства российского и для православия «своеобычные» окраины, «упрямое иновечество» полезнее, чем «оправославление» всех народов. Дело в том, что все иноверцы, и в частности католики, по утверждению К.Н. Леонтьева, достаточно крепки, настойчивы и упрямы в своей вере, что идет на пользу не только Европе, но и России в первую очередь. Крепость охранительных начал своей веры у инородцев заключается в том, что они, как правило, были завоеваны или другим способом присоединены к России. Однако примирение происходит только на почве взаимных и «немыслимых религиозных уступок», которые предполагают индиф-

ферентизм, то есть общее свободолюбие. Индифферентизм в свою очередь только усилит либеральные начала в обществе, повлечет за собой претензии русифицированных, оправославленных народов на местные особые права, что в свою очередь может привести к всеобщему нигилизму. Таким образом, католичество, будучи главной опорой «полонизма», по мнению К.Н. Леонтьева, выступает одним из лучших орудий против общего индифферентизма и безбожия [Там же].

С другой стороны, те уступки, на которые шла государственная власть по отношению к католической церкви в западном крае, только усилили там ее влияние. Как отмечал М.Н. Катков, покровительство католицизму со стороны российского правительства как религии, которую исповедовала в империи только небольшая часть подданных, привело к формированию среди населения западного края ложно направленного религиозного чувства. Признавая ту силу, которой обладала католическая церковь в целом, М.Н. Катков указывал на проявление этой силы в виде формирования польской национальности, польского национального чувства, когда римско-католическая церковь на западных окраинах государства превратилась в польский патриотизм: «Во времена Польши западный край тяготел к России, и был более русским, чем стал после под русским владычеством» [11: 223]. Все это привело к тому, что польский патриотизм и преданность религии стали опорой для католичества на западных окраинах Российской империи и русский народ, проживавший в основном в Литве и Белоруссии, своим пассивным сопротивлением и индифферентизмом был не в состоянии исправить ситуацию, поскольку «полонизм и католицизм опираются в Западно-Русском крае не на правительственную власть, не на мощь государственную, – а на нравственные силы Польского общества, на его патриотизм и преданность религии, на его убежденность и готовность жертвовать состоянием и жизнью за успех своих помыслов» [Там же: 319].

Русский богослов Д.В. Скрынченко утверждал, что с включением в состав России новых территорий, она оказывается перед опасностью потери своей национальной черты, опасностью смешения с остальными народами, опасностью раствориться в других народностях [8: 643]. Другими словами, сливаясь с «чужим», растворяясь в «чужом» русская народность, которой присуще православие, потеряет свое «своеобразие», став для себя «чужой». Наибольшую опасность в этом смысле, по его мнению, представляют именно окраинные территории, поскольку проживающее там православное население всегда представляло собой авангард, стоящий на защите национальных и конфессиональных особенностей большей части населения российского. В этой связи основной упор должен делаться исключительно на православие, которое должно стать привлекательным для иных конфессий, поскольку, по словам этого богослова, «православие никогда не проповедовало религиозной нетерпимости, гонений, злобы к другим религиям; в православии никогда не было той исключительности, которой был проникнут католицизм...» [Там же]. Таким образом, основной задачей, стоящей перед государством, церковью, синодальными богословами и всем народом, виделось сохранение господствующих позиций и влияния православной веры,

охрана ее от посягательств иных верований, независимо с какой стороны происходит это посягательство, ради сохранения духовной самобытности России, поскольку «только полная духовная самобытность спасла Россию среди этого коловорота религиозных и политических порывов на востоке и на западе» [2: 4].

О необходимости русификации западных окраин говорил и известный русский религиозный философ В.В. Розанов. Русификация должна касаться, по мнению этого мыслителя, именно польского населения и Польши, а также населения Белоруссии и Литвы, находящегося под сильным влиянием Польши. На территории Белоруссии и Литвы русификация понималась как противостояние давлению со стороны польской аристократии и католической церкви «на издревле русские или издревле обрусевшие края, Белоруссию и Литву» [7]. Как отмечал Розанов, территории Белоруссии и Литвы гораздо ближе России, не только географически, но и по существу они «ближе к сердцу России» [Там же]. Поляки, в отличие от белорусов и литовцев, чужды русскому народу, чужды не столько политически, сколько духовно. Он объяснял такую чуждость тем, что поляки по своему происхождению не славяне, а кельты, заселившие славянские территории, окруженные славянами и итоге ославянившиеся. Но, заимствовав славянский язык, обычаи и нравы славянских народов, они сохранили свою психологию, «древнюю кровь и зависимую от нее психику, вовсе не славянскую» [Там же]. Славянский характер остался, по мнению этого философа, чужд полякам, поскольку эта чуждость и враждебность была направлена не только на Россию, но и на все славянские народы. Другими словами, поляки, по его мнению, являются одиночками в славянском мире, поскольку по духу они ближе с западным католическим миром, с которым, однако, никогда не смогут слиться.

В отношении католической церкви, по утверждению В.В. Розанова православие всегда осуществляло отпор натискам католичества [Там же]. Православие отличается веротерпимостью до тех пор, пока иная вера, в частности католичество, не затрагивают его жизненных интересов, не вступает на его территорию. Единственное, что, с его точки зрения, могут сделать поляки для решения противоречивой проблемы отношений с Россией – «как можно более славяниться! Вот разрешение польского вопроса – в славянстве!» [Там же]. При этом русификация или «ославянивание» может проходить естественным путем, через смешанные браки, при которых с каждым новым поколением все

больше теряется связь со всем польским. По мнению Розанова, как только поляки начнут ощущать себя славянами, идентифицировать себя с славянским миром, престанут тянуться к Парижу и Ватикану, тогда и решится «польский вопрос», тогда их история, язык и литература перестанут быть чуждыми для славянского мира, а сами поляки станут «своими», что позволит разрешить вопрос о политике в отношении западных окраин государства Российского, где «славянская кровь выживет около немецкой; но одна польская – не выживет» [Там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русификация западных окраин России, являлась одной из важнейших проблем в XIX в., была направлена на все этнические группы, населявшие данные территории, «но только по отношению к доминировавшему польско-католическому меньшинству русификация рассматривалась как своего рода административно-правовая, экономическая, социальная, религиозная и культурная реконкиста, которая должна была повернуть вспять польско-католическую экспансию, достигшую своего пика к 1863 г.» [3: 179]. Предлагался ряд проектов «русификации» рядом авторов, понимая под ней как «оправославливание» католического населения, в первую очередь белорусов и литовцев, так и «ославянивание» польского населения западных окраин России. Зачастую эти процессы совпадали. Как отметил А.Ю. Бендин, польская идентичность католических прихожан противопоставлялась русской идентичности православных, поскольку, например, католиков белорусов воспринимали как поляков, и наоборот, православные белорусы идентифицировались как русские. Другими словами, современные этнические различия тогда описывались как конфессиональные, при этом католики считались «поляками», а православные «русскими». Обратной стороной этих процессов было то, что представители католического сообщества воспринимались как серьезная опасность элитами государственной власти и православной церкви в миссионерской, пропагандистской и образовательной деятельности, заставляя их, в свою очередь, занимать оборонительные позиции на территории западного края Российской империи. Именно католическая церковь рассматривалась источником и причиной «полонизации» славянских народов на окраинных территориях России.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Е. Слово в день восшествия на престол благочестивейшего государя императора Николая Александровича // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Владимир Даль, 2021.
2. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза».
3. Бендин А.Ю. К вопросу о формировании этнической идентичности белорусов в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 2.
4. Дмитрий (Сперовский). О любви к отечеству // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Владимир Даль, 2021.

REFERENCES

1. A.E. Word on the day of the accession to the throne of the most pious sovereign, Emperor Nikolai Alexandrovich. In: Orthodox Church and Russian nationalism (second half of the 19th – beginning of the 20th century). St. Petersburg: Vladimir Dal, 2021.
2. Arseniev K.K. Freedom of conscience and religious tolerance. St. Petersburg: Printing House of the Partnership "Public Benefit".
3. Bendin A.Yu. On the issue of the formation of the ethnic identity of Belarusians in the Russian Empire (the second half of the 19th – early 20th centuries). *Problems of National Strategy*. 2012. No. 2. (In Rus.)
4. Dmitry (Sperovsky). About love for the fatherland. In: Orthodox Church and Russian nationalism (second half of the 19th – beginning of the 20th century). St. Petersburg: Vladimir Dal, 2021.

Маркова Н.М.

5. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. Вильна, 1899.
6. Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_1882_pravoslavie_v_polshe.shtml
7. Розанов В.В. Белоруссия, литовцы и Польша в окраинном вопросе России. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_belorussia_litva_i_polsha.html
8. Скрынченко Д.В. О национализме // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Владимир Даль, 2021.
9. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.В. Канцелярии, 1857.
10. Шиманский Н. Русский национальный вопрос // Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Владимир Даль, 2021.
11. Шолкович С.В. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1885.
5. Kiprianovich G.Ya. Historical sketch of Orthodoxy, Catholicism and the union in Belarus and Lithuania from ancient times to the present. Vilna, 1899.
6. Leontiev K.N. Orthodoxy and Catholicism in Poland. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_1882_pravoslavie_v_polshe.shtml
7. Rozanov V.V. Belarus, Lithuanians and Poland in the outlying issue of Russia. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_belorussia_litva_i_polsha.html
8. Skrynchenko D.V. About nationalism. In: Orthodox Church and Russian nationalism (second half of the 19th – beginning of the 20th century). St. Petersburg: Vladimir Dal, 2021.
9. Charters of spiritual affairs of foreign confessions. In: Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Typ. Second Branch Own E.V. Office, 1857.
10. Shimansky N. Russian national question. In: Orthodox Church and Russian nationalism (second half of the 19th – beginning of the 20th century). St. Petersburg: Vladimir Dal, 2021.
11. Sholkovich S.V. Collection of articles explaining the Polish case in relation to Western Russia. Vilna: Printing House A.G. Syrkinina, 1885.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 80,53%

Р е ц е н з е н т: Аринин Е.И., доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Статья поступила в редакцию 10.03.2022, принята к публикации 12.04.2022

The article was received on 10.03.2022, accepted for publication 12.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Наталья Михайловна, кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Владимир, Российская Федерация. Author ID: 871492; Scopus ID: 57209426026; E-mail: natmarkova@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia M. Markova, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; associate professor at the Department of Philosophy and Religious Studies of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (VLSU). Vladimir, Russian Federation. Author ID: 871492; Scopus ID: 57209426026; E-mail: natmarkova@list.ru

Правила рецензирования авторских экземпляров статей, поступающих в издательский дом «Юр-ВАК» (в редакцию журнала «Социально-политические науки»). Права и обязанности авторов. Требования к публикациям. Порядок предоставления материалов на публикацию

О ЖУРНАЛЕ

Журнал входит в «Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Решение Президиума ВАК Минобрнауки России по следующим специальностям:

- 5.5.0 – Политические науки**
- 5.7.0 – Философские науки**
- 5.4.0 – Социологические науки**
- 12.00.00 – Юридические науки**

Журнал востребован как в Российской Федерации, так и за рубежом, о чем свидетельствует география подписки на журнал. Журнал зарегистрирован в следующих базах данных: научная электронная библиотека E-LIBRARY.RU, ULRICHS WEB/GLOBAL SERIALS DIRECTORY, EAST VIEW, ИВИС, ЭБС (издательство «ЛАНЬ»). Также статьи журнала представлены в открытом доступе для обеспечения максимального цитирования в Google-Scholar, OCLC The world's libraries Connected, EBSCO Research Databases, RePEc, OpenAire, BASE Bielefeld Academic Search Engine.

Каждый выпуск журнала содержит не менее 250 стр., и включает не менее 50 научных статей от аспирантов до маститых докторов наук. Подписаться на журнал можно:

1. По каталогу агентства Почта России: индекс ПП613 «Социально-политические науки». <https://podpiska.pochta.ru/>
2. Альтернативная подписка и курьерская доставка – Агентство «Урал-Пресс». Телефон в Москве: 8 (495) 789-86-36.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

Публикация статей в журнале осуществляется при условии заключения Автором лицензионного договора, условия и порядок заключения которого изложены в публичной оферте. Статьи и подписанный договор оферты следует направлять в электронном виде в Редакцию по E-mail: urvak@urvak.ru Телефон редакции: +7 (495) 932-47-09, +7(916)577-94-06

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), и соблюдает Кодекс этики научных публикаций Некоммерческого партнерства «Комитет по этике научных публикаций».

Рукописи принимаются лишь при условии, что в настоящее время они не рассматриваются для публикации в другом издании, не размещались в Интернете и не были опубликованы ранее, ответственность за достоверность этой информации несет автор.

Авторы гарантируют, что их рукописи являются оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.

Авторы должны уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.

Авторы должны четко указать все источники, используемые в их тексте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статьях, цитат, юридических документов, а также не должны наносить урон чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц.

Авторы должны сообщать о любых ошибках, которые они обнаружат в своей рукописи после публикации.

КОМПЛЕКТНОСТЬ РУКОПИСИ

1. В начале статьи указывается номер специальности (обязательно).
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Фамилия, имя, отчество (полностью) автора, должность, ученое звание, ученая степень, место работы (все данные об авторах приводятся на русском и английском языках), электронный адрес, телефон.
4. Аннотация на русском языке и английском языках.

Аннотация должна быть **четко структурированной** и отражать следующие аспекты содержания статьи (не более 100 слов в каждом разделе):

Задача – причины/цели написания исследовательской работы. Обязательны ссылки на иностранных авторов, работающих над исследуемой задачей.

Модель – методология (как это было выполнено / область исследования).

Выводы – обсуждение/результаты.

Рамки исследования/возможность последующего использования результатов научной работы (если применимо) – исключения/следующие шаги

Практическое значение (если применимо) – применение на практике/что дальше?

[NEW] Социальные последствия (если применимо) – влияние на общество/политику

Оригинальность/ценность – кто сможет извлечь пользу из этой работы и что в ней нового? Для кого предназначена работа.

5. 4–6 ключевых слов на русском и английском языках (до 100 знаков с пробелами). Используйте релевантные и известные ключевые слова. Ключевые слова должны отражать суть работы, научную новизну.
6. Текст статьи в редакторе Word.
7. Список используемых литературных источников в едином формате, установленном ГОСТ Р 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.82–2001; фамилии авторов в алфавитном порядке. Количество цитируемых публикаций не должно превышать 15 источников.
8. Заполненная публичная оферта Издательства, размещенная на сайте: <http://www.urvak.ru/upload/oferta-rus.pdf>
9. Отчет системы **Антиплагиат** www.antiplagiat.ru в расширенной версии в формате pdf и текстом проверяемой статьи.
 - Рекомендуемая версия программы – система Антиплагиат.Вуз (модули поиска: Интернет (Антиплагиат), **Коллекция eLIBRARY.ru**, Диссертации и авторефераты РГБ, Университетская библиотека онлайн, Модуль поиска переводных заимствований, Модуль поиска ЭБС «Лань», Модуль поиска ЭБС «Айбукс», Кольцо вузов, Модуль поиска ЭБС БиблиоРоссика, Цитирования).
 - Если воспользоваться бесплатной версией программы Антиплагиат, установленной в ВУЗе, невозможно, то принимается отчет программы www.antiplagiat.ru в платной версии с модулями проверки: Интернет (Антиплагиат), **Коллекция eLIBRARY.ru**, Диссертации и авторефераты РГБ.
 - Статьи рассматриваются с показателем оригинальности от 80%.
10. Объем публикуемых материалов **неограничен**, шрифт 14, интервал 1,5.
11. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.
12. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном варианте по электронной почте на адрес редакции urvak@urvak.ru или непосредственно на электронном носителе, так и в печатном виде.

Библиографические ссылки к статьям авторы оформляют по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». В библиографических ссылках используют сокращения отдельных слов и словосочетаний по ГОСТ 7.11–2004 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках» и ГОСТ 7.12–93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила».

Рекомендуем авторам использовать Гарвардский стиль (*Harvard Style – именная – временная система (name-date system)*): после цитируемой фразы или ссылки на мнение автора в скобках указываются фамилия автора цитируемой работы и год ее публикации, а в списке литературы источники даются в алфавитном порядке) с тем, чтобы информация корректнее отображалась в международных базах данных.

Все журналы Издательского дома «Юр-ВАК» предоставляются в полнотекстовом виде в базе ведущего мирового агрегатора научной периодики EBSCO Pub-lishing на платформе EBSCOhost.

Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках – указываются **фамилия автора** (без инициалов), **год**. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, указывают номер страницы: [Иванов, 2010: 60]

В списке литературы:

Иванов И.И. Название статьи // Название журнала. год. Т. номер тома. № номер. С. страницы.

Если ссылка содержит сведения о нескольких работах, они разделяются знаком точка с запятой:

[Иванов, Сидоров, Латышев, Год; Петров, Год]

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Издательский дом «Юр-ВАК» осуществляет обязательное двойное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журналов, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей.

Срок рецензирования – **20 рабочих дней**.

Все статьи проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержательным требованиям и требованиям к оформлению библиографических ссылок;
- заявленным научным направлениям журналов;
- проверяются системой Антиплагиат в полной платной версии на сайте www.antiplagiat.ru, данные об оригинальности статей печатаются в журналах после текста работы;
- к публикации принимаются тексты, оригинальность которых составляет не менее 80%.

Если в ходе обязательной независимой редакционной проверки будут обнаружены факты некорректного обхода системы проверки Антиплагиат, в публикации будет отказано.

После успешного прохождения первичного отбора статьи направляются **на обязательное внешнее рецензирование**. Рецензенту направляется для рассмотрения статья автора и отчет программы Антиплагиат www.antiplagiat.ru.

Решение о публикации или отклонении поступающих в журнал материалов принимается редакционной коллегией в соответствии с положением о рецензировании. Подробные правила рецензирования изложены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» <http://www.urvak.ru/review/>

В своем отзыве на статью рецензент:

- 1) оценивает соответствие статьи тематике журнала;
- 2) проводит оценку уровня научной работы представленной рукописи;
- 3) оригинальные результаты / выводы, полученные в работе;
- 4) наличие ошибочных утверждений;
- 5) отсутствие заимствований;

- 6) актуальность и значимость представленной статьи;
- 7) наличие ссылок на работы других авторов, в том числе и зарубежных исследователей, работающих по данной тематике;
- 8) определяет качество оформления работы;
- 9) соответствие заглавия и аннотации основному содержанию работы;
- 10) наличие сформулированной во введении цели работы;
- 11) адекватность и обоснованность основных выводов работы;
- 12) требуются ли орфографические правки в тексте;
- 13) дает одно из следующих заключений по работе в целом:
 - статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-ВАК»;

- статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-ВАК» после доработки текста автором;
- статью необходимо качественно переработать и рассмотреть вопрос о ее публикации после нового рецензирования.

Отрицательная рецензия оформляется на отдельной странице для отправки авторам с подписью рецензента и главного редактора.

Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция не выплачивает авторам денежные вознаграждения за предоставленные для публикации материалы